

Введение

Ни пяди ни врагу, ни другу!
Н.М. Карамзин

Как и большинство других районов Земли, Бессарабия – так с XIX века называлась территория, расположенная между Днестром, Прутом, Дунаем и Черным морем, – в своей истории пережила немало крутых перемен. Сменяя друг друга, там жили киммерийцы, скифы, сарматы, геты, кельты и карпы, южная часть края некоторое время входила в состав Римской империи, здесь находилось государство готов, прошли гунны, кочевали болгары, авары, венгры, печенеги и половцы, вдоль рек расселялись славяне. Междуречье Прута и Днестра входило в состав Киевской Руси, его северная часть – в Галицко–Волынское княжество. С XIII в. эти районы принадлежали Золотой Орде, а затем, во второй половине 40–х гг. XIV в., попали в вассальную зависимость от Венгрии.

Постепенно между Карпатами и Днестром сложилось Молдавское княжество, включавшее и северную часть Бессарабии, которое в 1359–1365 гг. освободилось от венгерской зависимости. По мере ослабления Золотой Орды южные районы прутско–днестровского междуречья с начала XV в. вошли в состав княжества, которое с 1387 г. стало вассалом Польши. Лишь устье Дуная с расположенным здесь портом Килией оставалось ареной ожесточенной борьбы между Генуей и Венецией, а затем – между Молдавией и Валахией. В 1465 г. молдавский господарь Стефан III Великий окончательно закрепился в Килии. Тем временем усиление Османской империи привело к тому, что с 1456 г. Молдавское княжество стало ее данником. Причем зависимость постепенно усиливалась, а попытка освободиться от турецкой дани, предпринятая в 1473–1478 гг., не удалась. В ходе начавшейся войны примыкающая к Черному морю часть междуречья Прута и Днестра (Буджак) с Килией и Аккерманом в 1484 г. была присоединена к турецким владениям. С 1478 г. Молдавское княжество возобновило выплату дани Османской империи, а с 1501 г. стало ее вассалом, сохранив внутреннюю автономию. Позднее, в конце XVI – начале XVII в., отдельные районы Бессарабии с центрами в Тигине (Бендерах), Измаиле, Рени и Хотине были присоединены к Османской империи, став своеобразными форпостами турецкого владычества в регионе.

Связи Молдавского княжества с Россией носили в основном церковный и изредка династический характер (в частности, сын Ивана III был женат на дочери Стефана III Великого). Лишь в середине XVII в. с воссоединением Украины с Россией молдавские господа решили использовать контакты с Москвой для освобождения от Османской империи. В феврале 1654 г. в Россию был направлен посол с просьбой о принятии Молдавии в русское подданство. Русское правительство поддержало эту идею, начались переговоры об условиях, на которых княжество было готово войти в состав России. Однако Русско–польская и Русско–шведская войны не позволили реализовать эти планы. В 1674 г. Молдавия вновь просила Россию о помощи в освобождении от османского господства и вступлении в российское подданство. В тогдашней международной ситуации Москва заняла осторожную позицию, хотя и обещала определенную военную помощь. Новые обращения в Москву последовали в 1684 и 1698 гг.

Тем временем Россия все более втягивалась в борьбу с Османской империей за выход к Черному морю, что

способствовало сохранению прорусской ориентации молдавской элиты. В 1711 г. Петр I предложил молдавскому господарю Д. Кантемиру «Диплом и пункты», согласно которым Молдавское княжество принималось в российское подданство, а престол господарей закреплялся за родом Кантемира. Однако неудача Прутского похода не позволила реализовать это соглашение, а Молдавское княжество фактически лишилось автономии. Последующие Русско–турецкие войны 1735–1739 и 1769–1774 гг. велись в том числе и на территории Молдавии, усиливая русское влияние в Карпато–Дунайском регионе. В это же время на Балканах усиливалось влияние Австрийской империи, ревниво следившей за успехами русских войск на Дунае и оказывавшей дипломатическую поддержку Османской империи. Поэтому, когда в 1770 г. Молдавия вновь обратилась в Санкт–Петербург с просьбой об установлении русского протектората над княжеством, России пришлось ограничиться обещанием покровительства Дунайским княжествам, которое было закреплено в Кючук–Кайнарджийском русско–турецком мирном договоре 1774 г. Соответственно молдавская элита продолжала предлагать Санкт–Петербургу принять Молдавию в российское подданство с сохранением определенной автономии.

В мае 1775 г. Австрийская империя добилась от Стамбула передачи ей за нейтралитет в прошедшей Русско–турецкой войне северо–западной части Молдавского княжества – Буковины. В 1779 г. в Дунайских княжествах были созданы русские генеральные консульства, наблюдавшие за выполнением Османской империей взятых на себя обязательств в отношении этих территорий. Постепенно русской дипломатии удалось добиться формализации автономии княжеств и ее расширения. По итогам Русско–турецкой войны 1787–1791 гг. Россия получила левобережье нижнего течения Днестра и стала непосредственным соседом Молдавского княжества, элита которого не переставала обращаться в Санкт–Петербург с просьбами о помощи и покровительстве. Новая Русско–турецкая война 1806–1812 гг. обострила вопрос о судьбе Дунайских княжеств, занятых русскими войсками. Местные власти вновь просили принять их в российское подданство. 30 сентября (12 октября) 1808 г. Александр I добился от Наполеона I письменного согласия на присоединение этих территорий к России. Однако начавшиеся с 1809 г. русско–турецкие переговоры о мире показали, что Стамбул не спешит соглашаться с тем, что «княжества Молдавия и Валахия вместе с Бессарабией присоединяются на вечные времена к империи Всероссийской, так что отныне впредь река Дунай пребудет границей между империею Всероссийской и Портой Оттоманскою».

Ухудшение русско–французских отношений требовало прекращения войны с Османской империей. Победа русской армии под Слободзеей оживила переговоры, тем более что Россия решила умерить свои требования «одною Молдавиею с Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затруднены уступкою всего княжества, то довольствоваться определением границы по реке Серет, продолжающую по Дунаю до впадения его в Черное море». Но все же Стамбул отказался от соглашения. Тогда 22 марта (3 апреля) 1812 г. Александр I уведомил командующего русскими войсками на Дунае генерала от инфантерии М.И. Кутузова о возможности в самом крайнем случае «заключить мир, положи Прут, по впадении оного в Дунай, границею». В итоге 16 (28) мая 1812 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, согласно которому в состав России входило междуречье Прута и Днестра до Килийского устья Дуная. До того центральная и северная части Бессарабии входили в состав вассального Молдавского княжества, а южные районы с городами Бендеры, Аккерман, Измаил, Каушаны были владениями Османской империи.

В 1813 г. в Бессарабии было создано областное правительство с участием местных бояр и русских чиновников. 17 (29) апреля 1818 г. был издан «Устав образования Бессарабской области», согласно которому при назначаемом Санкт–Петербургом полномочном наместнике учреждался Верховный совет, обладавший высшей административной и судебной властью. Областные и местные органы власти по–прежнему находились в руках молдавских бояр. 17 (29) февраля 1928 г. «Устав» был отменен и Бессарабия вошла в состав Новороссийского генерал–губернаторства. Тем временем согласно Аккерманской русско–турецкой конвенции от 25 сентября (7 октября) 1826 г. внутренняя автономия Дунайских княжеств была восстановлена, а после Русско–турецкой войны 1828–1829 гг. по Адрианопольскому мирному договору еще больше расширена, в частности из них были выведены турецкие войска. Одновременно к России была присоединена дельта Дуная. До 1834 г. Молдавия и Валахия оставались занятыми русскими войсками и управлялись генерал–губернатором П.Д. Киселевым, чья деятельность была направлена на сближение княжеств между собой и проведение некоторых реформ управления.

Вновь вопрос о принадлежности территорий в устье Дуная встал во время Крымской войны 1853–1856 гг., в ходе которой на стороне Османской империи против России выступили Англия, Франция и Сардинское королевство. Согласно Парижскому мирному договору 1856 г. Россия уступала Османской империи дельту Дуная и Южную Бессарабию, которая в административном плане включалась в состав вассального Молдавского княжества, не являвшегося в то время субъектом международного права. Согласно договору русский протекторат над Дунайскими княжествами был заменен коллективным протекторатом 7 держав (Англия, Франция, Австрия, Россия, Пруссия, Османская империя и Сардиния) и подтверждалась их автономия в составе Османской империи. В 1859–1861 гг. на основе объединения Валахского и Молдавского княжеств возникло новое государство – Объединенные княжества Молдавия и Валахия, которое с 1862 г. приняло название Румыния, – также находившееся в вассальной зависимости от Османской империи.

В условиях нового обострения обстановки на Балканах и Русско–турецкой войны 1877–1878 гг. возник вопрос о возвращении России Южной Бессарабии. Согласно прелиминарному Сан–Стефанскому договору от 19 февраля (3 марта) 1878 г. в обмен на возврат России Южной Бессарабии Румыния, чья независимость признавалась

Османской империей, получала Северную Добруджу с Констанцей. Однако румынское правительство заявило, что не признает акт, «заключенный без нас, против нас и к нашему ущербу». Соответственно, пытаясь сохранить Южную Бессарабию и получить Северную Добруджу, Бухарест обратился к великим европейским державам, но конкретных обещаний добиться не удалось. В итоге Берлинский конгресс (1 (13) июня – 1 (13) июля 1878 г.) признал независимость Румынии при условии, что она примет санкционированные конгрессом территориальные изменения (Южная Бессарабия менялась на Северную Добруджу, при этом дельта Дуная оставалась за Румынией) и обеспечит равноправие всех населявших ее народов и религиозных конфессий¹.

Признание независимости Румынии со стороны великих европейских держав растянулось до 1880 г., когда она была признана Германией, Англией и Францией, добивавшихся экономических уступок с ее стороны. 14 марта 1881 г. Румыния стала королевством, а на следующий год начала пропагандировать среди населения австро-венгерской Трансильвании идею единения румын в одном государстве. Недовольство Бухареста Францией и Россией привело его к ориентации на Германию, которая смогла примирить Австро-Венгрию и Румынию. В итоге 18 (30) октября 1883 г. в Вене был подписан тайный румынско-австро-венгерский союзный договор сроком на 5 лет с возможной автоматической пролонгацией на 3 года. В тот же день к этому договору присоединилась Германия, а 3 (15) мая 1888 г. – Италия. Фактически речь шла о союзе против России, в случае разгрома которой Румыния должна была получить Бессарабию².

Постепенно идея создания «Великой Румынии» путем присоединения территорий Южной Добруджи от Болгарии, Трансильвании и Буковины от Австро-Венгрии и Бессарабии от России стала главной целью румынской внешней политики. В условиях раскола Европы на два военно-политических блока Бухарест заигрывал то с одним, то с другим. Новый кризис на Балканах позволил Румынии реализовать часть своих территориальных притязаний. В ходе Первой Балканской войны (9 октября 1912 г. – 30 мая 1913 г.) Греция, Черногория, Сербия и Болгария отвоевали почти все европейские владения Османской империи, но раздел между победителями завоеванных территорий привел ко Второй Балканской войне (29 июня – 10 августа 1913 г.), в ходе которой Черногория, Сербия, Греция и Османская империя воевали против Болгарии. В этих условиях Румыния потребовала от Болгарии за свой нейтралитет в Первой Балканской войне Южную Добруджу и 10 июля начала против нее военные действия. Один корпус занял территорию Южной Добруджи, а главные силы румынской армии стали практически беспрепятственно наступать на Софию. Уже 29 июля Болгария прекратила сопротивление, и по подписанному 10 августа Бухарестскому договору Румыния закрепила за собой Южную Добруджу. В итоге всех этих событий отношения Румынии со странами Тройственного союза охладели и началось сближение со странами Антанты.

В преддверии и в начале Первой мировой войны страны Тройственного союза предлагали румынскому руководству за участие в войне на их стороне Бессарабию, а страны Антанты – Трансильванию, Банат и часть Буковины. Однако Румыния не торопилась со вступлением в войну, довольствуясь прибылями от активизировавшейся в условиях войны внешней торговли. По мере затягивания войны противоборствующие группировки продолжали борьбу за вовлечение румынского государства в войну на их стороне. К лету 1916 г. стало ясно, что страны Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Османская империя) вряд ли смогут выиграть войну, кроме того, успехи русских войск на Восточном фронте создавали впечатление скорого выигрыша войны Антантой. В этих условиях Бухарест добился от стран Антанты согласия на присоединение к Румынии после победы в войне южной части Буковины до р. Прут, всей Трансильвании до р. Тисса, всего Баната до р. Дунай и сохранения Южной Добруджи. На этих условиях 4 (17) августа 1916 г. было подписано соглашение о присоединении Румынии к Антанте.

В антантовских штабах рассматривалось два основных варианта использования румынской территории в стратегических целях. Первый предусматривал встречный удар из Добруджи и от Салоник с целью вывода из войны Болгарии, а затем Османской империи. Второй вариант исходил из возможности движения через Трансильванию в центральные районы Австро-Венгрии. Это требовало сосредоточения на юге значительной группировки русских войск, которые могли бы по территории Румынии обойти укрепленные полосы австро-германских войск. Как ни странно, оба эти варианта по настоянию англо-французского руководства были отклонены, и Румынии предоставили возможность в одиночку атаковать Австро-Венгрию, лишь в Добруджу был введен небольшой корпус русских войск.

14 (27) августа 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии, а на следующий день румынские войска перешли в наступление в Трансильвании, которое продолжалось до 13 (26) сентября. За это время командование Четверного союза смогло перебросить против Румынии войска с других театров военных действий и перейти в наступление как в Трансильвании, так и с территории Болгарии. Уже к 14 (27) октября была занята большая часть Добруджи. Тем временем в Трансильвании австро-германские войска все успешнее теснили румынские армии и к 10 (23) ноября вышли на фронт Рымник–Слатина–Каракал. 21 ноября (4 декабря) австро-германские войска заняли Бухарест и, наступая вниз по Дунаю, к концу года вышли на линию Фокшаны – устье Дуная. Русское командование было вынуждено, спасая союзника, перебросить в Румынию 35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий, что составляло свыше 1/3 соединений действующей армии. Таким образом, вступление Румынии в войну лишь ухудшило обстановку на Восточном фронте, удлинив его почти на 500 км³.

* * *

Общая динамика русско-румынских отношений в конце XIX – начале XX века определялась прежде всего

различным статусом обоих государств на международной арене. Российская империя являлась великой державой, а Румыния – одной из балканских стран, чье влияние на международную ситуацию ощущалось лишь на региональном уровне. Понятно, что в этих условиях территориальные устремления румынской элиты в отношении России оставались в лучшем случае беспочвенными мечтаниями. Однако в условиях начавшейся в феврале 1917 г. революции и распада Российской империи эти притязания вдруг оказались вполне достижимыми. О том, как удалось Румынии оккупировать и аннексировать Бессарабию, какие последствия это имело для советско–румынских отношений межвоенного периода и как был решен бессарабский вопрос летом 1940 г., и рассказывает эта книга.

В определенном отношении бессарабский вопрос носил уникальный характер, поскольку эта территория была единственной из всех утраченных на западе Российской империи земель, отторжение которой никогда не признавалось советским правительством. Кроме того, румынская интервенция 1918 г. была не только самой первой, но и самой долгой интервенцией в истории Советского государства. Поэтому советская историография, посвященная советско–румынским отношениям межвоенного двадцатилетия, могла гораздо более свободно и четко говорить о реальных интересах Советского Союза в бессарабском вопросе. Освобождение от румынской оккупации территории Бессарабии всегда признавалось основной целью Москвы. Однако, поскольку бессарабский вопрос носил все же локальный характер и не мог оказать решающего влияния на советскую внешнюю политику в целом, в отечественной историографии внешней политики СССР сложилась довольно оригинальная картина. Если все прочие государства в своей международной политике руководствовались собственными интересами, то Советский Союз занимался лишь тем, что демонстрировал свое миролюбие и боролся за мир. В принципе, конечно, признавалось, что у СССР также есть собственные интересы, но обычно о них говорилось столь невнятно, что понять побудительные мотивы советской внешней политики было практически невозможно.

Однако отказ от такого идеологизированного подхода делает советскую внешнюю политику столь же понятной, как и политику любой другой страны. Рассмотрение международной ситуации в рамках историко–политологического анализа развития систем международных отношений показывает, что советское руководство в начале 1920–х гг. столкнулось со сложной, но довольно традиционной проблемой. В годы Революции и Гражданской войны Советская Россия утратила завоеванные Российской империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе страна оказалась отброшенной на 200 лет в прошлое. В этих условиях советское руководство могло либо согласиться с региональным статусом СССР, либо вновь начать борьбу за возвращение в клуб великих держав. Сделав выбор в пользу второй альтернативы, советское руководство взяло на вооружение концепцию «мировой революции», совмещавшую новую идеологию и традиционные задачи внешней политики по усилению влияния страны в мире. Стратегической целью внешней политики страны стало глобальное переустройство системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников.

Конечно, на фоне столь серьезных внешнеполитических целей проблема территориального размежевания с Румынией имела сугубо подчиненное значение. Однако следует помнить, что бессарабский вопрос оказывал заметное влияние на отношения Советского Союза со странами Восточной и Юго–Восточной Европы. Это же, в свою очередь, оказывало определенное влияние и на взаимоотношения Москвы с великими державами. В советской исторической литературе бессарабский вопрос исследовался преимущественно в дипломатическом аспекте, военным же событиям, за исключением румынской оккупации края в начале 1918 г., уделялось несравнимо меньшее внимание⁴. Ныне, когда историк не связан обязательными идеологическими догмами и стали доступны многие архивные документы, имеется возможность более всесторонне исследовать эту проблему, показать, как советские дипломатические шаги подкреплялись военными мерами в 1919 г. и особенно летом 1940 г. Поэтому одной из целей данного исследования является более подробное и систематическое описание бессарабской кампании Красной армии 1940 г. на основе доступных архивных документов.

Эта проблема сохраняет актуальность еще и потому, что в румынской историографии существует обязательное единомыслие по вопросам отношений Румынии с Российской империей и СССР. В наиболее общем виде румынская версия изложена в интервью президента Румынии И. Илиеску: «В восприятии румын укоренился образ России как оккупанта. Ведь Румыния имела несчастье находиться на перекрестке интересов трех империй – Османской, Австрийской и потом Российской. Все они пытались оккупировать румынские провинции. В 1812 году Россия отрывает от Молдовы половину ее территории и превращает ее в российскую губернию – Бессарабию. Тем не менее, румыны участвовали в антиосманской войне 1877 года, в которой и Россия воевала за нашу независимость от Турции. Правда, в знак признательности Россия вновь оккупировала территорию, которую Румыния получила после Крымской войны (три уезда на юге Бессарабии). Потом был 1940 год и пакт Риббентропа–Молотова, по которому СССР опять занимает румынскую территорию, причем не только Бессарабию, но и север Буковины, который никогда не принадлежал России или СССР... Все это осталось в памяти румын. Но сейчас мы не выдвигаем ни к кому территориальных претензий. Мы выступали и выступаем за развитие отношений и с Республикой Молдова, и с Украиной. А с Россией мы должны отложить в сторону все обиды, включая недовольство русских и украинцев участием румынской армии в войне на стороне Германии»⁵. Как правило, для обоснования этой трогательной версии румынские авторы всячески фальсифицируют реальные исторические события.

В последние годы в российской литературе идет переоценка многих событий межвоенной истории XX века. В том числе этот процесс затронул и изучение советско–румынских отношений. Однако, к сожалению, нередко здесь основным мотивом служит не желание углубить наши знания о том периоде, а лишь стремление к огульному очернению советской внешней политики. Для этого, как правило, используются абстрактные моральные оценки, без учета конкретных исторических реалий и менталитета эпохи. Поэтому, на наш взгляд, следует попытаться непредвзято взглянуть на советско–румынские отношения в их динамике через призму развития Версальской системы международных отношений и генезиса Второй мировой войны. Автор полагает, что каждое государство имеет право проводить любую внешнюю политику, поэтому в данном исследовании речь не идет об обвинении или оправдании советской или румынской внешней политики. Однако это вовсе не означает, что в оценке этой политики следует исходить только из политической конъюнктуры. Более того, именно далекая перспектива позволяет более объективно оценить прошедшие события. Кроме того, не следует разрывать цепь событий, что также искажает их восприятие. Именно поэтому, по нашему мнению, важно рассмотреть бессарабский вопрос на фоне советско–румынских отношений за все 22 года его существования.

Таким образом, перед современной российской историографией стоит задача всестороннего изучения того пути, по которому удалось пройти Советскому Союзу от парии международного сообщества до второй сверхдержавы мира. Это позволит, с одной стороны, воздать должное нашим предкам, чьим потом и кровью был полит этот путь, а с другой стороны – даст современному российскому обществу определенные ориентиры на будущее. Конечно, решение этой задачи потребует длительных усилий и изучения развития международных отношений на разных уровнях. Составляющей частью этой проблемы являются двусторонние отношения Советского Союза с его западными соседями, наиболее крупными из которых были Польша и Румыния, являвшиеся главной основой антисоветского «санитарного кордона».

* * *

К началу 1917 г. Румынский фронт проходил примерно по линии Восточные Карпаты–Фокшаны–Браилов–устье Дуная. На фронте действовали 9–я, 4–я, 6–я русские и 2–я румынская армии. Из 137 903 кв. км территории Румынии войсками стран Четверного союза было оккупировано 99 845 кв. км (72,4%). Последняя попытка русско–румынского наступления была предпринята 11 (24) июля 1917 г. на Фокшанском направлении, где войска 4–й русской и 2–й румынской армий прорвали фронт противника и освободили 30 сел, взяв в плен около 4 тыс. человек и захватив 85 орудий, но неудача наступления Юго–Западного фронта привела к тому, что 12 (25) июля Ставка приказала прекратить атаки. Со своей стороны, германо–австрийские войска 24–26 июля (6–8 августа) предприняли наступление у Фокшан и в долине р. Ойтуз, итогом которого стало незначительное продвижение фронта на север. В этих боях потери русских войск убитыми, без вести пропавшими и ранеными составили 25 тыс. человек, румынских – 27,5 тыс. человек, немцы потеряли убитыми и ранеными 47 тыс. человек⁶. К середине августа бои на Румынском фронте затихли и фронт стабилизировался⁷. К сентябрю 1917 г. в составе Румынского фронта насчитывалось 1 976 260 комбатантов и некомбатантов русской армии и 458 тыс. румынских военнослужащих⁸.

Революционный хаос

Тем временем революционные события в Петрограде докатились до окраин России, в том числе и до Бессарабии, находившейся в тыловой зоне Румынского фронта. 8 (21) марта 1917 г. в Тирасполе было официально объявлено о свержении самодержавия, что было в целом с энтузиазмом воспринято местным населением. Как и по всей стране, началась трансформация государственных учреждений: были распущены различные правоохранительные органы, созданы губернский и уездные комиссариаты. Одновременно уже 8 (21) марта возник местный Совет в Бендерах, 12 (25) марта – в Тирасполе, 13 (26) марта – в Кишиневе. К началу мая 1917 г. во всех уездах Бессарабии были созданы Советы. Таким образом, в Бессарабии, как и по всей стране, сложилось двоевластие. Тем самым население получило возможность сравнивать программы и действия разных политических сил. Уже 19 марта (1 апреля) Тираспольский Совет ввел 8–часовой рабочий день, а игнорирование этого постановления владельцами предприятий привело к тому, что рабочие стали вводить его явочным порядком. На селе крестьянство связывало с революцией свои надежды на решение аграрного вопроса. Собственно, как и по всей стране, в Бессарабии уже с весны 1917 г. крестьяне начали явочным порядком делить землю.

Как и на других национальных окраинах России в условиях широкой популяризации лозунга о праве наций на самоопределение, наряду с социальными движениями в Бессарабии стало формироваться и национальное. Первоначально ведущей идеей национального движения стал лозунг создания автономии в составе Российской федеративной республики. Однако национальные движения того времени были, кроме всего прочего, и формой консолидации определенных социальных слоев в регионе. Поэтому созданная во второй половине марта 1917 г. Молдавская национальная партия (МНП) объединила прежде всего бессарабских помещиков, заинтересованных в сохранении своих земельных владений. Со своей стороны, румынские власти, с точки зрения которых в Бессарабии проживали не молдаване, а румыны, в условиях нарастания смуты в России решили активизировать ведущую еще с 1905 г. пропаганду идеи единения румынского народа в рамках одного государства. Поэтому румынская пресса и румынские агенты в Бессарабии всячески пропагандировали идею автономии губернии, что должно было, по их мнению, стать первым шагом на пути к объединению с Румынией. В начале апреля 1917 г.

румынское посольство в Петрограде установило контакты с некоторыми бессарабскими интеллигентами–молдаванами – И. Инкульцом, П. Халиппой и др., которые позднее с группой агитаторов (40–50 человек) прибыли в Кишинев⁹. Часть руководства МНП с момента официального создания партии 2 (15) апреля 1917 г. настаивала на введении молдавского языка в государственных учреждениях, выступала за решение аграрного вопроса только в интересах молдаван и постепенно популяризировала идею объединения с Румынией.

Войска Румынского фронта, как вся русская армия, также оказались втянутыми в революцию. В мае 1917 г. на фронте, наряду с общими Советами солдатских депутатов, были созданы Советы солдатских и офицерских депутатов–молдаван, которые популяризировали румынский язык как общий для румын и молдаван. То есть наряду с социальной в армии происходила и национальная поляризация военнослужащих. Правда, влияние этих национально ориентированных сил в Бессарабии было незначительно. 10–13 (23–26) апреля на губернском съезде народных учителей представители МНП не смогли добиться принятия своих предложений об обучении детей на румынском языке. Съезд высказался за образование на молдавском и русском языках. Попытки МНП добиться поддержки у молдавских крестьян также ни к чему не привели, поскольку для подавляющей массы крестьянства представители МНП были «буржуями из Кишинева». Более того, 4 пропагандиста за объединение с Румынией были убиты крестьянами¹⁰. В ходе проходившего 21–23 мая (3–5 июня) 1917 г. I Бессарабского губернского крестьянского съезда программа решения аграрного вопроса только для молдаван была отвергнута. Съезд высказался за передачу земли в общенародную собственность, за национальное равноправие всех жителей Бессарабии и за ее сохранение в качестве автономии в составе России¹¹. Как верно охарактеризовали ситуацию члены МНП В. Казаклиу и В. Валуца, «молдавский народ считает нас своими врагами»¹².

В конце мая 1917 г. МНП удалось провести съезд учителей–молдаван и организовать в следующем месяце курсы учителей–молдаван. Однако явная румынизация программы возмутила курсистов. Этот протест имел значительный резонанс, и МНП пришлось удалить из ЦК партии двух наиболее одиозных членов – помещиков П. Горе и В. Херца. В среде молдавских националистов еще в ходе революции 1905–1907 гг. возникла идея создать «Сфатул Цэрий» (Совет страны). Теперь, в новых условиях, эта идея вновь была озвучена МНП в апреле 1917 г. Пока же, после июльских событий в Петрограде и окончания двоевластия, партия приступила к формированию 10 когорт (по 40 человек) национальных отрядов, которыми руководил созданный 23 июля (5 августа) в Кишиневе Центральный молдавский военно–исполнительный комитет. Кишиневский Совет, возглавлявшийся эсерами и меньшевиками, поддержал это начинание. Созданные «молдавские батальоны» вместе с казачьими отрядами привлекались для подавления наиболее значительных очагов крестьянского движения. В августе с их помощью стали отнимать у крестьян захваченную ими ранее землю. В конце июля председатель Центрального молдавского военно–исполнительного комитета прапорщик Г. Пынтя в Яссах встречался с румынским министром Т. Ионеску. Результатом этой встречи стал наплыв в Бессарабию агитаторов из Румынии.

В то же время в Петроград прибыла делегация Бессарабской губернии, намеревавшаяся добиться ее автономии¹³. В самой Бессарабии, как и по всей стране, на фоне нарастающего кризиса происходила радикализация населения. 27–31 августа (9–13 сентября) II губернский крестьянский съезд высказался за передачу земли, воды, лесов и недр в общенародное достояние и поддержал большевистский лозунг «Вся земля крестьянам!»¹⁴ В августе–сентябре 1917 г. в Бессарабии и на Румынском фронте создавались большевистские организации и заметно усилилась популярность лозунга «Вся власть Советам!»¹⁵ Со своей стороны, Центральный молдавский военно–исполнительный комитет отказался объединиться с существовавшими Советами, а 24 сентября (7 октября) решил начать формирование национальных молдавских частей. Командование Румынского фронта и Одесского военного округа поддержало это начинание и откомандировало в эти формирования солдат и офицеров–молдаван. 7 (20) октября Центральный молдавский военно–исполнительный комитет решил создать военно–молдавский съезд, и, хотя Временное правительство и Ставка Верховного главнокомандующего запретили его проведение, съезд открылся 20 октября (2 ноября) в Кишиневе.

На съезде присутствовало около 600 делегатов, большинство из которых были офицерами, хотя по тогдашним нормам выборов от 250 тыс. военнослужащих из Бессарабии должно было бы быть не менее 7,5 тыс. делегатов. На съезд была приглашена группа военнопленных австро–венгерской армии – солдат–трансильванцев, которые стали провозглашать здравицы в честь румынского короля и петь национальные румынские песни, что вызвало недовольство значительной части делегатов. В конце концов 21 октября (3 ноября) съезд высказался за создание «Сфатул Цэрий» и за автономию Бессарабии. Было решено из 130 мест в «Сфатул Цэрий» 30 предоставить крестьянам, все другие Советы должны были быть ликвидированы или стать чисто профессиональными организациями. Ставилась задача формирования молдавской армии, для чего следовало увеличить количество когорт с 16 до 100 и создать молдавскую кавалерию. На съезде было избрано 32 члена «Сфатул Цэрий», в выборах которых участвовало чуть более половины делегатов, поскольку сама идея создания такого органа была не слишком популярна. Официально «Сфатул Цэрий» создавался «для подготовки и проведения в жизнь автономии Бессарабии» и был временным органом до созыва Бессарабского учредительного собрания¹⁶. Соответственно, начавший 21 ноября (4 декабря) свою деятельность «Сфатул Цэрий» признал «основной принцип устройства России как федеративно–демократической республики»¹⁷.

Тем временем в Петрограде II Всероссийский съезд Советов взял власть в свои руки. 26 октября (8 ноября) 1917 г. Военно–революционный комитет (ВРК) Петроградского Совета разослал фронтам приказ, излагавший Декреты о мире и земле и программу советского правительства. Армейским советам и комитетам предлагалось

немедленно взять власть в свои руки¹⁸. На следующий день этот приказ был опубликован в газете Совета солдатских и офицерских депутатов Румынского фронта. 1 (14) и 3 (16) ноября в Кишиневе были опубликованы Декреты о мире и земле, и 22 ноября (5 декабря) Кишиневский Совет принял резолюцию о признании решений II Всероссийского съезда Советов и Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР¹⁹.

Особую радость местного населения вызвал Декрет о земле. Соответственно, бессарабские помещики были категорически против подобного решения аграрного вопроса, поскольку уже к концу 1917 г. они лишились около 2/3 земельной собственности. На военно-молдавском съезде был создан «революционный комитет» по защите Учредительного собрания. 27 октября (9 ноября) был сформирован Кишиневский ревком, а 4 (17) ноября Бессарабский губернский ревком, ставившие своей целью сохранение власти Временного правительства. Этой ситуацией воспользовались руководители «Сфатул Цэрий», которые неожиданно для себя получили поддержку со стороны эсеров и меньшевиков, хотя ранее эти партии были против его создания. В составе «Сфатул Цэрий», пополнявшегося путем кооптации, оказались члены МНП, молдавские эсеры и кадеты²⁰. Относительно будущего Бессарабии в рамках «Сфатул Цэрий» единства не было. Там были сторонники автономии в составе России, государственной независимости, объединения с Румынией или с Украиной. Единственным, что объединяло всех их, было неприятие советской власти и ее законов.

3 (16) ноября 1917 г. СНК опубликовал «Декларацию прав народов России», в которой провозглашалось: «1. Равенство и суверенность народов России; 2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»²¹. 7 (20) ноября киевская Центральная рада заявила о создании Украинской народной республики (УНР) в рамках общероссийской федерации²². Тем временем СНК 8 (21) ноября обратился к воюющим странам с предложением о заключении мира без аннексий и контрибуций²³.

9 (22) ноября СНК РСФСР отправил в войска телеграмму с призывом заключить перемирие на фронте²⁴. Командование Румынского фронта, как и Ставка Верховного главнокомандующего, отказались выполнять этот приказ СНК, но солдаты, знавшие о нем из газет, отказывались воевать. Понимая, что уклониться от каких-либо действий в условиях гласного предложения Петрограда о перемирии будет невозможно, а воевать в одиночку было бы самоубийством, генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев, занимавший должность помощника при номинальном командующем Румынским фронтом румынском короле Фердинанде I, с согласия румынского руководства и представителей Антанты 21 ноября (4 декабря) приступил к переговорам с австро-германским командованием о перемирии. Предполагалось, что либо удастся заключить перемирие и использовать румынские войска и национальные формирования для подавления революции на юге России, либо придется отвести румынскую армию через Бессарабию и Украину в донские степи для объединения ее с частями А.М. Каледина. Проблема заключалась в том, что Германия и Австро-Венгрия для давления на Румынию распространяли слухи о невозможности заключить перемирие с румынским королем Фердинандом, но в конце концов этот вопрос был обойден и 26 ноября (9 декабря) 1917 г. в Фокшанах было подписано перемирие на Румынском фронте²⁵.

Перемирие между РСФСР и странами Четверного союза в Брест-Литовске было подписано 2 (15) декабря 1917 г.²⁶ Прекращение боев на Восточном фронте позволило германскому командованию начать оттуда переброску войск на другие фронты. Так, только за сентябрь-декабрь 1917 г. с Восточного фронта было выведено 25 дивизий²⁷. Советское предложение о перемирии и начало переговоров между РСФСР и странами Четверного союза привело к тому, что страны Антанты решили активизировать свою политику в России, чтобы восстановить на ее территории Восточный фронт как поддержкой различных формирований, заявлявших о продолжении войны с Германией и ее союзниками, так и подготовкой интервенции антантовских войск. Соответственно, Антанта поддержала создание правительств на национальных окраинах России. Стремясь не допустить ликвидации германского Восточного фронта, Англия решила признать Каледина и подтолкнуть Румынию к сотрудничеству с ним.

Румынское правительство в целом поддерживало эти устремления Антанты. Уже 8 (21) ноября 1917 г. румынский посол в Лондоне предложил английскому руководству участие румынской армии в борьбе с Советами. В тот же день на совещании с английским премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем и министром иностранных дел А. Бальфуrom представитель американского президента В. Вильсона полковник Э. Хауз предложил «посоветовать Румынии сотрудничать с любыми союзными сражающимися силами, территориально наиболее близкими к ней»²⁸. 10 (23) ноября президент США обещал Румынии за участие в антисоветской интервенции поддержать ее притязания на территорию России на предстоящей мирной конференции. Французская миссия в Яссах получила задачу установить связь с антисоветскими движениями на юге России. Генерал Щербачев за 16 млн рублей передал Румынии вооружение, боеприпасы и продовольственные запасы русского Румынского фронта, часть которых должна была быть отправлена Каледину. На территории Румынии из военнотружущих русской армии формировались добровольческие части для отправки на Дон.

23 ноября (6 декабря) Центральная рада УНР при поддержке представителей Антанты объявила об образовании из Юго-Западного и Румынского фронтов единого Украинского фронта во главе с генералом Щербачевым. Для формирования национальных войск был создан Национальный комитет, объединивший представителей национальных организаций Румынского фронта. 4 (17) декабря СНК РСФСР признал УНР, указав в то же время на недопустимость дезорганизации фронта, разоружения русских войск и поддержки частей

Каледина и потребовав прекратить в 48 часов подобные действия. В противном случае СНК считал бы Центральную раду в состоянии «войны с Советской властью в России и на Украине»²⁹. 7 (20) декабря 1917 г. румынское руководство решило оказать военную помощь УНР. 10 (23) декабря Англия и Франция договорились о разделе зон влияния в России: Англии достались Кавказ, Закавказье и Дон, а Франции – Бессарабия, Украина и Крым³⁰. Для обеспечения связи между Румынией и УНР начальник французской военной миссии в Яссах генерал А. Бертелло настаивал на занятии их войсками Бессарабии. Межсоюзническая комиссия начала переговоры с объявившим себя верховной властью в Бессарабии «Сфатул Цэрий» о вводе в край для поддержания порядка румынских войск³¹. Собранный в Харькове I Всеукраинский съезд Советов 12 (25) декабря провозгласил создание Украинской советской республики в составе общероссийской федерации. В конце декабря начались столкновения между советскими отрядами и гайдамацкими частями УНР.

Тем временем состоявшаяся 28–30 ноября (11–13 декабря) конференция большевиков Румынского фронта решила помочь населению Бессарабии в реализации Декретов советской власти и избрала фронтовой партийный комитет, который 2 (15) декабря создал большевистский ВРК в Соколах (предместье г. Яссы). Под руководством комиссара СНК на Румынском фронте, члена ВРК при Ставке главковерха С.Г. Рошалья ВРК в Соколах 3 (16) декабря 1917 г., опираясь на поддержку Сокольского гарнизона, объявил о взятии власти на Румынском фронте в свои руки³². Поскольку влияние большевиков постепенно охватывало все больше русских воинских частей, генерал Щербачев обратился за поддержкой к румынам и представителям Антанты, ссылаясь на то, что свои наиболее верные войска он отправил на помощь Керенскому. В ночь на 4 (17) декабря часть членов большевистского ВРК была арестована. В этих условиях ВРК заявил о подготовке отпора Национальному комитету. 6 (19) декабря в Яссах в ходе переговоров с румынским командованием выяснилось, что румыны не допустят ареста Щербачева и разгона Национального комитета. 7 (20) декабря Щербачев пригласил членов ВРК на переговоры с Национальным комитетом, гарантировав им неприкосновенность. Однако, подтянув к Яссам верные части – украинские формирования и 4 румынских полка, Щербачев 8 (21) декабря арестовал делегатов ВРК. На следующий день председатель ВРК Рошаль был расстрелян, сам ВРК разогнан, а поддерживающие его части разоружены. Вслед за этим началось разоружение и других ненадежных, с точки зрения представителей Антанты, русских частей. Для облегчения этой операции румынские власти задерживали продовольствие для русских частей. Разоруженные русские военнослужащие заключались в концлагеря, а для оправдания этих действий широко пропагандировалась версия о грабежах и погромах, якобы повсеместно чинимых русскими войсками в Румынии³³.

Тем временем 2 (15) декабря 1917 г. «Сфатул Цэрий», получивший от Румынии свыше 2 млн лей³⁴, принял декларацию, объявлявшую Бессарабию «Молдаванской Народной Республикой, входящей как равноправный член в состав Единой Федеративной Российской Демократической Республики», до созыва Народного собрания республики «Сфатул Цэрий» (председатель И.К. Инкулец) объявлялся высшей властью, а исполнительной властью становился Совет генеральных директоров (председатель П.В. Ерхан), ответственный перед «Сфатул Цэрий». Было обещано решить аграрный вопрос на основе общенародной собственности, и высказывался ряд заявлений общедемократического характера. Призвав к защите российского Учредительного собрания, авторы декларации делали вывод, что «только тогда мы спасем наш край и удержим от окончательной гибели нашу общую родину – Великую Российскую Федеративную Демократическую Республику!»³⁵

4 (17) декабря в Кишиневе при правительстве Молдаванской народной республики (МНР) было создано французское консульство во главе с Р. Сарре, заявившим о поддержке «Сфатул Цэрий»³⁶. Через него местному «правительству» 2 (15) января 1918 г. было передано письмо французского посланника в Румынии А. Сент-Олера, в котором сообщалось, что вступление румынских войск в Бессарабию соответствует интересам стран Антанты и «является исключительно военным мероприятием, имеющим целью обеспечить нормальное функционирование тыла русско-румынского фронта... Таким образом, ввод румынских войск не может иметь никакого влияния как на настоящее политическое внутреннее положение страны, так и влиять на политическую будущность Бессарабии»³⁷. Когда 24 января (6 февраля) 1918 г. это заявление было опубликовано, новый премьер-министр МНР Д. Чугурияну сопроводил его следующим выводом: «Таким образом, румынские войска пришли к нам не как завоеватели и враги, а как друзья народа»³⁸.

10 (23) декабря 1917 г. в Одессе открылся II съезд Советов солдатских, рабочих и матросских депутатов Румынского фронта, Одесского округа и Черноморского флота (Румчерод) совместно с группой представителей от крестьян. Съезд поддержал образование и политику СНК в Петрограде и принял резолюцию о неподчинении Щербачеву и различным «национальным» комиссарам. Переизбранный ЦИК Румчерода был объявлен высшей советской властью на Румынском фронте³⁹. 15 (28) декабря в Кишиневе обосновался Фронтотдел Румчерода, который должен был создать ставку Румынского фронта, способствовать укреплению советской власти в Бессарабии и закрепить армии Румынского фронта на линии рек Прут и Дунай.

Румынское вторжение

В начале декабря 1917 г. отдельные румынские отряды начали захват приграничных сел Бессарабии. Так, в Леово для охраны хлебного склада по соглашению со ставкой Щербачева был введен небольшой румынский отряд, но местный Совет оказал ему отпор, и, потеряв офицера и 2 солдат, отряд отступил за р. Прут⁴⁰. Но 7 (21) декабря новый румынский отряд захватил Леово и потребовал выдать активистов, пригрозив расстрелять

каждого десятого жителя. В конце концов члены исполкома местного Совета были арестованы и расстреляны⁴¹. Получив сообщение о событиях в Яссах и Леово⁴², СНК РСФСР 16 (29) декабря 1917 г. своей нотой запросил у Румынии более подробные сведения о происшедшем и предупредил, что не потерпит «никаких репрессий не только против русских, но и против румынских революционеров и социалистов» и «не остановится перед самыми суровыми мерами против контрреволюционных румынских заговорщиков, сообщников Каледина, Щербачева и Рады»⁴³. 22 декабря (4 января 1918 г.) советское правительство решило усилить революционные части Румынского фронта, а главком Н.В. Крыленко приказал русским войскам отходить с территории Румынии в Бессарабию и «в случае столкновения с румынскими войсками прокладывать себе дорогу с оружием в руках»⁴⁴.

В своей ответной ноте в Петроград румынское правительство заявило, что не располагает никакими сведениями о событиях в Леово, а события в Яссах представило как защиту румынского населения от грабежей самовольно уходящих с фронта русских войск, связи же с Украиной и Калединым объяснялись необходимостью закупок продовольствия для снабжения населения и войск, в том числе и русских⁴⁵. 31 декабря (13 января 1918 г.) Петроград выразил протест в связи с арестами русских солдат в 49-й пехотной дивизии и потребовал «от Румынского Правительства освобождения арестованных, наказания произведших аресты, беззакония и бесчинные действия румынских властей и гарантий, что подобные действия не повторятся. Неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных»⁴⁶. Поскольку румынское правительство не реагировало на эти протесты, в ночь на 1 (14) января 1918 г. в Петрограде был арестован состав румынского посольства во главе с послом К.И. Диаманди. Однако по требованию представителей всех иностранных посольств в Петрограде арестованные были на следующий день освобождены. Им вновь передали требование СНК РСФСР прекратить аресты и освободить русских солдат⁴⁷.

Политическое размежевание в войсках Румынского фронта привело к тому, что часть революционно настроенных частей отступила в Бессарабию. Со своей стороны, местные большевики 13 (26) декабря 1917 г. блокировали железные дороги, запретив провоз грузов в Румынию. Попытка «Сфатул Цэрий» взять железные дороги под свой контроль не удалась, так как молдавские солдаты отказались действовать против русских революционных частей. Тогда «Сфатул Цэрий» обратился к Щербачеву за поддержкой. Генерал приказал для занятия станций Липканы, Бельцы, Окница, Унгены, Кишинев, Бендеры, Раздельная, Одесса направить в Бессарабию части 7-й кавалерийской и 61-й пехотной дивизий, но этот приказ не был выполнен. В этих условиях «Сфатул Цэрий» еще 8 (22) декабря обратился к румынскому руководству с просьбой о военной помощи⁴⁸. Именно представитель «Сфатул Цэрий» из Леово ездил в Яссы и просил румынский Генеральный штаб снарядить военную охрану и направить ее в Леово. Ерхан убеждал депутатов «Сфатул Цэрий», что «опираться на молдавские части, которые у нас есть, мы не можем: они большевизированы. Единственный выход – ввод иностранных войск»⁴⁹. Крестьянская фракция «Сфатул Цэрий» высказалась в поддержку СНК РСФСР и даже направила 3 представителей в Петроград с предупреждением о подготовке румынской оккупации Бессарабии.

Таким образом, внутреннее состояние «Сфатул Цэрий» не позволяет говорить о нем как о едином органе. Понятно, что в таких условиях сторонники сближения с Румынией должны были действовать втайне от остальных его членов. 14 (27) декабря представители «Сфатул Цэрий» в Яссах вновь обратились к Румынии за помощью. Они надеялись также получить помощь и от УНР. 19 декабря (1 января 1918 г.) на закрытом заседании «Сфатул Цэрий» было решено дать Совету генеральных директоров карт-бланш на приглашение иностранных войск. Правда, даже в Совете директоров не было единства по вопросу о том, кого именно следует пригласить. 21 декабря (3 января 1918 г.) в Яссы военному министру Румынии была отправлена телеграмма с просьбой прислать в Кишинев в распоряжение Совета директоров полк трансильванцев из Киева: «Согласно решению Генерального совета директоров Молдавской республики просим Вас распорядиться о срочной отправке в Кишинев полка ардяльцев»⁵⁰. 22 декабря (4 января 1918 г.) Совет директоров обратился к французскому военному атташе при МНР полковнику д'Альбиа с предложением подготовить соглашение «о приглашении союзных атташе и присылке инструкторов для правильной организации войск республики»⁵¹.

Несмотря на все усилия и пропаганду дружбы с Румынией, МНП так и не удалось создать заметную поддержку этой программе среди местного населения. На выборах в Учредительное собрание за депутатов от МНП проголосовало всего 2,3% избирателей Бессарабии⁵². Даже солдаты-молдаване республиканской армии были настроены отрицательно к идее отделения от России. В Кишиневе ВРК Южного района и исполкомы Кишиневского и Бессарабского губернского Советов 24 декабря (6 января 1918 г.) создали Революционный штаб советских общереспубликанских войск Бессарабского района во главе с Е.М. Венедиктовым, которому подчинялись все советские отряды⁵³. 28 декабря (10 января 1918 г.) румынские и украинские части захватили Унгены, устроив расправу со сторонниками советской власти. 29 декабря (11 января) с ведома и разрешения «Сфатул Цэрий» в с. Лозово прибыли 40 офицеров и 20 солдат румынской армии якобы для закупки продовольствия⁵⁴. В тот же день «Сфатул Цэрий» решил пригласить румын для наведения порядка. Однако сведения об этом просочились в прессу и вызвали всеобщее недовольство. В этих условиях 1 (14) января 1918 г. Кишиневский Совет взял власть в свои руки, но «Сфатул Цэрий» не был разогнан. В течение января 1918 г. в неоккупированных районах Бессарабии установилась советская власть.

1 (14) января 1918 г. Фронтотдел издал приказ № 1, в котором предписывал всем властям и учреждениям строго следовать его приказам, не исполнять приказы Центральной рады УНР, генерала Щербачева и других

самопровозглашенных органов. Всем военным и почтово–телеграфным учреждениям Румынского фронта предписывалось эвакуироваться из Ясс в Кишинев, а органам снабжения фронта – в Бендеры и перейти в распоряжение Фронтотдела. Сформированные Фронтотделом отряды заняли вокзал и другие важные пункты Кишинева. Перед войсковыми комитетами ставилась задача восстановления армии для защиты «дела свободы... под началом Советской власти». От них требовалось «озаботиться прекращением отпусков, приостановкой национализации и демобилизации войск»⁵⁵. Сообщая о политическом и военном положении, начальник Революционного штаба Венедиктов предлагал СНК РСФСР обратиться «к правительству Молдавской республики, дабы оно отказалось от ввода румынских войск в Бессарабию». Со своей стороны, Революционный штаб был готов по указанию СНК воздействовать на молдавское правительство⁵⁶.

24 декабря (6 января 1918 г.) военный министр Румынии генерал Янковеску приказал трансильванцам, находившимся под Киевом, двинуться по железной дороге в Кишинев, куда они и прибыли 6 (19) января около часа ночи. Узнав об этом, Кишиневский Совет и Фронтотдел направили на вокзал войска местного гарнизона. Пытаясь предотвратить разоружение трансильванцев, руководители МНР Инкулец и Ерхан явились на вокзал уговаривать солдат молдавского полка вернуться в казармы, утверждая, что трансильванцы якобы не имеют никакого намерения бороться против революционных организаций Бессарабии, а отправляются на фронт. Но солдаты не желали их слушать. После небольшой перестрелки трансильванцы, потеряв 5 человек убитыми, были разоружены и арестованы⁵⁷.

Тем временем еще 4 (17) января Румыния решила послать войска в Бессарабию. 5 (18) января украинские, а 6 (19) января румынские войска форсировали р. Прут и начали оккупацию Бессарабии. Направленные в Бессарабию румынские войска шли на Кишинев тремя отрядами. Один из них был задержан войсками Фронтотдела в Унгенах и выбит оттуда с большими потерями, а два других двинулись на Кишинев и к вечеру 6 (19) января прибыли к станции Гидигич. Румынские войска были встречены у Гидигича и Кожушны советскими отрядами и в два часа ночи 7 (20) января отступили в беспорядке по Страшенскому шоссе, преследуемые кавалерией, посланной Фронтотделом. Около деревни Трушены румынские части пытались свернуть на Ганчештскую дорогу, но, встреченные и здесь советским отрядом, повернули к станции Гидигич, а затем отступили в сторону Унген. В тот же день на станции Корнешты 4 эшелона румынских войск, которые сопровождал генерал Некрасов, посланный в Бессарабию в качестве уполномоченного Щербачева для того, чтобы он своим присутствием импонировал русскому населению, были окружены железнодорожным батальоном и частично взяты в плен, а частично отступили. На следующий день Некрасов и его адъютант были взяты в плен и расстреляны местным отрядом самообороны и отрядом солдат Румынского фронта.

Железнодорожный путь из Кишинева на Страшены был разобран в нескольких местах. 8 (21) января ремонтирующий его отряд 2–го железнодорожного района столкнулся с эшелоном румынских войск. В ходе разгоревшегося боя было взято в плен 40 румынских солдат, а остальные отступили в сторону Унген. Пленные румынские солдаты рассказывали, что они не знали, куда их посылало командование, «что их ловили, насильно запирали в вагоны и отправляли, не объясняя куда и зачем»⁵⁸. В ночь на 10 (23) января на юге Бессарабии, в Болграде, ВРК 6–й армии сумел разоружить прибывшую из Галаца румынскую роту⁵⁹. В итоге первое румынское вторжение было отбито, а Леово, Рени, Вулканешты и Кагул освобождены⁶⁰. После первых побед Фронтотдел доносил Румчероду, что «армия в порядке. Опасности нет. Сила в Бессарабии наша. Национально–политические организации без исключения признали верховной властью фронта Фронтотдел. Фронтотдел послал ультиматум и протест румынам по поводу ввода войск и ликвидации ставки. Румыны отступают»⁶¹.

6 (19) января стало выясняться, что руководство «Сфатул Цэрий», которое на словах заявляло о непричастности к организации интервенции, на деле активно помогало румынам. На заседании президиумов местных Советов и Центрального молдавского военно–исполнительного комитета при обсуждении вопроса об интервенции стало известно, что три генеральных директора «Сфатул Цэрий» ездили в Яссы вести переговоры с румынским правительством о вступлении румынской армии в Бессарабию. Собравшиеся осудили их действия и предложили Инкульцу и Ерхану подписать телеграмму Щербачеву с категорическим требованием о выводе румынских войск из Бессарабии и прекращении интервенции, на что им пришлось согласиться, опасаясь обвинения в пособничестве интервентам. В адрес румынского правительства и генерала Щербачева была направлена телеграмма: «Протестуем против ввода на территорию Молдаванской республики румынских войск. Категорически требуем приостановить посылку войск и немедленно отозвать те войска, которые уже введены. Введение румынских войск в Бессарабию грозит ужасами гражданской войны, которая уже началась. Русские войска должны пропускаться беспрепятственно»⁶².

Фронтотдел организовал оборону Кишинева. Были открыты военные склады, оружие из них было роздано населению, из которого создавались отряды Красной гвардии. В ночь на 7 (20) января Кишинев был объявлен на военном положении и оцеплен войсками Фронтотдела, который объявил вне закона «Сфатул Цэрий», директоров, руководителей националистических организаций и офицеров контрреволюционных молдавских полков и решил разогнать «Сфатул Цэрий»⁶³. Однако в тот же день с помощью французского военного атташе и главы Союза земельных собственников Бессарабии помещика П.В. Синадино руководители «Сфатул Цэрий» отправили своих посланцев в Яссы с просьбой о помощи. Из города скрылись и некоторые генеральные директора⁶⁴. Опасаясь арестов, депутаты «Сфатул Цэрий», «притаившись по углам, из безопасного далека наблюдали за развернувшимися историческими событиями»⁶⁵. Обращение к правительству Румынии о вводе

войск в Бессарабию было фактически делом частных лиц. Поездка в Яссы этих директоров, их письма и телеграммы о вводе оккупационных войск в Бессарабию были нужны румынскому правительству для того, чтобы перед лицом западноевропейского общественного мнения показать, что румынские оккупационные войска пришли в Бессарабию якобы по зову «законного» правительства. Соответственно, 12 (25) января Румыния уведомила США, что по соглашению с «правительством Молдавской республики Бессарабии и генералом Щербачевым и чтобы не дать армии умереть с голоду», румынские войска заняли эту область⁶⁶.

Убедившись, что малыми силами занять Бессарабию не удастся, 7 (20) января 1918 г. румынское командование с согласия представителей Антанты отдало приказ войскам перейти реку Прут в нескольких пунктах и вступить в Бессарабию. На следующий день 11-я пехотная дивизия под командованием генерала Е. Броштяну перешла Прут между Унгенами и Леово, заняла Унгены, Кайнары, Поганешты и двинулась на Кишинев. На юг Бессарабии, через Кагул, двигалась 13-я пехотная дивизия. Между ними двигалась 2-я кавалерийская дивизия. Одновременно 1-я кавалерийская дивизия под командованием генерала М. Скины двинулась на север Бессарабии. 12 (25) января все эти дивизии были объединены в 6-й армейский корпус под командованием дивизионного генерала Г. Истрати⁶⁷. По пути румынские войска захватывали железнодорожное хозяйство и продовольственные склады, разгоняли Советы и крестьянские комитеты и расстреливали их членов, реквизировали у крестьян запасы продовольствия. Все это вызвало у населения ненависть к оккупантам и их местным приспешникам.

Реакция бессарабского населения на происходившие события прекрасно видна из решения съезда крестьянских депутатов Бельцкого уезда. 14 (27) января съезд принял резолюцию: «Принимая во внимание, что в краевой орган „Сфатул Цэрий“ вошли не представители всего трудящегося народа, в большинстве состав „Сфатул Цэрий“ состоит из помещиков, ведущих явно империалистическую политику, II конгресс крестьянских депутатов Бельцкого уезда постановил:

1. Не признавать власть «Сфатул Цэрий», который не выражает волю трудящегося народа, и арестовать виновных членов.

2. Признать во всей стране власть Советов, представленную Советом Народных Комиссаров, как власть, защищающую интересы всего трудящегося народа.

3. Организовать власть Советов из представителей крестьян, солдат и трудящихся.

4. Не отделяться от России, а идти с ней рука об руку со всем русским народом, для устранения всех врагов народа, кем бы они ни были.

5. Переизбрать членов всех организаций, начиная с сельских и городских комитетов до губернских организаций включительно, которые выступают против трудящегося народа.

6. Обсуждая всю опасность, грозящую революции и завоеванным свободам, которая происходит от вторжения румын в границы русской республики на бессарабскую территорию, послать делегатов в Петроград... с просьбой оказать нам помощь в деле защиты страны.

7. Просить правительство Народных Комиссаров категорически протестовать перед румынским правительством против грубого вмешательства чужой страны в наши внутренние дела.

8. Обязать настоящий конгресс послать в остальные уезды Бессарабии людей для сообщения наших решений с просьбой присоединиться к нашей резолюции...»

Съезд занялся организацией обороны от оккупантов. Было решено вооружить крестьян и создать отряды крестьянской молодежи, а для этого выдать оружие сельским комитетам для распределения среди населения. С целью предотвращения возможности информирования румынского командования со стороны враждебных элементов, съезд постановил выключить все телефоны у помещиков и установить контроль над телефонной станцией⁶⁸. Практически во всех населенных пунктах Бессарабии создавались отряды самообороны⁶⁹.

Тем временем в Одессе 7 (20) января 1918 г. пленум ЦИК Румчерода постановил «считать себя на положении войны с Румынией, объявить мобилизацию добровольческих отрядов и трансп[ортной] флотилии в Одессе и Тираспольском, Херсонском, Аккерманском, Бендерском и Одесском уездах... Принять меры к интернированию румынских подданных и секвестру румынского имущества»⁷⁰. Однако на следующий день Румчерод вновь обсуждал вопрос о борьбе с интервентами и, пытаясь разрешить конфликт мирным путем, вынес решение потребовать от правительства Румынии вывести свои войска из Бессарабии. 10 (23) января ЦИК Румчерод сообщил СНК РСФСР, что «румынские войска вторглись в пределы Российской республики, заняли пограничные пункты Кагул и Леово, сделали попытку [захватить] Кишинев и некоторые станции Бендеро–Унгенской линии. Вступили в бой с нашими частями. Таким образом, румынское правительство, не объявляя официально войны, начало враждебные военные действия против Российской Федеративной республики». В тот же день заявление с требованием «немедленного вывода всех войск из пределов Российской Федеративной республики» и предоставления русским войскам Румынского фронта беспрепятственного «выхода в полном вооружении и со всем имуществом из пределов Румынии, согласно приказу главковерха» было передано румынскому консулу, а также английской и французской миссиям в Одессе⁷¹. На следующий день румынский консул сообщил Румчероду, что ему неизвестно о вступлении румынских войск в Бессарабию, а консулы стран Антанты заявили, что русско–румынские отряды посланы в Бессарабию для охраны военных складов⁷². Стало ясно, что с захватчиками придется сражаться. Не порывая переговоров с консулами, Румчерод занялся организацией войск для обороны Бессарабии.

Со своей стороны, румынские интервенты также пропагандировали версию о том, что они пришли в

Бессарабию для охраны находящегося здесь продовольствия, якобы закупленного Румынией в России для снабжения Румынского фронта. 12 (25) января командующий румынской армией генерал К. Презан издал воззвание о том, что его войска вступили в Бессарабию по приглашению «Сфатул Цэрий», чтобы обеспечить перевозку провианта для снабжения русских и румынских войск на Румынском фронте. В воззвании заявлялось, что слухи о том, будто румынское правительство хочет оккупировать Бессарабию, отнять у крестьян землю, а у всего народа – политические и национальные права, полученные в результате революции, не соответствуют действительности. «Объявляю вам во всеуслышание, что румынское войско не желает ничего другого, как только установлением порядка и спокойствия, которое оно вносит, дать вам возможность укрепить вашу автономию и ваши свободы, как вы сами решите. Румынское войско не обидит ни единого жителя... какой бы национальности и какой бы религии он ни был. Немедленно, по установлении порядка и спокойствия и как только будут гарантии, что воровство, грабежи и убийства не возобновятся, воины румыны возвратятся к себе домой»⁷³. А в воззвании генерала Скины указывалось, что румынские воины выполняют «миссию мира, имеющую целью свободу, равенство и братство»⁷⁴.

В тот же день в Кишиневе от имени делегации, ездившей навстречу румынским войскам, было опубликовано сообщение, согласно которому «наступающие румыно–украинские войска, по заявлению командования, имеют целью исключительно охрану железных дорог, необходимых для русских, румынских и украинских войск, стоящих на фронте, и охрану складов и транспортов провианта, закупленного в пределах Бессарабии. Во внутренние дела румыны вмешиваться не будут, причем невмешательство гарантировано Францией и другими союзниками... Вопрос о вступлении румынских войск в Бессарабию решен русским, украинским и румынским командованием и союзниками. Слухи о том, что их кто–то призвал, – ложны. Ясская ставка не могла существовать без железной дороги, которая уже две недели занята большевиками, ничего не пропускающими на фронт. Вот причины вступления». Население призывалось к спокойствию и сдаче оружия, всем гарантировалась безопасность, «но при условии, если не будет выступления против румын. Всякое выступление будет жестоко наказываться»⁷⁵. Конечно, это было всего лишь пропагандистское прикрытие. Как позднее заявил румынский министр Т. Ионеску, «говорилось, что войска вступили в Бессарабию для охраны воинских складов. Но весь мир знает, что войска, направленные в Бессарабию, были посланы для того, чтобы завершить, когда можно будет и как только можно будет, финальный акт присоединения Бессарабии. Такова истина»⁷⁶.

10 (23) января румынские войска подошли к Кагулу и захватили его, учинив затем расправу с защитниками города. 11–12 (24–25) января после непродолжительного боя румыны заняли Болград. В это время разгорелись бои на подступах к Кишиневу, где советские отряды три дня отражали атаки румынских войск, двигавшихся со стороны Страшен и Ганчешт. Помощь от войск 6–й армии не подошла, поскольку отправка частей к Кишиневу была сорвана штабом Щербачева. В итоге 13 (26) января румынские войска заняли Кишинев, где началась расправа с участниками обороны. В тот же день СНК РСФСР постановил: «1. Все дипломатические сношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти выселяются за границу кратчайшим путем. 2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа. 3. Восставший против революции бывший главнокомандующий Румынского фронта Щербачев объявляется врагом народа и ставится вне закона»⁷⁷. 14 (27) января 1918 г. в Кишинев официально вступил генерал Броштяну и состоялся румынский военный парад, настороженно встреченный населением⁷⁸.

22 января (4 февраля) «ввиду того, что румыны обманым образом попали в Россию, оккупировали Бессарабию, разграбив в ней села и города, ввиду того, что Совет Народных Комиссаров, исчерпав все возможные средства, прервал всякие сношения с Румынией, ЦИК Румчерода постановил считать себя на положении войны с Румынией»⁷⁹. 24 января (6 февраля) войскам Румынского фронта и Одесского округа было приказано «немедленно оказывать вооруженное сопротивление румынским военным отрядам, вошедшим в Бессарабию, а также и во всякой другой местности при попытке румынских войск к разоружению советских войск либо захвату военного материала и снаряжения»⁸⁰. Из отходящих отрядов и частей Румынского фронта и местных добровольческих отрядов на подступах к Одессе началось формирование Особой армии (командарм – П.С. Лазарев), в состав которой вошли отдельные части и отряды из солдат 4–й и 6–й армий: 5–й и 6–й Заамурские конные полки, 1–й Днестровский пехотный полк, кавалерийский отряд Г.И. Котовского, три легкие батареи (12 орудий), гаубичный дивизион (11 орудий), броневой отряд, саперный батальон и мелкие части. Эти войска были сосредоточены в районе Тирасполя, в Парканах, Григориополе, Дубоссарах и Слободзее находились небольшие гарнизоны, а берег Днестра охранялся конными патрулями. Южнее от Чебручей (25 км южнее Тирасполя) до Черного моря был развернут отряд Армейского комитета 6–й армии. Всего в этих войсках насчитывалось около 5–6 тыс. человек (в том числе 1 500 штыков и 1 200 сабель)⁸¹.

Упорные бои развернулись у Бендер. К городу отходили советские войска из–под Кишинева, и формировались отряды из местного населения. Один из таких отрядов у деревни Кайнары взял в плен и разоружил румынский отряд в 844 человека, наступавший со стороны Рени. Когда 15 (28) января румыны подошли к Бендерам, на холмах, на северо–западе от города они были встречены отрядами самообороны, которые несколько дней отражали их атаки. Лишь 20 января (2 февраля) румыны захватили Бендеры, но борьба за город продолжалась. Участник обороны Бессарабии Е.Г. Василевский позднее вспоминал: «Мы принуждены были отойти на левый

берег Днестра, где развернулись бои не только с румынскими захватчиками, но и с местной контрреволюцией и бандитизмом. К берегам Днестра стали прибывать красногвардейские отряды из Одессы и Николаева. Из местных рабочих и крестьян формировались вооруженные отряды для обороны советских рубежей от нашествия румынских бояр и петлюровщины... стягивалось вооружение, и уже к середине января 1918 года было предпринято наступление с целью освобождения Бессарабии»⁸². Руководство Фронтотдела, Кишиневского и Бендерского Советов стягивало к Днестру новые силы.

23 января (5 февраля) «румыны стали переправляться через Днестр на нашу сторону. Это послужило поводом, что между румынами и нашими войсками завязалась перестрелка. После маленького напора со стороны наших войск и при помощи нашей артиллерии [...] в 8 часов утра нам удалось занять город Бендеры. Румыны стали отступать быстрым темпом по направлению к Кишиневу»⁸³. Партизанский отряд Котовского занял бендерскую крепость. Население города также поднялось против оккупантов. Однако, подтянув подкрепления, румыны вновь бомбардировали город и начали штурм. Артобстрел вызвал взрыв склада боеприпасов, и разлетающиеся от взрывов снаряды попали в эшелон с химическими снарядами. В этих условиях советские войска оставили город. Захватив 25 января (7 февраля) Бендеры, румыны перешли мосты и заняли на левом берегу Днестра несколько деревень. В этих боях в январе 1918 г. румынские части потеряли 141 человека (из них 3 офицеров)⁸⁴. В городе оккупанты учинили грабежи и расправлялись с теми, кто поддерживал советские отряды. Из Бендер и окружающих сел в Румынию были вывезены запасы хлеба⁸⁵. На фронте установилось неустойчивое равновесие. Румынское командование опасалось советского наступления, а советское – румынского удара в сторону Одессы. Поэтому при посредничестве иностранных консулов стороны пошли на переговоры и с 12.00 26 января (8 февраля) заключили перемирие на 48 часов.

Наиболее упорное сопротивление румынам было оказано на юге Бессарабии, где также создавались отряды самообороны. 10 (23) января 1918 г. на экстренном заседании съезда крестьянских и рабочих депутатов городских самоуправлений Буджака, проходившем в Аккермане, было решено не признавать власти «Сфатул Цэрий» и бороться против оккупантов, вторгшихся на территорию Бессарабии. В Аккерманском уезде проводилась мобилизация. К вечеру 15 (28) января в Аккерман вступил отряд войск УНР, но на следующий день подоспевшие советские части вытеснили гайдамаков из города, отбросив их на 30–40 верст⁸⁶. Получая подкрепления и боеприпасы из Одессы, защитники Аккермана смогли продержаться до начала марта 1918 г.

Разногласия в Измаильском Совете привели к тому, что оборону города возглавил Союз фронтовиков, насчитывавший несколько сот солдат и матросов порта. Когда 21 января (3 февраля) румыны подошли к Измаилу, то они были встречены пушечным и ружейным огнем. Сопротивление защитников города было упорным. Но оккупанты стали стягивать в Килийское устье Дуная к Измаилу суда и начали обстрел города со стороны реки. Четыре дня у Измаила и в городе шли бои, лишь 24 января (6 февраля) румынам удалось захватить город. Ворвавшись в город, оккупанты учинили расправу над теми его защитниками, которые не успели или не пожелали уйти⁸⁷. Защитники Измаила отступили вниз по Дунаю к Килии, где также создавались отряды самообороны. Помощь местному населению в обороне города оказали румынские моряки. Организованные революционным комитетом во главе с Г. Строичем, румынские солдаты и рабочие 14–15 (27–28) января захватили военные и гражданские суда румынского флота, находившиеся здесь, подняли на них красные знамена и помогали в течение 10 дней оборонять город. 25 января (7 февраля), после того как город был захвачен оккупантами, его защитники ушли в Одессу.

Сильный отпор был дан оккупантам под Вилковым на Килийском гирле Дуная. Вечером 26 января (8 февраля) находившиеся в дозоре посыльные суда Дунайской флотилии обстреляли румынские посты в местечке Периправа. На следующий день румынские мониторы 2-й морской дивизии вели обстрел города и рейда, на котором находились транспортные суда. Канонерская лодка «К-15» открыла ответный огонь и в течение часа сдерживала натиск противника. За это время с рейда ушли вспомогательные суда, а другие канонерки заняли выгодные для стрельбы позиции. Огнем советских кораблей был поврежден один румынский монитор и сбит береговой корректировочный пункт, остальные корабли противника отошли вверх по Дунаю. 27–28 января (9–10 февраля) две русские канонерские лодки оказывали артиллерийскую поддержку отряду местной самообороны в Жебриянах. 30 января (12 февраля) в Вилково прибыл отряд из 200 балтийских моряков во главе с членом Верховной русско-румынской коллегии по румынским и бессарабским делам военмором А.Г. Железняковым. На следующий день был высажен десант на одном из островов в устье Дуная, что препятствовало использованию румынских кораблей и позволило организованно начать эвакуацию Вилкова. 15 февраля румынские части захватили Вилково, а Отряд речных сил Дуная начал переход в Николаев и Херсон. Из-за невозможности эвакуации на Дунае были оставлены подводная лодка № 3, речной заградитель «Одесса», тральщик «Юлия», 8 речных канонерок, посыльное судно и ряд вспомогательных судов⁸⁸.

На севере Бессарабии 22 января (4 февраля) части 1-й румынской кавдивизии были обстреляны на подступах к Фалештам, а генерал Скина, ехавший на автомобиле вместе со своим адъютантом, был взят в плен отрядом самообороны села Обрежа. Пленных собирались отправить в Бельцы, но подошедшие румынские кавалеристы освободили своего командира. В 15 часов того же дня румынские отряды были обстреляны пулеметно-артиллерийским огнем в 2 верстах к югу от г. Бельцы, что заставило их отойти. Ворвавшиеся в город по другой дороге конные разъезды противника были частично уничтожены, а частично отступили. Лишь к 15 часам 23 января (5 февраля) после ожесточенного боя в городе румыны заняли Бельцы, где начались аресты и расстрелы

«неблагонадежных» элементов⁸⁹. 24 января (6 февраля) в Сороки вступил румынский отряд, занявшийся реквизицией продовольствия. 30 января (12 февраля) Ямполь был занят дислоцированным в этом районе польским легионом, оказавшим поддержку румынам⁹⁰. В середине февраля 1918 г. дивизия генерала Скины двинулась вдоль железной дороги на Единцы и Окницы. Оборонявшиеся здесь отряды, созданные из войск 8-й русской армии и за счет мобилизации местных добровольцев, были вынуждены постепенно отходить на северо-восток к Днестру⁹¹. После начала австро-германской интервенции на Украину войска 8-й армии, в которых преобладали демобилизационные настроения, стали отводиться на Екатеринослав.

Со вступлением румынских войск в Бессарабию руководство «Сфатул Цэрий» почувствовало себя вне опасности. 24 января (6 февраля) была принята декларация, согласно которой МНР объявлялась «отныне и навсегда независимой», поскольку независимость объявила УНР, отрезав Бессарабию от России. «Сфатул Цэрий» объявлялся верховным органом страны, а правительство – Совет министров – создавалось им. Вновь заявлялось о скорейшем созыве Народного собрания и решении аграрного вопроса. Согласно декларации, «с прибытием на территорию нашей республики братских румынских войск в стране создавалась обстановка, благоприятствующая мирному созиданию во всех областях. Румынские войска имеют своей исключительной целью охрану железных дорог и хлебных запасов для фронта. Другой цели румынские войска на территории Молдавской Республики не имеют. Все слухи о том, что они пришли для завоевания нашей страны и для установления здесь своего управления, не верны...» Гарантией этого «служит поручительство Франции в согласии с Англией и Америкой, а также заявление представителей Румынии»⁹². Однако МНР так и осталась непризнанным государством.

К началу февраля 1918 г. румынские войска заняли крупные города и железнодорожные станции Бессарабии. Центральные районы края были заняты 1-й кавалерийской (штаб – Бельцы) и 11-й пехотной (штаб – Кишинев) дивизиями, а южные районы – 2-й кавалерийской (штаб – Чимишлия) и 13-й пехотной (штаб – Болград) дивизиями⁹³. Однако в сельских районах румынское присутствие было незначительно, и их власть никто не признавал. Отражением этой ситуации стал III Бессарабский губернский крестьянский съезд, открывшийся в Кишиневе 18 (31) января. Руководство «Сфатул Цэрий» надеялось подчинить съезд своему влиянию и добиться принятия резолюции с одобрением ввода румынских войск. Однако съезд высказался против интервенции и осудил действия «Сфатул Цэрий». Избранный президиум по поручению съезда обратился к представителям стран Антанты в Яссах с протестом против румынской оккупации. Узнав об этом, румынское командование 22 января (4 февраля) разогнало съезд, арестовав и расстреляв активно выступавших против оккупации 45 делегатов из 116⁹⁴.

Германия–Румыния–РСФСР

Тем временем изменилась ситуация на Украине и на начавшихся 9 (22) декабря 1917 г. переговорах о мире в Брест–Литовске, в ходе которых выяснилось, что общие декларации об отказе от аннексий и контрибуций никого не интересуют⁹⁵. Делегация Четверного союза настаивала на передаче 150 тыс. кв. км российских западных земель. Столь откровенно аннексионистская программа вынуждала советское правительство тянуть время. По требованию делегации Четверного союза 28 декабря (10 января 1918 г.) представители УНР были допущены на переговоры в Брест–Литовске. 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) СНК предложил Центральной раде начать переговоры об урегулировании отношений, которые так и не состоялись, поскольку Германия решила сыграть на противоречиях Петрограда и Киева. 11 (24) января 1918 г. УНР объявила о своей независимости, которая была тут же признана Германией. В итоге 27 января (9 февраля) был подписан мирный договор УНР со странами Четверного союза, согласно которому Киев получал Холмщину и должен был в первой половине 1918 г. поставить в Германию и Австро–Венгрию 60 млн пудов хлеба, 2 750 тыс. пудов мяса, 400 млн штук яиц и другие сельскохозяйственные товары и промышленное сырье. Заключив договор с УНР, Германия вечером того же дня выдвинула ультиматум о подписании советской делегацией предложенного ей мирного договора.

В ответ на вечернем заседании 28 января (10 февраля) глава делегации Л.Д. Троцкий заявил, что Россия прекращает войну, но мира не подпишет, а армию демобилизует. Поначалу создалось впечатление, что страны Четверного союза молчаливо согласятся с этой советской формулой. Советская делегация покинула Брест–Литовск, а ставка главковерха отдала приказ о демобилизации армии. Однако расширение Гражданской войны на Украине и неудачи войск УНР привели к тому, что Центральная рада 30 января (12 февраля) обратилась за поддержкой к Германии. В этих условиях 18 февраля германские войска возобновили наступление по всему фронту⁹⁶. 24–28 февраля в наступление перешли и австро–венгерские войска, оккупировавшие в тот же день Новоселицу и Хотин. Вскоре они заняли станцию Окница, где вступили в контакт с румынскими войсками. По соглашению, заключенному между румынским и австро–германским командованием, северная часть Бессарабии (Хотинский и часть Сорокского уезда) была оккупирована австро–германскими войсками. Соответственно, генерал Скина получил приказ не занимать эту территорию и оставить в распоряжении австро–германской армии железную дорогу Черновицы–Новоселица–Окница–Могилев–Подольский. Через север Бессарабии на Киев двинулись войска 25-го армейского корпуса австро–германских войск, через центральные районы на Рыбницу, Бирзулу и Одессу – 27-го австро–венгерского корпуса, а через Бендеры на Одессу – 52-го германского армейского корпуса.

В итоге советскому правительству пришлось 3 марта 1918 г. подписать в Брест–Литовске мирный договор, предложенный ей странами Четверного союза. Согласно договору РСФСР признавала независимость Финляндии

и УНР и должна была вывести свои войска с их территории, а также из Эстляндии и Лифляндии. Западная граница Советской России устанавливалась по линии Рига–Двинск–Друя–Дрисвяты–Михалишки–Дзевинишки–Докудова–р. Неман–р. Зельвянка–Пружаны–Видомль⁹⁷. Антанта не признала этого договора, и 6 марта 1918 г. английские войска высадились в Мурманске. К 3 марта германо–австрийские войска на Украине продвинулись до линии Каменец–Подольск–Винница–Черкассы–Киев и продолжали наступление.

Пока румынские войска продолжали захват Бессарабии, Румыния вела переговоры со странами Четверного союза о мире. Имея почти 700–тысячную армию, состоявшую из 15 пехотных, 2 кавалерийских и 4 резервных дивизий, Румыния 15 (28) января 1918 г. сообщила странам Антанты о возможности заключения сепаратного мира. Естественно, союзники 20 января (2 февраля) уведомили ее о своей уверенности, что Румыния будет продолжать борьбу с общим врагом. 25 января (7 февраля) командующий германо–австрийскими войсками фельдмаршал А. Макензен потребовал от румынского правительства в четырехдневный срок сообщить о готовности вступить в переговоры о мире. В Яссах 26 января (8 февраля) было создано правительство генерала А. Авереску, а 1 (14) февраля в Бухаресте начались переговоры о мире. 18 февраля при личной встрече с Макензеном Авереску получил заверения в том, что румынскому королю ничто не угрожает, а Румыния сможет сохранить свои войска в Бессарабии. Одновременно румынской стороне были переданы предварительные условия мирных переговоров: 1. Не возобновлять войны со странами Четверного союза. 2. Уволить из румынской армии антантовских офицеров и принять германского офицера связи в румынском Генштабе. 3. Поддерживать вывоз сельскохозяйственных продуктов с Украины. 4. «Вся румынская армия получает свободу рук для операций против большевиков или против Петроградского правительства до тех пор, пока последнее не подпишет мира с центральными державами и Румынией. Она будет поддержана, если это станет необходимым с военной точки зрения, подразделениями союзных правительств»⁹⁸.

24 февраля состоялась первая официальная встреча делегаций сторон. Пытаясь добиться смягчения условий соглашения, румынская сторона ссылалась на то, что «историческое призвание румынского народа состоит и будет состоять в том, чтобы оставаться естественным валом между Карпатами и устьями Дуная против славянства»⁹⁹. Кроме того, румыны указали на то, что Бессарабия не может быть компенсацией за Добруджу, поскольку Румыния лишается выхода к морю. Но подобные заявления, конечно же, не повлияли на позицию делегации Четверного союза, которая потребовала от короля Фердинанда назначения прогермански настроенного А. Маргиломана премьер–министром ясского правительства. Однако пока румынское руководство решало, что делать дальше, истек срок германского ультиматума, и германское командование 28 февраля заявило о прекращении перемирия. Правда, оно согласилось продлить его на сутки, если Румыния согласится на немедленную демобилизацию 8 своих дивизий и на пропуск через Молдавию и Бессарабию германо–австрийских войск на Украину.

В ответ румынская сторона 1 марта заявила о согласии на переговоры на основе взаимных уступок, но германская сторона выдвинула новый ультиматум, потребовав от Румынии до 12.00 2 марта безоговорочно принять все условия стран Четверного союза. В противном случае военные действия будут возобновлены. Поскольку положительный румынский ответ был получен позднее указанного срока, германская сторона 3 марта заявила о возобновлении военных действий, но, учитывая уже полученное согласие Румынии, страны Четверного союза потребовали до 12.00 5 марта подписать прелиминарный договор, новое соглашение о перемирии и окончательный договор на условиях Четверного союза. В итоге 5 марта 1918 г. в Буфте под Бухарестом был подписан прелиминарный договор между Румынией и странами Четверного союза, согласно которому:

1. Румыния уступала Четверному союзу Добруджу.
2. Державы Четверного союза обязывались предоставить Румынии торговый выход к Черному морю через Констанцу.
3. Румыния в целом соглашалась на австро–венгерские требования исправления австро–венгерско–румынской границы.
4. Румыния признала экономические требования.
5. Румыния обязалась немедленно демобилизовать 8 дивизий и поручить проведение демобилизации румынскому и германскому командованию. Остальная румынская армия подлежала демобилизации после восстановления русско–румынского мира.
6. Румыния согласилась на немедленный вывод своих войск с австро–венгерской территории.
7. Румынское правительство обязалось всеми силами поддержать перевозку войск держав Четверного союза через Молдавию и Бессарабию в Одессу.
8. Румыния обязалась уволить всех находившихся на румынской службе офицеров Антанты.
9. Договор вступал в силу немедленно. Не позднее 14 дней Румыния обязана заключить окончательный мирный договор¹⁰⁰.

Тем временем успешное продвижение советских войск по Украине, образование в Одессе Верховной коллегии по борьбе с румынской и бессарабской контрреволюцией, в руках которой СНК РСФСР сосредоточил все вопросы внешней политики Одесского района, и прибытие в Одессу Х.Г. Раковского «с задачей погнать румынские контрреволюционные силы из Бессарабии и вызвать революционное движение в Румынии»¹⁰¹, привело к тому, что 15 февраля переговоры с румынами были прерваны. Румынской стороне был предъявлен ультиматум о немедленной эвакуации из Бессарабии румынских войск, о выдаче всего захваченного ими

русского военного имущества, о разгоне русских и прочих национальных контрреволюционных отрядов, о выдаче генерала Щербачева, о наказании виновников убийств и расстрелов русских военнослужащих. В противном случае, указывалось в документе, будут открыты военные действия «для защиты русской революции»¹⁰².

16 февраля военные действия возобновились. Однако попытка красной черноморско–дунайской флотилии прорваться в устье Дуная у Вилково, как и попытка советских войск овладеть Бендерами, окончилась неудачей¹⁰³. Румынская попытка обойти Тирасполь с юга привела к боям у Каркмазы и Паленке. 17 февраля СНК РСФСР передал в распоряжение Верховной коллегии по борьбе с румынской и бессарабской контрреволюцией Северную армию М.А. Муравьева, которая перебрасывалась из Киева в Одессу по железной дороге¹⁰⁴. 19 февраля Муравьев вступил «в главное командование над революционными войсками, действующими против Румынии», решив наступать на Яссы с трех направлений: от Могилева–Подольского, от Рыбницы и от Бендер. 20 февраля приказом советского командования Румынского фронта левобережье Днестра до линии Ташлык–Веселый Кут, Раздельная–Одесса, а также Бендерский и Аккерманский уезды Бессарабии объявлялись на военном положении. 21 февраля все советские войска, находившиеся на территории от Галаца до Севастополя, были объединены в 3–ю революционную армию под командованием П.С. Лазарева¹⁰⁵.

26 февраля между Рыбницей и Слободкой войска подходившей от Киева армии П.В. Егорова столкнулись с румынским отрядом, форсировавшим Днестр, и комбинированным ударом разгромили его. 28 февраля «на Рыбницком направлении революционные войска лихим ударом заняли правый берег Днестра, опрокинули румынских [оккупантов] и продвинулись на 15 верст; захватили 18 действующих орудий, большое число пулеметов» и освободили Резину, Шолданешты и другие села¹⁰⁶. Однако занятие 3 марта Жмеринки австро–венгерскими и украинскими войсками вынудило советские отряды отступить за Днестр. На юге Бессарабии попытка румын форсировать Днестр 1 марта у с. Троицкого была отбита с помощью местного населения, но и советские части отошли за Днестр, оставив 8 марта Аккерман¹⁰⁷. Общие потери румынских войск в ходе военных действий в январе–марте 1918 г. составили 488 человек (убито – 25, ранено – 312, пропало без вести – 151)¹⁰⁸.

Сложное положение Румынии на переговорах со странами Четверного союза, неудачи румынской армии на Днестре и необходимость выиграть время привели к тому, что румынское руководство решило пойти на переговоры с советскими представителями. Кроме того, советскими властями в Одессе были арестованы находящиеся в городе румынские политические и военные деятели, которых румынское правительство стремилось вернуть в Румынию. Со своей стороны, советские представители, полагавшие, что «обстоятельства складывались благоприятно для нас: революционное брожение в Румынии, всеобщее возмущение бессарабского населения, в особенности крестьян, против румынской оккупации, нежелание румынских солдат сражаться и малочисленность румынских сил в Бессарабии», вынуждены были из–за «катастрофического положения вследствие австро–германо–украинского наступления» тоже согласиться на переговоры¹⁰⁹.

В этих условиях дипломатические представители Антанты в Яссах 21 февраля поручили итальянскому посланнику в Румынии К. Фашиотти направить советскому правительству официальную ноту от их имени, которая гласила, что интервенция в Бессарабии «представляет военную операцию без какого–либо политического характера, предпринятую, несомненно, с гуманитарной целью – гарантировать снабжение провиантом русских и румынских войск и гражданского населения»¹¹⁰, и предложили румынскому командованию и советским властям начать в Одессе при их посредничестве переговоры.

24 февраля СНК Одесской области сообщил представителям военных союзных миссий в Одессе свои условия:

1. Румынское правительство сделает формальное заявление, что румынская армия очистит Бессарабию, и в первую очередь Бендеры и Жебрианы; что оккупационная румынская армия будет в течение двух месяцев сокращена до 10 тыс. человек, которые будут заниматься охраной румынских складов и железнодорожных путей сообщения; что полицейская охрана в городах и местечках перейдет в руки милиции из местных жителей; что по мере эвакуации румынских войск их место займут «русские военные силы»; что румынское командование откажется от всякого вмешательства во внутреннюю политическую жизнь Бессарабии и не будет производить арестов и выполнять функции, принадлежащие местным выборным властям. «Румыния обязуется не предпринимать военных или других враждебных действий и не поддерживать таковые по отношению к Российской Федерации Советов».

2. Весь остаток продуктов в Бессарабии после удовлетворения нужд местного населения и военных русских частей будет предназначаться исключительно для Румынии.

3. Будет образована комиссия из представителей России, Румынии, Франции, Англии и Соединенных Штатов для разрешения всех спорных вопросов между русскими и румынами. В случае отступления румынской армии на русскую территорию «она там найдет убежище и продовольствие». Если же начнутся параллельные действия против Четверного союза, то будет установлен «непосредственный контакт между Высшим военным командованием русской советской армии и румынским командованием»¹¹¹.

Румынская сторона в целом приняла это советское предложение, но внесла в него некоторые изменения. Пожелания румынского правительства сводились к следующему:

1. Все статьи вышеприведенного предложения приняты, исключая условие, помещенное в статье 1, требующее немедленной эвакуации Бендер.

2. Румынское правительство предлагало произвести полный обмен «всех русских пленных в Румынии на

румын, находящихся в России», и освободить всех русских, интернированных в Румынии, а румын – в России.

3. Предложение о создании международной комиссии принималось, но из нее исключались русские и румыны. Комиссии должны были действовать в Одессе, Киеве, Москве, Петрограде, Яссах и Галаце.

4. Румынское правительство требовало возвращения всех фондов и продовольствия, забранных у межсоюзных закупочных комиссий в России, и направления продовольствия в Румынию. Оно также добивалось разрешения союзным закупочным комиссиям продолжать в России закупку для румынского населения продовольствия, которое нельзя было закупить в Бессарабии¹¹².

Советская сторона согласилась с этими предложениями, и 5 марта 1918 г. в Одессе была подписана следующая декларация: «Условия Правительства Румынии, вносящие некоторые изменения в наши мирные предложения, приняты. С момента подтверждения Румынским Правительством получения настоящего документа мы будем считать, что мир между Россией и Румынией восстановлен»¹¹³. Вместе с советскими представителями декларацию подписал действовавший в качестве посредника полковник канадской армии Д.В. Бойль, который вместе с капитаном Хиллом по поручению румынского посла в Петрограде смог в ноябре 1917 г. вывезти из Москвы в Яссы часть румынского золотого фонда¹¹⁴. Кроме того, в тот же день был подписан протокол: «Высшая Автономная Коллегия, Румчерод, Совет Народных Комиссаров Одесской области, Исполнительный Комитет Советов объявляют, что считают военный конфликт между Россией и Румынией улаженным на основе условий, предложенных нами в нашем ответе от 24 февраля 1918 года, и на основе изменений, внесенных Румынским Правительством, согласно декларации, подписанной ген. Авереску – Председателем Совета Министров Румынского Королевства. Мы в то же самое время принимаем к сведению декларацию г-на полковника Бойля, что обмен русских пленными на румынских распространяется на всех пленных без исключения, в силу чего мы и подписываем настоящий протокол»¹¹⁵.

В тот же день румынское правительство в Яссах подписало «Соглашение между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Румынией», в котором обязалось «очистить Бессарабию в течение двух месяцев» и содержались все условия, указанные выше. 8 марта соглашение было через посредников передано советской стороне, и 9 марта советские представители также подписали его¹¹⁶. Согласно телеграмме Авереску от 8 марта, «Румынское Правительство принимает во внимание коллективную декларацию Высшей Автономной Коллегии, Румчерода, Совета Народных Комиссаров Одесской области, Исполнительного Комитета Советов и Высшего командования революционной армией южно-русского фронта от 5 марта 1918 г. [...] и считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным»¹¹⁷. Соответственно, 12 марта советские войска на Днестре получили приказ прекратить военные действия и ожидать ухода румынских войск из Бессарабии¹¹⁸.

Договор имел большое значение для Советской России, так как являлся вторым после Брест-Литовского договора международным актом, в котором она была признана как суверенная держава, и первым договором со страной, входившей в Антанту. Объясняя свое решение подписать договор с РСФСР, Авереску в июне 1918 г. говорил в парламенте: «Россия больна, без сомнения, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, маленькой державе, не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед»¹¹⁹. Однако, по мнению министра иностранных дел М. Ариона, Авереску просто боялся России, но она «не возродится снова», а большевиков не следует бояться¹²⁰.

Захват Украины германо-австрийскими войсками создал перевес на стороне румынских интервентов в Бессарабии. Оккупация германо-австрийскими войсками левобережья Днестра и занятие 14–15 марта 1918 г. Одессы отрезало Бессарабию от РСФСР. Советские войска, красногвардейские и партизанские отряды вынуждены были отступить¹²¹. В этих условиях Румыния не собиралась выполнять договор, заключенный 5–9 марта 1918 г., а предпринимала дальнейшие шаги к закреплению этого края за собой. Из всего советско-румынского договора был выполнен лишь пункт об обмене пленными и интернированными. 19–24 марта 1918 г. в Сулине 92 румынских сенатора, депутата парламента и офицера были обменены на 73 офицеров и солдат русской армии из румынских лагерей. Как вспоминал позднее бывший выборный командующий 4-й армией И. Кондурушкин, «достаточно было взглянуть при нашем обмене в Сулине на румынских сенаторов, привезенных из России: круглые сдобные морды, цилиндры, тросточки, манишки, горы багажа, и сравнить с ними нас: грязные, оборванные, обовшивевшие, обросшие волосами, обобренные до последней лишней пары солдатских портянок, три месяца не видевшие бани и свежего белья, чтобы сказать: „Какие звери большевики и какие просвещенные европейцы румынские бояре!“»¹²²

Аннексия Бессарабии и Бухарестский договор

Тем временем 6 марта возобновились переговоры о мире между Румынией и странами Четверного союза. 9 марта румынской делегации был вручен список требований стран Четверного союза. Для того чтобы сделать румын более сговорчивыми, им была обещана поддержка в вопросе о присоединении Бессарабии. «Мы готовы оказать Румынии нашу дипломатическую поддержку для получения Бессарабии, и в этом случае Румыния сможет гораздо больше выиграть, чем потерять», – говорил еще 27 февраля министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин румынскому королю Фердинанду. О том же говорил Маргиломану в ходе переговоров представитель австро-венгерского штаба Хорстман: «Мы поможем, в случае надобности, даже войсками, чтобы вы захватили Бессарабию. Вы боритесь против большевиков в Бессарабии, а мы будем бороться против них на

Украине. У нас те же интересы»¹²³.

За согласие на аннексию Бессарабии Румынией германское командование требовало добровольной передачи Германии всей румынской артиллерии. В беседе с германскими дипломатами 29 марта 1918 г. Маргиломан «сказал Кюльману: сейчас дайте нам свободу действий в Бессарабии. Он ответил, улыбаясь, движением руки, означающим: я ничего не имею против. Я предложил Чернину предоставить наши миноносцы, находящиеся на Дунае, в распоряжение адмирала Гофмана, который просил их для взаимного действия у Очакова против большевиков. Чернин был в восторге от этого предложения»¹²⁴. При обсуждении вопроса об оккупации Бессарабии была достигнута договоренность о том, что Хотинский уезд будет оставаться занятым не румынскими, а австрийскими войсками и что австро-германские заготовительные органы получают возможность изымать хлеб у крестьян той части Бессарабии, которая была оккупирована Румынией.

Таким образом, в ходе переговоров стало ясно, что Германия и ее союзники не будут возражать против захвата Бессарабии Румынией. В этих условиях румынское руководство решило еще до заключения договора со странами Четверного союза сделать присоединение Бессарабии к Румынии формально совершившимся фактом. Выяснив, что представители стран Антанты также являются сторонниками присоединения Бессарабии к Румынии, румынское правительство решило ускорить формальное решение этого вопроса.

Со своей стороны руководство МНР в середине марта выяснило благоприятное отношение представителей Антанты к намечаемому присоединению Бессарабии к Румынии. Беседа президента МНР Инкульца с французским представителем в Яссах Сент-Олером 15 марта показала, что со стороны западных союзников Румынии никаких возражений не будет. «Он долго меня расспрашивал о России, – писал Инкулец, – и я ему высказал мою следующую точку зрения: союзники могли бы очень помочь образованию малых государств, как Украина, Грузия, Польша, государств, которые всегда были бы признательны Франции». Что же касается Бессарабии, то Сент-Олер считал необходимым, чтобы она вошла в состав Румынии: «Присоединяйтесь как можно скорее»¹²⁵.

2 апреля президент и премьер-министр МНР, посетившие Яссы, были поставлены в известность о том, что с согласия Четверного союза и Антанты Румыния собирается присоединить Бессарабию. 5 апреля им был передан конкретный план «условного присоединения», которое предполагалось превратить в переходную ступень к провозглашению окончательного присоединения Бессарабии к Румынии. Оба высших должностных лица МНР одобрили это намерение и отправились в Кишинев готовить соответствующее решение «Сфатул Цэрий», в составе которого лишь 86 депутатов были готовы проголосовать «правильно». Приехавший 8 апреля в Кишинев Маргиломан приказал собрать 9 апреля заседание «Сфатул Цэрий» для вотирования присоединения Бессарабии к Румынии¹²⁶. Румынское руководство полагало, что «добровольное» присоединение Бессарабии к Румынии снимет проблему выполнения договора с РСФСР¹²⁷.

Как позднее вспоминал генерал Скина, «по заранее разработанной программе заседание „Сфатул Цэрий“ должно было начаться в 11 и закончиться к часу дня: после проведения голосования премьер-министр Маргиломан должен быть принят на торжественном заседании и зачитать послание короля. Но проходил час за часом, беспокойство начинает охватывать главу правительства и сопровождающих его лиц... Наконец извещают, что нужно набраться терпения, потому что дискуссия об условиях присоединения носит весьма горячий, но бессмысленный характер. В конце концов после семи часов ожидания глава правительства приглашается в зал заседания „Сфатул Цэрий“... Мы не можем забыть тягостного впечатления, которое у нас осталось от официальной церемонии присоединения в день 27 марта [9 апреля] 1918 года»¹²⁸.

Декларация о присоединении Бессарабии к Румынии вызвала протест многих членов «Сфатул Цэрий». Крестьянская фракция, в массе своей состоявшая из молдаван, отказалась голосовать за эту декларацию. Она заявила, что крестьяне не желают отделения от России, что «Сфатул Цэрий» не обладает полномочиями для решения этого вопроса и что на данном заседании может обсуждаться только вопрос о союзных отношениях с Румынией. Вопрос о присоединении могло бы решить Учредительное собрание или всенародный референдум¹²⁹. Депутаты, представлявшие другие национальности, также выступали против присоединения Бессарабии к Румынии. Депутат, выступавший от имени болгар, заявил, что бессарабские болгары и гагаузы также считают, что «Сфатул Цэрий» не правомочен решать этот вопрос и что депутаты от болгар и гагаузов не будут голосовать за присоединение.

Но руководство «Сфатул Цэрий» и сторонники объединения с Румынией отвечали на эти заявления, что они напрасны, так как Румыния все равно превратит Бессарабию в свою провинцию, и, стараясь запугать крестьянскую фракцию, говорили, что если бессарабское крестьянство откажется поддержать притязания румын на Бессарабию, то они пойдут на открытый союз с бессарабскими помещиками и в таком случае положение бессарабских крестьян ухудшится. Обман и угроза вооруженной расправой в случае протеста и одновременно демагогические обещания аграрной реформы в случае поддержки притязаний оккупантов вынудили большинство членов «Сфатул Цэрий», бывших против присоединения, воздержаться от голосования. Как признал позднее известный румынизатор Бессарабии О. Гибу, «помимо незначительного числа депутатов, никто и не помышлял об отделении своей провинции от России и присоединении ее к Румынии»¹³⁰.

Средством воздействия на депутатов было также объявление устного поименного голосования, несмотря на требования депутатов о тайном голосовании. В зале заседания находились офицеры румынской армии, здание «Сфатул Цэрий» было оцеплено войсками. Но даже и в таких условиях за присоединение проголосовали 86

депутатов (53%), 3 проголосовали «против», 38 воздержались, а 35 ушли из зала и не голосовали¹³¹. В итоге 9 апреля 1918 г. была принята декларация «Сфатул Цэрий», согласно которой «Молдавская демократическая республика (Бессарабия) в ее границах между Прутом, Днестром, Дунаем, Черным морем и старыми границами с Австрией, силой оторванная Россией от старой Молдавии сто с лишним лет тому назад, ныне в силу исторических прав, в силу братства по крови и национальности и на основании принципа самоопределения народов отныне и навсегда соединяется со своей матерью–родиной Румынией» при сохранении автономии¹³².

Выступая 10 апреля на заседании крестьянской фракции, депутат Кокырлэ заявил: «Мы, господа, предатели крестьянских интересов, не оправдали тех светлых надежд, которые возложило на нас крестьянство! Что мы скажем своим отцам и братьям? Как мы в глаза им посмотрим?! Ведь о земле и воле не может быть и речи!! Все святые завоевания великой Русской Революции похоронили если не навсегда, то на продолжительное время. Относительно себя скажу, что сильно раскаиваюсь за свой поступок!» Затем выступил депутат Савчук: «Я, господа, еще ни разу не выступал в нашей фракции, а теперь не могу умолчать: когда я узнал, что парламент вотировал соединение с Румынией, то перед моими глазами предстали все те люди, которые отдавали свои лучшие годы на служение Революции; мне представились их трупы, сгнившие в Сибири. Мне слышен их укор, что мы так легко отдали все те великие завоевания, за которые они жертвовали жизнью»¹³³.

10 апреля в письме Инкульцу румынский король Фердинанд писал: «Исполнился чудесный сон. Благодарю от души Господа Бога за то, что в столь трудные дни довелось пережить радость возвращения бессарабцев к родине–матери. Искренне благодарен Вам и „Сфатул Цэрий“, чьи патриотические усилия способствовали этому успеху». 22 апреля королевским декретом подтверждалось решение об объединении Бессарабии с Румынией, а «отличившиеся» Инкулец и Чугуриану получили должности министров без портфелей в румынском правительстве¹³⁴.

Узнав о состоявшемся решении «Сфатул Цэрий», советское руководство 12 апреля заявило, что «попытка румынской олигархии аннексировать Бессарабию является... не только наглым попранием торжественного договорного обязательства, но и насилием над волей всего населения Бессарабии»¹³⁵. 18 апреля в ноте румынскому правительству Москва указала, что заявление Маргиломана о присоединении Бессарабии к Румынии «является не только вызовом Российской Федеративной Советской Республике, но и вопиющим нарушением заключенного Вашим предшественником соглашения с Россией об очищении в течение 2–х месяцев Бессарабии». Это решение лишено «какой бы то ни было международной правовой силы. Насильственное присоединение к Румынии не уничтожает единства и солидарности трудовых масс Бессарабии и России»¹³⁶.

Но и УНР также претендовала на Бессарабию. Еще 18 июля 1917 г. Киев заявлял, что «Украина простирается от Карпат до Кавказа и что Бессарабия является ее составной частью»¹³⁷. 20 апреля 1918 г. правительство УНР заявило протест против присоединения Бессарабии к Румынии, а 11 мая разорвало с ней дипломатические отношения и ввело экономические санкции на Днестре, снятые лишь после обращения Румынии к Германии. Летом 1919 г. правительство Румынии, несмотря на предложения Антанты оказать поддержку денкинской армии, предпочитало оказывать помощь УНР, поскольку было заинтересовано в том, чтобы между Бессарабией и Россией существовало буферное государство, которое препятствовало бы воссоединению края с Россией при любом режиме в последней. В обмен на обещанную поддержку Бухареста в вопросе поставок оружия и боеприпасов петлюровское правительство УНР 26 июля 1919 г. признало Бессарабию частью Румынии¹³⁸.

Тем временем 7 мая 1918 г. правительство Маргиломана подписало мирный договор со странами Четверного союза, который закреплял режим колониальной эксплуатации Румынии и превращал ее из суверенного государства в зависимую страну. Согласно этому договору Румыния лишилась Добруджи, южная часть которой с небольшим приращением отходила Болгарии, а остальная часть переходила в совместное владение держав Четверного союза. Порт Констанца и железнодорожная линия Констанца–Чернавода попадали в руки Германии. Румыния передавала полосу территории вдоль Карпат в 6 тыс. кв. км Австро–Венгрии. Всего Румыния теряла почти 30 тыс. кв. км территории, а получала Бессарабию (44,5 тыс. кв. км). Договор предусматривал, что Европейская комиссия по управлению устьями Дуная, созданная на Берлинском конгрессе в 1878 г., будет заменена новой комиссией, в которой приоритет должен был быть в руках Германии, Австро–Венгрии и их союзников. Таможенная политика и торговля по Дунаю должны были зависеть от держав Четверного союза. Каждая страна, входящая, согласно этому договору, в новую Дунайскую комиссию, получала право держать по два военных корабля в Галаце и Браиле.

По планам германского командования Румыния до р. Серет должна была находиться под контролем германских оккупационных войск. На территории же от Серета до Днестра германское командование расположило румынскую армию, которая должна была иметь при себе немецких офицеров. После ратификации договора в ходе дополнительных переговоров будет определен срок эвакуации оккупационных войск, численность которых определялась в 6 дивизий и «хозяйственные формирования», содержащихся за счет Румынии. Согласно договору румынская армия была ограничена численностью в 20 тыс. человек в пехоте, 9 тыс. – в артиллерии и 3,2 тыс. – в кавалерии, сведенных в 8 дивизий. Все остальное тяжелое вооружение и пулеметы сдавались на склады на оккупированной территории, но под румынской охраной. Кроме того, 2 пехотные и 2 кавалерийские дивизии и несколько егерских батальонов, действующих в Бессарабии, оставались «в составе [штатов] военного времени до тех пор, пока в результате проводимых союзными державами военных операций на Украине границам Румынии не будет больше угрожать опасность»¹³⁹. По сути, их численность никак

не регламентировалась, что позволило румынскому командованию сохранить в армии почти 200 тыс. человек.

Румыния была обязана передать в руки Австро–Венгрии и Германии в собственность или аренду на 90 лет места вдоль берегов Дуная, годные для строительства товарных и угольных складов, магазинов, погрузочных предприятий, ремонтных мастерских и железнодорожных веток. Страны Четверного союза брали на 90 лет в аренду нефтяные промыслы Румынии. При этом монополия на торговлю румынской нефтью и нефтепродуктами переходила в руки Германии и Австро–Венгрии. Корабельные верфи в Турну–Северине передавались Австро–Венгрии в долгосрочную аренду за мизерную плату. При этом Австро–Венгрии разрешалось иметь на территории Румынии железную дорогу от границы до Турну–Северина. Подобные предприятия в Добрудже на тех же условиях передавались Германии. Румыния должна была оплатить все реквизиционные бонусы, выданные державами Четверного союза на оккупированной румынской территории за все время войны (на сумму 1 300 млн леев).

Общая сумма контрибуции, которую должна была заплатить Румыния, превышала 5 миллиардов леев. Леса и лесная промышленность Румынии попадали в руки германских монополий. Договор превращал Румынию в аграрный придаток Германии. Всю свою сельскохозяйственную продукцию Румыния вплоть до 1926 г. должна была поставлять только Германии по заранее установленным заниженным ценам. Румынскому правительству было заявлено, что все хлебные запасы Румынии переходят в руки немцев, а Румыния может снабжаться из Бессарабии. «Приобретение Бессарабии возвращает вам в 10 раз больше того, что вы теряете», – говорил глава германской делегации Р. Кюльман Маргилomanу¹⁴⁰.

Оккупированная румынская территория стала объектом неприкрытого грабежа. Всего за период оккупации из Румынии в страны Четверного союза было вывезено 2 161 905 тонн продовольствия и фуража, 83 тыс. лошадей, 220 500 голов крупного рогатого скота, 317 тыс. свиней, 1 483 тыс. овец, 41 тыс. коз, 1450 ослов и мулов, 1 140 809 тонн нефти, 57 475 тонн железа и металлов, 93 945 тонн соли, 201 153 тонн леса¹⁴¹. Хотя Бухарестский мир был 28 июня одобрен палатой депутатов, а 4 июля сенатом Румынии, в силу он так и не вступил, поскольку не был подписан королем. Это, впрочем, не мешало румынским властям возмещать свои убытки за счет Бессарабии.

Только за два первых месяца оккупации в Бессарабии погибло около 25 тыс. человек¹⁴². 1 июля 1918 г. в крае было введено осадное положение, а 4 августа было приказано ввести для вывесок и афиш румынский язык¹⁴³. Даже румынофил Н.А. Александри считал, что «по всей стране стон стоит от края до края: беззакония, издевательства, глумление такое, каких не было, быть может, от века. Времена царского абсолютизма кажутся чуть ли не раем». В этих условиях становится понятной популярная в Бессарабии «поговорка: „Румын – это не национальность, а профессия“. За 18 месяцев румынской оккупации Бессарабия стала гораздо больше привязана к России, чем за 100 лет русского господства»¹⁴⁴. Жестокий оккупационный режим, грабежи, реквизиции, репрессии вызывали у бессарабского населения желание бороться с румынскими интервентами¹⁴⁵. Как вспоминал побывавший в Бессарабии весной 1919 г. в составе французских войск В. Майбородав, население единодушно ругало румын, а один крестьянин–молдаван выразил общее мнение: «Пришел какой–то цыган и каже, шо он мене брат, а какой он мне брат, когда я русский человек». Меры румынских оккупационных властей «обрусили скорее молдаванское население, чем русское правительство за сто лет своего управления» – все местные старались говорить по–русски. И если на левом берегу Днестра ждали румын для освобождения от большевиков, то бессарабцы ждали большевиков для освобождения от румын¹⁴⁶. Во всех уездах Бессарабии существовали подпольные ячейки, партизанские группы и отряды. То есть фактически в крае шла малая война с румынскими войсками. «Положение тяжелое, – признавал в своем дневнике влиятельный румынский историк Н. Йорга. – Крестьяне ненавидят порядок. Даже и 10% населения не питает к нам должных чувств...»¹⁴⁷

«Великая Румыния»

Тем временем войска Антанты 8 августа 1918 г. начали Амьенскую операцию, в ходе которой им удалось прорвать германский фронт, что означало окончательный перелом в войне на Западном фронте. Германскому командованию стало ясно, что выиграть войну не удастся. 15 сентября антантовские войска начали наступление на Салоникском фронте. 29 сентября капитулировала Болгария, 30 октября – Турция, 3 ноября – Австро–Венгрия. В этих условиях 9 ноября Дунайская армия Антанты форсировала Дунай у Никополя, Журжева и Систова и вступила на румынскую территорию. Вечером того же дня новое румынское правительство генерала К. Коанда потребовало от фельдмаршала Макензена в 24 часа вывести германские войска из Румынии¹⁴⁸. 11 ноября Германия подписала перемирие – Первая мировая война завершилась.

В ходе начавшейся революции и распада Австро–Венгрии заявило о себе и румынское национальное движение. 18 октября 1918 г. в будапештском парламенте была зачитана декларация о суверенных правах румынского народа Трансильвании. 31 октября в Араде был образован Румынский национальный совет Трансильвании, который заявил об отказе от выполнения распоряжений венгерского правительства. Во второй половине ноября в Трансильвании прошли выборы в Великое национальное собрание, которое открылось 1 декабря в Алба–Юлии. 23 ноября румынская армия вступила в Трансильванию и заняла ее до линии верховьев р. Муреш. 2 декабря, получив разрешение французского командования, начальник румынского Генштаба генерал Презан отдал приказ о вводе войск в центральные районы Трансильвании, где их встречали как защитников от отводимых немецких войск, грабивших местное население. Понятно, что венгеро–румынские отношения ухудшились. В Араде произошли столкновения румынских войск с венгерскими отрядами самообороны, и туда

пришлось ввести французские части, которые заняли также и Банат, а 10 декабря 1918 г. вступили в Сегед. 24 декабря 6-я румынская армия заняла Клуж, а к середине января 1919 г. вышла на линию Сигет–Надьбания–Зилах–Чуча–Вашкох¹⁴⁹. В этой обстановке Национальное собрание Трансильвании решило объединиться с Румынией, но потребовало от Бухареста проведения избирательной и аграрной реформ.

Сложнее обстояла ситуация в Буковине. 27 октября 1918 г. в Черновицах было создано Народное собрание румын Буковины, создавшее Национальный совет и Исполнительный комитет во главе с Я. Флондором, пропагандировавшие идею присоединения к Румынии. В ответ украинское население 16 ноября провело в Черновицах Народное вече, которое высказалось за объединение с Украиной. Обстановка в городе обострилась. Однако введенная 18–24 ноября в Буковину 8-я румынская пехотная дивизия (8 073 военнослужащих) генерала Я. Задика из состава 4-го армейского корпуса «урегулировала» эту проблему, и созданный 28 ноября Генеральный конгресс Буковины в составе 74 местных румын, 7 немцев, 6 поляков и 13 лояльных к Румынии украинцев принял «правильное» решение «безусловно присоединиться» к Румынии¹⁵⁰.

18 ноября австро–германские войска покинули Северную Бессарабию. Румынский премьер Маргилومان «передал по телеграфу приказ, чтобы перешли нейтральную границу на севере Бессарабии и заняли бы ее до Хотина армией и гражданскими властями... Решено занять все пустые места и считать таковыми места, занятые раньше войсками, которые демобилизовались или прогнали офицеров». 1-я кавалерийская дивизия из 5-го армейского корпуса двинулась в Хотинский уезд со стороны Бельцкого уезда Бессарабии, а другие части – из Румынии через Липканский мост на станцию Ларга и на Хотин, который был ими занят 23 ноября 1918 г. Комендант Хотина майор Г. Попеску приказал населению сдать все оружие вплоть до охотничьих ружей, пороха, дрови и ножей включительно. Тем же приказом предписывалось снять повсюду до 28 ноября все русские вывески. Население было обязано платить налоги оккупантам. Начались реквизиции продовольствия. Вдоль Днестра была создана километровая зона, в которую было запрещено входить жителям¹⁵¹.

Уже осенью 1918 г. Румыния попыталась добиться от стран Антанты признания соглашения 1916 г. о передаче ей Трансильвании, Буковины и других территорий бывшей Австро–Венгрии. Однако страны Антанты, ссылаясь на заключение Румынией сепаратного мира со странами Четверного союза, заявили, что соглашение 1916 г. утратило свою силу и вопрос о румынских территориальных притязаниях будет вновь рассматриваться на мирной конференции. Еще в июле 1918 г. в Париже был создан «Национальный румынский комитет» для пропаганды «подлинных настроений и интересов румын» во главе с Н. Титулеску, по мнению которого «мы [румыны] являемся частью гвардии Антанты на Востоке, той старой гвардии, которая всегда без ропота следует за ней, мы те, кто любит, не требуя любви взамен, мы те, кто верует, не претендуя попасть за это в рай»¹⁵². Конечно, эти красивые слова следовало подкрепить конкретными действиями, чтобы заставить мирную конференцию прислушаться к мнению Бухареста.

Рассчитывая добиться признания Бессарабии за Румынией на предстоящей мирной конференции в Париже, румынское правительство поспешило с нарушением акта 9 апреля 1918 г. об автономии Бессарабии.

В ноябре 1918 г. румынские власти решили инсценировать в «Сфатул Цэрий» акт признания безусловного присоединения Бессарабии к Румынии. Подготовка к отмене акта 9 апреля была проведена генеральным комиссаром Бессарабии генералом А. Войтояну без излишних затрат средств и времени. Он выслал из Бессарабии тех депутатов «Сфатул Цэрий», которые были явно настроены против присоединения Бессарабии к Румынии, а остальных 6 декабря пригласил к себе и обратился к ним со следующими словами: «Я пригласил вас, чтобы поговорить с вами как румын с румынами, узнать ваши желания и стремления и объяснить вам настоящее положение бессарабского вопроса. Весь разговор должен остаться между нами. Мы, румыны, можем ругаться, но никто не должен об этом знать. В „Сфатул Цэрий“ мы должны прийти с уже готовыми решениями. Согласно акту 27 марта [9 апреля] вы имеете провинциальную автономию, теперь вы должны отказаться от нее. Отказ от автономии нам необходим перед лицом мирной конференции. Мы должны туда прийти объединенными и не подавать никакого повода к критике... Вы, например, – обратился Войтояну к депутату Н. Александри, – я знаю, что вы колебались все лето, и я надеюсь, что вам сейчас все ясно и прекратятся ваши колебания, которые объясняются русификаторской провокацией, так как в противном случае нам придется принять особые меры...»¹⁵³

Без предварительного объявления в печати и без оповещения депутатов 8 декабря 1918 г. в 14 часов дня председатель «Сфатул Цэрий» Халиппа вывесил объявление на дверях здания «Сфатул Цэрий» о том, что в 16 часов того же дня открывается заседание. Заседание было открыто, несмотря на то, что присутствовало всего несколько десятков депутатов, в основном из «Молдавского блока». Выступивший от имени крестьянской фракции В. Цыганко выразил протест против незаконного созыва «Сфатул Цэрий» и заявил, что ввиду отсутствия кворума данная сессия не может быть правомочной. С подобным же протестом выступил и депутат И. Паскалуца. Однако большинство присутствовавших составляли сторонники оккупантов, и они голосовали за то, чтобы заседание было открыто. Это же «большинство» (48 депутатов при кворуме в 54), подтасованное Халиппой и Войтояну, избрало из своей среды президиум.

На следующий день депутаты, не участвовавшие в выборах президиума, заявили протест и после отказа от переизбрания президиума покинули заседание. На повестке дня «Сфатул Цэрий» значился лишь аграрный вопрос, поэтому после перерыва ушедшие депутаты вернулись в зал заседаний. Заседание началось около 20.00 и к 1 часу ночи утомило депутатов, количество которых постепенно уменьшалось. В 2.30 ночи «по окончании чтения законопроекта, без всякого предупреждения председательствующим Халиппой была прочтена резолюция

о желании присоединения Бессарабии к Румынии без всяких условий, уничтожения автономии Бессарабии. В зале заседания находилось по подсчету 46 депутатов [из 162]. Часть депутатов начала аплодировать, заглушая вопрос председательствующего: „Кто против, кто воздержался?“ „Принято единогласно“, – заявил председательствующий господин Халиппа. Представители части депутатов крестьянской фракции, протестуя, просят слова для заявления. Председательствующий Халиппа слова не дает, и акт величайшей государственной важности считается решенным при полном отсутствии кворума (46 депутатов, из которых часть во главе с депутатом Вучушканом выражала свой протест). Вызванный затем по телефону генеральный комиссар генерал Войтояну по прибытии своем немедленно прочел королевский декрет о закрытии сессии „Сфатул Цэрий“. Произошло это уже в пять с половиной утра¹⁵⁴. После этого, как отмечают современные румынские авторы, «выполнив миссию, для которой он и был собственно создан», «Сфатул Цэрий» был распущен¹⁵⁵.

Так была принята декларация от 10 декабря 1918 г.: «Вслед за объединением с матерью Румынией Буковины, Трансильвании, Баната и венгерских областей, населенных румынами в границах Дуная и Тисы, „Сфатул Цэрий“ объявляет, что Бессарабия отказывается от условий единения, установленных 27 марта [9 апреля], будучи уверенной», что в Румынии всем будет обеспечен демократический режим. Поэтому, не ожидая созыва Румынского учредительного собрания, «Сфатул Цэрий» «аннулирует все условия акта 27 марта и объявляет без каких бы то ни было условий присоединение Бессарабии к Великой Румынии»¹⁵⁶. Однако группа депутатов уже распущенного краевого совета «в интересах разоблачения невиданного и недопустимого политического шантажа, насилия и фальсификации» составила акт о том, что они считают все постановления сессии «Сфатул Цэрий» 8–10 декабря 1918 г., «ввиду допущенных явных правонарушений, граничивших с обманом, – недействительными, незаконными и со всей энергией протестуют против отказа от автономии как против акта насилия над волей народов, населяющих Бессарабию»¹⁵⁷.

Бои на Украине и в Венгрии

В ноябре 1918 г. военно–политическая ситуация на юге России существенно изменилась в связи с поражением Германии и окончанием Первой мировой войны. Отвод германских войск с Украины привел, с одной стороны, к созданию 13 ноября нового правительства (Директории) УНР, перебравшегося с 14 декабря в Киев, а с другой – к изданию 29 ноября находящимся в Курске правительством УССР декрета о восстановлении на Украине советской власти¹⁵⁸.

В то же время, 16–23 ноября 1918 г., в Яссах состоялось совещание представителей Англии, Франции, Италии, США, Румынии, «Сфатул Цэрий», УНР и ряда антибольшевистских русских общественно–политических деятелей, которые обратились к союзникам с призывом прислать антантовские войска на юг России. 21 ноября союзники решили поддержать УНР против большевиков, занять Одессу, Севастополь, Киев и Харьков. Соответственно, уже 25 ноября английские корабли прибыли в Севастополь, а 27 ноября французские – в Одессу. 27 ноября УНР просила Антанту направить в Киев их представителей и войска в Киев и Одессу и оккупировать связывающую их железную дорогу¹⁵⁹. Румынское руководство было готово передать местным формированиям Добровольческой армии 188 орудий, 900 пулеметов, 120 тыс. винтовок, боеприпасы и другое снаряжение бывшего русского Румынского фронта¹⁶⁰.

9 декабря были определены цели интервенции Антанты: обеспечить защиту своих интересов и избавить Украину от действий большевистских сил с севера. Для этого следовало захватить базы на Черном море и продвинуться от них и из Бессарабии в бассейны Днестра и Дона¹⁶¹. 17 декабря в Одессе высадилась французская пехотная дивизия. С 20 января 1919 г. в порты Черного моря стали прибывать греческие войска. Тем временем к началу января 1919 г. войска советского Украинского фронта вступили в Харьков и вышли на подступы к Чернигову, Конотопу, Сумам, Ахтырке, Мереве, Змиеву и Купянску. 12 января были заняты Чернигов и Бахмач, 19 января – Полтава, 26 января – Екатеринослав. 16 января УНР объявила войну РСФСР, но местное население с большим энтузиазмом приветствовало Красную армию¹⁶².

Военно–политические изменения на Украине усилили надежды бессарабского населения на скорое освобождение. Различные подпольные группы стали готовиться к выступлению против румынских оккупантов. Наиболее значительным событием в это время стало восстание в районе Хотина. В ночь на 19 января партизанский отряд под командованием Г. Барбуца с 5 орудиями и 30 пулеметами переправился через Днестр и занял находящееся севернее Хотина местечко Атаки, разгромив стоявшую там румынскую часть. Местное население стихийно выступило на поддержку партизан. В первые дни восстания повстанцы заняли большую часть уезда, а 23 января освободили от румын Хотин. Однако разногласия в созданной для руководства восстанием Директории привели к тому, что по большей части восстание так и осталось неорганизованным. Большая часть членов Директории выступала за создание Народно–демократической республики Малой Буковины, входившей бы на правах автономии в УНР. 22 января Директория обратилась с нотой к Англии, Франции, Италии, Германии, США, Австрии, УНР и РСФСР, в которой «от имени всего пострадавшего бессарабского народа» доводила «до сведения Вашего правительства и народа, что румынское правительство произвело над всем бессарабским народом небывалое насилие. [...] Сбросив с себя наравне с остальными народами иго царизма, Бессарабия почувствовала, что и для нее засиял луч свободы. Но в то время, когда свобода сделалась неотъемлемым достоянием всех народов, когда оставалось воспользоваться плодами свободы, соседнее Бессарабии империалистическое государство Румыния наложило на Бессарабию тяжелое иго, присоединив [ее к]

себе, по выражению правительства Румынии, „на вечные времена“, не имея на это абсолютно никакого права и основания, и помимо воли бессарабского народа. Это иго в настоящее время скидывается самим народом...» Директория просила эти страны помочь бессарабскому народу «провести у себя референдум и только тогда, когда воля народа выяснится, присоединиться к тому или другому народу государства»¹⁶³.

В качестве связного с европейскими странами был использован прибывший 22 января в Хотин старший лейтенант английского флота М. Макларен, который был привлечен повстанцами к расследованию злодеяний румынских войск в селе Недобоуцы¹⁶⁴. Ознакомившись с ситуацией на месте, Макларен заявил: «Теперь я вижу и могу засвидетельствовать, как население присоединилось к Румынии и что оно вынесло, если решилось восстать». Естественно, 8-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии были брошены против повстанцев. Согласовав ситуацию с правительством УНР, румынское командование 27 января начало наступление на Хотин. Войска разрушали и сжигали села, расстреливали всех подозрительных или способных носить оружие. Хотинское восстание имело значительный резонанс в Европе и вызвало определенные опасения в Бухаресте. Много позже И. Антонеску вспоминал эту ситуацию: «В 1919 году мы чуть было не потеряли Бессарабию по вине генерала Давидоглу, который уничтожил семь сел и умертвил массу народа. Известно, что по этой причине мирная конференция в Париже занялась пересмотром бессарабского вопроса, чтобы не дать нам Бессарабии, потому что мы дикари»¹⁶⁵. 1 февраля румынские войска вновь захватили Хотин. В ходе подавления восстания в той или иной степени пострадали 15 тыс. человек, из них, по официальным румынским данным, свыше 5 тыс. погибли. Более 54 тыс. местных жителей бежали на левобережье Днестра¹⁶⁶. Потери румынских войск составили 369 человек (убито – 159, ранено – 93, пропало без вести – 117)¹⁶⁷.

Тем временем советские войска Украинского фронта продолжали наступление к Днестру. 1 февраля украинская Красная армия вступила в Кременчуг и Бровары, 5 февраля – в Киев, 7 февраля – в Елисаветград, 10 февраля – в Черкассы, 20 февраля – в Фастов. Правда, это быстрое продвижение войск Украинского фронта в сторону Одессы и Тирасполя оказалось совершенно неожиданным для советского командования. Оказалось, что противостоящие советским частям войска УНР не готовы к реальным боям. Они частично перешли на сторону Красной армии, а частично разошлись по домам. Так, отряд атамана Н.А. Григорьева 2 февраля перешел на сторону советских войск, был переформирован в 1-ю бригаду Заднепровской дивизии и оказался основной силой, наступавшей в направлении черноморского побережья. Оборонявшиеся в этом районе отряды французской, греческой, польской и Добровольческой армий примерно в 12 тыс. человек оказались в определенной степени распропагандированы местными большевиками. Более того, Франция вообще была склонна вывести свои войска, составлявшие основную силу на юге России, на родину.

14 марта 1919 г. командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсеенко поставил перед войсками Киевской группы войск задачу «ускорить ликвидацию петлюровских банд и выйти к Днестру, занять Могилев, операции к востоку развивать до линии Каменец–Подольска. 2[–ю] дивизию сосредоточить [в районе] Рыбница–Балта–Ольгополь. Желательно не допустить разрушения пути Жмеринка–Балта для спешной переброски кавбригады к Балте. Северную часть Бессарабии организовать для прикрытия переправы на Днестре и последующего удара на Кишинев. О последнем будет особый приказ»¹⁶⁸. 17 марта командующий Украинским фронтом своим приказом № 405 сообщал своим войскам: «Решено наступать на Одессу. Киевской группе – заслон со стороны Галиции, выход к Днестру, занятие переправ от Могилева до Рыбницы включительно. Организация восстания в Бессарабии – заслон от Румынии. Удар сильной группой [на] Кишинев–Бендеры–Тирасполь. Харьковской группе – сосредоточиться Голты–Вознесенск, удар на Одессу под прикрытием частей, занимающих Христиновку–Умань, наступающих [на] Зятьковцы»¹⁶⁹.

7 марта 1919 г. советские войска вступили в Бердичев и Казатин, 10 марта – в Херсон, 14 марта – в Николаев, 15 марта – в Житомир и Умань, 18 марта – в Винницу, 20 марта – в Жмеринку, 30 марта – в Вапнярку. К концу марта 1919 г. линия Украинского фронта, в составе которого насчитывалось 88,7 тыс. человек (из них около 40 тыс. штыков и сабель), возросла с 550 км до 1000 км¹⁷⁰. К вечеру 30 марта 1919 г. на фронте Новая Ушица–Могилев–Подольский–Ямполь была развернута 1-я отдельная Бессарабская бригада, переданная 24 апреля в состав 1-й Украинской Советской армии¹⁷¹.

Тем временем 26 февраля 1919 г. Верховный совет Антанты решил создать между Венгрией и Румынией нейтральную зону от Закарпатья до Дуная. Однако у Антанты не оказалось войск, которые можно было бы туда направить, поэтому 16 марта было решено, что из Закарпатья будут выведены венгерские части, а туда вступят чешские и румынские войска. 20 марта нота с требованием в 24 часа сообщить о согласии на вывод войск была передана в Будапешт. Венгерское правительство подало в отставку, и 21 марта Социал-демократическая и Коммунистическая партии Венгрии создали коалиционное правительство, которое провозгласило Советскую республику. Антанта не имела войск, которые можно было бы послать в Венгрию, тогда как Румыния располагала армией почти в 200 тыс. человек, сведенных в 18 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, из которых 4 пехотные дивизии находились в Трансильвании, а 3 пехотные и 2 кавалерийские – в Бессарабии. Поэтому 22 марта Англия заявила Румынии, что готова помочь со снабжением 100-тысячной армии. Франция поддержала эту идею и обещала Бухаресту помощь французского экспедиционного корпуса и войск Чехословакии¹⁷². В этих условиях румынское руководство увидело свой шанс добиться в Париже реализации своих территориальных притязаний. Уже 16 апреля румынские войска двинулись на запад и к 3 мая вышли на р. Тису от Карпат до Сегеда, занятого французскими частями. Венгерское правительство обратилось за поддержкой в Москву.

Еще 21 марта главнокомандующий советскими войсками И.И. Вацетис указал командующему Украинским фронтом: «В последние недели ваши войсковые части автоматически двигаются по линии наименьшего сопротивления в южном и юго-западном направлении, на что вы расходуете последние резервы», и это в условиях, когда в Донбассе «началось генеральное сражение, от исхода которого зависит наше господство на юге»¹⁷³. Получив сведения о провозглашении Венгерской советской республики, 23 марта Вацетис предложил советскому правительству «в случае вашего одобрения» сообщить в Будапешт план совместных военных действий: «1. Установить общий фронт между Венгрией и РСФСР через Буковину. 2. Двинуть из Буковины венгерские советские войска в тыл петлюровским войскам, наступающим из Галиции на Киев»¹⁷⁴. 26 марта главнокомандующий потребовал от Антонова-Овсеевского «приостановить развитие действий в направлении к румынской границе, а равно и к берегам Черного моря, перебросить оттуда все лишние войска против войск Петлюры» для их окончательного разгрома. «Ваше продвижение в западном направлении необходимо довести до границ юго-восточной Галиции и Буковины. Последнее необходимо для того, чтобы установить нам непосредственную тесную связь с советскими войсками Венгрии»¹⁷⁵. 27 марта командующий Украинским фронтом сообщил главнокомандующему, что наступление «остановить не могу, так как Одесса уже почти взята и туда направлены специальные южные формирования»¹⁷⁶.

В марте 1919 г. войска наступающего Украинского фронта были реорганизованы: в его составе создавались Киевская, Одесская и Харьковская группы войск¹⁷⁷. 7 апреля в состав Одесской группы войск (командующий Н.А. Худяков) входили отдельная бригада Богунского, Южная бригада Богуна, бригада Пешехонова, 1-й сводный полк, 15-й Украинский советский полк, две батареи 2-й отдельной бригады, 1-я бригада Заднепровской дивизии Григорьева, кавполк особого назначения Беспалова и Вознесенский полк. Перед войсками группы ставилась задача «продолжать преследование отступающего противника на Бессарабию и вытеснить его за Днестровский лиман»¹⁷⁸. Приказом Антонова-Овсеевского № 47 от 15 апреля Одесская группа войск переформировывалась в 3-ю Украинскую Советскую армию в составе 1-й бригады Заднепровской дивизии, бригады Богунского, кавалерийского дивизиона Попова, бессарабских повстанческих частей и 5-го кавполка, которые следовало свести в 5-ю и 6-ю украинские стрелковые дивизии¹⁷⁹.

2 апреля в оперативной сводке войск Харьковского направления указывалось, что «в Одесском направлении впервые замечены румыны, пробовавшие наступать при поддержке своей артиллерии и двух танков, но были отбиты»¹⁸⁰. Тем временем франко-греческие войска были эвакуированы из Одессы, и 6 апреля части Григорьева вступили в город. 7 апреля Антонов-Овсеевский приказал наступающим к Одессе и Крыму войскам: «Ваша задача – оборона и закрепление побережья, захват линии Днестра до Рыбницы включительно. [...] Остальные части сведите в дивизию, кроме Григорьева. Григорьева направить в распоряжение Дыбенко с тремя полками для расчистки Крыма. Последнее, если не встретится препятствий к занятию линии Днестра»¹⁸¹. 8 апреля юго-западнее Одессы на ст. Выгода шли бои с румынскими войсками, отходившими к лиману¹⁸². Сводка от 8 апреля сообщала, что «французские пехотные части, оставив Одессу, походным порядком отступают на Аккерман. Суда противника, выйдя из порта, стоят на дальнем рейде. Орудия направлены на город»¹⁸³. 12 апреля советские войска вновь заняли отбитый у них ненадолго войсками УНР Житомир, а 17 апреля вступили в Каменец-Подольск¹⁸⁴. 18 апреля советские войска заняли Раздельную, Тирасполь, Овидиополь, 20 апреля – Дубоссары, 23 апреля – Маяки, обеспечив бесперебойное снабжение Одессы водой.

Тем временем в штабе Украинского фронта разрабатывался план операции против Румынии. Еще 6 апреля была подготовлена оперативная записка, в которой указывалось, что «в силу политических и социальных условий Румынское королевство является противником Советской Украинской республики. Венгрия в данный момент наш союзник и предлагает свои военные силы для борьбы против капиталистических государств. Нам дана задача: Вторгнуться в пределы Румынии, опираясь правым своим флангом к Венгрии и тесня румын к морю». Для выполнения этой задачи советские войска должны прежде всего выйти на Днестр от Каменец-Подольска до Черного моря. «Для наступления вторжения в Румынию» создаются четыре группы. Первая группа должна занять Буковину, вторая – наступать от Могилева-Подольского на Окницю и Бельцы, «откуда по шоссе сразу широким фронтом развернуть наступление на Яссы». Третья группа из района Рыбница-Дубоссары-Тирасполь, переправившись через Днестр, «занимает линию Яссы-Кишинев и главный город русской Бессарабии – Кишинев». Четвертая группа из района Раздельная-Одесса, переправившись через Днестр в Тирасполе, Овидиополе, Аккермане и «поддерживая группу Рыбница-Бельцы занятием Кишинева, развивает наступление вдоль железной дороги на Лейпцигскую и из ст. Новокаушаны на ст. Кагальник для связи с группой, наступающей от Аккермана на Гуру Чилингидер и бассейн р. Чилингидер [Челегидер]. К указанному периоду все группы должны быть на линии Сучава-Фольтически [Фэльтичени]-Яссы-Кишинев-Лейпцигская-Бриен, Гура Чилингидер-Жебрияны [Жебрияны] на берегу Черного моря».

По окончании этого наступления Красная армия соединяется с войсками Советской Венгрии, которые будут наступать через Кырлибаба и Кымпулунг-Молдовенек на Сучаву-Ботошани. В дальнейшем предполагалось, что «наступлением по линии Яссы-Васлуй-Фокшаны-Рымник-Плоешти-Бухарест, демонстрацией по линии Лейпцигская-Галац-Браилов-Бухарест с выходом на Дунай с совместным ударом венгерских советских войск по линии Кронштадт [Брашов]-Плоешти-Бухарест и демонстрацией флота у Костенджи [Констанцы] будет нанесен такой решительный удар Румынскому королевству, что оно треснет по всем швам». Украинские и венгерские советские войска берут Бухарест, бессарабские войска занимают Галац, Болград, Рени и Измаил. В результате

«вся территория Бессарабии в ее прежних государственных границах должна быть очищена от румынских войск»¹⁸⁵.

Был подготовлен проект оперативного приказа для 3-й Украинской Советской армии, от которой требовалось: «Совершив переправу у Дубоссар через р. Днестр с одновременной демонстрацией у Бендер и Аккермана, прикрываясь фланговым движением к Яссам, держа связь с наступающими повстанцами в северной части Бессарабии и Молдавии, занять Кишинев и, наступая вглубь Бессарабии, постепенным движением от Кишинева к югу взять во фланг противника, сопротивляющегося у Бендер–Аккермана, и оттеснить его к Черному морю и Дунаю. Выйдя на соединение с нашими северными частями, наступающими вглубь Бессарабии, занять Фальчи [Фэлчиу], переправу на Пруте и в дальнейшем занять Фокшаны и Южную Румынию, где войти в связь с советскими войсками Болгарии»¹⁸⁶.

Согласно более подробной записке войска 3-й армии должны были произвести демонстративные действия на Днестре у Криулян, Григориополя, Бендер, Чебручей и Аккермана. Переправиться через реку следовало у Бодулуй–Воды [Вадулуй–Воды], откуда войска двинутся к Кишиневу. Заняв город, «главные силы [...] должны продолжать наступление на переправу через Прут у местечка Леово» и «одновременно, выслав вспомогательную колонну на Яссы... занять его.

II. Заняв Леово и [Цы]ганка, переправиться через Прут и занять Фальчи [Фэлчиу].

III. Войскам, производившим демонстрацию у Бендер и у Чебручей, что на Днестре, переправиться через Днестр и, приняв все меры к сохранению моста при наступлении, следовать на ст. Лейпцигская, держа связь с главной колонной по пути их марша, и соединиться с колонной, следующей из Аккермана на Лейпцигскую. Колонне из Овидиополя следовать на Килию и Измаил, охраняя побережье Черного моря от всяких поползновений десанта.

IV. К этому времени занять Фальчи [Фэлчиу], правой колонне – Яссы, а левому флангу, через Лейпцигскую, – Галац. Побережной колонне – Измаил–Килию–Вилков.

V. Заняв Фальчи [Фэлчиу], наступать главной колонне через Бурсулы на Бырлад и дальше на Текуч–Фокшаны–Бузю [Бузю]–Урзичени, переправу через [р.] Яломица, Бухарест, Журжево [Джурджу] до соединения с болгарскими советскими войсками.

VI. Правой колонне из Яссы наступать на Пашканы и, соединившись с бессарабскими войсками, быть в резерве главной колонны»¹⁸⁷.

21 апреля Вацетис, сообщив СНК РСФСР о вступлении Красной армии в Галицию, запросил правительство о том, «насколько это продвижение допустимо с общей политической точки зрения, какая задача ставится при этом продвижении и какой конечный рубеж должны занять войска»¹⁸⁸. 22 апреля В.И. Ленин ответил, что «продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решать быстрее и прочнее». Перед войсками Украинского фронта ставились две главные задачи: 1) «помочь Донбассу» и 2) «установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией»¹⁸⁹. Соответственно, на следующий день Вацетис поставил перед Украинским фронтом задачу соединиться с Венгрией и ускорить помощь войскам Южного фронта¹⁹⁰.

22 апреля командование 3-й Украинской Советской армии докладывало, что «весь левый берег Днестра от Белочь [в] 20 верстах сев. Рыбница до устья с переправами в наших руках. Петлюровские банды ушли за Днестр, часть их разоружена. Румынские части прорвались в Галицию. 3 румынских монитора обстреливали Овидиополь и берег лимана до Бугаза, разбили и увезли в этом районе все лодки, баржи»¹⁹¹. Вечером того же дня оперативная сводка армии сообщала: «На фронте без перемен. При отступлении противника нами захвачено под Бендерами 24 орудия, 14 подвижных составов, 8 паровозов, 6 тыс. снарядов, 100 тыс. патронов, 3 тыс. винтовок без замков, 6 автомобилей и много другого имущества»¹⁹². 25 апреля командование 3-й армии сообщало, что «румыны пытаются вступить в переговоры, желая отвлечь нас и сконцентрировать свои силы. В остальном без перемен»¹⁹³. «В ночь на 30 апреля противник силой до одного батальона переправился через Днестр и пытался занять деревни Солободзею и Олыхой. Контратакой Плосковцев и кав[алерийского] дивизиона Попова был сброшен в реку»¹⁹⁴.

Днестровский фронт

Выход советских войск к Днестру оживил надежды бессарабского населения на скорое освобождение от румын. Французское командование было убеждено, что местное население враждебно румынам. Румынские солдаты под воздействием разъяснительной работы румынских коммунистов стали более восприимчивы к большевистской пропаганде. Солдаты 56-го румынского полка восстали и перебили офицеров, но это выступление было подавлено¹⁹⁵. По данным советской разведки, «румынские офицеры того мнения, что если большевики начнут наступать, то придется очистить всю Бессарабию, так как без помощи французов не удержаться»¹⁹⁶.

Создавались благоприятные условия для освобождения Бессарабии. 13 апреля командующий Украинским фронтом приказал 1-й Украинской Советской армии «на крайнем правом фланге сосредоточить бессарабские части, дабы по особому приказу: а) содействовать группе т. Худякова в походе на Румынию; б) походом через Буковину и Угорщину войти в связь с Советской Венгрией»¹⁹⁷. В тот же день командующий 3-й армией получил приказ: «Готовьтесь энергично наступать на Румынию. С севера повстанцы, подчиненные до соприкосновения с

вами [командующему 1-й армии] Мацилецкому, свяжут противника. Вы ударом через Дубоссары–Кишинев, откуда вспомогательным отрядом – Яссы, а главной силой – к югу в тыл противника и на соединение с нашими наступающими от Бендер и Аккермана. Этим возможно сохранить мосты и дезорганизовать врага. Затем переправа Прута в среднем течении и выход к линии р. Серет. Подробный приказ получите»¹⁹⁸. 20 апреля, будучи в Одессе, Антонов–Овсенко распорядился о необходимости организации румынских советских частей и налаживании связи с болгарами и турецкими революционными слоями, настроенными на борьбу с румынами. «Ваше движение в Бессарабию, – указал он Худякову, – должно сопровождаться подъемом Болгарии против Румынии». Соответствующая помощь должна была быть оказана через СНК УССР¹⁹⁹.

Войска 3-й армии начали готовить наступление. 24 апреля командующий 3-й армией издал приказ № 02, в котором указывалось, что «задача Украинского фронта – очистить Бессарабию и энергично готовиться к наступлению на Румынию с выходом на р. Серет, дабы при содействии повстанцев северо–запада и сочувствующей нам Добруджи, совместно с советскими войсками Венгрии и Болгарии, установить в Румынии власть пролетариата. Задачей 3-й армии – обеспечив переправы на реке Днестре, перейти на западный берег реки Днестра с захватом важных узлов сопротивления Бессарабии, продолжая дезорганизо[вы]вать противника; освободить Бессарабию и установить там советскую власть; продолжать охранять побережье Черного моря». Командарм приказал начдиву–5 т. Пешехонову: «Обеспечив за собой переправы на реке Днестр от дер. Рыбница включительно до устья р. Днестра, занять и удерживать линию г. Кишинева, ст. Бессарабская (ст. Лейпцигская), ст. Арцис (дер. Бриеска), устье р. Когильник, для чего, захватив Кишиневский дорожный узел с г. Кишиновом, энергичным ударом на юг в направлении на ст. Лейпцигская захватить железнодорожный узел у ст. Арцис, с целью не дать уйти противнику из–под Аккермана. [...] Принять все подготовительные меры для выполнения означенной задачи, каковую начать не позже 1 мая с.г. Вести перед фронтом разведку, высылая вперед особые агитационные отряды с целью подымать восстания в тылу противника». 6-я стрелковая дивизия, которой командовал Григорьев, оставалась в резерве 3-й армии²⁰⁰.

В тот же день своим приказом № 0157 Худяков потребовал от инспектора инженеров армии: «Ввиду предстоящего передвижения наших войск в Бессарабию и далее к границам Румынии, необходимо[: а)] устройство и обеспечение за собой переправ на Днестре (постройка и исправление мостов, постройка тег–депонов и т.д.); б) исправление старых и устройство новых дорог как в глубину, так и по фронту для беспрепятственного движения и быстрого перебрасывания войск; в) снабжение войск всеми необходимыми средствами для производства инженерных работ. По всем этим вопросам прошу дать в самый кратчайший срок доклад, что сделано и что намереваетесь сделать...»²⁰¹ Тогда же аналогичные приказы были отданы начальникам артиллерийского, продовольственного снабжения и санитарной части²⁰². Соответственно штаб 5-й стрелковой дивизии 3-й Украинской Советской армии приказал командиру 1-го бронепоезда Одесского железнодорожного узла быть готовым вместе с отрядом в 400–500 человек к наступлению через Бугаз на Аккерман, заняв который следовало войти в связь с советской кавалерией, действующей у Бендер²⁰³.

25 апреля в Киев и Москву были командированы сотрудники штаба 3-й армии за картами Румынии, Бессарабии и бывшего Одесского военного округа²⁰⁴. В Одессе и по левому берегу Днестра командование Украинского фронта разместило военные части, созданные из бессарабцев, и интернациональные полки, в которых наряду с солдатами других национальностей было много румын. В районе Дубоссар находились бессарабский запасной батальон и несколько партизанских отрядов (Плосковский, Слободзейский и др.), в районе Тирасполя был дислоцирован бессарабский запасной батальон, в районе Овидиополя – 1-й Бессарабский полк. Все эти части входили в состав 3-й Украинской Советской армии. 2 мая на их основе началось формирование 1-й Бессарабской стрелковой дивизии²⁰⁵.

Намерения правительства УССР прекрасно видны из разговора по прямому проводу его председателя Раковского с неназванным собеседником 28 апреля 1919 г.: «Как политическую демонстрацию, которая сопровождала бы наше наступление на Буковину и Бессарабию, можно отправить ноту Румынии и ее гарантам–союзникам. Центральным пунктом в этой ноте может стать русско–румынский договор от 5 марта прошлого года. Он составляет для нас удобную прямую основу для военных действий против румын, объектом которых мы поставим Бессарабию, а фактически – низвержение румынской буржуазии и объединение по ее трупам с Венгрией. Эта политическая демонстрация поднимет настроение в Венгрии. Операцию против румын мы подготовляем, используя явным образом интернациональные и бессарабские элементы так, чтобы она не была в ущерб выполнению директив Владимира Ильича. Я лично считаю, что наши операции в Буковине и Бессарабии мы будем проводить под местной фирмой, не афишируя себя. Для Бессарабии в Одессе уже подготовлено бессарабское правительство, состав которого мы обсудим сегодня и которое состоит из бессарабских товарищей»²⁰⁶.

28–30 апреля было создано Временное рабоче–крестьянское правительство Бессарабской республики (председатель И.Н. Криворуков), которое 8 мая 1919 г. опубликовало манифест о том, что Бессарабия, являясь Советской Социалистической республикой, входит в состав РСФСР как ее составная часть. «Все законы, приказы, постановления и распоряжения как румынского правительства и его агентов, так и Совета директоров [„Сфатул Цэрий“] и его агентов считаются незаконными и не подлежат исполнению. Все фабрики, заводы, банки, крупные торговые предприятия и каменоломни объявляются собственностью» республики. «Все земли помещиков со всем живым и мертвым инвентарем должны быть отобраны и переданы органам Советской

власти... для дальнейшей безвозмездной передачи крестьянам... причем всякая крупновладельческая и кулацкая собственность на землю уничтожается. [...] Все договорные обязательства рабочих и крестьян по отношению к помещикам и капиталистам считаются необязательными. Все национальные группы Бессарабии отныне пользуются полной автономией...» Временное правительство заявляло, что после изгнания оккупантов созывает в Бессарабии съезд Советов, которому и передаст власть. Оно призывало трудящихся выступить против оккупантов и стать в ряды советских войск²⁰⁷.

1 мая 1919 г. правительства РСФСР и УССР передали румынскому правительству ультиматум, в котором напоминалось о том, что согласно договору от 5–9 марта 1918 г. румынская сторона обязалась вывести свои войска из Бессарабии, но не сделала этого. Поэтому советские правительства готовы «положить конец насилиям и вызывающим действиям Румынского Правительства. Не желая проливать братскую кровь румынских рабочих и крестьян, действующих по принуждению, оба Советские Правительства обращаются к Румынскому Правительству с нижеследующими предложениями:

1. Немедленная эвакуация румынских войск, чиновников и агентов из всей Бессарабии и предоставление бессарабским рабочим и крестьянам свободы установить свою собственную власть;

2. Предание народному суду всех виновников преступлений, совершенных над бессарабскими рабочими и крестьянами и над всем населением Бессарабии;

3. Возвращение всего военного имущества, принадлежащего России и Украине, захваченного Румынией;

4. Возвращение жителям Бессарабии всего отнятого и конфискованного у них имущества.

Российское и Украинское Социалистические Советские Правительства ожидают в течение 48 часов, начиная с первого мая в 22 часа, ясного и точного ответа о принятии их предложения; в противном же случае они будут считать себя обладающими в отношении Румынии полной свободой действий»²⁰⁸.

2 мая правительство УССР направило правительству Румынии ноту, в которой обращало его внимание на то, что «Буковина, перед которой открывались перспективы освобождения от всякого классового и национального гнета, стала добычей жадной румынской военной и гражданской олигархии». УССР выражала протест и предлагала «Румынии заявить в течение 48 часов о своем согласии немедленно эвакуировать своими войсками Буковину. Указанный срок истекает 4 мая в 2 часа»²⁰⁹. 4 мая на заседании ЦИК УССР было решено прийти на помощь Советской Венгрии²¹⁰.

Реввоенсовет 3-й Украинской Советской армии обратился к населению Бессарабии с призывом к борьбе против румынских оккупантов, в котором, в частности, говорилось: «Знамя социальной революции охватило весь мир, начиная с Венгрии и кончая Францией. Революционные рабочие и крестьяне Украины, освободившиеся от ига своих угнетателей и восстановившие власть народа – Советы рабочих и крестьянских депутатов, решили прийти на помощь своей измученной сестре – Бессарабии. Нами начато наступление на Бессарабию – вам на помощь. Тирасполь в наших руках. На остриях своих штыков мы несем знамя победы, знамя борьбы за лучшее будущее, борьбы за землю, за право трудящихся. Старый мир уступает место сильному, бедному классу крестьян и рабочих. Троны палачей–королей пошатнулись, и близок час, когда в черном Кишиневе, Яссах и Бухаресте взвоятся красные флаги – знамена свободы трудящихся всего мира»²¹¹.

Силы противника в Бессарабии оценивались к началу мая в 10 тыс. человек (в том числе 4–5 тыс. пехоты), небольшого отряда кавалерии и 45 орудий²¹². Войска 3-й армии на 1 мая насчитывали 29 887 человек, 199 пулеметов, 85 орудий, 12 бронепоездов и 12 самолетов²¹³. Тем временем 1 мая на Днестре вспыхнули бои. «Румыны наступают по фронту от Незавертайловки до Маяк. Есть переправившиеся через реку части с пулеметами. Эту позицию занимает Приднестровский советский полк, временно прикомандированный [к] 5-му Тилегульскому полку, в составе 1 500 чел. Имеется всего 500 винтовок, патронов нет. Просим немедленно прислать на грузовиках в Маяки 1 000 винтовок и 100 000 патронов русских. Пока задерживаем противника. Острая нужда в патронах»²¹⁴. В утренней сводке от 1 мая сообщалось, что «на Приднестровском фронте румыны пытались переправиться через Днестр, но были отбиты с большими потерями»²¹⁵. Согласно сводке от 2 мая, «румынские разведывательные отряды, пытавшиеся перейти реку Днестр у Незавертайловки, отбиты ружейным и пулеметным огнем. На остальном участке фронта без перемен»²¹⁶.

2 мая Худяков уведомил Антонова–Овсеенко о том, что для восстановления бендерского моста необходим головной поезд с соответствующим оборудованием. Если быстрое восстановление моста невозможно, «необходимо построить временный мост для движения легкой артиллерии и обозов». В тот же день он распорядился начать сбор на черноморском побережье плавучих средств для постройки плавучего моста через Днестр²¹⁷. Тем более что обследование бендерского моста показало, что его восстановление потребует мощной техники и минимум 3 недель времени²¹⁸. Командующий Украинским фронтом, посетивший 22–23 и 29 апреля части 6-й стрелковой дивизии, указал командарму: «Делаете большую ошибку, что не пускаете вперед Григорьева; не оставляйте его в тылу, дайте ему задачу переправы у Дубоссар, Кишинев, Лейпцигская и часть к Фальчам [Фэлчу]. Пятая [дивизия] выйдет на соединение к Лейпцигской. Правый фланг прикроет партизанский отряд Дмитриева, который прежде всех направьте для перехвата путей из Яссы к Гушу [Хуши и] Доколину. Левый фланг – рыбаки гирл Дуная, которых надо поднять особыми отрядами, через них взволновать Болгарию»²¹⁹. 3 мая Белорусской бригаде было приказано быть готовой через 3 дня «выступить по назначению»²²⁰.

4 мая главнокомандующий Украинского фронта, что «следует укрепить передовой рубеж по Днестру у Каркмазы–Бендеры–Рыбницы и Могилева на Днестре, широко использовав прежние ваши позиции»²²¹. В тот

же день Антонов–Овсенко сообщил Вацетису, что «ввиду истечения срока ультиматума, предъявленного правительством Украины Румынии, Укрфронту предстоят новые боевые задачи, вследствие чего» создание резерва на севере задерживается. На это главком ответил, что «никаких активных задач против Румынии Укрфронту пока не ставится»²²². Командование Красной армии все больше приходило к выводу, что затяжные бои в Донбассе решат судьбу операций на юге России, и от Украинского фронта требовалось перебрасывать свободные части в Донбасс²²³. 5 мая Вацетис вновь обратился к Антонову–Овсенко, требуя, чтобы он, кроме сил, необходимых для действий в Буковине, все остальные войска бросил в Донбасс²²⁴.

Тем временем 3 мая Худяков докладывал Антонову–Овсенко, что «все распоряжения по наступлению войск отданы. Переформирование войск закончено. Изменение задачи внесет путаницу в отданные распоряжения и может повлечь за собой неуспех наступления. Григорьев только и делает, что присылает требования на невероятное количество снаряжения и обмундирования, не давая никаких сведений о наличном и боевом составе дивизии. Ваши указания относительно партизанского отряда Дмитриева и рыбаков Дуная будут выполнены. Григорьев в начинающихся операциях будет использован как резерв. Пускать Григорьева в первую очередь – задержит исполнение операции»²²⁵. В ответ 4 мая командующий Украинским фронтом ответил, что «лучше на день, два замедлить операцию, чем рисковать тылом. У Григорьева 15 000 строевых... Григорьев пойдет совсем иначе вперед. Необходимо вам лично подтолкнуть его. Гарантий в его благонадежности нет, нельзя дать ему медлить. Надо, чтобы выступил немедленно»²²⁶.

Согласно сводке от 3 мая, «на фронте 3–й армии спокойно. Производится разведка и подготовка к наступлению, которое начнется 6[–го] утром. Григорьев в Александрии, 1–я бригада его в Елисаветграде, 4–й полк на ст. Помощная и 5–й полк в распоряжении начдива–5. [...] Наш правый фланг местечко Рыбница»²²⁷. 5 мая Антонов–Овсенко сообщил Худякову, что, по данным разведки, румынская армия насчитывала 5 армейских корпусов. Из них 31/2 наступают на Венгрию, 5–й корпус (9–я, 10–я пехотные дивизии, 3–я, 5–я кавбригады) в Бессарабии, 3–й (5–я, 6–я, 12–я пехотные дивизии) – на р. Серет. Румыны ожидают советского наступления у Дубоссар. В Венгрии румыны вышли на р. Тиса, а чехи овладели Комарно²²⁸.

5 мая 1–я армия получила приказ командующего Украинским фронтом № 964/лк, в котором указывалось, что «6 мая Худяков начинает операции против Румынии в направлении Кишинева. Вам необходимо немедленно начать сильные демонстрации по всему вашему участку Днестра, имея в виду наступление через Хотин–Новоселицы–Дорохой, для отсечения Буковины и захвата путей к Яссам и проходов Дорна, Ватру и Кирибабы [Кырлибаба] через Карпаты»²²⁹. 6 мая командующий Украинским фронтом уведомил Худякова: «Ваш приказ № 02 от 24 апреля только сегодня получен. Давать точный боевой приказ за 10 дней не годится. Ваш приказ не предусматривает вспомогательного движения к Яссам в прикрытие наступления к югу. Повторяю, части Григорьева должны быть выдвинуты вперед и необходимо иметь в виду быстрым движением особого отряда захватить переправы на Пруте – предстоит дальнейшее движение на Серет»²³⁰. На следующий день Антонов–Овсенко сообщил командарму–3, что «положение вещей в Венгрии резко ухудшилось. Недопустимо медлить с наступлением. Скорее двигайте Дмитриева, за ним Григорьева. Завтра выезжаю в Одессу»²³¹.

7 мая наркомвоен УССР Н.И. Подвойский издал приказ № 396, согласно которому «по решению Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета наши армии переходят в наступление против румынских белогвардейцев – палачей наших братьев в Бессарабии...»²³². 8 мая он докладывал в Реввоенсовет Республики, что две дивизии, Интернациональная и Бессарабская, формируются «с особой задачей оказания помощи Венгрии, освобождения Бессарабии»²³³. Однако их формирование затянулось²³⁴. 9 мая председатель СНК УССР Раковский в телеграмме командующим Украинским фронтом, 3–й армией и 6–й стрелковой дивизией сообщал, что 3 мая Венгрия предложила Румынии заключить мир. Бухарест согласился при условии, что будут разоружены все венгерские войска, все вооружение, обмундирование, продовольствие и другое имущество в течение 10 дней должно быть передано румынской армии. Румынии передаются все железнодорожные материалы восточнее Тисы, 1 800 паровозов, 31 100 вагонов, все суда на Тисе, в трехдневный срок венгры должны передать 4 бронепоезда, 800 исправных автомашин, крепости на правом берегу Тисы, которая должна была стать западной границей Румынии. «Венгерское рабоче–крестьянское правительство отвергло эти чудовищные условия и заявило, что будет сражаться до последней капли крови». Правительство УССР обещало Венгрии свою помощь. «Наступая на помещичью Румынию, мы не только освобождаем украинцев и других наших братьев рабочих и крестьян Бессарабии и Буковины, но предупреждаем опасность, которая грозит Советской власти на Украине, против которой бросятся опьяненные победой над венгерскими рабочими и крестьянами румынские белогвардейские генералы. Спешите. Всякая упущенная минута поможет врагу взять инициативу в свои руки. Для колебаний не должно быть места»²³⁵.

9 мая Антонов–Овсенко своим приказом № 885 довел до сведения Худякова и Григорьева, что СНК УССР предъявил ультиматум Румынии с требованием очистить Буковину и Бессарабию. Правительству Восточной Галиции предложено вступить в переговоры об установлении демаркационной линии и границы. «В этой обстановке на Вас, на войска Начдива Григорьева и другие части 3–й армии падет великая ответственность – Вы должны нанести удар, который освободит Украинскую Советскую Республику от грозной опасности со стороны румынских бояр, этих агентов союзного хищничества, сейчас торопящихся удушить Советскую Венгрию, чтобы потом броситься на Советскую Украину. Разьясните это Вашим войскам, воодушевите их на подвиг. Пусть поймут – дело, начатое в Одессе, должно быть доведено до конца»²³⁶.

9 мая командир Белорусской бригады получил приказ с утра 10 мая выступить к Овидиополю²³⁷. Однако 7–9 мая, получив «оперативный приказ о выступлении на бессарабские позиции» у Балты, части Григорьева, на основе которых формировалась 6-я стрелковая дивизия, находившиеся на отдыхе в районе Александрии, подняли мятеж, «во время движения части его, пропитанные бандитизмом, стали грабить, насильничать». Сам Григорьев объявил себя гетманом Украины²³⁸. В этой ситуации командующим 1-й и 3-й армиями 10–11 мая было приказано «подготовку наступления в Румынию [и в Буковину] продолжать, но самое наступление отложить»²³⁹. Соответственно, 10 мая Худяков приказал командиру 5-й стрелковой дивизии «продолжать подготовку наступления на Румынию, самое же наступление временно отложить». Войскам была поставлена задача обороняться от мятежных частей Григорьева, который был объявлен вне закона²⁴⁰. С 12 мая советские войска втянулись в бои с мятежниками²⁴¹. Восстание охватило центральные районы Украины, оттянув на себя свыше 14 тыс. штыков и 600 сабель²⁴².

12 мая председатель СНК УССР Раковский сообщал Вацетису, что «авантюра Григорьева сорвала подготовляемое нами наступление на Бессарабию, которое мы подготовляли без ущерба Донецкому бассейну. Мы поставили в тяжелое положение Венгрию и в нежелательное положение самих себя»²⁴³. Тем не менее бои на Днестре продолжались. 12 мая, согласно утренней оперативной сводке 3-й армии, «нашими доблестными красными войсками прорван Румынский фронт. У деревни Чебручи 25 верст южнее Тирасполя перешли на правый берег Днестра, преследовав противника на 10 верст, захватив оружие и лошадей»²⁴⁴. Однако сводки за следующие дни не содержат сведений о развитии этого наступления, поскольку советские войска вернулись на левый берег Днестра. Объясняя главному случившееся, Антонов–Овсенко сообщал 17 мая: «Газеты преувеличили. Был набег, предполагался большой маневр, но сорван восстанием Григорьева. От действий против Румынии не отказываюсь. Интернациональные и бессарабские части для этого; патронов мало, еще готовимся»²⁴⁵.

По данным вечерней сводки от 16 мая, «румынами было сделано 6 выстрелов артиллерийских по Дубоссарам, но после того как наша батарея обстреляла помещение румынского штаба [и подбила 3 неприятельских орудия], огонь был прекращен»²⁴⁶. 17 мая командир 1-й бригады 6-й стрелковой дивизии Недолуженко докладывал, что в 22.00 16 мая румыны обстреляли 16 снарядами Рыбницу, есть жертвы. «Против Дубоссар заметна активность противника. Красноармейцы проявляют нервозность за отсутствием артиллерии. Прошу срочного распоряжения о немедленной высылке артиллерии в Слободку»²⁴⁷. Утренняя сводка от 18 мая сообщала, что «на Бессарабском фронте артиллерийским огнем румыны обстреляли Рыбницу. В районе Дубоссар противник роет окопы»²⁴⁸. Согласно вечерней сводке от 22 мая, «на Бессарабском фронте наши части форсировали Днестр и находятся в 20 верстах от Кишинева»²⁴⁹. В тот же день Антонов–Овсенко указал Худякову: «Не совсем п[он]ятны известия, что вы берете Кишинев. Нужно быть чрезвычайно осторожным. Ведь практически силы у нас нет, патронов тоже, снабжение слабо, с Григорьевым не кончено. Займитесь лучше усиленно рекогносцировкой и не втягивайтесь в серьезные бои»²⁵⁰. Это, впрочем, не помешало командующему Украинским фронтом 24 мая доложить в Москву: «В направлении Кишинева нами поведено наступление, наши части сейчас в 7 верстах от Кишинева. Это наступление ведется частями, которых только этим остановили от присоединения к Григорьеву»²⁵¹.

23 мая председатель уездвоенкома И. Горелов докладывал из Ямполья: «Второй день румыны бомбардируют Ямполь, предъявляя абсурдные и невыполнимые требования, на которые мы даем категорический отказ. Жители оставляют город, так как нет возможности оставаться в нем. С нашей стороны не делается ни одного выстрела, сопротивление будет оказано только в том случае, если румыны станут переправляться на наш берег. В городе имеется гарнизон 1-го Бессарабского полка в количестве 259 штыков, 8 пулеметов и 1 орудия. Острый недостаток русских патронов и пулеметных лент. Просим дальнейших распоряжений»²⁵². В целом же, согласно сводке от 23 мая, «на Бессарабском фронте без перемен»²⁵³. Вечерняя сводка от 25 мая сообщала, что «на Бессарабском фронте артиллерия противника обстреляла Дубоссары»²⁵⁴. Учитывая ухудшение положения Красной армии в Донбассе, 26 мая Вацетис приказал «в западной части Украинского фронта со стороны Днестра и Галиции перейти к обороне», выделить войска на Южный фронт и подавить мятеж Григорьева²⁵⁵.

25 мая правительства РСФСР и УССР своей нотой напомнили о том, что Румыния захватила и использовала по своему усмотрению имущество русских войск Румынского фронта и находящееся в Бессарабии. Значительная часть захваченного распродана или передана в распоряжение белых. «Теперь, когда Румынскому Правительству стало ясно, что пришел конец его позорному господству над бессарабскими рабочими и крестьянами, оно перед своим отступлением задалось целью ограбить всю Бессарабию». Советские правительства России и Украины, «сохраняя за собой право предать суду революционного трибунала» виновников грабежей, «снимает с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей», привезенных из Румынии в Россию в годы Первой мировой войны²⁵⁶. Правда, как признавал позднее Антонов–Овсенко, «положение складывалось таким образом, что мы, несмотря на наши решительные намерения, вынуждены были в отношении румын ограничиваться пышными декларациями и пустяковыми военными демонстрациями»²⁵⁷.

Вечерняя сводка от 27 мая сообщала, что «на Бессарабском фронте частичные бои в районе Бендер»²⁵⁸. Согласно вечерней сводке от 28 мая, «на Бессарабском фронте неприятельские войска устроили митинг, на котором была вынесена резолюция не оказывать сопротивления советским войскам. Разведывательные части в количестве 127 красноармейцев переправились в 3 часа утра через Днестр и быстрым и энергичным ударом захватили крепость Бендер, взяли в плен 600 румын и французов. Позднее под натиском превосходящих частей

наши переправились обратно на левый берег Днестра, уводя с собой пленных»²⁵⁹. Появление в городе советских солдат привело к восстанию местного населения. Восставшие захватили центр города, вокзал, депо и другие предприятия. Французское командование приказало подавить восстание, но многие французские солдаты отказались выполнить приказ и стали брататься с восставшими. Все же французскому командованию удалось подтянуть артиллерию и с помощью алжирских стрелков и польских легионеров обстрелять город и подавить восстание. 29 мая город был объявлен на осадном положении, начались казни и преследования всех заподозренных в сочувствии к красным²⁶⁰.

28 мая Антонов–Овсенко в соответствии с директивой главкома от 26 мая приказал войскам «сохранять на внешнем фронте оборонительное положение»²⁶¹. Однако советско–румынские столкновения на Днестре продолжались. Утренняя сводка от 29 мая сообщала, что «на Бессарабском фронте поиски разведчиков и ружейная перестрелка в районе Бендер»²⁶². Согласно вечерней сводке от 29 мая, «на Бессарабском фронте при налете аэропланов на Бендеры нашим летчиком было сброшено несколько пудов прокламаций», а «в районе Дубоссар–Бендер ружейная перестрелка»²⁶³. По данным утренней сводки от 30 мая, «на Бессарабском фронте перестрелка в районе Бендер» и «в районе Дубоссар частичная ружейная перестрелка»²⁶⁴. Вечерняя сводка от 31 мая сообщала, что «на Бессарабском фронте в районе Дубоссар частичная ружейная и пулеметная перестрелка, попытки противника перейти реку Днестр успешно отбиваются нашей артиллерией. Аэропланы противника производят по всему фронту усиленную разведку. В районе Бендер наши части перешли в наступление на участке Старые Липканы, Парканы, Тырновка, что [в] 8 верстах северо–западнее Тирасполя»²⁶⁵.

Утренняя сводка от 1 июня сообщала, что «на Бессарабском фронте в районе Старые Липканы, Парканы ружейная и пулеметная перестрелка»²⁶⁶. 4 июня председатель Реввоенсовета Республики Троцкий отдал приказ № 104 о расформировании Украинского фронта и формировании из войск 1–й и 3–й Украинских Советских армий 12–й армии, а из 2–й Украинской Советской армии – 14–й армии²⁶⁷. Соответствующий приказ 13 июня отдал и Антонов–Овсенко, а новый командующий 12–й армией Н.Г. Семенов приказал переформировать все войска бывшей 3–й армии в 45–ю и 46–ю стрелковые дивизии²⁶⁸.

Оперативные сводки советских войск на Днестре свидетельствуют о том, что бои с румынскими войсками продолжались. 5 июня «на Бессарабском фронте в районе Бендер артиллерийская перестрелка»²⁶⁹. 7 июня «противник обстрелял артиллерийским огнем станцию и город Тирасполь»²⁷⁰. 9 июня в 25 верстах северо–западнее Тирасполя в районе Красногорки противник на 5 лодках пытался переправиться на левый берег Днестра и отеснить нашу заставу, но был отбит, положение было восстановлено²⁷¹. Как докладывал 10 июня командир 3–й бригады 5–й стрелковой дивизии Черников, «румыны переправились через Днестр и ведут наступление на Красную Горку [Красногорку] в районе расположения 5–го Тилегульского полка. Отсутствие русских патронов и пулеметов дает возможность противнику развить наступление, но мною приняты самые срочные меры к ликвидации этого наступления. Ввиду полной дезорганизации тираспольского гарнизона и некоторых частей, стоящих на фронтах в этом районе, и отсутствия людей в этих частях, которые были бы когда необходимо на своих местах, ибо настоящие не на своих местах. Наблюдаются единичные побеги красноармейцев с позиций, а вышеназванные части не входят в состав нашей бригады...»²⁷²

Вечерняя сводка от 10 июня сообщала, что «в районе Красной Горки [Красногорки] неприятель повел наступление. Переправился на левый берег Днестра, где вступил в бой с нашей заставой, которая не дает возможности продвинуться вперед. Приняты меры к ликвидации наступления. В районе Кучурганы–Бендеры замечается подготовка неприятеля к исправлению железнодорожного моста. Между Красной Горкой [Красногоркой] и Кучурганами редкая ружейная перестрелка»²⁷³. Столкновения с румынами в районе Красногорки продолжались до 14 июня, когда там наступило затишье. В тот же день румынский самолет сбросил на Тирасполь 7 бомб²⁷⁴. 15–16 июня у Тирасполя происходила артиллерийско–ружейная перестрелка²⁷⁵. 19 июня у Маяков произошла стычка разведчиков и артиллерийская перестрелка²⁷⁶.

На 1 июня 1919 г. войска противника в Бессарабии оценивались в 40,5–42 тыс. штыков и 2,4–2,8 тыс. сабель, 88–100 орудий, 18 броневиков²⁷⁷. Вывод из края французских и греческих войск привел к сокращению сил противника. Согласно сведениям советской разведки, на 20 июня силы противника в Бессарабии оценивались в 26,8 тыс. штыков и 1,7 тыс. сабель²⁷⁸. В составе 3–й Украинской Советской армии на 15 июня насчитывалось 27 791 человек, 285 пулеметов и 48 орудий²⁷⁹. 22 июня «румыны артиллерийским огнем обстреляли села Слободзея и Карагач в 15 верстах к югу от Тирасполя». 23 июня румыны артиллерийским огнем обстреляли Тирасполь. 24 июня румынская артиллерия обстреляла Гидерим и Выхватинцы, а группа разведчиков с пулеметами попыталась переправиться через Днестр у села Журы, но была отбита советскими войсками²⁸⁰.

В своем докладе Реввоенсовету Республики о положении на фронтах Вацетис 24 июня указал, что «важнейшей задачей бывшего Украинского фронта в настоящее время являются: а) оборона на границах Румынии; б) прикрытие направления на Киев [...]; в) восстановление связи с Советской Венгрией»²⁸¹. Однако развитие ситуации на Южном фронте, где 17–19 мая войска А.И. Деникина перешли в наступление в Донбассе и, прорвав фронт, стали продвигаться в глубь Украины, сделало эти задачи 12–й армии неактуальными. Уже к началу июля деникинские войска вышли к Днепру. В июле из Галиции начали наступление войска УНР и галицийские части. Советские войска на Днестре оказались под угрозой окружения и в конце августа отступили к Житомиру.

Бессарабский вопрос на мирной конференции

Тем временем в Париже 18 января 1919 г. открылась мирная конференция. В своем выступлении на конференции 1 февраля премьер–министр Румынии И. Брэтиану перечислил территории, которые следовало присоединить к его стране, – Трансильванию, Буковину, Бессарабию и Добруджу. Правда, страны Антанты, сославшись на Бухарестский мирный договор 1918 г. и выход Румынии из войны, отказались признать соглашение 1916 г., но румынское руководство быстро поняло, что антисоветские заявления, а главное – дела могут изменить ситуацию. Поэтому Брэтиану просил Антанту предоставить Румынии возможность «сопротивляться большевизму не только в собственных интересах, но и в интересах всей Европы и даже, не преувеличивая, в интересах мировой цивилизации». Конечно же, защищать мировую цивилизацию было удобнее не на Пруте, а на Днестре²⁸².

Со своей стороны, правительство УССР 7 февраля 1919 г. направило радиogramму на имя председателя мирной конференции Ж. Клемансо, в которой заявляло «энергичный протест против захватнической империалистической политики румынского помещичьего правительства» и напоминало о договоре, заключенном 5–9 марта 1918 г. в Одессе при посредничестве представителей Антанты. Этот договор «остаётся торжественным международным актом, связывающим не только румынское правительство, но и державы Согласия, тем более что при оккупации румынскими войсками Бессарабии дипломатические представители держав Согласия заявили, что она имеет чисто временный и военный характер». Кроме того, конференции напоминалось, что «съезд крестьян Бессарабской Республики, заседавший в Кишиневе от 18–го и до 22–го января 1918 года, ...единогласно высказался против румынской оккупации. [...] Испытавшие преимущества собственной власти бессарабские рабочие и крестьяне никогда не помирятся с властью румынских помещиков и капиталистов...» Украинское советское правительство «не остановится ни перед какими средствами, чтобы освободить от ига румынской олигархии рабочую и крестьянскую Бессарабию, что оно не допустит, чтобы на истрадавшей и разоренной Буковине установилась власть, ненавистная самому румынскому народу»²⁸³. Понятно, что подобное мнение никого в Париже не интересовало, как и вполне доступные сведения о расправах румынских оккупантов с местным населением в Бессарабии.

Для изучения всех вопросов, связанных с территориальными притязаниями Румынии, Совет десяти образовал комиссию экспертов под председательством французского министра иностранных дел А. Тардьё, составленную из представителей США, Англии, Франции и Италии. 8 февраля Комиссия по румынским делам пришла к выводу, что без участия России вопрос о Бессарабии не может быть разрешен, а поскольку существовала возможность победы войск адмирала А.В. Колчака, то решение бессарабского вопроса следовало отложить. 22 февраля на заседании Комиссии Брэтиану заявил, что «мы не можем себе представить существование румынского народа без Днестра так же, как мы не можем его представить без Дуная и Тисы, для того, чтобы его отделить от славянского элемента... Бессарабия является входом в наш дом; если он будет в чужих руках, это может подвергнуть опасности наш очаг»²⁸⁴. Однако определенная часть состоятельных кругов Бессарабии считала возможным в случае победы белых в России вернуть край в ее состав. Для пропаганды этой идеи еще в декабре 1918 г. в Европу был направлен ряд делегатов. 9 и 22 марта 1919 г. лидеры русского Белого движения обратились к Парижской конференции с заявлением, в котором указывалось, что статус народов России «не может быть определен вне и без согласия русского народа», а право силы не может являться основанием для завладения территорией²⁸⁵.

В этих условиях Комиссия по румынским делам 22 марта рекомендовала Румынии урегулировать вопрос о своих границах с каждым соседним с ней государством. 23 апреля Брэтиану, инструктируя замещавшего его на конференции министра иностранных дел М. Ферекиде, напоминал ему, что «большой опасностью в настоящее время является борьба против большевиков на наших двух фронтах. От результатов этой борьбы зависят также и наши будущие границы»²⁸⁶. 28 апреля Ферекиде направил союзникам меморандум с предложением санкционировать занятие румынскими войсками Будапешта, что «сделает невозможным сотрудничество большевиков венгерских и русских», а также их с максималистами в Германии. «Невозможно, – обосновывал свою позицию румынский министр, – чтобы Европа не признавала лежащее на Румынии бремя – служить необходимым барьером на пути агрессивного большевизма»²⁸⁷. В числе условий, поставленных 26 мая Колчаку перед его признанием «правителем России», было требование признать за Парижской конференцией права «определить будущую судьбу румынской части Бессарабии»²⁸⁸. В данном случае речь шла о северной части Бессарабии, тогда как ее южные районы должны были войти в состав колчаковской России. В своем ответе союзникам Колчак указал, что готов обсудить эту проблему, но окончательное решение остается за Учредительным собранием²⁸⁹.

2 июля 1919 г. в ходе обсуждения Бессарабского вопроса на конференции было высказано пожелание провести в Бессарабии плебисцит. Естественно, что румынские представители высказались категорически против проведения плебисцита, ссылаясь на то, что большинство населения уже и так ясно высказалось за объединение с Румынией. Как заявил Брэтиану, «в принципе я против любого плебисцита в Бессарабии, поскольку Бессарабия, во–первых, является румынской как с исторической, так и с этнической точек зрения, во–вторых, она в условиях полной свободы выразила желание объединиться с Румынией, в–третьих, плебисцит способствовал бы сохранению атмосферы неуверенности и беспокойства». Зная, что Антанта нуждается в румынских войсках для подавления революции в Венгрии, румынский премьер–министр решил занять активную позицию. «Россия оккупировала Бессарабию, чтобы дойти до Константинополя. В тот момент, когда Константинополь перестанет

быть целью ее внешней политики, тогда отпадет и всякий ее интерес к Бессарабии. Я согласился бы на плебисцит в Бессарабии при условии, что крупные державы также проведут плебисциты на своих территориях»²⁹⁰. В итоге было решено отложить решение бессарабского вопроса ввиду международного положения России²⁹¹.

В тот же день Брэтиану направил в Совет министров иностранных дел Парижской мирной конференции, заседавший под председательством французского министра иностранных дел Тардьё, меморандум, в котором указывал, что «Румыния, в то время когда военные действия прекращены более чем 7 месяцев тому назад для всей остальной части Европы, находится в состоянии объявленной войны со своими русскими и венгерскими большевистскими соседями»²⁹². Кроме того, еще 24 мая 8-я румынская пехотная дивизия вступила в Восточную Галицию и заняла район Покутья. Формально румынские войска были нейтральной силой в польско-украинской войне и использовались для разведения войск сторон. Правда, румынский нейтралитет имел заметный пропольский крен. После того как Польша к 17 июля оккупировала всю Восточную Галицию, а Совет министров иностранных дел в Париже принял 1 августа предварительное решение о северной границе Буковины, которая передавала всю ее территорию в состав Румынии, румынские войска 18 августа были выведены из Восточной Галиции. Окончательно польско-румынская граница получила международное признание 15 марта 1923 г., когда Конференция послов признала суверенитет Польши над Восточной Галицией²⁹³.

Тем временем 3–4 августа 1919 г. румынские войска заняли Будапешт. В этой обстановке румынское правительство потребовало от Венгрии разоружить все вооруженные силы, установить румынский контроль за венгерскими железными дорогами, передать Румынии 50% железнодорожного оборудования, 600 автомашин, 50% речного флота, 30% скота, 30 тыс. вагонов зерна, провести границу по р. Тиса и передать Румынии всю территорию Баната. Но Антанта не собиралась допускать самовольных действий Бухареста. Поэтому румынскому правительству пригрозили финансовыми санкциями и потребовали, чтобы оно действовало лишь с согласия Запада. 15 ноября страны Антанты направили в Бухарест ультиматум, в котором потребовали от Румынии, чтобы она «без обсуждения, оговорок и условий» подписала Сен-Жерменский договор и акт о гарантиях прав национальных меньшинств. В итоге 16 ноября 1919 г. румынские войска покинули Будапешт, а к 22 ноября были отведены на восточный берег р. Тиса²⁹⁴.

В сентябре 1919 г. Румыния направила в Париж бессарабскую делегацию, которая всячески пропагандировала прогрессивный характер присоединения Бессарабии к Румынии и поддерживала точку зрения Бухареста относительно ненужности плебисцита²⁹⁵. 10 декабря Румыния подписала Сен-Жерменский договор, закрепивший за ней Буковину, но румынские войска все еще оставались в Венгрии. 29 декабря 1919 г. румынский парламент принял закон об аннексии Трансильвании, Буковины и Бессарабии²⁹⁶. Англия и Франция надеялись подтолкнуть Румынию к совместным с Польшей действиям против их восточных соседей, и 20 января 1920 г. Верховный совет Антанты заявил о готовности признать Бессарабию частью Румынии. В ответ Бухарест заявил о готовности защищать Европу от «новых опасностей»²⁹⁷. По мере роста успехов Красной армии мнение конференции все больше склонялось в пользу прямой передачи Бессарабии Румынии.

Мирные предложения Москвы и Парижский протокол о Бессарабии

В это время советские войска вновь стали выходить на линию Днестра. 19 января 1920 г. Красная армия вступила в Могилев-Подольский. Командующий отходящей к Одессе группировкой деникинских войск генерал Н.Н. Шиллинг 23 января обратился к Румынии с просьбой о содействии в эвакуации беженцев и войск в Бессарабию, однако ответа не получил²⁹⁸. Еще 27 января Главное командование Красной армии писало в своем докладе Совету рабоче-крестьянской обороны: «Положение, занимаемое Румынией, при условии воздействия на нее Антанты, реально сказывающемся в принятии мер для подготовки приюта остаткам Добровольческой армии и беженцам из Правобережной Украины, совершенно не ясно и может значительно осложнить наше наступление к Черному морю и границам Бессарабии»²⁹⁹. 7–8 февраля 1920 г. советские войска заняли Одессу³⁰⁰.

9 февраля главнокомандующий Красной армией С.С. Каменев отдал приказ командующему Юго-Западным фронтом А.И. Егорову: «В видах общегосударственной политики приказываю: Наступление войск [...] должно продолжаться только до р. Днестр, отнюдь не переходя его ни передовыми, ни разведывательными частями, даже если бы преследуемые нашими войсками отходящие части Добровольческой армии и галичан, перейдя Днестр, отступили в Бессарабию»³⁰¹. Соответственно Егоров 11 февраля поставил войскам 14-й армии задачу «выйти на линию р. Днестра, от Могилев-Подольского до устья Днестровского лимана, и занять правофланговыми частями район Н[овая] Ушица-Каменец-Подольск-Студеница. По занятии указанной линии частям армии перейти к обороне, не переходя р. Днестра ни передовыми, ни разведывательными частями»³⁰². 12 февраля он подтвердил эту задачу: «ликвидация оставшихся еще частей противника по левому берегу Днестра, занятие линии Днестра от Могилева-Подольского до устья Днестра и затем переход на этой линии к обороне, отнюдь не допуская перехода за Днестр даже разведывательных партий по политическим соображениям»³⁰³.

Из-под Одессы советские войска тремя колоннами двинулись к Днестру – на Овидиополь, на Тирасполь и на Дубоссары. 13 февраля 1920 г. части Красной армии под командованием Котовского заняли Тирасполь и Парканы и вышли в этом районе к берегу Днестра. В тот же день у Аккермана были разгромлены и взяты в плен остатки частей Добровольческой армии, которые, надеясь уйти в Бессарабию, отступили из Одессы к Днестру, но не были пропущены румынами за реку. 18 февраля все левобережье Днестра от Рыбницы до Черного моря было занято советскими войсками. Красноармейцы-бессарабцы настойчиво требовали вступления советских войск в

родной край. Вдоль Днестра разворачивались части 60-й и 41-й стрелковых дивизий 14-й армии, которым 26 февраля было приказано «перейти к обороне, укрепив возможные места переправ»³⁰⁴. На 15 февраля румынские войска в Бессарабии оценивались советской разведкой в 5 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии (около 25 тыс. штыков и 1,5 тыс. сабель)³⁰⁵. В 14-й армии Юго-Западного фронта к 1 апреля 1920 г. насчитывалось 37 922 человека³⁰⁶. Успех советских войск на подступах к Одессе и Крыму потребовал значительного напряжения сил, а военная обстановка на Юго-Западном фронте не благоприятствовала продвижению Красной армии в Бессарабию.

В феврале 1920 г. в Дании прошли советско-румынские зондажи на предмет возможного начала переговоров о мире. 9 февраля М.М. Литвинов в беседе с румынским представителем Д.Н. Чиотори заявил, что «советские правительства России и Украины полностью готовы обсудить как территориальные, так и финансовые претензии румынского правительства с целью скорейшего достижения мира между тремя заинтересованными сторонами»³⁰⁷. Частным порядком Литвинов согласился с тем, что бессарабцы имеют право на самоопределение, а румынские ценности, находящиеся в России, следует вернуть³⁰⁸. 16 февраля Чиотори было сообщено, что Москва «готова незамедлительно начать переговоры» по этим проблемам³⁰⁹.

Со своей стороны, румынское правительство 20 февраля уведомило Чиотори, что «предложение о мире должно исходить от большевиков, поскольку мы не считаем себя в состоянии войны с ними. Мир должен явиться взаимным признанием фактического положения в соответствии с нормами международного права и политики. Переговоры об установлении экономических отношений сразу же последуют за восстановлением политического мира на основе взаимности и при гарантии того, что они будут избегать вмешательства в наши внутренние дела. Сообщение Генерального штаба на этот счет говорит о том, что девять дивизий приближаются к Днестру. Не с враждебными ли намерениями? Не могли бы Вы сделать так, чтобы большевики предложили мир подобно тому, как они предложили его другим соседям?»³¹⁰ 25 февраля румынский премьер-министр А. Вайда-Воевод вновь указывал Чиотори: «Требуйте публичного предложения и спасите ценности. Постарайтесь организовать репатриацию пленных. Главное – добиться публичного предложения мира как можно скорее»³¹¹.

24 февраля 1920 г. наркоминдел РСФСР Г.В. Чичерин отправил румынскому Министерству иностранных дел радиogramму следующего содержания: «Успешные военные действия армий обеих Советских республик, Российской и Украинской, создали неотложную необходимость для России и Румынии вступить в переговоры, чтобы урегулировать по взаимному соглашению отношения между двумя народами и установить между ними мирные отношения, полезные и благодетельные для обеих сторон. Российское Советское Правительство полагает, что все спорные вопросы между обеими странами могут быть улажены путем мирных переговоров и все территориальные вопросы могут быть разрешены полюбовно. Народный Комиссариат по Иностраным Делам обращается поэтому к Румынскому Правительству с формальным предложением о начатии мирных переговоров и просит указать ему место и время для встречи представителей обоих государств»³¹².

Со своей стороны правительство УССР 26 февраля также направило в адрес румынского правительства радиogramму, в которой заявляло, что оно обращается к румынскому правительству «с тем же формальным мирным предложением. [...] Советская власть, постоянная сторонница мирного разрешения всех конфликтов между народами, постоянно пользуется всяким удобным случаем, чтобы разрешить мирным путем все недоразумения с Румынией. Доказательством этого служат благоприятные результаты переговоров между советскими украинскими властями и Румынским Правительством, прерванные германским и австрийским нашествием в феврале 1918 года»³¹³. Таким образом Украинское Советское правительство напоминало о договоре между Страной Советов и Румынией, заключенном в начале марта 1918 г., в котором Румыния обязалась вывести свои войска из Бессарабии.

Румынское руководство не спешило с ответом на эти обращения, поскольку ему важнее было выяснить позицию Англии и Франции в отношении румынских территориальных притязаний. Страны Антанты не имели единого мнения относительно возможных советско-румынских переговоров. Франция была против этих переговоров, Италия – за, а Англия полагала, что вреда от них не будет. В любом случае Англия и Франция были заинтересованы в сохранении своего влияния в Румынии и своего контроля над устьями Дуная. Поэтому 3 марта 1920 г. премьер-министры Англии, Франции и Италии приняли решение: «Принимая во внимание общие пожелания населения Бессарабии, молдавский характер края с географической и этнографической точек зрения, а также доводы исторического и экономического свойства, главные союзные державы высказались за присоединение Бессарабии к Румынии»³¹⁴. Однако официальный документ по этому вопросу будет подписан после того, как румынские войска будут выведены из Венгрии³¹⁵.

Ознакомившись с этим решением Антанты, румынский премьер-министр в тот же день направил в Москву телеграмму, в которой сообщал, что «Румыния завершила свое национальное объединение» и «желает в мире и в дружеских отношениях со своими соседями установить основу своего будущего экономического и политического развития». Поскольку Румыния «придерживается принципа воздержания от вмешательства во внутренние дела» России и Украины, она принимает «формальное предложение начать мирные переговоры» и позднее сообщит о месте возможной встречи представителей сторон³¹⁶. 5 марта Вайда-Воевод инструктировал Чиотори, чтобы он добился от советских представителей предложений мира, в которых бы содержалось «признание того, что Бессарабия принадлежит нам... Ценности должны быть возвращены полностью. Вопрос о пленных будет урегулирован. Мы признаем любое правительство, которое будет признано русским народом»³¹⁷.

7 марта Чиотори докладывал в Бухарест результаты бесед с Литвиновым, который отказался от односторонней декларации о принадлежности Бессарабии, поскольку именно этот вопрос и должен стать основой переговоров, как и вопрос о румынских ценностях. Сам Чиотори считал, что «они хотят вступить в переговоры, так как это укрепит их политическое положение»³¹⁸. 8 марта Чичерин направил в Бухарест ноту, в которой предложил местом возможных переговоров, в которых примет участие УССР, Харьков³¹⁹. Ответной радиограммой румынское правительство предложило в качестве места проведения переговоров Варшаву³²⁰. 17 марта Чичерин указал, что вести переговоры в Варшаве РСФСР не может в силу военных действий, ведущихся с Польшей, и вновь предложил Харьков в качестве места проведения переговоров³²¹. Однако отставка правительства Вайды–Воевода 13 марта привела к прекращению обсуждения возможности проведения советско–румынских переговоров³²².

В апреле 1920 г. румынская армия была окончательно выведена с венгерской территории. 4 июня 1920 г. был подписан Трианонский договор, определивший западные границы Румынии, получившей Трансильванию, Марамуреш, Кришану и восточный Банат. В итоге с учетом Бессарабии территория Румынии возросла с 137 903 кв. км до 294 967 кв. км, а население – с 8 до 16 млн человек, из которых более 25% составляли нерумыны.

В ходе ожесточенных боев на советско–польском фронте летом 1920 г. Антанта старалась подтолкнуть Румынию к вмешательству в войну на стороне Польши, но широкое распространение антивоенных и революционных настроений в румынском обществе и опасения потерпеть поражение и потерять Бессарабию привели к тому, что Румыния заняла выжидательную позицию. Тем временем советское руководство, озабоченное возможностью вмешательства Румынии в советско–польскую войну, продолжало попытки втянуть Бухарест в переговоры. 16 июня Москва предложила Румынии переговоры о пропуске через Днестр бывших пленных австро–венгерской армии³²³. Согласно записке Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б) от 19 июня, он полагал момент удачным «для торжественного предложения Румынии мирных переговоров»³²⁴. Это предложение было поддержано И.В. Сталиным, но 29 июня Политбюро решило «отложить предложение мира Румынии». Правда, дискуссии по этому вопросу в советском руководстве не утихали³²⁵.

Представители НКВД РСФСР продолжали неофициальные зондажи позиции Румынии. 1 июля Чиотори информировал нового румынского премьера Авереску о предварительной беседе с советской делегацией в Лондоне, в ходе которой выяснилось, что советская сторона опасается вмешательства Румынии в советско–польскую войну. Чиотори заявил, что Румыния не собирается нарушать свою позицию полного нейтралитета, и просил, чтобы Москва также придерживалась этого принципа в отношении Бухареста. Советские делегаты Л.Б. Красин и Н.К. Кольшко предлагали заключить если не мирный договор, то хотя бы «какое–то соглашение». Естественно, румынский представитель вновь указал на необходимость возвращения находящихся в РСФСР румынских ценностей³²⁶. 7 июля Литвинов вновь напомнил румынским дипломатам в Дании о том, что «советские правительства России и Украины полностью готовы обсудить как территориальные, так и финансовые претензии румынского правительства с целью скорейшего заключения мира», а также продолжить переговоры «по обмену военнопленными и гражданскими лицами»³²⁷.

В конце концов советское руководство пересмотрело свою позицию, и 5 августа Пленум ЦК РКП(б) решил возобновить усилия по достижению соглашения с Румынией. В тот же день в Бухарест была направлена официальная нота. Сославшись на газетные сообщения о том, что румынское правительство не получило ответа из Москвы в середине марта 1920 г., советская сторона напомнила, что 17 марта в адрес румынского Министерства иностранных дел была направлена телеграмма с отказом от переговоров в Варшаве и предложением провести их в Харькове. Как бы то ни было, «Российское Правительство готово возобновить с Румынским Правительством обмен мнениями... и так же, как и раньше, проникнуто желанием осуществить мирную конференцию», на которой можно было бы обсудить «все вопросы территориального и экономического характера». В качестве места переговоров вновь предлагался Харьков, но в то же время Москва готова была обсудить и другое место проведения переговоров³²⁸. 9 августа румынское правительство, сославшись на то, что Англия пригласила его к участию в возможных переговорах о мире между Россией и сопредельными странами в Лондоне, заявило, что оно ожидает дальнейших предложений Англии³²⁹.

Со своей стороны Москва 29 августа, сославшись на пример переговоров с Финляндией и Польшей, вновь предложила Бухаресту прямые двусторонние переговоры³³⁰. В это время советское правительство было озабочено тем, что в условиях поражений Красной армии на польском фронте вновь усилилась опасность вступления Румынии в войну. Поэтому 4 сентября Чичерин предложил находящемуся в Копенгагене Литвинову встретиться «с представителями румынского правительства» и сообщить «им, что мы вовсе не побиты и достаточно сильны, чтобы поколотить румын, если они против нас выступят». Однако поскольку РСФСР хочет избежать войны, «для самой Румынии выгоднее столкнуться с нами о Бессарабии именно теперь и переговорить с нами о золотом фонде»³³¹. В дальнейшем Румыния продолжала настаивать на том, чтобы Москва вернула ей ценности, а РСФСР настаивала на необходимости начать переговоры³³².

8 сентября Румыния заявила о своем желании восстановить вековые добрососедские отношения с Россией и обещала в скором времени сообщить о том, как этого достичь³³³. Однако в течение месяца никаких новых сообщений из Бухареста не последовало. Тогда 29 сентября Москва вновь предложила Бухаресту начать переговоры «по территориальным и финансовым вопросам, интересующим обе стороны»³³⁴. Лишь 8 октября Авереску сообщил Чичерину, что Румыния никогда не предпринимала никаких враждебных действий против

РСФСР и «настоящего состояния войны с Россией никогда не существовало ни фактически, ни юридически», поскольку за советскими ультиматумами от 1–2 мая 1919 г. «не последовало ни формального объявления войны, ни нападения с помощью организованных военных сил». Румыния готова приступить к переговорам с РСФСР, но хотела бы прежде всего узнать, на каких основах будут вестись эти переговоры³³⁵. В своем ответе от 13 октября Москва также проявила чудеса дипломатической изворотливости и, выразив готовность к переговорам для разрешения всех спорных вопросов, запросила Бухарест, готов ли он к переговорам и может ли Харьков стать местом этих переговоров³³⁶.

21 октября Румыния вновь заявила о готовности к переговорам, но указала, что с ее стороны не имеется никаких спорных проблем. Поэтому от Москвы требовалось точно указать, какие именно вопросы советское правительство считает спорными³³⁷. В ответ Москва 27 октября, выразив удовлетворение готовностью Румынии вступить в переговоры, указала на факт пропуска через румынскую «территорию военных сил, идущих на соединение с крымскими контрреволюционными мятежниками». Тем самым вновь констатировалось наличие спорных вопросов без их конкретного указания³³⁸. Сведения о пропуске через Румынию войск для армии П.Н. Врангеля опирались на публикации издававшейся в Крыму «Русской газеты», сообщившей 15 августа о прибытии в Феодосию на пароходе «Херсон» 5-тысячного отряда под командованием генерала Н.Э. Бредова. Еще в начале февраля этот отряд отступил из Одессы вдоль Днестра на север и вышел в расположение польских войск, где был интернирован. По словам Бредова, обращение с интернированными было не слишком хорошим, но, когда Красная армия перешла в наступление, поляки подобрали. С 9 июля началась отправка эшелонов через территорию Румынии в Рени и Галац, откуда на пароходах их перебрасывали в Крым³³⁹.

Тем временем в Париже еще 14 апреля 1920 г. был подготовлен проект договора о Бессарабии. Однако США отказались его подписать и, несмотря на уговоры европейских союзников, 10 августа заявили о «полном уважении русских границ»³⁴⁰. За этими дипломатическими спорами скрывалось соперничество Англии и Франции с США за контроль над румынской нефтью. В результате передела германских капиталов в Румынии распределение иностранного капитала в ее нефтяной промышленности коренным образом изменилось. Если в 1914 г. наиболее значительные вложения принадлежали Германии (27,3%), Нидерландам (24,3%) и Англии (23,6%), то в 1920 г. на первое место вышли Англия (30,6%), Нидерланды (24,3%) и Франция (12,1%), тогда как доля американских вложений осталась на прежнем уровне³⁴¹. Естественно, что США стремились не допустить, чтобы «посредством соглашений, противных их интересам, Румыния отдала другим странам концессии на нефть», но добиться этого не удалось. Поэтому Вашингтон решил воздержаться от подписания документа о признании Бессарабии частью Румынии.

9 сентября 1920 г., выступая на заседании Совета десяти, итальянский делегат Титони отметил, что если Румыния не получит договорных прав на Бессарабию, то совершенно очевидно, что Россия, когда она восстановится, безусловно будет стремиться вернуть Бессарабию себе и что в этот момент Румыния почувствует необходимость в помощи западных союзников. Тем самым бессарабский вопрос был удобной возможностью усилить влияние стран Антанты в Румынии³⁴². В октябре 1920 г. Румыния предложила план создания объединения восточноевропейских стран – Малой Антанты, в которую могли бы войти Польша, Чехословакия, Румыния и Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия). Эта идея была одобрена Англией и Францией, которые в это время активно создавали в Восточной Европе «санитарный кордон».

В итоге главные союзные державы 28 октября 1920 г. подписали Парижский протокол, согласно которому:

«Англия, Франция, Италия, Япония и Румыния, полагая, что в интересах всеобщего мира в Европе важно ныне же обеспечить над Бессарабией суверенитет, отвечающий пожеланиям населения и гарантирующий меньшинствам этническим, религиозным и по языку должную защиту;

полагая, что с точки зрения географической, этнографической, исторической и экономической присоединение Бессарабии к Румынии вполне оправдывается;

полагая, что население Бессарабии выразило желание видеть Бессарабию присоединенной к Румынии;

полагая, наконец, что Румыния добровольно выразила желание дать прочные гарантии свободы и справедливости, без различия расы, религии или языка, соответственно договору, подписанному в Париже 9 декабря 1919 года, жителям Румынского королевства в его прежних границах, равно как жителям вновь присоединенных территорий, решили заключить настоящий договор.

1. Высокие договаривающиеся стороны заявляют, что они признают суверенитет Румынии над бессарабской территорией, лежащей между нынешней границей Румынии, Черным морем, течением Днестра от его устья до места, где он перерезывается бывшей границей между Буковиной и Бессарабией и этой бывшей границей.

2. Комиссия, составленная из трех членов, из которых один будет назначен главными союзными державами, один Румынией и один Советом Лиги Наций, вместо России, будет образована в течение 15 дней после вступления в силу настоящего договора для определения на месте новой пограничной черты Румынии».

Румыния присвоит свое подданство всем жителям Бессарабии, бывшим подданным Российской империи. Бывшим русским подданным, проживающим в Бессарабии, предоставлялось в течение 2 лет после вступления договора в силу право оптации в пользу России.

«7. Высокие договаривающиеся стороны признают, что устье Дуная, именуемое Килийским рукавом, должно перейти под юрисдикцию Европейской Дунайской комиссии. [...]

8. Румыния примет на себя ответственность за падающую на Бессарабию пропорциональную часть русского

государственного долга и всех других финансовых обязательств русского государства, в том виде, как она будет определена особой конвенцией между главными союзными державами и Румынией...

9. Высокие договаривающиеся стороны пригласят Россию присоединиться к настоящему договору, как только будет существовать признанное ими русское правительство. Они сохранят за собою право представить на арбитраж Совета Лиги Наций все вопросы, которые могли бы быть подняты русским правительством в отношении подробностей настоящего договора, причем условлено, что границы, определенные в настоящем договоре, равно как суверенитет Румынии над включенными в них территориями, не может быть поставлен на обсуждение.

То же самое будет относиться ко всем вопросам, которые могли бы возникнуть впоследствии при его применении.

Настоящий договор будет ратифицирован подписавшими его державами. Он вступит в силу лишь после сдачи этих ратификаций на хранение» в Париже³⁴³.

Узнав о состоявшемся в Париже подписании договора о признании Бессарабии частью территории Румынии, РСФСР и УССР 1 ноября 1920 г. заявили, что «они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами»³⁴⁴.

10 ноября Румыния отвергла обвинения в пропуске через свою территорию враждебных советскому правительству вооруженных сил. Относительно протеста против присоединения Бессарабии было указано, что «эта провинция, столь же румынская, сколь и остальная часть королевства, от которого она была отделена актом произвола 1812 г., воссоединилась с Родиной-матерью по своей собственной воле, выраженной ее представителями». Поскольку это присоединение признано великими державами, «вопрос о воссоединении Бессарабии с Румынией окончательно закрыт, и Румынское Правительство впредь обсуждать его не намерено. Румынии и России остается лишь уточнить между собой второстепенные вопросы, которые вызывают любое изменение суверенитета и которые в принципе урегулированы упомянутым соглашением». Если Москва пожелает, она может обратиться в Совет Лиги Наций «по поводу частных вопросов, связанных с этим воссоединением, не затрагивая, само собой разумеется, вопроса о границах и суверенных правах Румынии, которые впредь обсуждению не подлежат». Румынское правительство вновь просило сообщить, какие именно вопросы советская сторона считает спорными³⁴⁵.

Мир или война

К концу 1920 г. широкомасштабные военные действия в Европейской России прекратились. Во второй половине октября 1920 г. завершились бои на советско-польском фронте, и с 17 ноября начались советско-польские переговоры в Риге. Формально между сторонами было заключено перемирие, которое еще только предстояло превратить в полноценный мирный договор. Понятно, что Москва старалась добиться нормализации отношений с Румынией, которая все более сближалась с Польшей. Теперь главной проблемой советского правительства стала нейтрализация остатков антисоветских сил, отошедших на территории Польши и Румынии. 23 ноября советское правительство направило Румынии ноту, в которой отмечало, что в ходе боев в районе Могилева-Подольского разбитые Красной армией отряды «перешли Днестр с тем, чтобы найти убежище в Бессарабии, где румынские власти приняли офицеров и обозы, отказав только солдатам». Москва выражала надежду, что румынское правительство интернирует этих офицеров³⁴⁶.

24 ноября своей нотой румынскому правительству Москва сообщала о том, что «бывший генерал Врангель, предводитель крымских мятежников, ныне разбитых, намерен перевезти остатки своей армии в Констанцу и подготовить на румынской территории новое нападение на Россию». Исходя из неоднократных заявлений Бухареста о сохранении нейтралитета, советское правительство рассчитывало на его «решительное противодействие намерениям Врангеля и надеется, что всякая попытка с его стороны или со стороны других мятежников нарушить нейтралитет румынской территории будет подавлена всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами»³⁴⁷. 28 ноября румынская сторона заявила о том, что она не имеет «никаких сведений о нарушении генералом Врангелем нейтралитета Румынии, выразившемся в перевозке войск в Констанцу или в подготовке на румынской территории нападения на Россию». Более того, Румыния никогда не могла бы допустить такого нарушения своего нейтралитета. «Что же касается вооруженных сил, перешедших на территорию Румынского Королевства через пограничную линию Днестра, то эти войска нами разоружены и солдаты, равно как и офицеры, интернированы»³⁴⁸.

В это же время представитель Румынии на неофициальных переговорах в Лондоне Д. Чиотори имел несколько бесед с советским представителем Л.Б. Красиным, который заявил, что «советское правительство имеет точные сведения, что Румыния была бы расположена предоставить убежище Врангелю и его офицерам и даже допустить восстановление армии этого генерала на ее территории». Если это произойдет, то Москва, безусловно, расценит это как «акт, враждебный по отношению к России». В ответ Чиотори напомнил, что с момента начала русской революции Румыния проводит политику «нейтралитета и добрососедства», поэтому подобное предположение совершенно абсурдно. Тогда Красин обратил внимание собеседника на то, что Москва склонна верить в то, что Румыния питает «тайные намерения против России, поскольку она не соглашается ни за что и ни при каком условии начать мирные переговоры». Понятно, что Чиотори постарался опровергнуть эти опасения, ссылаясь на

миролюбивую политику Бухареста. Красин указал на то, что возможная передача Румынией «военных материалов и снаряжения, оставшихся от русских армий на румынском фронте, Врангелю или другим врагам большевиков» была бы расценена Москвой как провокационный акт. Чиотори заявил, что, пока Румыния «не получит причитающегося ей возмещения как за материальные ценности, так и за ее ценности, которые удерживаются в России», она никому ничего не будет передавать.

Тогда Красин обратился к вопросу о Бессарабии и заявил, что «протест советского правительства в отношении подписания договора о Бессарабии был сделан лишь формально и [является] вопросом самолюбия». Поэтому «советское правительство... расположено признать объединение Бессарабии с Румынией только при условии, что немедленно начнутся мирные переговоры между Румынией и Россией». Однако, по мнению Чиотори, это заявление было блефом, так как «русские не будут признавать и не будут присоединяться ни за что к договору о Бессарабии, подписанному в Париже, по следующим причинам: а) они думают, что как только Румыния получит их подпись, она никогда не согласится больше обсуждать мир с Россией; б) подписание этого договора означало бы, что московское правительство подчинилось безусловно решениям Антанты, которую оно, однако, не признает и с которой оно воюет». Сам румынский дипломат считал, что существует угроза Румынии с востока, и полагал, что «единственным средством остановить действия русских против нас было бы принятие их предложения начать мирные переговоры, заявляя, что Румыния сохраняет за собой право выдвинуть свои условия на мирной конференции. Тогда можно было бы поставить вопрос о Бессарабии так, как желаем мы»³⁴⁹.

12 декабря румынское правительство, напомнив о своем положительном ответе на советский запрос относительно недопущения на румынскую территорию врангелевских войск, поинтересовалось о причинах «концентрации российских войск на днестровской границе»³⁵⁰. 14 декабря Москва вновь напомнила Бухаресту о своем предложении мирных переговоров, где можно было бы рассмотреть весь комплекс интересующих обе стороны вопросов, и запросила сведения о количестве интернированных на румынской территории³⁵¹. 16 декабря румынская сторона сообщила о том, что всего ею интернировано 440 солдат и 150 офицеров с 4 пушками и 50 лошадьми, и напомнила о своем запросе относительно советских войск около Днестра³⁵². 24 декабря советская сторона уведомила Бухарест о том, что размещение советских войск около Днестра связано с условиями их расквартирования и она «не имеет никаких агрессивных намерений по отношению к Румынии»³⁵³.

В декабре 1920 г. командующий войсками Юго-Западного фронта представил главнокомандующему Красной армии доклад о задачах обороны советской территории в случае возникновения весной 1921 г. войны с Польшей и Румынией. Предлагалось подготовить оборонительные рубежи на подступах к крупнейшим железнодорожным узлам и соорудить Киевский укрепленный район с передовой оборонительной линией по р. Тетерев. Со стороны Румынии передовой оборонительной линией должен был стать Днестр, а тыловой – р. Южный Буг. Следовало также создать укрепления на подступах к Одессе и передовые опорные пункты в Каменец-Подольске, Старой Ушице, Могилеве-Подольском, Ямполье, Рыбнице, Дубоссарах, Тирасполе и у Сороч. Эта задача облегчалась тем, что постройка ряда из этих пунктов началась еще летом 1920 г. Кроме того, требовалось усилить оборону железной дороги Одесса-Жмеринка с использованием там бронепоездов. На Южном Буге необходимо было построить укрепления у крупнейших переправ³⁵⁴.

По данным советской разведки на 15 декабря 1920 г., в Бессарабии и Буковине размещалась Восточная армия Румынии (штаб – Яссы, командующий – генерал А. Лупеску) в составе 2-го армейского корпуса (3-я, 4-я пехотные дивизии; дислокация – Кишинев, Оргеев), 3-го армейского корпуса (5-я, 6-я пехотные дивизии; дислокация – Кишинев, Галац) и 4-го армейского корпуса (2-я, 7-я и 8-я пехотные дивизии; дислокация – Яссы, Бельцы, Черновицы, Роман). Советская разведка полагала, что в случае мобилизации румынская Восточная армия в составе 8 пехотных дивизий и 3 кавалерийских бригад будет насчитывать до 200 тыс. человек, 1 тыс. орудий, 4 тыс. пулеметов и 25 танков³⁵⁵. По оценкам советской разведки, в период 1 января – 15 февраля 1921 г. войска румынской Восточной армии насчитывали 63,4 тыс. штыков, 6,3 тыс. сабель, 2 296 пулеметов, 496 орудий и 25 танков (что составляло 41,5% штыков, 58,9% сабель, 47,7% пулеметов, 54,3% орудий и 50% танков от общей численности румынской армии)³⁵⁶.

5 января 1921 г. румынский министр иностранных дел Т. Ионеску вновь уведомил Москву о неизменно миролюбивой позиции Бухареста и о том, что Румыния не находится в состоянии войны с Россией. Поэтому, «по нашему мнению, речь идет не о том, чтобы вести между Румынией и Россией переговоры о мире, который никогда не нарушался, а о том, чтобы урегулировать вопросы, которые могли возникнуть в отношениях между обеими странами в результате событий, имевших место в течение последних лет». Если советская сторона согласна с такой позицией, то было бы хорошо, чтобы она сообщила о тех вопросах, которые «должны служить предметом переговоров между обеими сторонами»³⁵⁷.

15 января Москва направила в Бухарест ноту, в которой отмечалось, что «Российское Правительство с удовольствием принимает к сведению ваше заявление о миролюбивом и корректном отношении Румынского Правительства к Русской и Украинской Советским Республикам. Могу Вас уверить, что Российская Республика, со своей стороны, совершенно чужда всяких попыток ко вмешательству во внутренние дела Румынии или другим враждебным актам и твердо решила не допускать никакого нарушения мирных отношений, установившихся в настоящее время между Россией и Румынией. Тем более желательно, по мнению Российского Правительства, вступить в переговоры с Румынией для установления взаимных отношений между обеими странами на прочном базисе договора». Румынии предлагалось провести конференцию с участием РСФСР и УССР, которая могла бы

разрешить все «без исключения вопросы», интересующие обе стороны. Если же Румыния не готова обсуждать все вопросы, то РСФСР предлагала обсудить только вопросы «о восстановлении коммерческих отношений» и судоходства на Днестре³⁵⁸.

В своей ответной ноте от 31 января румынское правительство констатировало согласие советской стороны с тем, что «между Румынией и Россией нет состояния войны. Из этого, естественно, вытекает, что обе страны находятся в состоянии мира». Поскольку Москва упомянула некоторые вопросы, могущие стать предметом переговоров, то Ионеску предложил, чтобы обе стороны направили по делегату в Ригу, где было бы возможно согласовать программу переговоров³⁵⁹. В тот же день Чиотори в Лондоне вновь беседовал с Красиным и обратил его внимание на важность для Румынии решения вопроса о ее документах, рукописях и тому подобных материалах, оставшихся в России. Поскольку вопрос о золоте не затрагивался, то Красин полагал, что это намек на возможное соглашение относительно Бессарабии: золото в обмен на признание этого края частью Румынии³⁶⁰.

7 февраля Москва уведомила Бухарест о согласии с его предложением о переговорах и назначении советским представителем М.М. Литвинова. В качестве места переговоров предлагался Ревель [Таллин]³⁶¹. Со своей стороны Румыния 10 февраля сообщила о согласии на переговоры в Ревеле и просила указать дату начала этих переговоров³⁶². 15 февраля советская сторона обратила внимание румынского правительства на то, что «в прилегающей к бессарабской границе области мятежными белогвардейскими бандами были подняты восстания против Советских Правительств России и Украины, причем базой для всех операций служила бессарабская территория. Румынская администрация, осуществляющая власть в Бессарабии, не только не противодействует мятежам, опирающимся на Бессарабию, но, напротив, оказывает им поддержку. Так, например, 5 февраля банда петлюровской конницы под командой петлюровского офицера с румынской территории перешла бессарабскую границу и вступила на украинскую территорию. Подобные факты повторялись несколько раз, что требует со стороны русских и украинских военных властей постоянной бдительности и применения вооруженной силы». Советское правительство протестовало против подобных действий румынских властей и обращало внимание Бухареста на «опасность, которую представляют эти факты для мира и успешного исхода переговоров с Румынией»³⁶³.

Советское руководство оказалось в сложном положении. Как верно подчеркивал 17 февраля в телеграмме наркому иностранных дел РСФСР председатель СНК УССР Раковский, «заключение договора с Румынией является чрезвычайно трудной задачей, ибо, с одной стороны, нам приходится регулировать плавание по Днестру, с другой стороны – избегать указаний на то, что Бессарабия отдается Румынии. Поэтому вся задача будет заключаться в том, чтобы статьи договора, относящиеся к границам, имели временный характер. Заключая это предварительное условие, я считаю, что главной целью договора должно быть обеспечение со стороны Румынии для нас максимального нейтралитета. Второе: товарообмен; третье: обмен представительствами. Бухарест – чрезвычайно важный наблюдательный пункт для всего Балканского полуострова и Средней Европы». В качестве основных вопросов на переговорах следовало условиться с румынами о нейтрализации всего Днестровского лимана, увеличении линии территориальных вод с 3 до 12 верст и поддержать требование о нейтрализации черноморских проливов, которое выдвигает и Румыния. Следовало также добиться участия РСФСР и УССР в Дунайской международной комиссии, решить вопрос об обмене бывшими военнопленными и заключить различные экономические конвенции. Раковский решительно возражал против постановки вопроса оптации, ссылаясь на то, что «мы не можем никоим образом принять на себя обязательство считать бессарабцев, находящихся на территории России и Украины, румынскими гражданами»³⁶⁴.

13 февраля 1921 г. главнокомандующий Красной армией С.С. Каменев направил командующему всеми вооруженными силами Украины и Крыма М.В. Фрунзе директиву № 803/оп/сс, в которой указывал, что «военно-политическая обстановка на западных границах РСФСР, возможно, в ближайшее время поставит Красную Армию снова перед вооруженной защитой границ РСФСР». В качестве вероятных противников фигурировали белогвардейские формирования на территории Польши, армия Врангеля и войска Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии. Наиболее сильными противниками были бы Польша и Румыния, а остальные западные соседи стали бы либо союзниками Польши, либо сохранили бы нейтралитет. «Нашей общей задачей на западе является оборона пределов РСФСР от вторжения врагов». Соответственно от войск требовалось: «а) Отразить вооруженное вторжение и нанести решительное поражение белогвардейским формированиям, производящимся на территории соседних с нами государств, а также отразить всякие попытки десанта со стороны армии Врангеля на наши черноморские берега. б) Нанести решительное поражение армиям соседних с нами государств, если бы таковые объявили нам войну».

В директиве указывалось несколько вариантов оперативных действий советских войск в зависимости от общей обстановки. В том числе имелся вариант «ПР», предусматривавший, что «при выступлении Польши совместно с Румынией при частичном участии или нейтралитете группы северных соседних государств в основание нашего плана кладется нанесение решительного поражения наиболее сильной и опасной армии Польши и выжидательные действия против удаленной от главных объектов войны Румынии». Развертываемый в этом случае Западный фронт наносит главный удар в Белоруссии, а в Восточной Галиции действуют войска Юго-Западного фронта, одновременно ведущие активную оборону против Румынии и обороняющие побережье Черного моря до Керчи³⁶⁵. Соответственно, Фрунзе своей директивой № 2812/ноу/сс от 25 февраля потребовал от штабов Киевского (КВО) и Харьковского (ХВО) военных округов к 10 марта представить свои соображения по

этим вариантам действий советских войск³⁶⁶. Во исполнение этой директивы 23–24 марта штаб КВО подготовил доклады по двум вариантам действий войск в случае возникновения войны с Польшей³⁶⁷, которая, как свидетельствуют оперативные документы советского командования, рассматривалась в то время в качестве потенциального противника № 1.

Тем временем 18 февраля в Москву поступил ответ из Бухареста, в котором отрицалась возможность проникновения петлюровских отрядов на территорию Украины и запрашивались точные сведения о якобы произошедшем инциденте для «проведения расследования»³⁶⁸. 3 марта 1921 г. был подписан польско–румынский договор о взаимопомощи, который предусматривал взаимную военную поддержку в случае, если бы восточные границы Польши или Румынии подверглись неспровоцированному нападению (ст. 1); взаимные консультации и координацию политики обеих стран в отношении восточных соседей (ст. 2); заключение польско–румынской военной конвенции (ст. 3) и обязательство не заключать мира и не вести сепаратных переговоров в случае войны (ст. 4). Срок действия договора устанавливался в 5 лет³⁶⁹. Понятно, что, узнав о заключении этого соглашения, 13 марта Чичерин обратил внимание Литвинова на необходимость выяснения вопроса, чего же хотят румыны – «мириться с нами или воевать»?³⁷⁰ В это время на Балканах возникло новое межгосударственное объединение – Малая Антанта. Начало ему было положено еще 14 августа 1920 г., когда было подписано военное соглашение между Чехословакией и Югославией. 23 апреля 1921 г. было заключено румыно–чехословацкое соглашение против Венгрии, а 7 июня 1921 г. – румыно–югославский договор против Венгрии и Болгарии³⁷¹.

15 марта Румыния уведомила РСФСР о том, что представителем на переговорах в Ревеле назначен Г. Филалити, являющийся комиссаром в Константинополе. О времени его возможного приезда в Ревель предполагалось сообщить после его возвращения в Бухарест³⁷². Тем самым румынское руководство показало, что проблема соглашения с Москвой не сильно его интересует. Понятно, что советское правительство продолжало добиваться начала переговоров с Румынией, остававшейся после заключения советско–польского договора от 18 марта 1921 г. единственным западным соседом, отношения с которым все еще не были урегулированы конкретным соглашением. 23 марта Москва вновь обратила внимание Бухареста на то, что «румынские войска, расположенные вдоль Днестра, не только защищают белогвардейские отряды и облегчают им переход реки в целях нападения на российские и украинские вооруженные силы, но и совершают действия, непосредственно враждебные последним. Так, например, 12 марта румынские войска подвергли сильному обстрелу местечко Яруга, к юго–востоку от Могилева[–Подольского], а 14 марта они с еще большей энергией повторили этот обстрел». Советская сторона протестовала против подобных действий и требовала их прекращения³⁷³. В тот же день Румынии было заявлено, что Москва ожидает сообщения о дне приезда румынского представителя в Ревель³⁷⁴.

25 марта Ионеску уведомил Чичерина о том, что никаких нападений «румынских войск на русские и украинские части» не могло быть, хотя и согласился произвести расследование указанных фактов. Со своей стороны, Румыния выдвинула встречные претензии о фактах обстрелов румынских войск с советского берега³⁷⁵. 9 апреля РСФСР и УССР направили Румынии ноту, в которой указали, что в Днестровском лимане румынские военные корабли нападают на советские рыболовецкие суда. Соответственно, Москва и Киев требовали «немедленного удаления всех военных судов с Днестровского лимана» и заявляли, что появление румынских военных кораблей «в его водах будет рассматриваться ими как враждебный акт, против которого будут приниматься все меры, необходимые для защиты наших берегов». Вместе с тем советские республики предлагали Румынии «составить смешанную комиссию... для выработки статута Днестровского лимана и правил судоходства в его водах»³⁷⁶. 12 апреля Ионеску уведомил Чичерина о том, что факты обстрела советского берега румынскими войсками не подтвердились. В этом районе имели место учебные стрельбы, но ни один снаряд не перелетал через реку. Точно так же он отрицал факт обстрела вооруженными румынскими судами советских плавсредств на лимане, указав на то, что именно с советского берега по этим румынским кораблям был открыт огонь. Тем не менее Румыния принимала предложение о создании смешанной комиссии на лимане, но видела основную задачу этой комиссии в постановке бакенов по равноудаленной от обоих берегов линии. Москве вновь напоминалось, что скоро румынский представитель сможет отправиться в Ревель³⁷⁷.

Инциденты на Днестре

29 апреля РСФСР и УССР заявили, что не могут принять румынских объяснений по поводу инцидентов на Днестре, где «пробная» стрельба румынских войск привела «к известному числу раненых в украинских местечках, расположенных на левом берегу этой реки». Советские правительства вновь заявляли, что «фактически установлено, что группы, а иногда и целые банды контрреволюционеров – петлюровцев, сформировавшиеся предварительно в Бессарабии, переправляются через реку под защитой румынских оккупационных войск». В ноте выражалась надежда на то, что румынское правительство сообщит о принятых им мерах для пресечения подобных действий³⁷⁸.

Согласно донесению начальника штаба вооруженных сил Украины и Крыма А.Т. Андерса от 18 апреля 1921 г. начальнику штаба войск Республики и председателю СНК УССР, на Днестре имели место следующие инциденты: «16 января в районе Терновка, 5 верст западнее Тирасполь, трое неизвестных, пользуясь темнотой, переправились на лодке на нашу сторону и при приближении наших постов начали бросать бомбы, причем со стороны румберега одновременно был открыт пулюгонь. 21 февраля в районе Слободзея, 10 верст южнее

Тирасполь, ружьёвым выстрелом со стороны Румынии был ранен красноармеец. 28 февраля с румынской стороны произведен артиллерийский выстрел, причем снаряд разорвался на нашей территории в 2 верстах восточнее Тирасполя. Неоднократное освещение нашего берега и территории румынскими судами (в ночь на 6, 11 января, 2, 8 февраля – в районе Днестровского лимана, в ночь на 10 января – участок Беляевка–Маяки). Обстрел с румынской стороны 4 апреля у м. Кучиер, 5 верст севернее Дубоссар, наших патрулей»³⁷⁹.

19 апреля Москва и Киев вновь заявили протест против враждебных действий румынских судов в лимане. Отказавшись от раздела лимана на две равные части, РСФСР и УССР предлагали установить на всем лимане единый режим, способный устранить все поводы к конфликту с румынами³⁸⁰. После рассмотрения этого вопроса военными экспертами румынское правительство 10 мая согласилось с советским предложением о создании «смешанной комиссии для установления единого режима в водах Днестровского лимана»³⁸¹. 19 мая Москва предложила в качестве места переговоров Одессу, но Румыния 25 мая выдвинула предложение об организации работы комиссии на судне посреди лимана³⁸². 1 июня советская сторона согласилась с этим предложением и уведомила Бухарест, что председателем советской делегации назначен В.И. Яковлев, а ее членами – представители Главного штаба А.И. Медель и Главного морского штаба Г.Н. Степанов³⁸³. Перед советской делегацией ставилась задача добиться нейтрализации лимана и обеспечения свободы торгового судоходства и рыболовства. От делегации требовалось «считаться с тем, что мы не признали присвоение Бессарабии Румынией и когда говорим о Бессарабии, считаем ее оккупированной областью... Когда будет заходить речь о бессарабском берегу, придется избегать таких выражений, которые могли бы быть истолкованы как признание Бессарабии частью Румынии»³⁸⁴. 10 июля начались заседания советско–румынской смешанной комиссии по проблеме Днестровского лимана. Однако этот вопрос оказался слишком тесно связан с проблемой определения границы, и 22 июля по инициативе советской стороны переговоры были прерваны на неопределенное время³⁸⁵.

Тем временем 23 мая РСФСР и УССР вновь протестовали против враждебных действий румынских войск на Днестре, где 11 мая в районе Могилева–Подольского «было сделано 60 выстрелов по русским и украинским войскам»³⁸⁶. 27 мая Бухарест отрицал подобные происшествия, а относительно артобстрела советской территории 11 мая в районе Могилева–Подольского предлагал создать смешанную комиссию для расследования этого инцидента³⁸⁷. 16 июня Ионеску отправил в Москву телеграмму, в которой указал, что «в ночь на 1–е июня в два часа на расстоянии одной версты от румынской деревни Васкауцы имел место следующий пограничный инцидент: румынский патруль схватил на нашем берегу группу вооруженных солдат, прибывших на двух барках, и расстрелял их. На это ему ответили ружейными залпами, и затем на нашем берегу и на берегу украинском, совсем вблизи около этого же места, появились другие барки с солдатами, пытавшимися перейти Днестр, чтобы войти в Бессарабию. Когда наши солдаты выстрелили по этим баркам, им ответили ожесточенным огнем с украинского берега. Как те, которые переправились на наш берег, так и те, которые пытались это сделать, перешли на другой берег. В течение этого инцидента выстрелы раздавались с той и другой стороны. Другой инцидент имел место в полночь со 2 на 3–е июня, когда банды, вооруженные револьверами и ружьями, перешли через Днестр и напали на наш пикет [...] в Грузенвитце. В завязавшейся борьбе перешедшие на наш берег оставили одного мертвым, с нашей стороны один солдат ранен»³⁸⁸.

Получив эту ноту, Чичерин 19 июня уведомил Бухарест о том, что будет проведено расследование указанных фактов³⁸⁹. Соответствующий запрос был отправлен в штаб КВО, который, в свою очередь, запросил штаб пограничной дивизии, охранявшей берег Днестра³⁹⁰. Получив в 22 часа 20 июня ответ из штаба пограничной дивизии, начальник штаба КВО И.Х. Паука 21 июня отправил в Москву следующее сообщение: «По донесению начдива пограничной в обоих инцидентах ни один красноармеец пограндивизии участия не принимал. Оба случая по этому же донесению действительно имели место: с 1 на 2 июня в районе д. Вышковцы, что в 7 верстах выше по Днестру от устья Ягорлык, работали агенты особого поста № 6 особого отделения и второй случай со 2 на 3 июня у Хотина, где работали, по заявлению начальника особотделения № 4, агенты Закордота. Дальнейшее расследование обоих случаев производится начальником особотдела КВО»³⁹¹.

23 июня начальник пограничной дивизии в ответ на запрос начальника особого отдела КВО сообщил, что «на территории охраны границы дивизии случаев перехода румынской границы нашими отрядами не было»³⁹². 19 июля начальник особого отдела КВО Воронцов направил в Москву, Киев и Харьков доклад, в котором содержатся наиболее подробные результаты расследования этих инцидентов. «В ночь с 31 мая на 1 июня в селе Исаковцы (слияние реки Збруч с Днестром) на румынскую сторону без ведома Особпункта переправились сотрудники Закордота, где совершили налет на румынский патруль из 3 человек, из которых одного схватили и перевезли на нашу сторону, остальные два румына спаслись бегством. Начальник румынского кордона обратился к начальнику Особпункта № 1 за разъяснением этого инцидента. Было объявлено, что налет совершен какими–то бандитами, которые по переправе на нашу сторону были арестованы вместе с румынским солдатом и отправлены в Каменец[–Подольск]. По донесению того же погранособотделения в ночь с 2 на 3 июня в районе села Марьяновки (12–15 верст юго–восточнее Каменец–Подольска) на румынскую сторону без ведома Особпункта переправились сотрудники Закордота, которые произвели там налет на расположенный в селе Грушевцы (на румынской стороне) румынский жандармский кордон. В результате чего 1 закордотчик оказался убитым, а другой раненым, которого закордотчики успели перевести на нашу сторону. Убитого оставили в Румынии. Передатпункт Одесского Закордота по этому инциденту доносит: в ночь с 2 на 3 июня боевой вооруженный отряд, численностью ... человек (пропуск в документе. – М.М.), сформированный подпольными организациями

Хотинского уезда и имеющий базу на нашей стороне, выполняя порученное ему задание, столкнулся в селе Грушевцы с солдатами румынской пограничной стражи. В результате чего наш отряд потерял убитыми 1 товарища и 1 легко раненного. Румыны потеряли 2 человек тяжело раненными, вскоре скончавшимися. Место переправы нашего отряда (село Марьяновка) румынам совершенно неизвестно, равно как неизвестно откуда отряд появился и куда исчез.

По донесению в ночь с 5 на 6 июня село Брага на Днестре (10 верст восточнее Хотина) должна была произойти переправа на румсторону румшпионов. На указанном месте красноармейцы обнаружили сидящих в канаве 5–6 человек, одетых в черные костюмы лиц, сигнализовавших на румсторону посредством электрических фонарей. Красноармейцы по этим лицам открыли стрельбу. Шпионы стали отстреливаться из револьверов. В то же время открылся сильный ружейный огонь со стороны Румынии, благодаря которому наши красноармейцы принуждены были отступить. Вернувшись через некоторое время с подкреплением на то же место, красноармейцы ничего не застали. По донесению того же Отделения в ночь с 5 на 6 июня сильно обстреливалась с румынской стороны дер. Луки, что по Днестру 30 верст восточнее Хотина. Стрельба продолжалась почти до утра. По наведенным справкам в румынских деревнях Вильямовка и Грушевцы, 5 и 10 верст юго–западнее м. Студеница, происходил налет на румынские пограничные части, благодаря чему румыны открыли стрельбу по расположенному вблизи лесу, в котором предполагали бандитов. Пули ложились на нашу сторону в районе села Луки.

Заключение: румынам из достоверных источников известно, что солдат их, захваченный в ночь с 2 на 3 июня, находится у правительственной власти Советской Украины, но они достоверно не знают, кем он захвачен – бандитами или представителями власти, чему служит доказательством преследование, делаемое румынскими войсками к жителям Грушевцы, подозреваемым в нападении на кордон охранников в ночь с 2 на 3 июня. Также по переписи населения в пограничной полосе, где если налицо нет молодого мужчины, то румыны их считают большевиками, находящимися в бандах, имущество их берется на учет»³⁹³. Понятно, что ни советская, ни румынская стороны не собирались признавать свою ответственность за эти инциденты.

1 июля РСФСР и УССР уведомили Румынию, что, как показало расследование фактов, указанных в ее телеграмме от 16 июня, «никто из военнослужащих немногих красноармейских частей... не принимал участия в названных инцидентах. Вооруженные лица, которые в указанные дни атаковали румынские патрули в Бессарабии, принадлежали, по всей вероятности, к каким–нибудь бандам или отрядам не известного нам происхождения, присутствие которых на берегу Днестра является результатом чрезмерной терпимости румынских военных властей к петлюровцам и другим антисоветским украинским элементам. Несколько таких лиц, захвативших с собой румынского солдата и переправившихся через Днестр... были арестованы украинскими властями и отправлены в Каменец–Подольск». Все эти инциденты явились результатом недостаточных советских военных сил на Днестре, что связано с нежеланием возбуждать у румынской стороны какие–либо подозрения в случае усиления там советских войск. Одновременно советские правительства протестовали против новых обстрелов румынскими войсками советского берега Днестра: в ночь с 5 на 6 июня от румынского обстрела пострадало село Луки (в 20 верстах от Каменец–Подольска) и требовали от румынского правительства прекратить поддержку антисоветских элементов и враждебные действия румынских войск»³⁹⁴.

7 июля РСФСР и УССР заявили о новом нападении румынских войск на их войска. «5 июня, в 2 час. 15 минут утра, со стороны Липкан, около Бендер, румынские силы открыли усиленный огонь по русским и украинским войскам, расположенным на другом берегу реки. В течение двух часов советские войска подвергались непрерывному обстрелу, никак не реагируя, но затем, считая невозможным оставаться далее пассивным объектом этого нападения, они сделали 45 выстрелов картечью по румынским силам, которые после этого прекратили враждебные действия». Никаких действий, которые могли бы спровоцировать румынские части, с советской стороны не предпринималось, поэтому советские республики «заявляют решительный протест против этого нового нападения румынской армии»³⁹⁵. 13 июля Ионеску обещал расследовать эти факты»³⁹⁶. 17 июля румынская сторона уведомила РСФСР о том, что «в ночь со 2 на 3 июля, в 23 часа... ваши солдаты обстреляли наш пост в Солончени и ранили 11 наших солдат»³⁹⁷. 27 июля советская сторона обещала расследовать этот инцидент, но обращала внимание румынской стороны на то, что «13 июля военный пост, расположенный в Подойме, в 10 верстах северо–западнее Каменки, был атакован отрядом румынских солдат, которые перешли Днестр у Орини. После ожесточенной схватки высадившийся отряд был отброшен за Днестр»³⁹⁸. 8 августа РСФСР и УССР заявили, что факты, сообщенные в телеграмме из Бухареста от 17 июля, расследованием не подтвердились»³⁹⁹.

По данным советской разведки на 1 августа 1921 г., румынская армия оценивалась в 182 270 штыков, 14 013 сабель, 6 329 пулеметов и 1 011 орудий, из которых 78 270 штыков, 9 763 сабли, 2 774 пулемета и 483 орудия приходилось на Восточную армию, объединявшую 6 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии»⁴⁰⁰. Правда, согласно разведсводке от 15 сентября, считалось, что «в Бессарабии сконцентрированы румвойска исключительно для отражения наступления красных войск. Со стороны Румынии войны не желают, но очень боятся наступления красных»⁴⁰¹.

Летом 1921 г. советские войска вели боевые действия против петлюровских отрядов, переходивших на территорию УССР из Польши, и с различными местными бандформированиями. Высокая интенсивность боев создавала у советского командования впечатление, что противник готовит некое крупное выступление, а разведка докладывала о переброске петлюровских частей из Польши в Бессарабию»⁴⁰². Соответственно, штаб КВО продолжал разработку оперативных планов на случай расширения военных действий. Так, 10 августа временно

исполняющий должность командующего войсками КВО Н.Н. Петин представил командующему всеми вооруженными силами Украины и Крыма доклад № 38820/нш «Оперативные соображения на случай наступления против Польши и Румынии». В этом документе указывалось, что «в случае пропуска Польшей и Румынией через госграницу вооруженных сил контрреволюционных организаций Петлюры, Савинкова и Врангеля, перед Федерацией советских республик, безусловно, встанет вопрос не только ликвидации этой авантюры, но и открытия военных действий против поляков и румын.

В этом случае считаю, что первоначальным объектом наших действий должна явиться польская армия, во-первых, как более сильная и, во-вторых, как действующая на более опасном для нас операционном направлении Ковель–Киев или Львов–Киев». Разгром румынской армии не может быть первоочередной задачей, так как наша маневренная группа окажется под угрозой флангового удара и может быть прижата к Черному морю. Исходя из военно-географических особенностей ТВД, политической ситуации в Галиции, дислокации армий Польши и Румынии и строительства Дубно–Ровенского УРа, «считаю наиболее выгодным для нас, при действиях против поляков, избрать главное операционное направление в полосе Староконстантинов, Волочиск, Броды, Проскуров, Тарнополь, Львов». Это позволит выйти в тыл укрепленному району и, прикрываясь Днестром, оказаться вблизи стыка польско-румынской границы. «Удару в указанном направлении должно предшествовать наступление частей Харьковского округа в общем направлении на Кишинев, Яссы, с целью отвлечения на себя главных сил румынской армии. Одновременно должен быть выдвинут отдельный отряд для занятия Буковины, что сразу расширит прорыв в стыке Румынии с Польшей».

Если нейтралитет будет нарушен только Румынией, то, учитывая советско-польский договор и внутреннюю ситуацию в Польше, она может отказаться от выступления на помощь Румынии. Тогда «наиболее правильным решением с нашей стороны будет – нанести молниеносный, сокрушающий удар румынской армии, овладеть Бессарабией и этим успехом окончательно сковать инициативу польской армии, а главное, морально подавить ее. В этом случае главнейшим операционным направлением нашим явится Тирасполь, Кишинев, Яссы, по которому и должна быть направлена армия в составе 30-й, 51-й и 52-й стрелковых дивизий и 3-го конного корпуса. Со стороны Киевского военного округа должна быть предпринята вспомогательная операция армией в составе 15-й, 24-й и 45-й стрелковых дивизий [...] и 1-го конного корпуса. Задача этой армии – наступление в тыл противнику, обороняющему Ясский район, примерно в направлении Могилев–Подольский, Нямцы (90 верст к западу от Яссы) и овладение городом Черновицы». Против Польши войска КВО создадут заслоны в районах Житомир, Чуднов, Бердичев и Летичев, Новая Ушица, Жмеринка⁴⁰³. Вместе с тем советское руководство предприняло дипломатические усилия, стремясь добиться нормализации обстановки на западной границе.

13 августа РСФСР и УССР направили Румынии ноту, в которой сообщали о том, что, согласно сведениям советской разведки, в Бендерах при румынском штабе существует «повстанческий украинский штаб, во главе которого стоит некий Пшенник», подчиняющийся главному военному уполномоченному правительства УНР Гуляй–Гуленко и поддерживающий связь с бандами на Украине. Гуляй–Гуленко по поручению петлюровского правительства наблюдает за лагерями интернированных военнослужащих УНР, где «ему было разрешено при содействии генерала Дельвига вербовать оттуда добровольцев для создания отрядов, которые должны быть отправлены на Украину». Петлюровские части из Галиции в июне были переброшены в Бессарабию, откуда готовятся начать военные действия против УССР после сбора урожая. Румынское правительство поддерживает официальные связи с представителем УНР «Мациевичем, находящимся в Бухаресте и пользующимся правами дипломатического представителя». Заявляя о своем стремлении к развитию добрососедских отношений и полному восстановлению нормальных дипломатических и экономических отношений с Румынией, Москва и Киев «рассчитывают на принятие со стороны Румынского Правительства срочных мер к устранению всех причин», ухудшающих их взаимоотношения. Румынии следовало прекратить всякую моральную и материальную поддержку «петлюровских и контрреволюционных организаций» и выслать с территории Румынии, Буковины и Бессарабии их руководителей, расформировать созданные ими отряды и прекратить дипломатические отношения с правительством УНР. Для содействия румынскому правительству «в уничтожении банд, организуемых на территории Бессарабии и Румынии с целью агрессивных действий против Советских Республик», правительства РСФСР и УССР «считают необходимым при преследовании этих банд, в случае если они будут переходить на территорию, занятую румынскими властями, преследовать и на этой последней территории, уведомляя об этом своевременно румынские власти для того, чтобы эти действия украинских и русских красных войск не были истолкованы как действия, направленные, в какой бы то ни было степени, против румынского народа и Румынского Правительства»⁴⁰⁴.

20 августа Ионеску сообщил Чичерину, что никаких петлюровских и белогвардейских войск в Румынии не было и нет. Никого из названных петлюровских «представителей» в Румынии также нет, а Бухарест «не поддерживает официальных отношений» с правительством УНР. И хотя Москва заявляет о том, что не собирается совершать каких-либо враждебных действий против Румынии, «в период с июня по 15 августа красноармейцы двенадцать раз пытались и несколько раз смогли пересечь Днестр, ведя с русского берега огонь по румынскому берегу». В частности, «в 23 часа 4 июня тогатинский патруль был атакован группой, которая переправилась через Днестр в лодке под прикрытием ружейного огня с русского берега. 22 июня в 13 час. то же самое произошло с нашим постом в Маяках на Днестровском лимане. В лодке были обнаружены 4 тыс. русских рублей, 9 венгерских гранат и 30 патронов с разрывными пулями. В ночь с 4 на 5 июля, в ноль часов, в двух

километрах к северу от тигинского моста, перед Липканами, 4 лодки пытались переплыть через Днестр при поддержке ружейного и пулеметного огня с русского берега. Аналогичные нападения имели место утром 8 июля в Кицканах, в ночь с 8-го на 9-е – в Макуле де Пятра, днем 18-го – к северу от Телицы. Утром 24-го наш пост у деревни Устье был атакован 30 красноармейцами, перебравшимися через Днестр. 6 августа попытку переправиться около Тигины [Бендер] предприняли две лодки. 12 и 13 августа банда в 15–20 человек сумела переправиться через Днестр в 20 км к югу от Дубоссар и занималась грабежом жителей деревни Чимисаны. В ночь с 13 на 14 августа значительное число всадников переправилось через Днестр в районе Иваничей и, проникнув в деревню Инауцы, ограбило домовладельца и двух евреев. В ночь с 14-го на 15-е они напали на румынский пост в деревне Коржево в районе Дубоссар. Я уже не говорю о районе Хотина, где такие нападения случаются ежедневно».

Хотя Румыния не возлагает ответственности за эти инциденты на советские правительства, она заявляет, что «если происходят бандитские нападения, вторжения, вылазки, то они осуществляются с вашей стороны, а не с нашей». Естественно, румынское правительство не может согласиться с тем, чтобы «войска соседнего государства перешли нашу границу»⁴⁰⁵. 26 августа Ионеску сообщал в Москву о новом инциденте у Бендер. «Между 6 и 8 часами несколько лиц пытались переправиться через Днестр в баркасах; наши патрули помешали их переправе», но подверглись обстрелу из ружей и пулеметов с восточного берега⁴⁰⁶.

Советские пограничники также фиксировали многочисленные враждебные действия с румынской стороны. Оперативно-информационная сводка № 105 отдела по борьбе с бандитизмом ВУЧК сообщала, что «в ночь на 29 июля 1921 г. между Строканцы и Белочь румынами была сделана попытка высадить на 3 лодках десант, но встреченные нашим огнем, принуждены были возвратиться обратно, во время перестрелки ранен один румын»⁴⁰⁷. Начальник штаба войск ВЧК Украины Акимов докладывал 1 сентября о том, что «в ночь на 22 августа неизвестно кем с южной стороны Рыбницы производилась световая сигнализация в сторону м. Резина. В ночь на 23 августа румчастыми в продолжение двух часов обстреливался редким ружпьюльогнем восточный берег Днестра от села Ержев, что в 5–7 верстах севернее Рыбница. Во время обстрела со стороны д. Черная румынами были брошены 2 красные ракеты»⁴⁰⁸. Согласно разведсводке за период с 15 августа по 15 сентября, «в районе Сороки по донесениям войсковых частей отмечались частые обстрелы наших постов ружейным и пулеметным огнем с румынского берега. Случай стрельбы со стороны румын отмечен также в районе д. Григориополь (40 верст восточнее Бендеры). Замечена переправа с румынского берега дрессированных собак для передачи корреспонденции. По сведениям румынской прессы, вследствие попытки красных отрядов 6–7 августа переправиться через Днестр генералом Ружинским приняты меры по усилению пограничной охраны»⁴⁰⁹.

В сентябре 1921 г. обстановка на советской западной границе обострилась. Голод, возникший летом в Советской России, породил на Западе надежду на скорое падение власти большевиков, и Антанта решила подтолкнуть события. 3 сентября Франция предложила Польше направить РСФСР ультиматум, в случае отклонения которого следовало начать войну. Со своей стороны, Париж также обещал направить в Москву ультиматум и склонить к этому Румынию. Однако советская дипломатия, узнав об этих намерениях, предала их гласности⁴¹⁰. Естественно, что Польша и Франция заявили о том, что никаких предложений не было. Правда, это не помешало Польше поинтересоваться у Германии, какие уступки в верхнесилезском вопросе позволят Варшаве рассчитывать на нейтралитет Берлина в случае новой советско-польской войны⁴¹¹. 5 сентября Польша закрыла восточную границу, стянув туда дополнительные силы жандармерии. Работники советского полпредства в Варшаве оказались под демонстративным надзором польской полиции, а обстановка на советско-польской границе обострилась. Со своей стороны, Москва 9 сентября вновь потребовала от Варшавы прекратить помощь белогвардейцам⁴¹².

14 сентября Польша обвинила РСФСР в невыполнении Рижского договора и выдвинула ряд требований, которые следовало выполнить до 1 октября, угрожая в противном случае разрывом дипломатических отношений. 17 сентября Москва заявила о согласии выполнить некоторые польские требования, если Польша к этому же времени удалит со своей территории наиболее известных лидеров белогвардейцев и накажет виновных в их поддержке. На следующий день советской стороне была передана польская нота, подтверждавшая вышеуказанные требования и уведомлявшая о готовности Польши сообщить о мерах, принятых против перехода границы нежелательными элементами⁴¹³. С претензиями к РСФСР выступили также Англия, Финляндия и Эстония⁴¹⁴. Стремясь избежать нарастания конфронтации, РСФСР 22 сентября предложила Польше конкретную программу мер нормализации отношений на основе обоюдного выполнения установлений Рижского договора⁴¹⁵. Опубликование этой ноты в прессе привело к тому, что Румыния отказалась от намерения выставить свои претензии.

Понятно, что в Москве опасались возникновения войны, поэтому РВСР своим протоколом № 145 от 21 сентября 1921 г. решил, что «ввиду создавшегося в связи с польским ультиматумом положения и ввиду необходимости держать армию наготове, что совершенно несовместимо с демобилизацией, реорганизацией и вызываемыми этим демобилизационными настроениями», необходимо «приостановить действие всех постановлений и приказов об увольнении в бессрочные отпуска, расформировании частей и учреждений до уяснения создавшегося положения». Совет труда и обороны (СТО) РСФСР должен принять постановление об обеспечении войск, прежде всего пограничных, продовольственными пайками. Предлагалось укрепить РВС и политуправления Петроградского, Западного, Киевского и Харьковского военных округов опытными кадрами,

Политуправлению Красной армии необходимо разработать план мобилизации коммунистов на Западный фронт и принять меры к усилению агитации в приграничных округах и к правильному оповещению обо всех изменениях в отношениях России с Польшей и Румынией. Подготовить призыв 1900 и 1901 гг. рождения и следующих возрастов. «Немедленно приступить к выделению штаба Конной армии из штаба СКВО. Разработать план переброски и приступить к переброске Конной армии». Предусматривались меры по подготовке запасов вооружения и продовольствия, развертывания военного производства и эвакуации по округам. 22 сентября телеграммой по прямому проводу СТО уведомил всех командующих округами о приостановке демобилизации, реорганизации и расформирования войск⁴¹⁶.

23 сентября 1921 г. командующий всеми вооруженными силами Украины и Крыма своей директивой № 43401сс поставил войскам КВО и ХВО задачи на случай возникновения войны. В директиве излагалось несколько вариантов действий. По варианту «ПР» «главной задачей является нанесение решительного поражения польской армии, как наиболее сильной; против Румынии же выжидательные действия, как удаленной от главных объектов войны.

На фронты возлагаются задачи:

1) На Западный фронт – нанесение быстрого и решительного поражения польской армии, наступлением в общем направлении на фронт Осовец–Белосток–Брест–Литовск.

2) На Юго–Западный фронт – а) прикрытие границ;

б) обеспечение мобилизации и сосредоточения армий фронта;

в) обеспечение левого фланга наступающих армий Западного фронта;

г) активные оборонительные действия против Румынии с прикрытием направлений на Киев, Черкассы, Кременчуг и Екатеринослав;

д) оборона черноморского побережья от Днестровского лимана до Керченского пролива включительно».

По этому варианту «активные оборонительные действия против Румынии» должны «выразиться в нанесении удара в направлении на Яссы и овладении нами Бессарабией». От командования округов требовалось к 5 октября представить свои соображения по всем вопросам⁴¹⁷. Соответственно, советские войска были приведены в состояние повышенной боеготовности и начали подготовку к эвакуации из приграничной полосы ценного имущества⁴¹⁸. Однако внутренние проблемы западных соседей советских республик и твердая, хотя и конструктивная позиция советской дипломатии позволили найти компромисс. Уже 26 сентября Польша заявила о готовности обсудить советские предложения⁴¹⁹. В итоге переговоров 7 октября был подписан советско–польский протокол об урегулировании взаимных претензий.

Конференция в Варшаве

Тем временем 17 сентября РСФСР и УССР обратились к Румынии с просьбой о выдаче перешедшего 28 августа Днестр Н.И. Махно и его соратников⁴²⁰. 27 сентября румынское правительство предложило представить документы от судебных инстанций о выдаче и взять на себя обязательство не применять к выданным смертную казнь, так как в Румынии она отменена. В этом случае румынская сторона рассмотрит дело и решит вопрос о выдаче⁴²¹. 22 октября РСФСР и УССР указали Румынии, что ее требования юридического характера относительно выдачи Махно будут учтены и соответствующие материалы представлены. Но деятельность самих румынских властей в Бессарабии, которая вопреки договору от 9 марта 1918 г. все еще остается оккупированной, изобилует как нарушениями юридических процедур, так и применением смертной казни⁴²². 29 октября румынская сторона уведомила Москву о том, что она пока не знает, находится ли Махно в числе интернированных в Бессарабии. В целом же советская нота от 22 октября была охарактеризована как вмешательство во внутренние дела Румынии, хотя советское предложение об обсуждении проблемы судоходства на Днестре, по мнению Бухареста, свидетельствовало о признании советской стороной фактического положения дел⁴²³.

22 сентября в Варшаве началась советско–румынская конференция, которая должна была «наметить программу будущей конференции, которая положит конец фактическому положению в отношениях между Россией и Румынией». Советскую делегацию возглавлял Л.М. Карахан, румынскую – Г. Филалити. По мнению советской делегации, на будущих переговорах следовало рассмотреть следующие вопросы: «Вопрос о Бессарабии, в настоящее время оккупированной румынскими войсками, вопреки договору, заключенному между Россией и Румынией об очищении этой области. Урегулирование русско–румынских границ. Урегулирование судоходства по Дунаю. Взаимные расчеты. Возобновление торговых отношений. Возобновление дипломатических и консульских сношений. Охрана интересов национальных меньшинств. Взаимное невмешательство во внутренние дела обеих стран. Ликвидация банд, переходящих из Бессарабии на украинскую территорию с преступными целями. Конвенции о возобновлении почтово–телеграфных и железнодорожных сообщений».

Румынская делегация отказалась обсуждать на конференции вопрос о Бессарабии, так как, по ее мнению, «с точки зрения исторической и национальной Бессарабия составляла интегральную часть Румынии до 1812 г.; с точки зрения этнической население Бессарабии в значительном большинстве является румынским; с точки зрения принципа национальностей население Бессарабии присоединилось к своей родине по решению, принятому 20 марта 1918 г. „Сфатул Цэрий“ – парламентом Молдавской республики, признанным

правительством Керенского; румынская армия перешла Прут после решения „Сфатул Цэрий“ присоединиться к Румынии и по требованию бессарабцев». Точно так же румынская сторона отказывалась от обсуждения вопроса о нацменьшинствах и о судоходстве на Дунае. В отношении банд, переходящих с Украины в Бессарабию, Филалити предложил создавать по каждому такому факту смешанные комиссии для их расследования. В целом румынская сторона предлагала обсудить на будущей конференции следующие вопросы: «Ценности, находившиеся в России в качестве вклада. Помещение и имущество румынского посольства в Петрограде. Вклады, сделанные румынскими комиссиями по снабжению в банках России. Освобождение, если возможно немедленное, с разрешением вернуться на родину румын, задержанных в России... Русские беженцы в Румынии, а также русские из армии Врангеля»⁴²⁴.

23 сентября стороны согласовали вопрос об обсуждении на будущей конференции проблемы взаимных расчетов. Вопрос о судоходстве на Дунае, по мнению Филалити, уже был решен в Париже, но он обещал запросить в Бухаресте инструкции. При обсуждении вопроса о нацменьшинствах Карахан сослался на советско-польский договор, в котором эта проблема нашла свое отражение. Что же касается Бессарабии, то советская делегация изложила следующее мнение: «Бессарабия не могла быть неразрывной частью Румынии, потому что независимость Румынии была признана в 1878 г.; с точки зрения этнографической можно доказать противоположное тому, что утверждает [румынская сторона]; тот факт, что Румыния стремилась в 1920 г. путем договора с санкции великих держав к присоединению Бессарабии, доказывает, что акты „Сфатул Цэрий“, касающиеся присоединения Бессарабии, не являются никоим образом неоспоримыми; провозглашение Молдавской республики (24 января 1918 г.), так же как и образование самого „Сфатул Цэрий“, имело место в конце ноября 1917 г. после свержения правительства Керенского; независимо от того [что] „Сфатул Цэрий“ не имел полномочий решать вопрос о присоединении Бессарабии, его постановления были приняты под прямым давлением военных властей и под влиянием административного террора; договор, подписанный русским правительством и генералом Авереску (9 марта 1918 г.), предусматривал эвакуацию Бессарабии румынами»⁴²⁵.

В личной беседе с Филалити Карахан предложил ему обойти вопросы о Бессарабии, нацменьшинствах и румынских ценностях на будущей конференции. По его мнению, это позволило бы восстановить дипломатические отношения и вопрос о румынских ценностях можно было бы решить позднее в дипломатическом порядке. Однако, как докладывал в Бухарест Филалити, по его мнению, «большевики нацелены только на одно: чтобы восстановить отношения и с нами, как были восстановлены со всеми соседями, и чтобы послать нам в Бухарест 80–100 человек, как они сделали здесь [в Варшаве], которые начнут пропаганду». Соответственно румынский представитель считал, что «восстановить отношения с большевиками означало бы играть в их игру без всякой пользы для нас»⁴²⁶.

28 сентября премьер-министр Румынии Авереску в телеграмме Филалити подтвердил неизменную позицию Бухареста относительно Бессарабии и напомнил ему, что вопрос о румынских ценностях остается «требованием первейшей важности». Тем не менее от румынской делегации требовалось «не ускорять события, а затягивать их в зависимости от обстоятельств»⁴²⁷. 3 октября Авереску напомнил Филалити, что относительно «Бессарабии следует найти формулировку, позволяющую обсуждать все вопросы, вытекающие из фактического положения дел, которое сложилось в ходе событий времен войны», а «вопрос о взаимозачетах не может быть исключен из программы. Напротив, он должен явиться одним из главных пунктов для выяснения... При всех обстоятельствах наша тактика должна заключаться в выигрыше времени – мы должны быть покладистыми с точки зрения формы и очень осторожны в том, что касается сути»⁴²⁸.

3 октября РСФСР и УССР направили Румынии ноту, в которой отметили, что румынское правительство не согласилось выслать из страны представителей правительства УНР, указанных в советской ноте от 13 августа, и приводили новые факты деятельности петлюровских агентов на территории Бессарабии и помощи им со стороны румынских войск. Сделанное ранее предложение о возможности преследования советскими войсками бандитов на территории Бессарабии учитывало аналогичную договоренность между Румынией и Болгарией. Во всяком случае сохранение петлюровских организаций в Бессарабии сохраняет актуальность такой возможности. Развитие переговоров в Варшаве, где советские правительства готовы устранить «все существующие недоразумения», будет зависеть от действий Румынии, направленных на прекращение «организации враждебных действий против Советских республик»⁴²⁹.

5 октября, инструктируя Филалити, Авереску указал, что «советское правительство является из всех возможных русских правительств тем, с которым мы можем самым для нас благоприятным образом вести переговоры по вопросу о Бессарабии – действительно спорному пункту между Румынией и Россией. Согласие этого правительства на признание фактического положения дел может в будущем, если в России все изменится, оказаться мощным рычагом. Поэтому необходимо приложить максимум усилий, чтобы добиться этого». Конечно, и вопрос о румынских ценностях «не должен выпасть из программы, поскольку без него переговоры потеряют для нас всякий интерес»⁴³⁰. В тот же день на очередном заседании советско-румынской конференции Филалити огласил декларацию румынского правительства: «Румынское правительство не допускает ни в коем случае и ни в какой форме дискуссии относительно легальности или окончательного характера воссоединения Бессарабии с Румынией. Однако само собой понятно, что если Республика Советов пожелала бы заключить договор с правительством Румынии относительно последствий этого воссоединения, мы могли бы вступить на этот путь. Впрочем, так как Республика Советов нам предложила включить в программу вопрос о навигации по

Днестру, каковой пункт мы согласились принять в качестве предмета дискуссии, мы тем самым затронули ряд вопросов, вытекающих из присоединения Бессарабии к Румынии». Румынская делегация вновь напомнила, что вопрос о румынских ценностях «является одним из главнейших требований румынского правительства»⁴³¹.

Вечером 6 октября Карахан вновь беседовал в частном порядке с Филалити и предложил ему, чтобы в качестве уступки Румыния взяла на себя обязательство «в случае войны, объявленной Советской России другим государством... сохранять нейтралитет на взаимной основе»⁴³². Со своей стороны, Чичерин 10 октября запросил Карахана: «Указывали ли Вы Филалити, что с Румынией была война и все переданное нам есть добыча? Указывали ль, что самоопределение Бессарабии было комедией, протестовал даже сенатор Александр? Указали ль, что, пока мы не признали Бессарабию за Румынией, владение ею непрочно, ибо мы во всякий момент можем отнять, причем в Бессарабии уже теперь почти поголовное восстание даже молдаван»⁴³³. В тот же день румынская делегация вновь получила указание тянуть время⁴³⁴. 11 октября Филалити запросил в Бухаресте инструкций относительно готовности признать УССР одной из договаривающихся сторон и сообщил, что советская делегация сохраняет за собой право поторговаться относительно признания Бессарабии частью Румынии⁴³⁵.

17 октября министр иностранных дел Румынии Ионеску сообщил Филалити, что он «никогда не верил, что наши ценности будут нам возвращены, так же как я знал, что советское правительство не преследует иной цели, кроме возобновления дипломатических отношений с Румынией, чтобы отравить нашу страну революционной пропагандой, прячась за щит дипломатического иммунитета». Министр считал, что не следует переносить бессарабский вопрос в область внутренних проблем России, он всегда должен оставаться международным вопросом, а поэтому решено, «какими бы ни были последствия, не вступать в обсуждение вопроса о Бессарабии как программного пункта, подлежащего решению двумя правительствами». Ионеску одобрил высказанную на конференции позицию, сводившуюся к обсуждению вопроса о румынских ценностях до восстановления дипломатических и экономических отношений. Бухарест также отклонял предложение о гарантии нейтралитета в случае нападения на Советскую Россию третьего государства. Министр указывал, что в возможном соглашении следует «тщательно избегать слов о „мирном договоре“ или о „прекращении состояния войны“. Самым решительным образом мы стоим на том, что мы не находимся в состоянии войны и, следовательно, не имеем задачи заключения мирного договора»⁴³⁶.

В ответ на сообщения Карахана о ходе дискуссий в Варшаве Москва 21 октября решила «настаивать на участии Украины» и «применить взаимное погашение претензий или в форме поставки на конференции вопросов как о Бессарабии, так и о расчетах, или же путем устранения того и другого». В случае же «отказа румын от взаимного погашения претензий не останавливаться перед разрывом»⁴³⁷. Таким образом, как и следовало ожидать, в вопросе о Бессарабии стороны остались при своем мнении. 25 октября советская делегация вновь заявила, что «Румыния располагает Бессарабией по праву военной силы и что на стороне Румынии в этом вопросе нет никаких легальных титулов. Единственным актом, могущим легализовать и оформить нынешнее фактическое положение Бессарабии, мог [бы] быть акт, исходящий только от России». Соответственно, конференция была прервана на неопределенный срок⁴³⁸.

11 ноября Москва снова просила Бухарест подтвердить факт нахождения Махно на румынской территории с целью выслать материал, обосновывающий просьбу о его выдаче советским властям. Румынской стороне вновь напоминалось, что «до тех пор, пока Россия и Украина не признали отделения Бессарабии и ее аннексии Румынией, все относящиеся к ней вопросы» будут их интересовать. «Ни решение, к тому же спорное, молдавского националистического общества, ни решения держав, которым Россия и Украина отнюдь не подчинены, не могут заменить для них их собственное решение и выражение их собственной воли». Именно будущая конференция могла бы всесторонне рассмотреть вопрос о Бессарабии и о решениях «Сфатул Цэрий». Вопреки заявлению румынского министра иностранных дел, согласие РСФСР и УССР обсуждать вопрос о судоходстве по Днестру не является признанием факта присоединения Бессарабии к Румынии с их стороны. Наоборот, в целом ряде деклараций Москва и Киев неоднократно заявляли, что «задача конференции состояла не в проведении границы между обеими странами, а лишь в проведении демаркационной линии, считаясь с фактической оккупацией Бессарабии румынскими войсками. Лишь договор между Румынией, с одной стороны, и Россией и Украиной – с другой, будет в состоянии изменить нашу точку зрения по этому предмету». Румынии напоминалось, что она нарушила соглашение от 9 марта 1918 г. и ныне находящиеся на ее территории петлюровские отряды готовят новые нападения на территорию УССР⁴³⁹.

16 ноября Ионеску направил в Москву ответную телеграмму, в которой заявлялось, что «королевское правительство никоим образом, ни прямо, ни косвенно, не примет претензий» относительно Бессарабии «ни от настоящего российского правительства, ни от его преемников, если таковые будут; к тому же эти вопросы волнуют только Россию. То, что Вы называете Бессарабией, т.е. Румыния между Прутом и Днестром, является составной частью Румынского королевства. Бессарабия, образовавшая самостоятельное государство, воссоединилась с Румынией, и это воссоединение не может быть предметом дискуссии ни для кого. Суверенное право Румынии не вытекает из соглашения, заключенного в Париже 28 октября 1920 г. ... а является результатом акта воссоединения, совершенного представителями Бессарабии, акта окончательного и не нуждающегося ни в каком другом подтверждении. Четыре державы лишь признали суверенитет Румынии, так как имели право закрепить с точки зрения международного права ситуацию, сложившуюся в Европе в результате войны». С точки

зрения Бухареста, обсуждение вопроса о судоходстве на Днестре с участием Румынии служит признанием того факта, что она имеет право решать эти вопросы, которые обычно решаются прибрежными государствами в том случае, если речь идет о пограничных реках⁴⁴⁰.

Налет на Тирасполь

Инциденты на Днестре продолжались. Так, согласно сводке штаба войск ВУЧК от 25 ноября, «17 ноября 185-й батальон[:] в дер. Роги (6 верст севернее Дубоссары) часовым была замечена лодка, переплывавшая на нашу сторону с 2 неизвестными. В момент обнаружения лодки и выхода неизвестных на наш берег часовой находился в 5 верстах восточнее переправы. Сделанные неизвестными 7 выстрелов ввиду дальности и кустов не достигли цели. Расследование в указанных местах никакого результата не дало. 186-й батальон: 11 ноября в 15 часов в районе дер. Цыбудьна (4 версты северо-западнее Ягорлык) наш часовой был обстрелян с румсторони румкавалеристами несколькими выстрелами. С нашей стороны ответа не было... На участке 2-й роты наш конный патруль 12 ноября в 14 часов в районе дер. Сорцен был обстрелян с румсторони»⁴⁴¹.

В разведсводках 51-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся на левом берегу Днестра, от 19 ноября отмечалось, что «3-4 дня тому назад якобы атаман Гуляй-Гуленко отправился к Заболотному в Бирзульский район», а «по данным губчека 19 или 20 ноября петлюровское командование намерено переправить с территории Румынии в районе Тирасполь-Дубоссары неизвестные части и соединиться таковыми с отрядом Гуляй-Гуленко... затем совместными действиями овладеть Одессой и поднять в последней восстание. Бендерская группа петлюровцев должна переправиться в трех пунктах: 1) Кицканы (район Тирасполя); 2) село Парканы; 3) Сукляя (5 верст южнее Тирасполь). В указанных пунктах якобы имеются перевозочные средства примерно на 300 человек в каждом. Против Дубоссар намечена переправа 200 человек»⁴⁴².

Вечерняя оперативная сводка штаба ХВО № 04821/оп от 19 ноября 1921 г. сообщала, что «по донесению комбрига 28 пограничной на рассвете 19 ноября банда численностью 150 штыков под командой Пшеник перешла румграницу в районе Парканы (8 верст западнее Тирасполь) и, оттеснив части 184-го погранбатальона, совместно с восставшим населением района Терновка-Парканы заняла последние, вырезав коммунистов. В 9 час. 19 ноября банда заняла западные предместья гор. Тирасполя, откуда после короткого боя с частями 2-го батальона 451-го полка банда была отброшена в западном направлении, потеряв убитых, раненых и пленных, в числе последних два офицера. Батальон 451-го полка совместно с тираспольским гарнизоном, продолжая преследование банды, в 14 час. занял Парканы-Терновка, банда же, рассеявшись, ушла в северном направлении. Во время боя с бандой убит комбат 2 – 451-го полка. Части 184-го погранбатальона, сосредоточившиеся в Тирасполь, вновь развернуты по румгранице своего участка, 2-й батальон 451-го полка – Парканы. Маневренную группу 151-й бригады в составе 451-го и 453-го полков и команд пеших разведчиков дивизии, отбывающих лагсбор в районе Черный Кут-Исаево (2-7 верст южнее Черново), приказано перебросить: 453-й полк и команды пеших разведчиков 151-й бригады – район Петроверовка, 451-й полк – Цебриково (30 верст северо-восточнее Тирасполь), откуда вести усиленную разведку в общем направлении на Тирасполь, выделив для указанной цели не менее 3-х сильных отрядов. Комбригу 152 – маневренную группу в составе 152-й бригады и кавполка 51, поддерживая непрерывную связь с 186-м погранбатальоном, штабригом 71 24-й дивизии и штабригом 153 иметь в боевой готовности»⁴⁴³.

Согласно вечерней оперативной сводке штаба ХВО № 04283/оп от 20 ноября: «По донесению комполка 451, банда Пшеника вечером 19 ноября на лодках, поданных румсолдатами, переправилась обратно на правый берег Днестра (место переправы не указано). По дополнительно полученным сведениям в результате боя у Тирасполя и Парканы взято в плен 15 петлюровцев и 180 повстанцев»⁴⁴⁴. Оперативная сводка штаба ХВО от 23 ноября сообщала, что «на участке 28-й погранбригады спокойно. По дополнительным сведениям, банда Пшеника переправилась на румсторону 19 ноября в районе Терновка (8 верст западнее Тирасполь); переправа совершена на лодках, поданных румынсолдатами»⁴⁴⁵.

Разведсводка 51-й стрелковой дивизии от 21 ноября сообщала, что «банда петлюровцев численностью в 150 человек при 1 пулемете Кольта в 5 часов 19 ноября против села Бычек (южнее хутора Плоский) произвела переправу на нашу сторону частью на лодках, частью вброд. Часовые, заметив переправу, открыли огонь, отходя к штабу войск поста в селе Бычек. По тревоге взвод рассыпался в цепь, и завязался бой с бандитами, но благодаря численному превосходству у последних, погранстрелки начали отходить в направлении Токмогзея (5 верст северо-западнее Тирасполь), потеряв 2 убитыми и 3 ранеными. Переправившаяся банда разделилась на две группы: одна из них двинулась в село Парканы, другая по направлению Токмогзея, но, встреченная подошедшими частями 185-го батальона, в результате боя была отброшена частью обратно на румсторону, и часть направилась вслед за первой группой на Парканы. С подходом банд к Парканам с румсторони напротив указанного села начинает переправу новая банда 60-70 человек. Одновременно с этим в Парканах поднимается восстание крестьян, которые напали на штаб 18-го кавэскадрона, полвзвод ком связи и хозкоманду, захватили 2 пулемета Максима и 1 – Шоша. Под давлением бандитов и повстанцев-крестьян взвод первой роты 184-го батальона отошел и занял позицию восточнее Парканы, где к нему присоединился еще один взвод, завязалась перестрелка. В результате бандиты оттеснили взводы к Тирасполю, заняв предместье Тирасполя Крепостная слободка. Приведенными в порядок частями гарнизона Тирасполь банды были отброшены, и к 14 часам нами заняты Парканы, причем при отступлении повстанцы бросили все пулеметы, захваченные в 18-м кавэскадроне, а

также и свой пулемет. К 22 часам охрана границы восстановлена, часть бандитов на поданных румсолдатами лодках переправилась в Бессарабию. Национальный состав банды украинцы и незначительная часть поляков, имелось национальное украинское знамя и прокламации на немецком языке. Потери с нашей стороны выясняются, убит помкомэскадрона 18 и около 20 кавалеристов и ранено комэскадрона и около 10 кавалеристов»⁴⁴⁶.

21 ноября 1921 г. начальник полевого штаба войск ВУЧК Евдокимов и особоуполномоченный по действующим бандам Гофицкий направили в Москву, Киев и Харьков экстренную оперативную сводку, в которой сообщалось, что «по донесениям ОГЧК и штабрига 28, полученным 21 ноября в 15 часов (нарочным), 19 ноября вечером в районе между Варницей и Гура–Быкулуй переправился отряд в 150 человек под командой Пшеника, во главе отряда Емельянов, Батуриин, Дедученко, Желобаев и полковник Пукалов. После переправы они разбились по группам: Батуриин уехал в Плоское для поднятия восстания, Емельянов, Дедученко, Желобаев, Пшеник и Пукалов в Парканы, где подняли восстание и начали наступать на Тирасполь. Наступление отбито. По полученным сведениям, Емельянов ранен. Банда главным образом рассчитывает на восстание. Необходимо срочное подкрепление на случай объединения всех бандитов. Вооружения у них мало. Румыны содействовали переправе. Допускается возможность переправы подкрепления с румберега сегодня. По дополнительным агентурным сведениям и показаниям захваченных петлюровских разведчиков, за первой группой последует высадка численностью свыше 1 200 бандитов. По последним сведениям, Гуляй–Гуленко с отрядом, высадившись в районе Вадрешково, пробивается в Ольгопольщину для соединения с бандой Заболотного и отрезать Бирзульский уезд от Одессы. По линии чека приняты экстренные меры к широкому освещению движения противника закордона на румстороне, а также в прикордонной полосе»⁴⁴⁷.

Вечером 22 ноября оперативная сводка штаба войск ВУЧК сообщала, что, «по сведениям Одесской губчека, основанным на донесении штабрига 1, в районе между с.с. Варница–Гута Бакулуй (Румыния) 15–20 верст северо–западнее Тирасполя переправился отряд в 150 человек под командой генерала Пшеника (очевидно, один из отрядов Гуляй–Гуленко). После переправы отряд разбился на несколько групп: одна во главе с Батуриным ушла в направлении Плоское в 10 верстах севернее Тирасполя для поднятия восстания. Вторая во главе с Пшеником, Емельяновым, Дудушенко, Желоваевым и Пукаловым – с. Калканы в 3 верстах западнее Тирасполя. Наступление было отбито. Емельянов, по сведениям, ранен. Со слов захваченных петлюровских разведчиков за первой группой последует высадка отряда свыше 1 200 человек. По дополнительным сведениям, сам Гуляй–Гуленко якобы высадился в районе Вадрашков 60 верст юго–западнее Ольгополя, пробивается на Ольгопольщину для соединения с бандой Заболотного, имея главной задачей отрезать Бирзульский уезд от Одессы. Сведения проверяются»⁴⁴⁸.

Согласно оперативно–информационной сводке № 195 от 23 ноября, «банда, произведшая 19 ноября налет на Тирасполь, переправилась с румсторони в районе с. Бычка (18 верст восточнее Плоского) под командованием петлюровского полковника Пшеника, его помощников Хорунжаго и Парайка при деятельном участии Цукалаго, Емельянова, Невицкого, Иващенко, Батурина, Желобаева и др. Банда вышла из Бендер, переправилась при содействии румын, причем активное участие принимали румкапитаны из штаба 3–го румкорпуса Статулеско и Марларли, которые содействовали переправе и обещали дать оружие. Вначале переправилось 34 человека, вооруженных винтовками, револьверами и гранатами, под командой полковника Шарапко. Переправе содействовал также предкомнезаможних с. Бычка Ланцев (бывший комендант г. Тирасполя). Вторая группа бандитов под командой Батурина численностью 30 человек направилась на Плоское с целью поднять восстание, которая им и удалась, а остальные двинулись на Варница (18 верст северо–восточнее Тирасполя), где захватили 3 пулемета, убили 13 красноармейцев и двинулись на Тирасполь, откуда были выбиты, а также были отбиты и взятые 3 пулемета, причем банды рассыпались по прилегающим селам с целью переправиться обратно в Румынию. Румыны принимали обратно бандитов и открыли стрельбу по нашим частям, дабы дать возможность переправиться остальным бандитам. Во время переправы много бандитов утонуло в Днестре. Во время боя были захвачены прокламации на немецком языке к немцам–колониатам за подписью Петлюры, Гуляй–Гуленко и Поплавского, а также два национальных украинских флага. Из допроса арестованных выяснилось, что в районе Аккермана против Маяки собирается переправляться на нашу сторону Гуляй–Гуленко во главе с 27 казаками, рассчитывая на содействие местных крестьян и предполагая двинуться на Бирзулу»⁴⁴⁹.

Новые подробности налета на Тирасполь содержатся в сводке штаба ХВО от 25 ноября: «По дополнительным сведениям банда Пшеника переправилась на нашу сторону в районе 4 версты севернее Парканы частью на лодках, частью вброд. После короткого боя со взводом 184–го погранбата, отошедшего вследствие малочисленности к Тирасполю, банда, разделившись на две группы, одной направилась на Парканы, другой – Тирасполь, на пути к которому была встречена и отброшена частями 1–й роты. Часть этой группы ушла обратно в Румынию, другая – присоединилась к первой группе. С подходом первой группы к Парканы с румсторони начала переправу другая банда 60–70 человек и одновременно в Парканах бандитами было поднято восстание. Из Паркан банда, оттеснив части 184–го батальона, направилась в Тирасполь. Встреченная у Тирасполя частями гарнизона, банда была отбита и ушла на Парканы. При отступлении бандитами были брошены все пулеметы, захваченные у 184–го погранбата, и 1 пулемет, вывезенный бандой из Румынии. Обратный уход банды через Днестр совершался в районе Терновка на лодках, поданных румынсолдатами. Национальный состав банды украинцы–петлюровцы и незначительная часть поляков. Банда переправилась с национальным украинским

знаменем и прокламациями на немецком языке»⁴⁵⁰.

В этих условиях 19 ноября было принято постановление СТО, согласно которому пограничные войска ВЧК были сменены на границе полевыми войсками Красной армии⁴⁵¹. Лишь почти год спустя, 27 сентября 1922 г., новым постановлением СТО охрана границы была передана в ведение ГПУ, в рамках которого создавался отдельный пограничный корпус⁴⁵². 24 ноября 1921 г. председатель Военного совета Украины и помощник командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма направил РВС КВО следующее распоряжение: «Переход петлюровцев в районе Тирасполя имеет громадное значение в области международных отношений, поэтому Военсовет предлагает вам срочным порядком собрать и представить следующие разведывательные сведения: 1) точное наименование войсковых частей, коим принадлежат перешедшие у Тирасполя с румсторони банды; 2) о содействии, оказанном румынскими погранчастями при переходе банд на нашу территорию и обратном возвращении; 3) каким путем снаряжалась банда на румынской территории и каковы были ее намерения; 4) фамилии взятых в плен офицеров и их показания»⁴⁵³.

Согласно разведсводке 51-й стрелковой дивизии от 29 ноября, по опросам пленных и арестованных выявлено, что банда Пшенника за день до переправы получила из Кишинева при содействии 3-го румынского корпуса 16 винтовок и 15 патронов на каждую. Оружие выдавалось на берегу перед самой переправой. Поскольку оружия было мало, командир 7-й погранроты капитан Станеско своей властью выдал еще 16 гранат. Остальным членам банды было заявлено, что в Парканах их ждут 650 винтовок и 15 пулеметов. Переправа проходила в течение почти 2 часов на 1 лодке по 7 человек. При переправе присутствовали командир 7-й погранроты и солдаты румынской погранстражи. Все это они делали якобы за деньги, не имея никакого официального приказа. Военное министерство требовало убрать банду из Бендер в лагерь, но штаб 3-го корпуса использовал банду в своих собственных целях. После отхода из Тирасполя банда разделилась на две группы. Одна во главе с Дудиченко, Пукаловым и Желобаевым ушла на хутор Бычек и днем 19 ноября вернулась на румсторону. Вторая группа во главе с Пшенником и Емельяновым переправилась у моста в Парканах. Часть бандитов разбрелась по хуторам и городу⁴⁵⁴.

Для расследования дела о налете банд на Тираспольский уезд была создана комиссия под председательством Богданова, которая, рассмотрев представленные материалы Одесской губчека, пограничных войск, частей Красной армии и тираспольского гарнизона, 3 декабря 1921 г. составила заключение. Этот документ позволяет более подробно представить события в районе Тирасполя. 18 ноября контролер поста с. Бычек Юрьев предупредил командира взвода 1-й роты 185-го батальона ВЧК Буренина, что ночью ожидается переправа с румынского берега. Когда стемнело, Юрьев, Буренин и еще 2–3 человека вышли на берег и увидели сигнализацию, на которую кто-то, по-видимому, отвечал с нашего берега. Несколько позже на нашем берегу кто-то стал бить в доску, подавая тем как будто сигнал. Берег был тщательно осмотрен, но никого и ничего обнаружено не было. Все вернулись в помещение кордона. Около 23 часов часовой сообщил, что на воде замечена лодка. Взвод, поднятый по тревоге, выступил к берегу. Там увидели 10–15 человек, высадившихся на берег. Началась перестрелка. Расстреляв патроны, взвод вернулся в помещение кордона за боеприпасами. Выйдя второй раз к берегу, взвод услышал команду: «Первая рота вправо, в цепь марш», – после чего командир взвода отдал приказ отойти от берега за бугор за деревню, где красноармейцы простояли 2 часа.

Вдруг перед ними в темноте обрисовалась подвода брата председателя местного сельревкома Бакланова, на которой сидело несколько человек. Один из них окликнул красноармейцев: «Стой, что пропуск». Один из красноармейцев ответил: «Курок». Тогда сидевшие на подводе открыли стрельбу и подались в сторону. Погранвзвод, разбившись на две группы, также отошел из Бычка на Малаешты и Красногорку. Позднее обе группы соединились в Красногорке, а утром туда прибыла 1-я рота 185-го батальона из Токмадзеи, оповещенная Юрьевым. Обе части вернулись в Бычек, но оказалось, что бандиты еще ночью ушли в Парканы. Однако вместо преследования банды, как предлагал командир эскадрона Петрухин, командир роты велел собрать раненых и отправить их в Токмадзею, куда уехал и он сам.

Кроме взвода 1-й роты 185-го батальона в Бычке находились 4 кавалериста из 17-го кавэскадрона, жившие отдельно на квартире. Командир погранвзвода не знал, где именно они проживали, и в суматохе боя о них никто не вспомнил. В результате 2 кавалериста были убиты, 1 ранен, был убит также один из двух пограничников, оставшихся в помещении кордона из-за отсутствия обуви (другой спасся, спрятавшись за печкой). К банде примкнул местный житель Л. Донцов, посоветовавший председателю сельревкома Бакланову укрыться в его хате, так как «у них восстание», но «сегодня я тебя спасу, а завтра ты меня». Бакланов так и поступил. В селе из местных жителей бандиты никого не тронули, ограничившись обыском.

По сообщению местных жителей, вооружено было около половины бандитов, которые разбились на две группы. Одна направилась в Плоское, где как будто рассыпалась, так как о ней более ничего не известно. Другая группа двинулась на Парканы. Там находился гарнизон в составе частей 184-го батальона и взвода 18-го кавэскадрона (всего до 50 человек с 25 винтовками и 3 пулеметами), солдаты которого жили на квартирах, где также находилось оружие. Стрельба в с. Бычек, если ее и слышали, была воспринята как учебная, тем более что еще 18 ноября их предупреждал об учении Буренин. В итоге красноармейцы были застигнуты врасплох и 20 из них были убиты. Захватив Парканы и вооружившись трофейным оружием, бандиты устроили крестьянский сход, который призвали к восстанию и походу на Тирасполь. Часть крестьян охотно присоединилась к бандитам, а часть была вынуждена подчиниться.

Об этих событиях в Тирасполе узнали лишь около 9 часов утра от бежавших в город красноармейцев 451-го стрелкового полка. В городе находилось 464 штыков, 70 сабель при 11 пулеметах, тогда как банда оценивалась в 150–200 человек. Однако наличие в Тирасполе нескольких штабов со своими формированиями привело к тому, что единого командования не было. Начальник гарнизона Забалуев 17 ноября уехал для выполнения особого задания, его заместитель не пользовался доверием. Поднятый по тревоге 2-й батальон 451-го полка в составе 45 человек занял оборону и умелыми и энергичными действиями, по сути, остановил наступление банды. Однако гибель комбата привела к замешательству и отходу батальона в город. Мобилизация 7-й роты Коммунистического полка местных коммунистов затянулась, а прочие отряды действовали без какой-либо координации. Начальник особого отдела Южный вместо организации обороны и разгрома банды постоянно связывался с Одесской губчека, информируя о сложившемся положении и запрашивая инструкций. Как выяснила комиссия, еще 16 ноября Южный от агента получил сведения о готовящемся налете петлюровской банды, готовящей переправу в Кицканах, Парканах и Бычке. Не полностью доверяя этим сведениям, Южный сообщил их в Одессу и предупредил местное командование, усилившее пограничников 60 красноармейцами. Однако части в Бычке и Парканах не были ориентированы об этих сведениях, им было просто приказано усилить бдительность. Естественно, что никто не воспринял это как серьезное предупреждение. Во время боев в Тирасполе и хождений Южного на телеграф поднятая по тревоге рота ВЧК оставалась в бездействии, ожидая его приказа.

После столкновений на окраине города советские части отошли к штабу гарнизона, откуда вновь повели наступление. Отряд под командованием Тюльпанова вскоре занял Тираспольскую крепость, где взял первых пленных. Батальон 451-го полка выбил бандитов из Житомирских казарм. Банда стала отступать на Парканы, которые около 14 часов также были заняты советскими частями. Окончательно разбитые бандиты, пытаясь переправиться обратно за Днестр, раздевались, чтобы легче было плыть, и бросали на берегу оружие и одежду. Большинство из них утонуло в реке, некоторые доплыли до румынского берега, а одному румыны подали веревку с моста.

Советские власти провели репрессии против тех, кто поддержал бандитов и лично участвовал в боевых действиях. Так, в Тирасполе было расстреляно 36 человек, в Парканах – 10, а в Бычке – 3. Их имущество было конфисковано, а семьи будут выселены из уезда. Менее замешанные в событиях 25–30 человек были заключены в концлагерь. Кроме того, были проведены аресты подозреваемых в связях с бандами или с закордонными организациями.

«Из данного дела видно, что если налет не был прямо организован румынскими властями, то он, по всей видимости, произошел при явном попустительстве наших заднестровских соседей. Из документов, отобранных у пленных, а частью брошенных налетчиками, вытекает, что многие из них состояли на службе в 3-м румынском армейском корпусе агентами, информаторами и т.д.». Дальнейшее исследование документов и опросы пленных позволят более точно судить о степени участия Румынии в событиях 19 ноября.

В целом рекомендации комиссии сводились к наведению порядка в пограничных и войсковых частях, обеспечении их всем необходимым и доведении их численности до штатных норм. Кроме того, комиссия рекомендовала привлечь к суду тех командиров и начальников, кто не сумел организовать действий по отпору банде, а также 6 человек из состава 2-го Коммунистического полка за дезертирство⁴⁵⁵.

Тем временем 29 ноября РСФСР и УССР направили в Бухарест ноту, в которой указали, что, хотя румынская сторона постоянно отрицала наличие в Бессарабии агентов правительства УНР и подготовку «бандитских набегов на Украину», новые набеги из-за Днестра имели место. «19 ноября, на рассвете, банда в 150 штыков, вышедшая из Бендер, отгеснила пограничный советский пост, заняла деревни Парканы и Терновка, вырезала там крестьян, заподозренных в принадлежности к коммунистической партии, и убила 13 красноармейцев. К 9 часам банда достигла западного предместья Тирасполя. Одновременно с этим другая банда, меньшей численности, перешла Днестр у местечка Гура-Бикулуй, севернее Бендер, и направилась в дер. Плоское, после занятия которой она также двинулась на Тирасполь в северо-западном направлении. После короткого боя с тираспольским гарнизоном банда была отброшена, понеся потери убитыми, ранеными и пленными; в числе последних два офицера». Командовал набегом атаман Пшенник, среди его приближенных в банде находились Емельянов, Дудиченко, Батулин и полковник Пугалов. В организации снабжения и переправе банды деятельное участие принимали румынские капитаны Сатулеску и Мардалеску (Мардарий) из штаба 3-го корпуса.

«В момент переправы румынская артиллерия открыла с бессарабского берега огонь по нашим пограничным постам, а когда разбитые и рассеянные банды, вечером 19, спускались к Днестру, с противоположной стороны румынскими солдатами навстречу им были отправлены лодки». Есть сведения, что утром 18 ноября в районе Дубоссар на Украину пыталась проникнуть банда под командованием самого Гуляй-Гуленко, а в районе Аккермана концентрируется банда Фролова в 200 человек. Кроме того, после разгрома банды Тютюнника были захвачены документы, свидетельствующие о контактах петлюровских представителей в Бессарабии со штабом 4-го румынского корпуса. Советские правительства выражали протест и заявляли об ответственности румынского правительства за эти события⁴⁵⁶. В ответной телеграмме от 4 декабря Ионеску обещал расследовать этот инцидент, но полагал, что вряд ли «банда, о которой вы говорите, сформировалась на нашей территории». Тем не менее он вновь повторил уже традиционную фразу об отсутствии у Румынии агрессивных намерений в отношении России⁴⁵⁷.

28 декабря 1921 г. IX Всероссийский съезд Советов по инициативе Ленина принял «Декларацию о

международном положении РСФСР», в которой отмечалось, что, несмотря на неоднократные предложения вступить «в переговоры по всем спорным вопросам, не исключая и вопроса о Бессарабии», Румыния от переговоров уклоняется и способствует формированию и вооружению на ее территории петлюровских банд. В этих условиях съезд предупреждал «правительства соседних государств, что если они будут в дальнейшем посягать или поддерживать посягательства на целостность советской территории и на безопасность Советских республик», то вынудят их на адекватный «ответ, который может стать роковым для нападающего и его пособников»⁴⁵⁸. Понятно, что командование Красной армии продолжало разработку планов на случай войны.

Своей директивой № 58198/А/сс от 4 февраля 1922 г. командующий всеми вооруженными силами Украины и Крыма Фрунзе потребовал от штабов КВО и ХВО разработать планы на случай войны с Польшей и Румынией, поддерживающих белогвардейские формирования. 25 февраля штаб ХВО представил план перегруппировки и сосредоточения войск 10-й армии на случай выступления Польши и Румынии вместе с белогвардейскими формированиями.

В этом документе указывалось, что возможными противниками являются белогвардейские формирования, находящиеся на Балканах и в Румынии. Считалось, что в одиночку Румыния воевать не станет, но вместе с Польшей ее выступление вполне вероятно. Силы вероятного противника оценивались следующим образом. Белые располагали 65 тыс. человек, румынская армия насчитывает 183 270 штыков, 14 130 сабель, 6 335 пулеметов, 1 011 орудий, из которых на Восточный фронт приходится 78 270 штыков, 4 250 сабель, 3 562 пулемета, 528 орудий. Считалось, что Румыния в состоянии призвать до 1 940 тыс. человек, а поддержка со стороны Малой Антанты позволит ей сосредоточить основные силы на востоке.

«При выступлении Польши совместно с Румынией главной задачей Красной Армии является нанесение решительного поражения польской армии, как наиболее сильной, против Румынии же – выжидательные действия, как удаленной от главных объектов действия». 8-я и 9-я армии Юго-Западного фронта развертывались на советско-польской границе. Для действий против Румынии создавалась 10-я армия, управление которой выделялось из штаба ХВО. В состав армии включались 3-я, 51-я, прибывающая 53-я стрелковые дивизии и второочередные 136-я, 137-я стрелковые бригады. 30-я и 15-я стрелковые дивизии из ХВО передавались в состав 8-й армии, а развертывавшиеся соответственно в Киеве и Лозовой 2-я и 34-я стрелковые дивизии – в резерв Юго-Западного фронта.

Согласно этому плану войска 10-й армии получали задачу «обеспечить левый фланг 8-й армии, прикрывая ее от ударов со стороны Бельцы-Ботошани в направлении на Кременчуг, активно оборонять линию р. Днестр и оборонять черноморское побережье от Днестровского лимана до Керченского пролива включительно». Войска армии развертывались следующим образом: 51-я дивизия на нижнем Днестре и от Днестровского до Тилигульского лимана; 3-я дивизия в Крыму, в районе Кривого Рога, Херсона, Николаева; 53-я дивизия в районе Ольвиополь, Чемирполь, Головенева; 136-я бригада в районе ст. Федоровка, с. Васильевка, а 137-я бригада в районе Вознесенска. Полевое управление 10-й армии – на ст. Знаменка. В случае войны с одной лишь Польшей 10-я армия (3-я, 51-я стрелковые дивизии, 136-я, 137-я стрелковые бригады) будет пассивно оборонять линию Днестра и побережье. На 18-й день мобилизации из управления СКВО выделяется управление 11-й армии, которое должно подчинить себе 3-ю дивизию и 136-ю бригаду для обороны побережья от Очакова до Керчи. Если же нападение предпримут только белогвардейские формирования, то его должны отразить имеющиеся части, а управление 10-й армии создается лишь при осложнении ситуации⁴⁵⁹.

Стремясь предотвратить новое обострение обстановки на западных границах, РВСР 18 марта своим протоколом № 157 одобрил следующее предложение главкома Красной армии: «Так как ввиду усиливающихся слухов о предстоящих весной бандитских набегах и рейдах со стороны Румынии и Галиции, в приграничном населении усиливается тревога и выражается, в частности, стремление дать собственными силами отпор бандитам и наказать их организаторов, т.е. румынские и польские власти, РВСР считает необходимым обратить на это внимание НКВД с целью предупреждения тем или другим путем румынских и польских властей о том, что петлюровские и савинковские банды со стороны Румынии и Польши неизбежно вызовут однородный отпор со стороны приграничного населения. Со стороны Военного ведомства может быть полная гарантия того, что в случае, если наши границы останутся неприкосновенными, никаких банд с нашей стороны на территорию Польши и Румынии допущено не будет. В случае же повторных бандитских набегов на нашу территорию местные военные власти заявляют о полной невозможности для них взять на себя ответственность за ограждение неприкосновенности румынской и польской границ, не говоря уже о том, что слишком решительная политика с нашей стороны в этом отношении совершенно не будет понята местным населением»⁴⁶⁰.

Однако общая ситуация на западной границе советских республик в 1922 г. была значительно более спокойной, нежели годом ранее. В этих условиях изложенные выше оперативные планы Красной армии остались лишь на бумаге.

Нормализация на Днестре и конференция в Вене

При подготовке к международной экономической конференции в Генуе Румыния отказалась от советского предложения согласовать интересы сторон для поддержки друг друга на конференции. Наоборот, Бухарест расценивал предстоящую конференцию как еще одну возможность для интернационализации своих финансовых требований к РСФСР. Со своей стороны, Москва также подсчитывала убытки, нанесенные действиями Румынии

в 1916–1920 гг. Уже 22 января 1922 г., по неполным данным, задолженность Румынии оценивалась в 1 005 501 601 р. 61 к. золотом (по ценам 1916–1918 гг.)⁴⁶¹. Общие же претензии Москвы к Бухаресту выражались цифрой в 1 352 355 634 рубля золотом⁴⁶². Со своей стороны, Румыния считала, что Россия должна ей 15 млрд леев, свой же долг румыны оценивали в 873 млн леев⁴⁶³. В ходе Генуэзской конференции (10 апреля – 19 мая 1922 г.) Румыния заявила, что РСФСР должна вернуть ей ценностей на общую сумму в 7,9 млрд франков⁴⁶⁴. 6 мая Чичерин уведомил прессу о том, что «требование возратить румынское золото без предварительного разрешения существующих между Румынией и Россией споров, например вопроса о Бессарабии, является также неприемлемым»⁴⁶⁵.

17 мая в Генуе Чичерин заявил, что Советская Россия готова подписать всеобщий договор о ненападении, но уважение существующего территориального статус-кво «относительно не равносильно для России признанию нынешнего территориального статус-кво, и в частности, признанию теперешней оккупации Бессарабии Румынией»⁴⁶⁶. В тот же день румынская делегация заявила о готовности взять на себя обязательство ненападения на Россию на основе сохранения территориального статус-кво⁴⁶⁷. 7 июля УССР вновь потребовала от Румынии прекратить поддержку петлюровских формирований, их разоружения и роспуска⁴⁶⁸. 19 июля в беседе с Литвиновым в Гааге Диаманди заявил о готовности Бухареста возобновить переговоры с Москвой и по вопросу о Бессарабии, и по вопросу о румынских ценностях. В вопросе о Бессарабии речь должна идти об урегулировании границы с тем, чтобы Бессарабия осталась за Румынией. Литвинов намекнул, что лучшим решением вопроса о финансовых претензиях сторон мог бы стать взаимный отказ от них. Кроме того, он пригласил Румынию принять участие в конференции по разоружению в Москве, на которую еще 12 июня были приглашены Польша и Прибалтийские страны⁴⁶⁹. 15 августа румынская сторона уведомила РСФСР, что она принимает к сведению советское предложение об участии в конференции по разоружению, но считает, что «первым шагом к соглашению о разоружении должно быть признание существующих границ»⁴⁷⁰.

28 августа румынское правительство вновь заявило, что оно готово обсудить с РСФСР любые вопросы, но «требует, чтобы считалось установленным, что теперешняя граница Румынии не является предметом дискуссии»⁴⁷¹. 26 сентября Москва заявила, что также готова обсуждать любые вопросы советско-румынских отношений, но никаких ультиматумов не примет⁴⁷². Осенью 1922 г. стороны еще дважды обозначали свою неизменную позицию⁴⁷³, в итоге Румыния так и не приняла участия в Московской конференции по разоружению, поручив Польше представлять свои интересы. 19 декабря 1922 г. в Лозанне Чичерин в беседе с румынским послом в Париже Диаманди, который уверял его в мирных намерениях Румынии, в качестве возможного компромисса высказал следующее предложение: «признание Бессарабии в обмен на ценности и драгоценности Короны, полная ликвидация финансовых претензий» и «урегулирование других вопросов»⁴⁷⁴. Каких-либо конкретных последствий этот зондаж не имел.

Еще 12 мая 1922 г. были уточнены задачи советской активной разведки: «1. Продолжать в дальнейшем подготовительную работу. Принять все меры, чтобы аппарат активной разведки не разлагался. Признать одной из задач активной разведки выявление настроения местного населения и в случае стихийных движений взятие на себя руководства ими по соглашению с местными парторганами. 2. Считать необходимым значительно усилить организационную работу активной разведки на территории Румынии»⁴⁷⁵. В январе 1923 г. советская разведка получила сведения о произошедших столкновениях на венгеро-румынской границе. Исходя из материалов бюджета Румынии, обсуждавшегося в парламенте, советское военное командование оценивало румынские вооруженные силы на 1923 г. в 160 884 человек⁴⁷⁶. Советской разведке удалось получить данные о том, что, по мнению румынского Генштаба, в случае войны с СССР советские войска будут наступать от Хотина и Бендер на Яссы и Галац. Причем главный удар ожидался со стороны Бендер на Галац и Бухарест. Эти оценки в целом разделял и французский Генштаб, который, однако, сомневался в стойкости румынских войск и советовал Румынии создать укрепленный рубеж по р. Прут, чтобы Красная армия не смогла прорваться через Карпаты в Трансильванию⁴⁷⁷.

16 мая 1923 г. СССР сообщил Румынии о новых фактах обстрела советских военнослужащих со стороны румынских солдат на Днестре⁴⁷⁸. 12 июня румынская сторона ответила, что все эти инциденты явились результатом ответа румынских войск на обстрелы с советского берега реки, и предложила начать переговоры о мерах по недопущению военных инцидентов на Днестре⁴⁷⁹. 16 июля Москва согласилась с этим предложением⁴⁸⁰. 10 августа в Тирасполе начались переговоры между Советским Союзом и Румынией, в ходе которых стороны по молчаливому согласию отказались от обсуждения имевших место на Днестре столкновений, а сосредоточились на выработке мер по их предотвращению. Как указывал в своем докладе в Москву глава советской делегации А. Бобрищев, «вопрос о расследовании случаев, имевших место на Днестре в течение 1921, 1922 и 1923 годов, следует поднимать лишь в крайнем случае, т.к. если со стороны Румынии или при попустительстве ее правительства и были весьма серьезные случаи нарушения неприкосновенности нашей территории, то и с нашей стороны активная работа не прекращалась почти до самого последнего времени. При этом в распоряжении румынских властей имеются солидные данные, компрометирующие нас, ибо в руки к ним попадали как отдельные наши документы, так и бывали случаи перехода на их сторону наших агентов, не считая вынужденных показаний»⁴⁸¹.

Переговоры в Тирасполе завершились подписанием 20 ноября «Положения о мерах и средствах, имеющих целью предупреждение и разрешение конфликтов, могущих возникнуть на реке Днестр»⁴⁸². При этом советская

делегация подчеркнула, что Днестр рассматривается СССР как временная демаркационная линия. 30 ноября 1923 г. были подписаны протокол о создании смешанной комиссии по разрешению возникающих конфликтов на Днестре и инструкция о ее деятельности. Тем временем в Москве обсуждалась идея восстановления торговых отношений с Румынией. Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) СССР опасался, что «полный и окончательный торговый договор способствовал бы закреплению Бессарабии за Румынией, но временное и ограниченное торговое соглашение с определенной оговоркой, что оно не предрешает вопроса об урегулировании границы, было бы нам полезно. Оно ослабит связь Румынии с Польшей и ослабит поэтому международное положение последней»⁴⁸³. Соответственно, 6 сентября Политбюро ЦК РКП(б) решило «продолжать техническую работу первой советско–румынской комиссии с целью открыть торговые сношения, но без заключения такого соглашения, которое внушало бы мысль об уступке Бессарабии»⁴⁸⁴.

10 ноября начались двусторонние переговоры по торговым вопросам. Советская делегация предложила учредить советское консульство в Бухаресте, а румынское – в Москве. После долгих консультаций 31 декабря румынская делегация отказалась принять эти предложения, ссылаясь на отсутствие дипломатических отношений⁴⁸⁵. В ходе переговоров 5 декабря Москва заявила о готовности принять участие в конференции для полного урегулирования советско–румынских отношений, Бухаресту предлагалось назвать время и место ее созыва. 21 декабря румынская сторона также согласилась продолжить переговоры во второй половине января 1924 г. в Зальцбурге. В результате обмена нотами стороны договорились о том, что местом переговоров будет Вена, а сами переговоры состоятся в марте 1924 г.⁴⁸⁶ Обсуждение перспектив отношений с Румынией выявило наличие в советском руководстве сторонников двух основных вариантов дипломатических действий. Одни были за проведение конференции, которую можно было использовать для заявления об интересах СССР и, возможно, достижения какого–либо соглашения с Бухарестом. Другие же выступали против конференции вообще, поскольку считали, что «в Бессарабском вопросе время является нашим лучшим союзником», а «в тот день, когда мы сможем говорить так громко, чтобы наш голос был услышан повсюду, как голос великого Революционного государства, нам нетрудно будет найти решение Бессарабского вопроса».

В итоге 3 марта 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) сформулировало инструкции советской делегации на предстоящей конференции, согласно которым «Бессарабия ни в коем случае не может быть уступлена Румынии»⁴⁸⁷. Соответственно, в рамках подготовки к Венской конференции советское правительство развернуло широкую кампанию в прессе, направленную на разоблачение оккупационного режима в Бессарабии, освещение экономического и политического положения населения края, раскрытие сущности политики империалистических кругов Запада в отношении Бессарабии. В Москве 2 и 14 марта 1924 г. прошли многолюдные митинги уроженцев Бессарабии, на которых была озвучена идея создания Молдавской ССР и воссоединения ее с СССР, а также был выработан наказ советской делегации на Венской конференции, врученный ее главе Н.Н. Крестинскому. В наказе говорилось: «...мы вверяем вам, представители СССР на конференции в Вене, судьбу трудящихся Бессарабии, просим вас, чтобы вы отстаивали следующие требования:

- 1) немедленное освобождение из тюрем всех рабочих и крестьян, боровшихся за дело освобождения трудящихся Бессарабии;
- 2) немедленное прекращение арестов, избиений, расстрелов и преследований рабочего движения;
- 3) немедленное освобождение мобилизованных бессарабцев из рядов румынской армии;
- 4) возвращение всего имущества, увезенного румынской буржуазией из пределов Бессарабии, с полной компенсацией;
- 5) открытие границ Бессарабии для свободного въезда и выезда граждан, немедленно с начала работ конференции;
- 6) немедленный вывод румынских войск и полная компенсация за материальные и моральные жертвы, понесенные всеми гражданами Бессарабии за все время оккупации;
- 7) создание рабоче–крестьянской республики Бессарабии и ее воссоединение с СССР.

Долой оккупантов! Да здравствует Молдавская Советская Социалистическая Республика!» Митинги протеста против оккупации Бессарабии и в поддержку выработанного на собраниях бессарабцев в Москве наказа по бессарабскому вопросу имели место также в Виннице, Екатеринославе и в других городах Советского Союза⁴⁸⁸.

23 марта 1924 г. грандиозная демонстрация протеста против польского владычества в Галиции и румынского – в Бессарабии состоялась в Вене. В ней приняли участие тысячи галичанских и бессарабских беженцев, находившихся в Австрии. На митинге ораторы говорили о царившем в Бессарабии терроре, требовали эвакуации румынских войск из края и плебисцита среди населения края по вопросу о его судьбе. От имени собравшихся делегация вручила Крестинскому меморандум, в котором на основании документов и свидетельских показаний изобличались ужасы террора в Бессарабии и выдвигались требования эвакуации румынских войск из Бессарабии, проведения плебисцита, возмещения бессарабскому населению убытков, причиненных ему оккупантами, освобождения из бессарабских тюрем политических заключенных. На приеме представителей иностранной печати в полпредстве СССР в Австрии делегация, избранная на собраниях бессарабцев в Харькове, огласила заявление, в котором разоблачались румынские утверждения, будто бессарабское население само решило «присоединить» край к Румынии. В заявлении подчеркивалось, что даже так называемое голосование в «Сфатул Цэрий» 9 апреля 1918 г. произошло в присутствии румынских солдат и жандармов и под воздействием открытых угроз, а акт того же самозванного органа от 10 декабря был лишь оглашен в присутствии депутатов без подачи

голосов «за» и «против». Делегация указывала далее, что она располагает текстом протеста представителей большинства «Сфатул Цэрий» против этого беззакония. В заявлении делегации бессарабцев вновь выдвигалось требование предоставить населению Бессарабии право на самоопределение⁴⁸⁹.

Со своей стороны Румыния, готовясь к Венской конференции, стремилась создать впечатление, будто в Бессарабии все благополучно и никакого бессарабского вопроса не существует. С целью обработки общественного мнения как внутри страны, так и за ее пределами румынское правительство организовало несколько митингов, естественно, одобрявших объединение Бессарабии с Румынией (например, 23 марта 1924 г. такое мероприятие состоялось в Кишиневе). Стремясь усилить свои позиции на конференции, Румыния старалась добиться ратификации Парижского протокола по бессарабскому вопросу Францией, Италией и Японией. Идя навстречу пожеланиям Румынии, Франция 11 марта 1924 г. ратифицировала Парижский протокол, рассчитывая тем самым поддержать Бухарест на предстоящих переговорах с СССР в Вене и активизировать антисоветские силы на Западе.

Понятно, что советское правительство выступило с решительным протестом против ратификации парламентом Франции Парижского протокола. 16 марта НКВД СССР направил французскому правительству телеграмму протеста, в которой говорилось: «Решение французского парламента, принятое накануне переговоров между Советским Союзом и Румынией, не может быть рассматриваемо иначе, как вмешательство третьей державы, которое неизбежно будет препятствовать установлению длительного мира и будет способствовать продлению неналаженного состояния этой части Европы. Правительство Союза ССР обращает внимание Французского Правительства на тот факт, что последнее солидаризуется с нарушением прав населения Бессарабии и Советскому Союзу путем оккупации Румынией Бессарабии и ответственно поэтому за убытки, причиняемые Советскому Союзу оккупацией. Правительство Союза ССР сделает отсюда все необходимые выводы»⁴⁹⁰.

Румынское правительство дало своей делегации указание, чтобы еще до начала официальных переговоров она добилась со стороны СССР признания присоединения Бессарабии к Румынии⁴⁹¹. Нормализация отношений между Румынией и СССР невозможна «без установления границы между ними; установление же границы означает признание объединения Бессарабии, которая есть и должна быть нашей, так что эта проблема исключает всякие дискуссии»⁴⁹². На состоявшемся 19 марта 1924 г. заседании румынского Совета министров были выработаны последние наставления делегации, отбывающей в Вену: в случае отказа СССР признать присоединение Бессарабии к Румынии следовало немедленно прервать конференцию. Румынская делегация имела полномочия лишь на ведение переговоров, но не на подписание каких-либо документов. Зная в общих чертах о неуступчивой позиции Румынии, Москва 24 марта указала Крестинскому: «Необходимо, чтобы на конференции раздалось слово „плебисцит“. Румыны, вероятно, уйдут, как только Вы коснетесь Бессарабии, поэтому одно из Ваших первых слов, когда коснетесь ее, пусть будет „плебисцит“. Включите это слово в Вашу первую же фразу»⁴⁹³.

В такой обстановке Венская конференция приступила к работе. Перед ее началом, 26 марта, глава советской делегации полномочный представитель СССР в Германии Крестинский при встрече с корреспондентами иностранных газет еще раз указал, что СССР намерен в дружественной обстановке и мирным путем решить все спорные вопросы с Румынией. Официальное открытие конференции состоялось в 15.30 27 марта 1924 г. На заседании 28 марта советская делегация предложила включить в повестку дня конференции территориальные, финансово-экономические и политико-юридические вопросы. Румынская делегация заявила, что «подлежащие обсуждению вопросы являются в принципе теми, которые поставлены делегацией Союза ССР, и [она] соглашается с последней по поводу предложенного порядка обсуждений». При этом румынская делегация полагала, что СССР готов «признать Днестр границей между Россией и Румынией».

Сразу же главное место в работе Венской конференции занял бессарабский вопрос. В декларации, оглашенной Крестинским, говорилось: «Правительство СССР, а до образования Союза ССР правительства РСФСР и УССР никогда не давали своего согласия на присоединение Бессарабии к Румынии и рассматривают оккупацию Бессарабии в 1918 году румынскими войсками, продолжающуюся донныне, как насильственный захват этой области». Подчеркнув, что в своей политике по отношению к Бессарабии советское правительство руководствуется не каким-либо правом, унаследованным от царской России, а принципом права нации на самоопределение, советская делегация в целях справедливого урегулирования бессарабского вопроса предложила провести в Бессарабии плебисцит. «Правительство СССР полагает, что население Бессарабии само должно решить, желает ли оно остаться в составе СССР, хочет ли выйти из состава Союза и присоединиться к Румынии, или, наконец, предпочитает существовать в качестве самостоятельного суверенного государства». На очередном заседании 31 марта румынская делегация отклонила предложение о плебисците, указав при этом, что принадлежность края к Румынии – это уже решенный вопрос. В своей декларации румынская делегация заявила, что только на основе признания советской стороной Бессарабии составной частью Румынии она будет готова продолжать переговоры.

На заседании конференции 2 апреля советская делегация решительно отвергла румынские притязания. В своем заявлении она указала, что Румыния «вооруженной рукой захватила часть советской территории, удерживает ее в течение шести лет, уклонялась до сих пор от всяких переговоров с правительством СССР и теперь, послав наконец делегацию для переговоров, фактически срывает эти переговоры, ставя условием их продолжения предварительное признание союзным советским правительством законности аннексии Бессарабии». Поэтому

советская делегация предложила «румынской делегации отказаться от постановки нам всяких предварительных требований и приступить к совместному обсуждению условий организации плебисцита в Бессарабии. Только этим путем сможет румынское правительство освободиться от обвинения в том, что оно удерживает Бессарабию в своих руках так же насильственно и так же против воли населения, как оно делает это с населенной в большинстве украинскими крестьянами Буковиной».

Ответ румынской делегации гласил, что она «находит необходимым отложить переговоры и возвратиться в Румынию»⁴⁹⁴. Отказ Румынии от проведения плебисцита в Бессарабии был связан не только с тем, что никакой гарантии положительного для Бухареста решения местного населения в случае вывода румынских войск, естественно, не было, но и с тем, что западные державы настоятельно советовали не создавать прецедент, который поставил бы под вопрос большинство границ, возникших из Версальской системы договоров⁴⁹⁵. Таким образом, своим отказом от плебисцита Румыния лишней раз подтвердила перед всем миром, что ее власть в Бессарабии держится исключительно на штыках. В этой связи стоит отметить, что в прессе союзной Румынии по Малой Антанте Югославии преобладала поддержка советской позиции на Венской конференции⁴⁹⁶.

Подводя итоги Венской конференции на пресс-конференции для иностранных журналистов в Вене 4 апреля 1924 г., Крестинский говорил: «СССР, выставляя требования плебисцита в бессарабском вопросе, хотел этим показать, что он идет навстречу Румынии. Но если румынское правительство желает, чтобы население Бессарабии разрешило вопрос о форме государственного устройства таким же путем, как это сделали трудящиеся Советских республик, – путем созыва съезда Советов, – то Советское правительство не будет возражать против такого способа разрешения вопроса после отмены румынской оккупации»⁴⁹⁷. В заявлении НКВД СССР представителям печати указывалось, что, несмотря на ее срыв, Венская конференция дала «возможность лишней раз напомнить всему миру о существовании на юго-востоке Европы серьезного территориального вопроса, который не смогут разрешить ни конференции послов, ни Лига Наций, ни парламенты великих держав, если на то не будет воли непосредственно заинтересованных в этом вопросе советских республик, а также напомнить несчастному населению Бессарабии, что оно не забыто его братьями на Украине». Советский Союз не примирился с отторжением от него Бессарабии, и до проведения плебисцита «мы будем считать Бессарабию неотъемлемой частью Украины и Советского Союза»⁴⁹⁸.

Дипломатические игры

Тем временем еще 5 февраля 1924 г. Г.И. Котовский, С.С. Тимов, П.Д. Ткаченко и ряд румынских эмигрантов-коммунистов обратились в ЦК РКП(б) с предложением создать Молдавскую республику, которая, по их мнению, могла бы привлечь симпатии бессарабского населения, оказать «сильное идейное влияние на окружающие области и, при соответствующей международной обстановке, [...] революционизировать все положение на Балканском полуострове». В ответ на запрос ЦК о целесообразности подобного образования командующий всеми вооруженными силами Украины и Крыма Фрунзе поддержал это предложение. Подготовка организации новой автономии была поручена ЦК КП(б)У. 7 марта Политбюро ЦК КП(б)У признало целесообразным организовать Молдавскую автономную республику в составе Украинской ССР. 11 марта пленум Одесского губкома Компартии решил создать при губкоме молдавскую коммунистическую секцию. Однако Харьков и Москва все еще колебались. Тогда с целью ускорить решение этого вопроса Фрунзе 25 июля 1924 г. направил в ЦК РКП(б) записку, в которой писал: «В районе Приднестровья приходилось неоднократно бывать лично, и я констатирую, что к северу от Тирасполя идет сплошная полоса с преобладающим молдавским населением. В качестве административного центра можно было бы дать г. Тирасполь. Наконец, следует момент международный. Создание хотя бы небольшой по территории Молдавской республики или области явится в наших руках могучим орудием воздействия на настроения рабоче-крестьянских масс Бессарабии в смысле укрепления надежд на избавление от румынского гнета»⁴⁹⁹.

29 июля Политбюро ЦК РКП(б) решило «считать необходимым, прежде всего по политическим соображениям, выделение молдавского населения в специальную автономную республику в составе УССР и предложить ЦК КПУ дать соответствующие директивы украинским советским органам»⁵⁰⁰. Соответственно, 2 августа Политбюро ЦК КП(б)У утвердило развернутый план мероприятий по этому вопросу. 25 сентября Политбюро ЦК указало, что «в акте создания Автономной Молдавской Советской Социалистической Республики должно быть обозначено, что западной ее границей является государственная граница Союза ССР» – то есть реки Прут и Дунай⁵⁰¹. Решением III сессии Всеукраинского ЦИКа VIII созыва 12 октября была образована Молдавская автономная ССР в составе УССР. Всего новая автономия охватывала 11 районов площадью в 8,1 тыс. кв. км и населением в 545,6 тыс. человек, ее столицей стал город Балта (с 1929 г. перенесена в Тирасполь). В акте ВУЦИКа об образовании МАССР указывалось, что «западная граница этой республики есть государственная граница СССР; мы считаем этой границей не Днестр, а Прут. Пусть временно капиталисты держат в своих руках Бессарабию – это вопрос факта, но не права. Права же на нашей стороне. На нашей карте красной краской обведена и Бессарабия, ибо Бессарабия должна стать неразрывной частью АМССР»⁵⁰². Указывая на международное значение образования МАССР, «Правда» писала: «У ворот Румынии, где свирепствует самая черносотенная в Европе буржуазия, зажглась советская звезда. Ее лучи будут светить далеко на Запад, и она будет служить путеводной звездой всему населению Бессарабии и пролетариату Румынии».

В Бессарабии продолжалась подпольная борьба с румынским господством. Во всех уездах края существовали

кружки и ячейки, занимавшиеся распространением нелегальных газет, листовок, воззваний и т.п. К концу 1923 г. в Татарбунарах был создан Южнобессарабский подпольный революционный комитет, начавший подготовку восстания. В ночь на 11 сентября 1924 г. в селе Николаевка произошла стычка повстанцев с жандармами, которым удалось арестовать большинство подпольщиков и захватить материалы, свидетельствующие о наличии на юге Бессарабии революционной подпольной организации. Румынские власти стали стягивать на юг войска. 14 сентября руководство повстанцев решило ускорить начало восстания. Утром 16 сентября в Татарбунарах началось восстание и была провозглашена советская власть. Повстанцы заняли села Акмагнит, Михайловка и Чишмя, где произошли столкновения с румынскими жандармами и войсками, но всеобщего восстания в крае, на которое они рассчитывали, не произошло. 17–18 сентября румынские войска разгромили повстанцев и устроили расправу с населением, в ходе которой погибло свыше 3 тыс. человек. Эти события получили большой резонанс в Европе, убедительно показав лживость утверждений румынского правительства о «добровольном» стремлении бессарабского населения к объединению с Румынией⁵⁰³.

Расследованием произошедших событий занимались не только румынские спецслужбы, но и структуры Коминтерна. В итоге выяснилось, что инициаторами восстания стали руководитель Южнобессарабского ревкома А. Ключников (Ненин) и объявивший себя руководителем восстания О. Поляков (Платов). Естественно, румынская сторона стремилась доказать, что восстание стало результатом «происков Кремля», но документы ИККИ позволяют утверждать, что восстание было личной инициативой названных деятелей подполья, которые в определенной степени дезинформировали Москву. Более того, стремясь поднять восстание, его руководители в своих воззваниях заявляли об обещанной им помощи Красной армии, что было откровенной ложью. Видимо, не случайно 25 февраля 1925 г. советское руководство решило отказаться от привычных форм «активной разведки» (диверсионные, военно-подрывные группы и т.п.) и полностью перестроить заграничную деятельность военной разведки.

26 марта было решено на основе боевых организаций крестьян создать в Бессарабии беспартийную крестьянскую революционную организацию «под лозунгами освобождения от румынского гнета, раздела помещичьей земли и объединения с СССР». При этом следовало сосредоточиться на пропаганде и агитации и не допускать разрозненных стихийных вооруженных выступлений. Также запрещалось содействовать вооружению местного населения⁵⁰⁴. Соответствующие меры были приняты и по линии Коминтерна. 29 апреля 1925 г. Бессарабская комиссия по национальному вопросу 5–го расширенного пленума ИККИ решила, что Компартия Румынии следовало активнее использовать в своей работе тот факт, что «образование Молдавской Социалистической Советской Республики, как автономной республики в составе Советской Украины, является выражением национальных стремлений молдавского народа и наглядным примером разрешения молдавского национального вопроса». При этом следовало изживать бытующую в Бессарабии пассивность рабочего движения, «ожидającego освобождения... из-за Днестра», и вести пропаганду лозунгов права каждого народа на самоопределение, освобождения Бессарабии от румынской оккупации и ее объединения с Молдавской АССР⁵⁰⁵. Соответственно, в манифесте Союза революционных крестьян Бессарабии указывалось, что его задачей является «в первую очередь освободить Бессарабию из-под ига румынской оккупации путем организации крестьян в Союз, а потом создание рабоче-крестьянского правительства и воссоединение с Молдавской Советской Республикой за Днестром»⁵⁰⁶.

Со своей стороны, румынское правительство после конференции в Вене начало шумную кампанию в прессе с целью дискредитировать саму идею плебисцита. В Бессарабии был усилен террор. За рубежом румынские дипломаты стремились добиться скорейшей ратификации бессарабского протокола Италией и Японией. Для Румынии весьма важной была поддержка ее позиции в бессарабском вопросе Чехословакией и Югославией. Однако они на конференции Малой Антанты в июле–августе 1924 г. посоветовали румынскому правительству решить с СССР бессарабский вопрос мирным путем. Здесь было решено, что поскольку СССР уже признан де-юре Англией и к этому близка Франция, то для Малой Антанты нет другого выхода, как признать Советский Союз, но спешить с этим шагом не следовало, поскольку пока бессарабский вопрос так и не был разрешен⁵⁰⁷. Не спешила с ратификацией Парижского протокола и Италия, которая предварительно добивалась от Румынии заключения выгодного торгового договора и возмещения ущерба тем итальянским гражданам, земельная собственность которых подверглась отчуждению в Бессарабии.

Англия, еще в 1922 г. ратифицировавшая Парижский протокол, обещала Румынии не обсуждать бессарабский вопрос при переговорах с Советским Союзом. Это не помешало, однако, делегации СССР на советско-английских переговорах после официальных приветствий огласить специальную декларацию Советского Союза по бессарабскому вопросу. «Официально, с точки зрения международного права, Бессарабия остается территорией, принадлежащей Союзу Советских Социалистических Республик, – говорилось в декларации. – Только сам бессарабский народ может изменить этот исторический факт, и ему должна быть предоставлена свобода для выражения своей воли, причем румынские войска и румынская администрация должны быть эвакуированы с территории Бессарабии». От имени советской делегации перед британской делегацией был поставлен вопрос, «что она намерена сделать с целью устранить несправедливость, совершенную по отношению к Союзу Советских Социалистических Республик и бессарабскому народу»⁵⁰⁸.

Теперь, когда в течение 1924 г. СССР был признан де-юре Англией, Францией и Италией, Москва могла себе позволить более активную позицию в бессарабском вопросе. Советские дипломаты во Франции и Польше

старались добиться отказа правительств этих стран от поддержки захватнических устремлений Румынии⁵⁰⁹. 26 января 1925 г. в беседе с послом Франции в СССР Ж. Эрбеттом заместитель наркома иностранных дел СССР Литвинов заявил, что Советский Союз остается на почве своего заявления о плебисците, сделанного в Вене, подчеркнув, что «мы не собираемся силой оружия решать этот вопрос, а будем выжидать событий...»⁵¹⁰ 16 декабря 1925 г. в беседе с премьер-министром Франции А. Брианом Чичерин отверг выдвинутую Прагой и Римом идею раздела Бессарабии⁵¹¹.

В итоге длительных переговоров с Польшей Чичерину 18 февраля 1926 г. удалось добиться от польского посланника в Москве официального заявления о том, «что Польша дезинтересуется по вопросу о принадлежности Бессарабии, но не дезинтересуется по вопросу о ведении войны между СССР и Румынией»⁵¹². 26 марта был подписан новый польско-румынский договор о взаимопомощи, которым стороны обязались взаимно признавать и поддерживать их территориальную целостность против всякого внешнего нападения. В секретной военной конвенции в качестве основных потенциальных угроз значились СССР, Германия, Венгрия и Болгария⁵¹³.

10 июня 1926 г. был заключен франко-румынский договор, которым стороны брали на себя обязательство консультироваться в случае угрозы их национальным интересам и территориальному статус-кво. В приложенном к договору протоколе румынская сторона заявила о готовности «не предпринимать никаких наступлений регулярных войск против России, а также не допускать формирования на своей территории нерегулярных войск для агрессии против России»⁵¹⁴. Еще до детального знакомства с текстом этого соглашения Москва заявила Парижу, что договор произведет в СССР негативное впечатление⁵¹⁵. 24 августа в беседе с французским послом в Москве Литвинов заявил, что «мы хотели бы мирного соглашения с Румынией, [...] но Румыния от соглашения уклоняется. Еще меньше у нее будет желания приходить к согласию теперь, когда она чувствует мощную поддержку Франции. Таким образом, франко-румынский договор не только не облегчает соглашение, а, наоборот, увековечивает нынешнее неопределенное положение. Следовательно, Франция оказала плохую услугу делу мира и делу разрешения спорных вопросов. Если Франция полагала, что этим договором она нас заставит примириться с захватом Бессарабии и принять статус-кво, то она ошибается»⁵¹⁶.

Советская печать активно критиковала политику Франции в Восточной Европе. Когда французский посол в Москве 22 сентября обратил внимание Литвинова на резкий тон выступлений «Правды» и «Известий», последний ответил, что эти статьи «являются лишь слабым отражением вызванного у нас возмущения»⁵¹⁷. 2 октября 1926 г. Франции была вручена нота, в которой указывалось, что советское правительство рассматривает франко-румынский договор как недружественный акт, направленный против интересов как СССР, так и бессарабского населения. «Французское Правительство должно знать, – подчеркивалось в ноте, – что народы Советского Союза, равно как и все население Бессарабии, никогда не соглашались и никогда не согласятся считать законной оккупацию Бессарабии, а равно и ее аннексию Румынией... Обещая Румынии помощь Франции в случае войны и провозглашая общность интересов Франции и Румынии без всяких оговорок относительно Бессарабии, Французское Правительство поддерживает агрессивные и захватнические тенденции правящих кругов Румынии»⁵¹⁸.

Принимая во внимание то обстоятельство, что Парижский протокол вступил бы в силу лишь после его ратификации всеми подписавшими его странами, Советский Союз прилагал усилия к тому, чтобы удержать от этого акта Италию и Японию. 26 мая 1924 г. СССР довел до сведения Италии, что он протестует против румынской оккупации Бессарабии и надеется, что итальянское правительство не станет ратифицировать Парижский протокол 1920 г.⁵¹⁹ Этот вопрос специально обсуждался во время проходивших в это время переговоров о заключении советско-итальянского договора о неучастии во враждебных друг другу соглашениях или действиях и приобрел особую остроту после того, как стало известно содержание франко-румынского договора⁵²⁰. Советский Союз выдвинул в качестве одного из условий подписания советско-итальянского соглашения отказ Италии от ратификации Парижского протокола. Однако в то время влияние СССР на международной арене было столь невелико, что итальянское руководство гораздо больше волновали балканские проблемы, где оно стремилось расколоть Малую Антанту и обеспечить себе содействие Румынии в итало-югославском противоборстве⁵²¹. Поэтому Б. Муссолини одобрил заключенный 16 сентября 1926 г. итало-румынский договор, в котором указывалось на возможность ратификации в будущем Парижского протокола. А итальянский маршал П. Бадольо, совершавший в это время путешествие в Румынию и Бессарабию, выступая на банкете в Кишиневе, заявил о своей готовности маршировать в первых рядах против Советского Союза⁵²².

6 октября 1926 г. Муссолини была передана нота, в которой указывалось, что советское правительство не признаёт и не признает никакого акта, по которому Бессарабия, вопреки воле населения, оказалась бы присоединенной к Румынии, и что каждый такой акт будет им рассматриваться как проявление недружелюбия по отношению к Советскому Союзу⁵²³. «Нота имела целью, – указывал 9 ноября Литвинов в беседе с итальянским послом в Москве, – довести до сведения не только итальянского правительства о нашем отношении к бессарабской конвенции, но и до сведения всего мира, в том числе и Румынии, что мы ни на йоту не отказываемся от наших прав на Бессарабию»⁵²⁴. А Чичерин, выступая 6 декабря 1926 г. в Берлине перед представителями прессы, отметил, что Советский Союз не может «спокойно относиться к таким выпадам», как заявление Бадольо в Кишиневе⁵²⁵.

Когда 9 марта 1927 г. Италия ратифицировала Парижский протокол, советское правительство 17 марта заявило

протест. Оно напомнило, что во время всех переговоров о Бессарабии СССР стоял на той точке зрения, что судьба этой территории может и должна быть решена исключительно свободным проявлением воли ее населения, а отказ Румынии от плебисцита свидетельствует о понимании последней того, что она осуществляет свою власть лишь силой оружия и насилия над волей населения края. Москва еще раз заявила о том, что «СССР по-прежнему и неизменно считает аннексию Бессарабии Румынией фактом голого насилия»⁵²⁶. Одновременно представители СССР в Токио делали все, чтобы предотвратить ратификацию Парижского протокола Японией, выражая при этом надежду, что «правительство Японии, не желая омрачить добрых отношений с СССР, и впредь откажется от ратификации Бессарабского протокола»⁵²⁷. 14 марта 1928 г. Япония уведомила СССР, что она пока не собирается ратифицировать Парижский протокол⁵²⁸.

Переговоры в Риге

В июле 1928 г. Чехословакия предложила СССР посредничество в переговорах с Румынией. В дальнейшем было предложено обменять признание Бессарабии за Румынией на оставление за СССР румынских ценностей. 29 сентября Литвинов предложил Политбюро ответить Праге, что СССР готов встретиться с представителем Румынии «для предварительного обсуждения соглашения, но что всякие переговоры будут безуспешны, если румынское правительство будет оставаться на позиции, занятой им во время Венской конференции»⁵²⁹. Со своей стороны, румынское руководство оставалось на позиции «не обсуждать вопроса о границах»⁵³⁰. В итоге посредничество Праги не пригодилось.

6 сентября 1928 г. СССР присоединился к пакту Бриана–Келлога и единственный из всех государств–участников ратифицировал его до конца года. 29 декабря Москва предложила Польше и Литве подписать протокол о досрочном вводе в действие этого договора с тем, чтобы позднее к протоколу присоединилось любое государство, подписавшее пакт. Но Варшава предложила расширить список участников будущего соглашения за счет привлечения Румынии, Латвии и Эстонии. Узнав об этом, Литва отказалась участвовать в многостороннем соглашении. Для Польши и Румынии это был лишний повод продемонстрировать крепость их военного союза. 11 января 1929 г. советская сторона указала Польше, что она не против участия Румынии в предполагаемом протоколе, но это вовсе не ликвидирует существующие советско–румынские спорные вопросы⁵³¹. В конце концов 1 февраля 1929 г. Москва приняла польское предложение, и 9 февраля СССР, Польша, Румыния, Латвия и Эстония подписали Московский протокол о досрочном введении в действие договора Бриана–Келлога. 27 февраля к протоколу присоединилась Турция, 3 апреля – Иран, а 4 апреля – Литва⁵³².

Румынская сторона постаралась придать этому документу характер признания Советским Союзом Бессарабии частью Румынии, поэтому при его подписании Литвинов заявил, что «то обстоятельство, что среди нас находится в качестве делегата, подписывающего протокол, представитель государства, с которым Союз не имеет нормальных дипломатических отношений и с которым у него существуют давнишние серьезные, неразрешенные и не разрешаемые настоящим протоколом споры, является лишь добавочным свидетельством миролюбия Советского Союза»⁵³³. С изложением этой советской позиции 10 февраля выступила газета «Известия»⁵³⁴. В беседе с представителем Румынии К. Давилой Литвинов указал, что для Румынии урегулирование вопроса о ее границе на Днестре имеет значительно большее значение, чем для СССР, и что Москва остается на почве своего предложения о плебисците⁵³⁵. Эта же позиция была подтверждена в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 марта 1929 г. и в выступлении Председателя СНК СССР А.И. Рыкова 23 мая⁵³⁶.

В 1929 г. министр иностранных дел Румынии К. Арджетоюну откровенно заявил, что «Румыния хочет создать средневропейский союз против СССР. В этом союзе должны участвовать Польша, Румыния, Чехословакия, Австрия, Венгрия, Югославия и Италия. Пакт Келлога имеет главным образом моральное значение. Никто не может заставить государство, подписавшее пакт, не вести войну, если оно эту войну хочет. Европа не должна забывать, что Румыния охраняет Европу от русской опасности»⁵³⁷. Конференция Малой Антанты в мае 1929 г., обсуждая вопрос об отношениях с СССР, по инициативе Румынии и Югославии высказалась за новую отсрочку установления дипломатических отношений с Москвой⁵³⁸. 5 декабря 1929 г. США предложили Румынии выступить с заявлением, осуждавшим действия Советского Союза в ходе конфликта на КВЖД, что уже сделали США, Англия и Франция. Не исключалось, что к этому демаршу присоединятся все страны Малой Антанты и Польша.

Понятно, что Москва постаралась удержать своих западных соседей от этого шага. Выступая на II сессии ЦИК СССР, Литвинов напомнил, что «на юго–западной нашей границе одна из провинций, формально не отделившаяся от нашего Союза, находится еще в оккупации другой страны. Этой оккупации самозванные охранители пакта Келлога не замечают. Я имею в виду Бессарабию, население которой никогда не переставало стремиться к воссоединению с нашим Союзом»⁵³⁹. Тем не менее Румыния присоединилась к американской ноте, и 21 декабря, в тот день, когда в Хабаровске был подписан советско–китайский протокол о нормализации отношений, французский посол в Москве попытался передать эту румынскую ноту Литвинову, который отказался не только ее принять, но и выслушать. Советская сторона совершенно справедливо заявила, что государству, отказывающемуся возобновить нормальные отношения с СССР и оккупирующему часть советской территории, вряд ли стоит выступать с нравоучениями на тему о миролюбии⁵⁴⁰.

В условиях нарастания экономических проблем и социальных протестов населения Румыния сделала ставку на усиление своих вооруженных сил. Зимой 1930 г. начались переговоры с Чехословакией о приобретении

вооружения и военного снаряжения, а румынская пресса вновь развернула кампанию о «советской военной угрозе». Летом Румыния, как и остальные страны Малой Антанты, одобрила французскую идею «пан-Европы». В январе 1931 г. Бухарест высказался против приглашения Москвы к обсуждению этого проекта. 15 января был продлен польско-румынский договор о взаимопомощи. Наряду с США и Францией Румыния постаралась поучаствовать в экономическом бойкоте СССР, препятствуя советским поставкам по Дунаю⁵⁴¹. Более того, румынское правительство конфисковало закупленную в СССР партию галош, так как на их подошвах стояла марка «Серп и молот», что могло «явиться средством ведения советской пропаганды», особенно в Бессарабии⁵⁴². Понятно, что все это не способствовало улучшению советско-румынских отношений.

В мае–июне 1931 г. начались советско-французские переговоры о заключении договоров о ненападении и торговле. 10 августа советско-французский договор о ненападении был парафирован, и Франция предложила Польше также достичь подобного соглашения с СССР. 23 августа советской стороне было передано польское предложение о возобновлении переговоров относительно договора о ненападении, а Франция 23 сентября заявила, что подписание советско-французского договора обуславливается достижением советско-польского соглашения. Со своей стороны, Москва предложила Парижу убедить Варшаву смягчить ее позицию и указала на невозможность связать оба договора.

В мае 1931 г. Польша уведомила Румынию о скором возобновлении переговоров с СССР и предложила Бухаресту свое посредничество, если он готов к аналогичным переговорам с Москвой. 14 ноября Варшава предложила свое посредничество и Москве на основе «оставления вопроса о Бессарабии в стороне». Однако Советский Союз, хотя и поддержал эту польскую идею, предпочитал вести двусторонние переговоры без посредников. 25 ноября румынское правительство запросило Францию относительно возможных переговоров с Москвой. 27 ноября Париж подтвердил свое согласие на эти переговоры и заявил о готовности в любом случае сохранить свои обязательства в отношении Бухареста. 5 декабря Румыния предложила СССР заключить пакт о ненападении. Москва же надеялась, что удастся начать с Румынией переговоры о «нормализации отношений», но в основном это была советская уступка Польше и Франции. В декабре 1931 г. была достигнута договоренность, что советско-румынские переговоры будут вестись в Риге⁵⁴³, причем стороны согласились с тем, что вопрос о Бессарабии будет оставлен в стороне. Румыния, которую подталкивали Франция и Польша, была не склонна торопить события и взяла за основу польский проект договора о ненападении, добавив в него текст, который можно было бы трактовать как косвенное признание Бессарабии частью Румынии⁵⁴⁴.

Одновременно в декабре 1931 г. начались переговоры СССР с Финляндией и Латвией, договоры о ненападении с которыми были подписаны соответственно 21 января и 5 февраля 1932 г. Тем временем 6 января 1932 г. в Риге начались советско-румынские переговоры. Советскую делегацию возглавлял член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков, а румынскую – поверенный в делах в Латвии М. Стурдза. Как и следовало ожидать, основная дискуссия развернулась вокруг вопроса о том, обозначать или не обозначать в предстоящем соглашении вопрос о Бессарабии. 20 января румынская сторона заявила, что до принятия советской стороной твердого обязательства никоим образом не включать вопрос о Бессарабии в пакт о ненападении, она считает бесполезным продолжение начатых переговоров⁵⁴⁵. 26 января ТАСС опубликовало интервью с Литвиновым, изложившим советскую позицию, которая сводилась к тому, чтобы упомянуть в договоре о наличии нерешенных проблем между обеими странами, поскольку «мы не можем заключать с Румынией никаких соглашений, которые можно было бы истолковать как наше косвенное или молчаливое признание захвата Бессарабии»⁵⁴⁶. Собственно, именно это и не устраивало румынскую сторону. В итоге переговоры были практически свернуты⁵⁴⁷. 25 января был парафирован советско-польский договор, но Варшава заверила Бухарест, что не подпишет его до того момента, когда СССР заключит аналогичные договоры со всеми своими западными соседями.

В контактах с Москвой Париж и Варшава продолжали настаивать на том, что они подпишут договоры с СССР лишь после достижения советско-румынского соглашения. Соответственно, румынский премьер-министр Н. Йорга 1 февраля, выступая в парламенте, выразил признательность Польше и Франции за поддержку румынской позиции⁵⁴⁸. Правда, Варшава уже с февраля 1932 г. стала настойчиво советовать Бухаресту найти способ договориться с СССР. В мае Польша активизировала свои попытки ускорить ход советско-румынских переговоров, но если Москва принимала некоторые из польских компромиссных предложений, то Бухарест отвергал все. С лета 1932 г. Франция также стала активно выступать в качестве посредника. И вновь СССР принимал многие компромиссные предложения, а Румыния их отвергала⁵⁴⁹. 23 июня от имени Польши Москве был предложен новый компромиссный (румынский) вариант договора, однако все опять уперлось в вопрос упоминания или неупоминания наличия спорных проблем в советско-румынских отношениях, и советская сторона предложила вернуться к устранению разногласий по тексту, согласованному в Риге. Все эти проволочки и неуступчивая позиция Румынии привели к тому, что Польша решила подписать договор с СССР, не дожидаясь завершения советско-румынских переговоров. Понятно, что Бухарест, получив польское уведомление об этом, заявил о том, что Польша заняла недружественную позицию, что, впрочем, не помешало Варшаве 25 июля подписать договор о ненападении с СССР и отказаться официально подтвердить готовность увязать его ратификацию с подписанием аналогичного советско-румынского соглашения. В этой обстановке переговоры были отложены до осени⁵⁵⁰.

На этот раз Франция попыталась надавить на Польшу, чтобы та не спешила с ратификацией советско-польского договора, а Румынии было заявлено, что советско-французский договор не будет подписан до

окончания советско–румынских переговоров. После консультаций с СССР Франция 1 сентября предложила Румынии новую редакцию заключительного протокола: «Настоящий договор, содержащий обязательство каждой из сторон воздерживаться от какого–либо нападения на другую, будет толковаться в том смысле, что никакой спорный вопрос, территориальный или иной, существующий между сторонами, не может никогда ограничивать упомянутое обязательство и не может служить для той или другой из договаривающихся сторон мотивом или дать им свободу для совершения где бы то ни было актов, противоречащих обязательству ненападения, установленному настоящим договором. Понимается также, что этот договор не может служить для других целей, в частности не может толковаться как разрешение отмеченных спорных вопросов, существующих между сторонами в момент подписания настоящего договора, каковые вопросы не затрагиваются его заключением»⁵⁵¹.

Хотя это компромиссное предложение также было отвергнуто Румынией, Франция старалась возобновить советско–румынские переговоры и намекала Бухаресту, что в случае его неуступчивости она тоже подпишет договор с Москвой⁵⁵². 13 сентября польский посол в Москве передал советской стороне новое компромиссное предложение и новый румынский проект пакта о ненападении, одобренный Францией⁵⁵³. В это же время Румыния добивалась от Франции, чтобы она в качестве условия подписания договора с СССР потребовала от советской стороны письменного заявления о ненападении на Румынию⁵⁵⁴. Понятно, что Франция не спешила усложнять свои отношения с СССР. 17 сентября было достигнуто соглашение о том, что советско–румынские переговоры возобновятся в Женеве. Тем временем в ходе встреч Литвинова и румынского посла в Польше В. Кадере к 2 октября текст договора был в целом согласован. Москва даже согласилась на его подписание, но румынская сторона настаивала на исключении из заключительного протокола слов «существующих споров» и не желала идти ни на какие компромиссы⁵⁵⁵. Подавший в отставку румынский посол в Лондоне Н. Титулеску, который еще ранее неоднократно публично выступал против подписания договора, не содержащего признания советской стороной Бессарабии частью Румынии, 11 октября в Париже попытался добиться помощи Франции в вопросе признания Советским Союзом румынской границы по Днестру. Вместе с тем он заявил, что советско–французский договор вовсе не обусловлен советско–румынским. Советская сторона сообщила Франции и Польше, что готова подписать договор, если Румыния согласится с текстом, согласованным в Женеве⁵⁵⁶.

В этих условиях СССР 16 октября заявил, что Румыния специально затягивает переговоры⁵⁵⁷. 20 октября ставший министром иностранных дел Румынии Титулеску обратился за посредничеством к Польше, но получил отказ, так как Варшава не верила в то, что Румыния хочет достичь соглашения⁵⁵⁸. Тогда 1 ноября Бухарест передал свои предложения в Париж, который 3 ноября передал их в Москву. Теперь Румыния хотела пересмотреть текст 4–й статьи и отказаться от слов о существующих спорах в заключительном протоколе⁵⁵⁹. В ответ СССР заявил, что готов еще 4 месяца подождать согласия Румынии на подписание согласованного в Женеве текста договора о ненападении, если Франция немедленно подпишет давно подготовленный советско–французский договор. В любом случае Москва собирается проводить политику, исходя из пакта Бриана–Келлога⁵⁶⁰. Выступая в парламенте 23 ноября, Титулеску заявил, что «на такой пакт о ненападении Румыния не может согласиться ни сегодня, ни когда бы то ни было»⁵⁶¹. В этих условиях Польша 27 ноября ратифицировала советско–польский договор о ненападении, а Франция 29 ноября подписала аналогичный договор с СССР⁵⁶². В итоге Москве удалось несколько нейтрализовать антисоветскую направленность польско–румынского и франко–румынского договоров 1926 и 1931 гг.⁵⁶³

Новые тенденции международных отношений

Позиция Румынии в ходе советско–румынских переговоров показала, что Бухарест уже не спешит выполнять все просьбы Франции, что отражало снижение французского влияния в странах Восточной Европы. 15 февраля 1933 г. советско–французский договор о ненападении вступил в силу. 16 февраля страны Малой Антанты подписали «Организационный акт», отражавший укрепление их союза, направленного на сохранение существующего статус–кво. Естественно, что Франция и СССР одобрили этот шаг, а все более сближавшиеся Германия, Италия и Венгрия осудили. Более того, уже 14 марта Италия предложила Румынии отказаться от поддержки Югославии в ее территориальных спорах с Венгрией и Болгарией взамен отказа последних от территориальных претензий к Бухаресту.

В 20–х числах февраля 1933 г. в столицах великих держав Европы началось обсуждение предложенного Муссолини «Пакта четырех» (Англия, Франция, Германия и Италия). Естественно, что Польша и другие восточноевропейские союзники Франции не поддержали эту идею⁵⁶⁴, против ее реализации высказался и СССР. 25 марта 1933 г. Малая Антанта выступила против подобного соглашения и попыталась воздействовать на позиции Англии и Франции. Однако быстро выяснилось, что малые страны не имеют реальных рычагов влияния, и постепенно критика «Пакта четырех» с их стороны затихла. 30–31 мая Малая Антанта примирилась с французским проектом «Пакта четырех»⁵⁶⁵. Однако малые страны Восточной Европы прекрасно понимали, что в новых условиях стоило бы ориентироваться не только на Францию.

Еще 22 февраля 1933 г. Румыния уведомила Германию о том, что экономические и политические отношения с ней не должны быть нарушены никакими решениями Малой Антанты и при определенных условиях Бухарест не будет противодействовать реваншистским устремлениям Берлина. 17 марта румынский король Кароль II заявил корреспонденту «Фёлькишер беобахтер», что придает большое значение укреплению отношений с Германией и «польский вопрос не может помешать этому». Еще накануне схожие идеи были неофициально доведены до

сведения Берлина через лидера румынских фашистов Ш. Татареску. Единственно, что волновало румынское руководство, была перспектива германо-венгерского сближения, которое следовало блокировать уступками Германии. Со своей стороны, Берлин считал необходимым полное изменение внешнеполитической ориентации Румынии. В мае до сведения Берлина было доведено желание Румынии более тесных отношений с Германией. В ответ Гитлер заявил, что если Малая Антанта будет благосклонна к Германии, то он постарается свести к минимуму возможность вооружения Венгрии. В качестве условия германо-румынского сближения выдвигалось требование отхода Бухареста от прежних внешнеполитических союзов⁵⁶⁶.

Тем временем 7 июня был парафирован «Пакт четырех»⁵⁶⁷. 21 июня Бухарест попытался прозондировать позицию Берлина относительно отказа от поддержки территориальных претензий Венгрии в обмен на готовность Румынии не возражать против присоединения Австрии к Германии. 15 июля в Риме был подписан Пакт согласия и сотрудничества между Англией, Францией, Италией и Германией («Пакт четырех»)⁵⁶⁸, который не вступил в силу, так как не был ратифицирован Францией. В начале августа 1933 г. в Берлин прибыл личный представитель главы румынского правительства, который подтвердил готовность Бухареста установить тесные экономические и политические связи с Германией, но германское руководство требовало полной внешнеполитической переориентации Румынии. Однако выход Германии из Лиги Наций, усиление реваншистской пропаганды в Венгрии и позиция Франции привели к тому, что Румыния не спешила менять свою политику. Стало очевидно, что немедленной внешнеполитической переориентации румынского руководства не предвидится⁵⁶⁹.

Тем временем СССР поддержал и расширил французский план обеспечения безопасности в Европе и внес на рассмотрение конференции по разоружению конвенцию об определении агрессора (нападающей стороны). Уже в марте страны Малой Антанты поддержали советское предложение. 9 апреля СССР предложил Польше принять участие в конференции для подписания конвенции об определении агрессии, но Варшава, в целом одобрявшая эту идею, предложила Москве сначала урегулировать свои отношения с Румынией. Однако солидарная позиция стран Малой Антанты позволила Румынии 24 июня от ее имени заявить о готовности подписать конвенцию об определении агрессии без урегулирования бессарабского вопроса⁵⁷⁰.

В этих условиях Польше пришлось согласиться на советское предложение, но Варшава выступила за подписание региональной конвенции, а не открытой для подписания всех желающих. Тем самым польское руководство демонстрировало свою независимость и пыталось оказать давление на Германию, фактически поддерживая ее опасения относительно подписания открытого документа. Кроме того, Варшава выступила против участия в конвенции стран Малой Антанты, поскольку это могло задеть интересы Венгрии и Италии, с которыми у Польши были хорошие отношения. Бессарабский вопрос был обойден на базе договоренности о том, что в протоколе будет указано о неприкосновенности территории, находящейся «под властью» договаривающихся сторон. В итоге 3 июля СССР, Польша, Эстония, Латвия, Румыния, Турция, Персия и Афганистан подписали региональный протокол, а 4 июля СССР, Чехословакия, Румыния, Югославия и Турция подписали открытую конвенцию об определении агрессии⁵⁷¹. Румынское руководство использовало эту конвенцию для пропаганды своей версии о решении бессарабского вопроса⁵⁷². Со своей стороны, 29 декабря на IV сессии ЦИК СССР Литвинов заявил, что территориальный спор с Румынией все еще не разрешен⁵⁷³.

Во второй половине 1933 г. Советский Союз фактически поддержал французскую идею о коллективной безопасности в Европе, и в декабре советское руководство определило новый внешнеполитический курс страны⁵⁷⁴. Начавшееся осенью 1933 г. обсуждение идеи Восточного пакта между Парижем и Москвой привело весной 1934 г. к появлению проекта соглашения, предусматривавшего заключение договора между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией и странами Прибалтики и советско-французского договора о взаимопомощи, связанного с Восточным пактом и Локарнскими соглашениями. Предполагалось, что Франция оказала бы СССР помощь в случае нападения на него кого-либо из участников Восточного пакта, а советская помощь Франции осуществлялась бы в случае нападения на нее кого-либо из участников Локарнских соглашений. Для Франции осуществление этого проекта было обусловлено вступлением СССР в Лигу Наций, а Москва считала обязательным участие в соглашении Франции и Польши. Однако французские зондажи Польши на предмет ее участия в проектируемом соглашении показали, что польское руководство осторожно относится к многосторонним соглашениям и опасается усиления международного влияния СССР.

В условиях явного сближения Франции с СССР страны Малой Антанты 22–23 января 1934 г. обсуждали перспективы установления дипломатических отношений с Советским Союзом. Если Чехословакия, чьи отношения с Польшей после подписания 26 января 1934 г. германо-польской декларации о мирном разрешении споров и неприменении силы⁵⁷⁵ ухудшились, была заинтересована в ускорении нормализации отношений с СССР, то Югославия была против немедленных шагов в этом направлении, надеясь на поддержку Германии в случае обострения отношений с Италией. Румыния же стремилась увязать восстановление дипломатических отношений с решением в ее пользу бессарабского вопроса. В итоге было решено, что «три государства Малой Антанты восстановят нормальные дипломатические отношения с СССР, как только будут налицо политические и дипломатические условия, отвечающие интересам каждой из трех стран»⁵⁷⁶. Пока же румынское руководство было занято определением дальнейшего внешнеполитического курса страны. Французское влияние в Румынии постепенно ослабевало, что было связано в том числе и с нежеланием Франции пойти на уступки в вопросе выплаты долгов по кредитам. Соответственно прогерманские круги в Бухаресте всячески использовали этот факт для пропаганды в пользу ориентации на Берлин, который продолжал свой жесткий курс в отношении Румынии,

стремясь добиться окончательного ее отказа от профранцузской ориентации. Накал страстей был так велик, что в ночь на 31 декабря 1933 г. членами «Железной гвардии» был убит румынский премьер–министр И. Дука.

6 февраля 1934 г. были установлены дипломатические отношения между Венгрией и СССР⁵⁷⁷. Тем временем завершились поддержанные Францией длительные переговоры, и 9 февраля был подписан Балканский пакт, которым Румыния, Югославия, Греция и Турция гарантировали свои границы и обязались поддерживать друг друга в случае угрозы нарушения территориального статус–кво⁵⁷⁸. Ответом на него стали Римские протоколы, подписанные в марте Италией, Австрией и Венгрией. В ходе обсуждения идеи Восточного пакта Румыния с апреля 1934 г. под влиянием Франции стала все более определенно склоняться к нормализации отношений с СССР. С этого времени начались и прямые советско–румынские переговоры, в ходе которых Титулеску вновь постарался добиться от СССР заявления об отказе от Бессарабии в обмен на установление дипломатических отношений⁵⁷⁹. Со своей стороны Москва, естественно, была не склонна идти на подобные заявления и настаивала на возобновлении дипломатических отношений в полном объеме. В конце концов стороны согласились оставить бессарабский вопрос в стороне⁵⁸⁰. Франция и Чехословакия также воздействовали на Румынию и Югославию с целью ускорить их соглашение с Москвой. В итоге 9 июня 1934 г. в Женеве состоялся обмен письмами, согласно которым Румыния и Чехословакия установили нормальные дипломатические отношения с Советским Союзом⁵⁸¹. 23 июля были установлены дипломатические отношения между СССР и Болгарией⁵⁸².

Это свидетельствовало о заметном возрастании роли СССР на международной арене. Тем не менее румынское руководство использовало факт установления дипломатических отношений с Москвой для доказательства версии об окончательном признании советской стороной Бессарабии частью Румынии. Однако советская позиция в этом вопросе оставалась неизменной, и ни в каких советско–румынских соглашениях политического или технического характера нет никакого указания на то, что Днестр является пограничной рекой⁵⁸³. С сентября 1934 г. была установлена прямая телефонно–телеграфная и почтовая связь между Румынией и СССР, а 8 февраля 1935 г. было достигнуто соглашение об установлении прямого железнодорожного сообщения, в соответствии с которым на Днестре восстанавливался мост у Тирасполя (291,6 м). Три других железнодорожных моста у Рыбницы, Могилева–Подольского и на линии Каменец–Подольск–Ларга оставались разрушенными. 17 июля Москва обратилась к Англии, Франции, Италии и Румынии с предложением включить СССР в состав Европейской Дунайской комиссии, но, несмотря на положительную реакцию Парижа и Рима, переговоры показали, что Бухарест и стоявший за ним Лондон фактически сорвали удовлетворявшее СССР решение этого вопроса⁵⁸⁴.

Тем временем переговоры о Восточном пакте в течение 1934 г. показали, что против этого соглашения выступили Англия, Германия и Польша, которые негативно восприняли эту идею. Германское руководство опасалось, что подобное соглашение сделает невозможным экспансию, а польское – утратить возможности стать великой державой из–за усиления влияния СССР в Европе. Подобная позиция Польши стала для Англии удобным прикрытием ее негативного отношения к этому соглашению. 18 сентября СССР был принят в члены Лиги Наций. Тем временем переговоры о Восточном пакте окончательно зашли в тупик, поскольку ни Германия, ни Польша не согласились участвовать в этом объединении.

Весной 1934 г. Румыния попыталась подключить к переговорам о Восточном пакте Малую Антанту и расширить тем самым его гарантии на Балканы. Однако Советский Союз отклонил это предложение, поскольку не собирался ухудшать отношений с Италией и Венгрией. Франция также его не поддержала. Вместе с тем Москва 26 июля заявила Парижу, что «мы готовы, однако, заключить дополнительно к Восточному пакту особый советско–польско–румынский протокол о взаимной помощи, если Румыния и Польша этого пожелают». Со своей стороны Титулеску 2 сентября предложил Литвинову для успокоения румынского общественного мнения «придумать какую–нибудь тройственную комбинацию с участием Румынии и СССР либо с Польшей, либо с Францией». Но дальше этих общих фраз дело не пошло. В сентябре 1934 г. Румыния вновь подняла вопрос о своем, теперь индивидуальном участии в Восточном пакте, но уже через месяц она охладела к этому своему предложению. Одновременно Бухарест продолжал зондировать Берлин на предмет посредничества во франко–германских отношениях и выражать готовность поддерживать «хорошие отношения с Германией»⁵⁸⁵.

Убийство 9 октября 1934 г. в Марселе министра иностранных дел Франции и активного сторонника Восточного пакта Л. Барту привело к тому, что отныне для Парижа эта идея стала лишь средством давления на Берлин с целью принудить его к соглашению с Францией. Тем временем вялотекущие франко–польские переговоры о Восточном пакте показали, что без участия Германии Польша не согласится подписать это соглашение⁵⁸⁶. 12 ноября и 10 декабря 1934 г. Румыния заявляла Германии о своей готовности к улучшению двусторонних отношений и посредничеству в деле примирения Германии с Францией⁵⁸⁷.

Определяющим фактором развития международных отношений в Европе были отношения между Англией, Францией, Германией и Италией. Именно Англия стала той силой, которая попыталась модернизировать Версальскую систему путем создания нового баланса сил в континентальной Европе. Результатом этой английской политики стало попустительство любым действиям Германии, начиная с ее ухода из Лиги Наций в октябре 1933 г. Не желая способствовать созданию предложенной Францией системы коллективной безопасности в Европе, Лондон фактически поддержал непримиримую позицию Польши и Германии в отношении Восточного пакта. Даже когда в марте 1935 г. Германия открыто нарушила военные ограничения Версальского договора, Англия, хотя и осудила эти ее действия, пошла на двусторонние переговоры по военно–морским проблемам, в итоге которых Германия получила легальную возможность создать военно–морской флот. Главным

побудительным мотивом английского руководства было недопущение углубления кризиса в Европе, что должно было позволить Англии сохранить ее международное влияние.

10–16 марта 1935 г. Германия заявила об отказе от выполнения военных ограничений Версальского договора, что вызвало в Румынии опасения относительно возможности аналогичных шагов со стороны Венгрии и Болгарии⁵⁸⁸. Этот односторонний шаг Германии привел к тому, что 30 марта Франция предложила СССР заключить договор о взаимопомощи, который и был подписан 2 мая. Однако вопрос о военной конвенции с разработкой мер по организации этой помощи был отложен французской стороной⁵⁸⁹. 16 мая был подписан советско–чехословацкий договор о взаимопомощи. Со своей стороны Польша в мае 1935 г. уведомила Францию, чтобы та не рассчитывала на автоматическую поддержку Варшавой советско–французского договора о взаимопомощи. 23 мая Кароль II заверил германского военного атташе в Бухаресте, что Румыния не даст разрешения на проход советских войск⁵⁹⁰. Тем временем 23 марта 1935 г. было подписано долгосрочное германо–румынское экономическое соглашение⁵⁹¹. В то же время Румыния довела до сведения Германии, что не присоединится к Восточному пакту, если в нем не будут участвовать Берлин и Варшава. Румыния не обязана помогать Франции в случае франко–германского конфликта и вступит в войну, только если в нее вмешается Венгрия⁵⁹². В конце апреля 1935 г. Румыния вновь предложила Германии посредничество в налаживании германо–французских отношений. В ответ Берлин порекомендовал Бухаресту начать выполнение этой благородной миссии с Парижа. В начале мая 1935 г. в Бухаресте проходили германо–румынские экономические переговоры, на которых не без помощи Титулеску германской делегации удалось добиться выгодных для себя соглашений, подписанных 24 мая⁵⁹³. Был сделан важный шаг к экономическому подчинению Румынии германскому влиянию.

Понятно, что такое соглашение не вызвало радости ни в Париже, ни в Москве, и обе страны запросили Бухарест о его политике в отношении Германии. Естественно, Титулеску заявил о своей неосведомленности и непричастности к этим соглашениям, хотя доступные теперь германские документы полностью опровергают эту версию. Значительные усилия для изменения профранцузской ориентации Румынии предпринимало не только германское, но и польское посольство в Бухаресте, которое неоднократно обращало внимание румынского правительства на нецелесообразность советско–румынского сближения. Польские дипломаты в Румынии широко пропагандировали идею германо–польско–румынской дружбы в противовес ориентации на Францию и СССР. Польское посольство даже запугивало Бухарест угрозой оставления Румынии на произвол судьбы, тогда как Польша и Югославия будут сближаться с Германией. Главной мишенью румынских правых и их берлинских и варшавских друзей стал Титулеску. Англия также поддерживала отказ от сближения Румынии с Советским Союзом.

Тем временем 29–31 мая 1935 г. СССР передал Румынии 1 443 ящика (135 тонн) с архивными документами и рукописями ее Академии наук⁵⁹⁴. В июне 1935 г. было открыто пароходное сообщение по линии Одесса–Констанца. В июле был подписан протокол о транзите румынских товаров через СССР, через воздушное пространство Румынии прошла авиалиния Москва–Прага⁵⁹⁵. 24 июня Румыния зондировала СССР на предмет заключения договора о взаимопомощи как против Германии, так и против Венгрии в обмен на признание Бессарабии частью Румынии⁵⁹⁶. В ответ Москва заявила, что не пойдет на отказ от прав на Бессарабию и не намерена оказывать Бухаресту помощь против Венгрии, поскольку Румыния отказывается денонсировать союзный договор с Варшавой и исключает помощь СССР в случае войны с Польшей⁵⁹⁷. Тем не менее в ходе румыно–югославского совещания 11–13 июля было решено, что Бухарест может заключить с Москвой пакт о взаимопомощи. Однако в то же время Румыния заявила Германии, что не станет предпринимать какие–либо шаги во вред Берлину. 21 июля румынское посольство в Берлине получило указание довести до сведения германской стороны, что договор о взаимопомощи с СССР возможен лишь в случае гарантии с его стороны территориальной целостности Румынии и ее союзников. В случае достижения такого соглашения Бухарест готов заключить идентичный договор с Германией с тем, чтобы она также гарантировала румынские границы⁵⁹⁸.

Хотя официально о советско–румынских переговорах не сообщалось, противники сближения с СССР в Бухаресте все громче заявляли о недопустимости уступок Москве. Соответственно Титулеску приходилось опровергать слухи о переговорах с восточным соседом. Кампанией по дискредитации идеи сближения с СССР дирижировала Германия, которая точно знала, что переговоры все же идут. В октябре 1935 г. Бухарест сообщил Варшаве и Лондону, что не пойдет на соглашение, предоставляющее Красной армии право прохода по румынской территории⁵⁹⁹. В ноябре 1935 г. был пролонгирован польско–румынский союзный договор. Одновременно стало ясно, что румынское руководство заняло более осторожную позицию в отношении договора о взаимопомощи с СССР. Однако пока Бухарест не был готов к резкой смене внешней политики, кроме того, оставалась надежда, что СССР согласится признать границу по Днестру. В итоге было решено переговоры продолжать. Вместе с тем и Титулеску должен был несколько умерить свои аппетиты. Если 24 июня он предлагал советской стороне взять за основу советско–французский договор, то 16 ноября – уже советско–чехословацкий. В целом позиция Титулеску на этих переговорах была как минимум четко не определена. Со своей стороны, Москва была готова обсуждать любые возможные предложения, кроме признания аннексии Бессарабии. Но именно этого и пыталось добиться румынское руководство. Понятно, что при наличии подобных разногласий переговоры приняли вялотекущий характер⁶⁰⁰.

15 февраля 1936 г. было подписано советско–румынское соглашение о платежах и другие экономические

документы, но заметного расширения советско–румынской торговли не произошло, поскольку в это время Румыния была более озабочена расширением экономических связей с Германией и Италией. Кроме того, следует помнить, что Румыния и СССР предлагали для внешней торговли схожий набор товаров и, естественно, не были заинтересованы во взаимной торговле. В итоге доля Румынии в советской внешней торговле во второй половине 1930–х гг. продолжала оставаться незначительной (см. таблицу 1)⁶⁰¹.

Таблица 1

Доля Румынии во внешней торговле СССР (%)

	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Экспорт	0,05	0,02	0,17	0,04	0,02	0,26
Импорт	0,001	0,001	0,13	0,06	—	—
Оборот	0,03	0,01	0,15	0,05	0,006	0,13

Бухарест между Парижем и Берлином

Одновременно Румыния продолжала дрейф в сторону Германии. 9 ноября 1935 г. Титулеску в беседе с германским поверенным в делах в Румынии заявил, что «никогда не давал согласия русским на проход войск» и «заключит с ними пакт о взаимной помощи только при условии, что он не будет направлен против Германии»⁶⁰². 24 февраля 1936 г. до сведения Берлина была доведена неизменная готовность Бухареста добиваться дружественных отношений с Германией. Румынский посланник в Берлине заявил, что его страна не собирается предоставлять СССР право прохода Красной армии через румынскую территорию и в случае заключения договора с Москвой готова подписать идентичный договор с Германией, если она гарантирует румынские границы⁶⁰³. В марте Румыния вновь подтвердила свою дружественную Германии позицию и готовность выступить посредником в переговорах Германии с Англией и Францией.

Рассчитывая на создание соглашения великих держав Европы под своей эгидой, Англия опасалась, что крах фашистского режима в Италии и нацистского режима в Германии приведет к большевизации этих стран и тем самым резко усилит угрозу позициям Лондона. Поэтому, несмотря на иногда довольно резкую риторику относительно действий Италии и Германии, Англия старалась держать все двери открытыми для соглашения с ними. Именно этим объясняется тот факт, что, когда 7 марта 1936 г. вермахт занял Рейнскую демилитаризованную зону, Лондон всячески удерживал Париж от каких–либо контрмер. В ходе обсуждения этого вопроса в Совете Лиги Наций 14–19 марта было решено воздержаться от каких–либо действий. Советское предложение от 17 марта о готовности поддержать любые действия Лиги Наций⁶⁰⁴, естественно, осталось без ответа. Если же учесть, что 16 февраля к власти в Испании пришел Народный фронт, воспринимавшийся консервативным английским руководством чуть ли не как большевизация страны, то позиция Англии будет вполне логичной. Антикоммунистическая риторика Берлина находила благосклонных слушателей на берегах Темзы. Поэтому, когда в Испании 18 июля 1936 г. началась гражданская война и республиканскому правительству пришлось практически заново создавать сухопутную армию, именно Англия под предлогом опасности войны с Германией и Италией оказывала давление на Францию, чтобы та не продавала Мадриду оружие.

Понятно, что ремилитаризация Рейнской зоны, представленная германской стороной как ответ на начало процесса ратификации советско–французского пакта о взаимопомощи, и пассивность Франции⁶⁰⁵ лишь усилили готовность Румынии к дружбе с Германией. Было совершенно очевидно, что румынская правящая элита все более склонялась к выбору в пользу ориентации на Германию и Италию. Подоплеку этого выбора объяснил в своем выступлении в конце марта 1936 г. лидер Крестьянской партии Вайда–Воевод: «За последние два года наша политика скользила по опасному уклону. Мы дошли до того, что Литвинов стал нашим оплотом. Теперь положение вполне определилось. Между национализмом и коммунизмом идет борьба. Поэтому мы должны сделать выбор. Я выбираю Муссолини и Гитлера. Я выбираю Муссолини потому, что он... спас итальянскую нацию от коммунистической опасности и теперь фашистская слава блистает на африканских высотах... Что касается Гитлера, то этот... деятель спас европейскую цивилизацию... Без Гитлера Франция была бы сегодня коммунистической»⁶⁰⁶.

В ходе сессии Балканской Антанты 4–6 мая 1936 г. было решено ограничить обязательства о взаимной помощи лишь балканскими странами⁶⁰⁷. Летом 1936 г. Румыния предложила Франции заключить договор о взаимопомощи с Малой Антантой, но в условиях нарастания во французском руководстве влияния сторонников политики «умиротворения» Германии реализовать это предложение было невозможно⁶⁰⁸. При обсуждении в Лиге Наций итало–эфиопского конфликта в июле 1936 г. Титулеску задал французскому премьер–министру Л. Блюму публичный вопрос, могут ли малые страны рассчитывать на Францию перед лицом германской угрозы. «Успокойте нас, господин председатель Совета министров Франции, или по крайней мере скажите нам правду! Ибо мы не забываем, что 7 марта вы не защищали самих себя, так каким же образом вы будете защищать нас от агрессора?»⁶⁰⁹ Молчание французского премьера было красноречивее всяких слов.

К этому времени советскому руководству стало ясно, что советско–румынские переговоры о пакте о взаимопомощи зашли в тупик. Румынская сторона пыталась добиться признания Советским Союзом аннексии Бессарабии и стремилась связать будущий договор с советско–французским, причем исключалась помощь Москве со стороны Румынии в случае советско–польской войны. На уступки по этим вопросам ни Москва, ни

Бухарест идти не собирались, а значит, на скорое достижение соглашения рассчитывать не приходилось⁶¹⁰. Тем не менее 30 июня 1936 г. Титулеску уведомил румынское руководство о том, что он намерен довести до логического конца переговоры о пакте о взаимопомощи с СССР, «после чего желал бы сконцентрировать будущую деятельность на нормализации отношений с Германией, окончательным итогом которой будет (что и не столь уж невероятно) достижение соглашения между Германией и Россией», которое не должно произойти за счет Румынии⁶¹¹.

11–14 июля 1936 г. в румынском правительстве возник новый кризис, но Титулеску опять удалось, шантажируя своей отставкой, сохранить внешнеполитический курс и продолжить переговоры с СССР⁶¹². 20–21 июля в Монтрё Титулеску и Литвинов решили обойти вопрос о Бессарабии и фактически согласовали основные положения договора, которые должны были стать базой для дальнейших переговоров. Стороны разошлись лишь в вопросе о связи их договора с действиями Франции. В этом документе предусматривалась возможность пропуска советских войск на территорию Румынии⁶¹³. Однако Титулеску не сообщил правительству о парафировании проекта соглашения, поскольку он фактически превысил имевшиеся у него полномочия. Тем более что в Бухаресте все большее влияние набирали профашистские силы. Италия, Германия и Польша мягко, но настойчиво советовали румынскому правительству отделаться от чересчур профранцузского министра иностранных дел⁶¹⁴. 29 августа правительство ушло в отставку, чтобы в тот же день вновь вернуться к своим обязанностям уже с новым министром иностранных дел В. Антонеску. Хотя Бухарест громогласно заявлял о сохранении принципов своей внешней политики, в это, естественно, никто не верил. 19 сентября Антонеску уверял Литвинова, что «внешняя политика Румынии остается неизменной в отношении союзных и дружественных держав и особенно России»⁶¹⁵.

1 октября в ответ на уверения в дружбе со стороны Антонеску Литвинов совершенно справедливо заявил, что «политическая дружба имеет свою ценность лишь тогда, когда она не скрывается», но если румынский министр «мне на ухо будет шептать о дружбе, а публично расшаркиваться перед Германией и Польшей, то это не принесет никакой пользы ни нам, ни Румынии»⁶¹⁶. Стало очевидно, что переговоры с СССР о договоре о взаимопомощи ушли в прошлое, а Румыния все более втягивается в фарватер германской политики⁶¹⁷. В этих условиях Москва была вынуждена ограничиться ролью наблюдателя⁶¹⁸. В течение 1936 г. был зафиксирован 31 случай обстрела с румынской стороны советской территории, жителей и пограничников⁶¹⁹. Во время итало–эфиопской войны Румыния хотя и присоединилась к системе экономических санкций, но через третьи страны увеличила свой экспорт в Италию. Осенью 1936 г. Антонеску заявил, что «румынское правительство питает большие надежды на благоприятное разрешение абиссинского конфликта и что Румыния, как латинское государство, не намерена ущемлять славу и силу латинской Италии»⁶²⁰. 24 сентября 1936 г. был заключен новый германо–румынский экономический договор, расширивший поставки румынского сырья в Третий рейх на основе клиринга. В итоге оборот германской торговли с Румынией возрос с 109,6 млн марок в 1934 г. до 300 млн марок в 1937 г., а доля Румынии в германском экспорте возросла с 27,8% в 1933 г. до 37,2% в 1937 г.⁶²¹

В конце ноября 1936 г. состоялся визит румынского министра иностранных дел в Варшаву, что было воспринято иностранными наблюдателями как демонстрация польско–румынского союза. В ходе визита Антонеску заявил журналистам, что Румыния не хочет быть ни в советском, ни в антисоветском блоке⁶²². Фактически Румыния публично покончила с игрой в коллективную безопасность. В ноябре 1936 г. Гитлер заявил, что он готов гарантировать румынские границы в обмен на дружественную политическую линию Бухареста в отношении Германии. «Не следует принимать близко к сердцу венгерские ревизионистские высказывания... Действительная опасность, которая угрожает Румынии в европейском мире, это большевизм. Но если Румыния захочет стать форпостом европейского порядка, то ни одно государство не будет более, чем Германия, заинтересовано в ее поддержке...»⁶²³ В конце 1936 г. Германия предложила Румынии присоединиться к Антикоминтерновскому пакту и была готова предоставить кредиты для закупок вооружения и заключить договор о гарантии румынских границ. Однако румынское руководство решило выждать⁶²⁴.

Со второй половины 1936 г. стало ясно, что единство Малой Антанты является в значительной степени иллюзорным, поскольку ни Румыния, ни Югославия не были готовы поддержать Чехословакию в случае ее конфликта с Германией. В целом эта позиция Румынии отвечала стремлениям Германии, заинтересованной в разобщении своих восточноевропейских соседей. Стремясь усилить раскол Малой Антанты, германская пресса обрушилась с критикой на Чехословакию, представляя ее проводником коминтерновского влияния, но превозносила Румынию, отказавшуюся от договора с СССР. Понятно, что внешняя политика Бухареста все более дрейфовала в сторону Берлина, а Англия и Франция практически прекратили активную политику в Восточной Европе. 20 марта 1937 г. Берлин предостерег Румынию от заключения договора Малой Антанты с Францией, поскольку это привело бы ее в один лагерь с Советским Союзом. Германия обещала Румынии защиту от притязаний Венгрии и Болгарии, призывая ее стоять на страже «советского варварства» и не брать новых обязательств в отношении Франции и Чехословакии. Весной 1937 г. была фактически достигнута устная договоренность, что никаких новых соглашений, которые можно было бы интерпретировать как антигерманские, Румыния заключать не будет и не позволит никакой иностранной армии пройти через свою территорию. Со своей стороны Берлин гарантировал целостность румынской территории⁶²⁵.

Понятно, что в период гражданской войны в Испании Румыния оказалась, по сути, на стороне франкистов, а похороны двух погибших в Испании добровольцев из румынской «Железной гвардии» 13 февраля 1937 г.

вылились в торжественный смотр всех антидемократических сил страны с участием дипломатов Германии, Италии, Польши, Японии и Португалии. Румынские власти саботировали выполнение поставок нефтепродуктов в республиканскую Испанию, но способствовали поставкам франкистам, получившим в 1936 г. 66 278 т, а в 1937 г. – 229 351 т нефтепродуктов⁶²⁶. Румыния запретила продажу оружия законному правительству Испании, но для Франко запретов не существовало. В апреле 1937 г. Совет Малой Антанты отверг предложение Чехословакии о заключении между тремя странами единого договора о взаимопомощи⁶²⁷. Посетивший 22–25 апреля 1937 г. Румынию польский министр иностранных дел Ю. Бек убеждал румынское руководство создать новую Малую Антанту в составе Румынии, Югославии, Венгрии и Болгарии и обещал добиться от Германии воздействия на Будапешт, чтобы ограничить венгерские притязания к Бухаресту. Однако румынское руководство не спешило принимать однозначное решение, так как Франция, хотя и не очень активно, указывала на недопустимость прогерманского крена Бухареста.

28 апреля Румыния зондировала СССР на предмет заключения договора о нейтралитете в обмен на признание аннексии Бессарабии⁶²⁸. 25 мая в Женеве в беседе с Литвиновым Антонеску вновь говорил о возможности подписать советско–румынский договор о нейтралитете, если Советский Союз откажется от прав на Бессарабию. Понятно, что советская сторона отклонила это предложение⁶²⁹. Эпизодически румынский премьер говорил советскому полпреду в Бухаресте о стремлении Румынии к заключению договора о взаимопомощи с СССР, но дальше общих фраз дело не шло⁶³⁰. Тем более что румынская сторона считала непременным условием такого соглашения признание Советским Союзом аннексии Бессарабии, тогда как Москва не собиралась идти на такую уступку⁶³¹. Тем временем инциденты на Днестре продолжались. Так, в 22.50 11 апреля 1937 г. на участке заставы Глинное произошла перестрелка с 3 неизвестными, переправившимися на лодке через реку, и с прикрывавшей их румынской погранохраной. 10 июня выстрелом с бессарабского берега был убит местный житель Р. Урсул, а около Каменец–Подольска произошло нападение на советскую пограничную охрану. 29 августа при задержании в районе Тирасполя переправившегося через реку румынского разведчика с противоположного берега по советским пограничникам был открыт огонь. Несмотря на настойчивые усилия советской дипломатии, румынская сторона практически сорвала расследование этих случаев⁶³².

Визит короля Кароля II в Польшу в июле 1937 г. только подтвердил факт оживления польско–румынского антисоветского союза. Польская сторона, выполняя свое обещание Германии, продолжала склонять Румынию к отказу от ориентации на Францию и Чехословакию в деле коллективной безопасности⁶³³. Продолжая уверять советское полпредство в готовности к достижению соглашения с СССР, Румыния в то же время заявляла Польше и Германии, что никакого договора с Москвой не будет. 7–9 июля 1937 г. в ходе переговоров начальников штабов Польши и Румынии была достигнута договоренность о подготовке мероприятий для противодействия проходу Красной армии на помощь Чехословакии. Одновременно стороны договорились о развертывании в случае войны на востоке 350–тысячной польской и 250–тысячной румынской армий, кроме того, румынские военные обязались увеличить численность своих войск в Бессарабии и Буковине в мирное время за счет Трансильвании. Польша обещала снабжать Румынию вооружением, а Румыния Польшу – горючим и стратегическим сырьем. Было решено, что в случае разгрома СССР завоеванные на востоке территории к югу от линии Винница–Киев– р. Десна отойдут к Румынии, а севернее – к Польше. Румыния выделила 2 млрд леев на реконструкцию и строительство новых железных дорог, идущих к восточной границе. В прессе вновь развернулась антисоветская кампания с требованием решения вопроса о Бессарабии в пользу Румынии⁶³⁴. Несколько позднее, будучи в Париже, румынский король однозначно заявил, что «Россия остается Россией, и какие бы то ни было союзы с ней, если Франция попыталась бы их нам навязать, мы порвем»⁶³⁵.

В октябре 1937 г. в беседе с германским посланником в Бухаресте в ответ на вопрос о возможности нового франко–румынского союза Антонеску заявил, что «линия Румынии абсолютно ясна: больше никаких союзов. Румыния намерена развивать свои дружественные связи, например, с Германией»⁶³⁶. Однако в условиях сохранения заметных экономических связей с Англией румынское руководство не спешило с однозначной переориентацией на Берлин. Значительным сдерживающим фактором служил и страх Бухареста перед новым переделом границ. В этих условиях лучшим выходом из ситуации должно было стать лавирование между великими европейскими державами. 7 декабря 1937 г. Румыния заявила Германии, что она готова к дальнейшему сближению с ней. 9 декабря был подписан новый торговый договор, согласно которому Румыния получала германское вооружение в обмен на нефть. «Значение Румынии в снабжении нас сырьем (продовольствие и нефть), – докладывал в Берлин 18 ноября германский посланник в Бухаресте В. Фабрициус, – очень велико и представляет благоприятные виды на будущее. Экономические отношения с Германией все больше и больше связывают Румынию с рейхом и в политическом отношении, что неизбежно уводит ее от той восточной политики, которая при Титулеску облекалась в дружественные отношения с Советской Россией... Как я неоднократно сообщал, ожидание германской помощи Румынии не раз выражалось правящими кругами – румынским премьер–министром и другими ответственными лицами»⁶³⁷. Румынский экспорт в Германию возрос с 3,9 млрд леев в 1936 г. до 6,1 млрд леев в 1937 г., а в Англию – снизился с 3,1 до 2,8 млрд леев соответственно⁶³⁸.

В этот момент английское руководство решило активизировать политику умиротворения Германии. В ходе контактов с германским руководством 19 ноября 1937 г. лорд–председатель Королевского тайного совета Англии Э. Галифакс, а 2 декабря английский министр иностранных дел А. Иден уведомили Берлин, что Лондон не против ревизии границ в Восточной Европе, но считает непременным условием недопущение войны. Иными

словами, Германия получила карт-бланш на любые действия в Восточной Европе, не приводящие к открытой войне. Французское руководство фактически поддержало эту английскую позицию⁶³⁹. Естественно, что в этих условиях германское руководство решило активизировать свою внешнюю политику в отношении соседей. В ноябре 1937 г. на встрече Кароля II с президентом Чехословакии Э. Бенешем последнему было заявлено, что «Румыния не будет вмешиваться в конфликт между Чехословакией и Германией»⁶⁴⁰. Визит в декабре 1937 г. в Румынию министра иностранных дел Франции И. Дельбоса показал, что Париж, как и Лондон, не против ее дальнейшего сближения с Германией. Тем самым окончательно отпал вопрос о заключении пакта о взаимопомощи между Францией и Малой Антантой⁶⁴¹. С начала 1938 г. румынские военные заказы стали размещаться в Германии, Италии и Польше, а Франция отказалась гарантировать платежи Румынии по военным заказам в Чехословакии, что привело к их аннулированию⁶⁴².

Чехословацкий кризис и Румыния

10 февраля 1938 г. в Румынии была установлена королевская диктатура: 11 февраля в стране было введено осадное положение, 24 февраля в ходе открытого голосования была принята новая конституция, в которой появилась статья 91, запрещающая проход иностранных войск через румынскую территорию, 31 марта были запрещены все политические партии, вместо которых 16 декабря был создан Фронт национального возрождения, наконец—то правительство смогло получить полностью управляемый парламент⁶⁴³. Учитывая, что из 16 млрд леев иностранных инвестиций в Румынии на Англию приходилось 6,7 млрд, на Францию – 4,6 млрд, на США – 2,9 млрд, на Италию – 1,5 млрд, а на Германию – всего 0,3 млрд леев⁶⁴⁴, румынское руководство надеялось продолжить лавирование между великими европейскими державами. В марте 1938 г. Румыния обратила внимание Англии и Франции «на ту опасность, которая угрожает миру в результате установления монополии Германии на рынках стран Дунайского бассейна и Восточной Европы», но одновременно заявлялось, что «не может быть и речи о вытеснении Германии с этих рынков, что было бы противоестественным, аполитичным и опасным»⁶⁴⁵. Тем самым Бухарест лишний раз продемонстрировал необходимость равного влияния великих держав в регионе.

18 марта 1938 г. Румыния одобрила аншлюс Австрии⁶⁴⁶, но предостерегала Германию от «прямого нажима» на Чехословакию и вновь заявила, что желает тесных связей с Третьим рейхом. 30 марта в ответ на запрос Франции об отношении к возможности прохода советских войск на помощь Чехословакии румынское руководство заявило, что «в случае конфликта только между Германией и Чехословакией союзные договоры Румынии с Польшей и странами Балканской Антанты обязывают ее остаться нейтральной. Если же Франция вмешается в конфликт, то Румыния, хотя и не обязана, была бы, однако, расположена также вмешаться, но подчинила бы свое вмешательство предварительной договоренности с Польшей. Румыния принципиально отказывается разрешить проход русских войск. Однако если Румыния окажется перед русским ультиматумом, то она никогда не поставит себя в условия, могущие привести ее к конфликту с Францией и Чехословакией»⁶⁴⁷. Таким образом, Румыния старалась не упускать ни одной возможности.

Поначалу восточноевропейские страны заявляли, что в случае возникновения войны они окажутся на стороне Чехословакии. Однако уже в апреле 1938 г. стало ясно, что никакого единства на востоке Европы нет. 6 апреля Польша заявила протест Румынии в связи с тем, что через ее воздушное пространство в Чехословакию пролетели закупленные Прагой в СССР самолеты. Со своей стороны, Бухарест заявил протест Чехословакии. Ссылаясь на эти заявления, Франция 25 мая указала СССР, что Польша и Румыния решительно высказываются против пропуска советских войск⁶⁴⁸. В мае румынское руководство оказалось перед выбором. Сближение с Советским Союзом угрожало активизацией социальных движений в стране. Сближение с Германией означало экономическое закабаление и подчинение. Франция не проявляла особой активности, и надежды на ее поддержку становились все более эфемерными. В итоге было решено сделать ставку на Англию, несмотря на то что в Бухаресте уже знали, что Лондон считает Румынию сферой влияния Германии⁶⁴⁹.

Со своей стороны, Германия продолжала приручать Бухарест. 22 апреля Берлин уведомил румынское правительство, что не имеет никаких территориальных претензий на Балканах и готов гарантировать существующие румынские границы. В ответ Бухарест заверил Берлин, что румынская политика не является просоветской. Обострение ситуации вокруг Чехословакии воздействовало на политику всех восточноевропейских стран. 4–5 мая очередная сессия стран Малой Антанты решила, что судетский вопрос – это внутреннее дело Чехословакии и ей не следует рассчитывать на поддержку Югославии и Румынии в случае конфликта с Германией. В мае в ответ на запрос Франции о готовности Румынии пропустить Красную армию на помощь Чехословакии последовало заявление: Бухарест «никогда не допустит этого». В то же время румынский представитель в Лиге Наций обратил внимание Англии и Франции на то, что товарооборот с ними падает, а с Германией растет. Однако никакого внятного ответа от Лондона и Парижа получено так и не было. До сведения Англии и Франции было доведено, что наличие румыно–польского союза и Балканской Антанты делает вопрос о пропуске советских войск на помощь Чехословакии международной проблемой. В целом румынское руководство чутко отслеживало все зигзаги политики умиротворения Германии.

30 мая Румыния уведомила Чехословакию, что никаких заявлений о запрещении пропуска советских войск она делать не будет, но это не означает, что она на это согласится. В ответ Прага заявила, что ссылается на возможную помощь Красной армии лишь для того, чтобы заставить Германию снизить свои требования, поэтому

она согласна с румынской позицией⁶⁵⁰. Отмечая активизацию румыно–польских отношений и прогерманский крен Румынии, советская сторона решила напомнить о наличии нерешенного бессарабского вопроса. 15 июня румынской миссии в Москве было указано на неприемлемость для советской стороны употребления в румынских нотах определений «румынская территория» применительно к Бессарабии, которая «таковой территорией никогда нами не признавалась и не признается». Установившееся после подписания Лондонской конвенции «молчаливое соглашение о том, что обе стороны будут избегать дискуссии о Бессарабии как в прессе, так и в официальных выступлениях», предполагает определенный уровень советско–румынской дружбы, в противном же случае не может быть и речи о готовности СССР молча сносить заявления Румынии о принадлежности ей Бессарабии⁶⁵¹.

18 июня в беседе Литвинова с чехословацким посланником и французским послом в Москве последний заявил, что румынское правительство проявляет в вопросе о разрешении прохода советских войск «крайнюю неуступчивость», которая объясняется Бухарестом отказом СССР признать границу по Днестру. Если Москва пойдет на это признание, то румынское правительство сможет разрешить проход Красной армии на помощь Чехословакии⁶⁵². Понятно, что советское руководство не собиралось идти на подобную уступку, хотя бы в силу того, что никаких гарантий изменения политики Румынии не существовало. Тем временем Румыния стала склоняться к нормализации отношений с Венгрией, которой 29 июня было заявлено, что «в случае, если Германия нападет на Чехословакию с венгерской территории, страны Малой Антанты не будут угрожать Венгрии. В случае участия венгерских войск в военных действиях вместе с немецкими бухарестское и югославское правительства смогут мотивировать свой нейтралитет тем, что нападение на венгерскую территорию, оккупированную немецкой армией, будет, по существу, действием не против Венгрии, а против Германии»⁶⁵³.

9 июля Румыния вновь подтвердила Франции свою позицию, согласно которой она отклоняет любые предложения по поводу пропуска советских войск: «Никто не может потребовать от Румынии, чтобы она заранее согласилась на пропуск советских войск. Румыния знает, на чьей стороне она будет в случае войны»⁶⁵⁴. 26 июля Румыния заявила Польше, что «не пропустит через свою территорию ни одного советского солдата», о чем Варшава сообщила в Берлин⁶⁵⁵. 31 июля 1938 г. страны Балканской Антанты в нарушение Нейского договора решили предоставить Болгарии равные права в вопросах вооружения и одновременно ликвидировать демилитаризованные зоны в греческой и турецкой Фракии⁶⁵⁶. 13 августа Румыния заявила Франции, что «закроет глаза» на пролеты советских самолетов на больших высотах, но пропустить сухопутные войска отказывается⁶⁵⁷. Попытка СССР через Францию надавить на Польшу и Румынию окончилась безрезультатно, так как Париж не требовал от своих союзников пропуска советских войск, а просил их лишь сообщить мнение по этому вопросу. 14 августа Бухарест посоветовал Праге сблизиться с Берлином⁶⁵⁸. 21–23 августа конференция министров иностранных дел Малой Антанты в нарушение Трианонского договора решила признать равные права Венгрии в вопросе вооружений⁶⁵⁹.

2 сентября Литвинов заявил французскому поверенному в делах в Москве, что решение Лиги Наций о признании Чехословакии жертвой агрессии могло бы подтолкнуть Польшу и Румынию к разрешению прохода советских войск⁶⁶⁰. Однако чехословацкий вопрос в Лиге Наций поставлен не был, сама же Чехословакия не обращалась за помощью ни к СССР, ни к Румынии. 8 сентября Бухарест официально опроверг распространившиеся в европейской прессе сообщения о заключении советско–румынского соглашения о пропуске войск и транзите военных грузов из СССР в Чехословакию. В тот же день Румыния заявила Франции, что если Запад получит согласие Польши, Греции, Турции и Югославии на пропуск советских войск, то и Бухарест обсудит этот вопрос. Однако транспортная сеть Закарпатья не слишком развита, поэтому переброска войск сомнительна. В ответ Франция поблагодарила Кароля II за «ценный вклад Румынии в мирную акцию великих держав»⁶⁶¹.

Официально к Румынии не обращались с просьбой пропустить советские войска ни Франция, ни Англия, ни Чехословакия. Это избавило Бухарест от необходимости какого–либо четкого заявления. Тем не менее 11 сентября Румыния заявила Франции, что «румынское правительство не может разрешить проход русских войск по своей территории, и рекомендация Совета Лиги Наций не сможет изменить нашего решения», которое вытекает из соглашений с Югославией и Польшей. «Если же русские попытаются пройти, Румыния при поддержке Польши будет защищаться»⁶⁶². Конечно, в беседах с советскими дипломатами румыны были более осмотрительны – они ссылались на стремление сохранить нейтралитет. 11 сентября Франция сообщила СССР, что «Румыния не может пропускать Красную армию, но что если советские самолеты будут летать высоко над Румынией, то их не видно будет»⁶⁶³.

16 сентября стало ясно, что Польша находится на стороне Венгрии, а интересы Румынии Варшавой не учитываются. 17 сентября Бухарест вновь опроверг слухи о перевозке через румынскую территорию военных материалов из СССР в Чехословакию. 21 сентября Германия заявила Румынии, что удовлетворена ее позицией «относительно возможности прохода русских войск и ее пожеланием тесного румыно–германского сотрудничества» и расположена к разрешению румыно–венгерских споров в пользу Бухареста. В обмен на гарантию от венгерских притязаний Германия требовала от Югославии и Румынии сохранения нейтралитета в судетском вопросе⁶⁶⁴. В тот же день Венгрия выдвинула свои притязания на территорию Чехословакии, а Прага запросила Белград и Бухарест об их позиции в случае венгерской помощи Германии. 22 сентября Польша

предложила Румынии договориться с Венгрией. В этой ситуации Югославия и Румыния не спешили четко обозначить свою позицию, хотя 25 сентября обе страны сошлись во мнении, что необходимо остаться нейтральными и дождаться решений Англии и Франции⁶⁶⁵.

23 сентября через Рим до сведения Берлина было доведено, что, несмотря на «сильнейшее давление», Бухарест «отказывался, отказывается и откажется и в будущем от удовлетворения подобного требования» о пропуске советских войск в случае германского нападения на Чехословакию⁶⁶⁶. В случае обострения советско-польских отношений «Румыния будет на стороне Варшавы» и что «в любом случае союз с Польшей будет иметь приоритет перед обязательствами в отношении Праги»⁶⁶⁷. Вместе с тем Румыния заявила, что она против удовлетворения венгерских требований к Чехословакии. Согласовав свою позицию с Югославией, Бухарест 26 сентября обратился к Германии с просьбой умерить аппетиты Венгрии. «Германия заявила нам торжественно, что мы можем рассчитывать на ее содействие, если не вступим в какую-нибудь комбинацию, направленную против Рейха (об этом имеются неоднократные заявления Гитлера и Геринга). Румыния воздержалась от любого действия, которое можно было считать враждебным Рейху. Сейчас мы вправе ждать, что Германия тоже выполнит данные ею обещания»⁶⁶⁸. В ответ Геринг 28 сентября заявил, что если и в будущем Румыния и Югославия не будут мешать, то на Венгрию будет оказано «сдерживающее воздействие». 27 сентября до сведения Германии было доведено, что Румыния постарается убедить Чехословакию разрешить конфликт в пользу немцев. Одновременно от Праги требовалось удовлетворить польские притязания.

В период сентябрьского кризиса 1938 г. Чехословакия, Германия, Франция, Польша и СССР провели ряд мер по повышению боеготовности своих вооруженных сил⁶⁶⁹. В частности, 21–23 сентября нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов приказал командованию Калининского (КалВО), Белорусского особого (БОВО) и Киевского особого военных округов (КОВО) привести в боевую готовность и сосредоточить войска у границы с целью проведения «крупных учений». 25 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило наркому обороны «не прекращая строительных работ по укреплениям, провести следующие мероприятия:

1. Для повышения боевой готовности укрепленных районов –

а) призвать хотя бы на 15–20 дней приписной состав пулеметных батальонов, артдивизионов и специальных частей укрепленных районов ЛВО, БОВО, КОВО, за исключением тылового Киевского укрепленного района и укрепленных районов, расположенных по р. Днестру.

Всего для частей укрепленных районов призвать 54 000 человек.

С пополненными частями провести усиленные занятия по заполнению сооружений боеприпасами, приведению оборудования в боевую готовность и боевые стрельбы, используя часть времени для расчистки обзора и обстрела, установки проволочной колючей сети и устройства противотанковых препятствий.

б) Отдать распоряжение об установке вооружения и о загрузке боеприпасами всех боевых сооружений укрепленных районов.

2. Призвать приписной состав для:

а) 13, 2, 100 (Минский район) и 4 сд (Слущк) БОВО в количестве 4 000 чел. на каждую дивизию.

б) 96, 97 и 72 сд КОВО, передислоцированных к госгранице, по 3 000 чел. на каждую дивизию.

Всего для стрелковых частей призвать 25 000 чел.

3. Поднять систему постов воздушного наблюдения и связи (ВНОС) ЛВО, БОВО, КОВО, МВО, ХВО, особенно в крупных пунктах ПВО, призвав приписной состав.

Призвать приписной состав 1 и 2 корпусов ПВО (Ленинград и Москва) и частей ПВО Киева, а также зенитных дивизионов Резерва Главного Командования в БОВО и КОВО.

Для подъема частей ВНОС и для частей ПВО призвать 39 000 человек.

4. Призвать приписной состав для частей артиллерии Главного Командования ЛВО, БОВО, КОВО, ХВО, МВО, ОрВО, всего 49 000 человек.

Всего для перечисленных мероприятий призвать 167 000 человек.

Кроме того, разрешить призвать соответствующее количество конского состава, автомобилей и тракторов»⁶⁷⁰. 27 сентября наркому обороны было разрешено привлечь на учебные сборы в ЛВО, БОВО, КОВО, МВО и ХВО 4 500 артиллерийских лошадей, 1 175 грузовых и 190 легковых автомобилей, а также 700 гусеничных тракторов⁶⁷¹.

29 сентября Политбюро утвердило следующее предложение Ворошилова:

«А. Призвать из запаса приписанных людей ЛВО, БОВО, КОВО:

1. Во все авиационные базы, всего – 30 000 чел.

2. Во все танковые бригады, всего – 39 000 чел.

3. По 4 000 чел. в следующие дивизии:

ЛВО– 70 сд Карельский укреп. район.

90 сд Карельский укреп. район.

11 сд Кингисеппский укреп. район.

56 сд Псковский укреп. район.

КалВО – 67 сд Себеж.

БОВО – 50 и 5 сд, выдвинутые на гос. границу в районе Полоцк.

27 сд Лепель.

52 сд Мозырский укреп. район.

КОВО – 60 сд Овруч.

45, 44, 46 и 81 сд – район Новоград–Волынский, Шепетовка.

1 сп 7 сд, призвав в него 8 000 чел.

99 и 95 сд, дислоцированные в Приднестровских укреп. районах, с сосредоточением их в район Каменец–Подольск, Могилев–Подольск.

Всего призвать для стрелковых дивизий 72 000 чел.

Б. Призвать на сборы весь командный и начальствующий состав строевых частей ЛВО, БОВО, КОВО и КалВО.

В. Призвать на сборы командный состав штабов стрелковых дивизий и полков в МВО, ХВО, ПриВО, УрВО, КалВО, ОрВО и СКВО.

Всего призвать начсостава 39 000 человек.

Для проведения перечисленных мероприятий призвать всего 180 000 человек.

Г. Поставить в РККА 22 000 лошадей для стрелковых дивизий из расчета запряжки всех артиллерийских орудий этих дивизий.

Взять для РККА из народного хозяйства 3 400 грузовых машин, исходя из 25% мобилизационной потребности:

для авиабаз – 1 500 машин;

для танк. частей – 1 250 машин;

для стр. частей – 650 машин.

Д. С целью усиления штабов округов и армейских групп немедленно командировать слушателей 3–го курса Академии им. Фрунзе и 2–го курса Академии Генерального штаба на практику в оперативные отделы штабов: ЛВО, КалВО, БОВО, КОВО, ХВО, СКВО и армейские группы БОВО и КОВО»⁶⁷².

Тем временем ряд соединений Красной армии сосредотачивался к западной границе СССР. В КалВО в район Себежа выдвигалась 67–я стрелковая дивизия, а в Великих Луках и Себеже были развернуты пункты ПВО. В БОВО в районе Сарья, Ветрино, Березно, Бегомль развертывались соединения Витебской армейской группы (АГ) (командующий – комдив Ф.И. Кузнецов). В районе севернее Плещеницы, Заславль, Минск, Дзержинск, Узда, Тимковичи, Семежево сосредоточились войска Бобруйской АГ (командующий – комбриг В.И. Чуйков), в районе Слуцка начались учения 4–й стрелковой, а в низовьях рек Птичь и Уборть западнее Мозыря – 52–й стрелковой дивизии. В Слуцке, Бобруйске, Жлобине, Пуховичах, Могилеве, Минске, Борисове, Орше, Витебске и Полоцке были развернуты пункты ПВО и приведены в боеготовность Полоцкий, Минский и Мозырский УР. В КОВО 60–я стрелковая дивизия проводила учения в районе Овруча, 7–я стрелковая дивизия – в районе Чернигова, а основные силы Житомирской АГ (командующий – комдив Ф.Н. Ремезов) развернулись в районе Новоград–Волынский, Ямполь, Шепетовка, Барановка. Войска Винницкой АГ (командующий – комдив П.С. Иванов) сосредоточились в районе Волочиск, Каменец–Подольск, Ярмолинцы. 99–я стрелковая дивизия развернулась в районе Гайсин, Вапнярка, заняв одним полком Могилев–Ямпольский УР, а 95–я стрелковая дивизия – в районе Котовск, Балта, Ананьев. В Жмеринке, Казатине, Проскурове, Киеве, Шепетовке были развернуты пункты ПВО и приведены в боевую готовность Коростеньский, Новоград–Волынский, Летичевский, Могилев–Ямпольский, Рыбницкий и Тираспольский УРы. По неполным данным, эти войска насчитывали 269 270 человек, 86 497 лошадей, 2 279 орудий, 2 055 танков (см. таблицу 2)⁶⁷³.

Таблица 2

Численность войск, развернутых на западной границе в конце сентября 1938 г.

Армейские группы	Корпуса	Дивизии, бригады	Личный состав	Лошади	Орудия	Танки	
		67-я СД	7 605	2 374	71	32	
		Войска ПВО	?	?	24	—	
Итого КапВО			7 605	2 374	95	32	
Витебская АГ	4-й СК	5-я СД	7 764	1 638	33	29	
		50-я СД	7 728	1 354	14	23	
		18-я тбр	1 501	—	—	160	
		24-я КД	4 447	4 325	52	27	
		27-я СД	7 365	1 163	88	—	
	16-я тбр	1 469	—	11	131		
	Полоцкий УР		7 020	—	82	—	
Итого			37 294	8 480	280	370	
Бобруйская АГ	16-й СК	2-я СД	7 991	2 415	37	22	
		13-я СД	10 447	1 961	78	16	
		100-я СД	7 514	2 135	70	13	
		21-я тбр	2 316	—	6	149	
	3-я КК	4-я КД	4 472	4 205	23	28	
		7-я КД	3 249	3 387	21	39	
		36-я КД	3 705	3 645	21	30	
Итого			39 694	17 748	256	297	
			4-я СД	8 001	2 091	67	42
			52-я СД	9 809	98	34	—
			Итого	17 810	2 189	101	42
			Войска ПВО	?	?	204	—
Итого БОВО			94 798	28 417	841	709	

Армейские группы	Корпуса	Дивизии, бригады	Личный состав	Лошади	Орудия	Танки
		95-я СД	10 244	3 046	75	78
		99-я СД	8 813	3 113	70	38
Итого			19 057	6 159	145	116
		Артполки РГК	10 372	—	161	—
		Войска ПВО	8 198 + ?	26 + ?	177	—
Итого КОВО			166 867	55 706	1 343	1 314

Всего в Красную армию в конце сентября – начале октября 1938 г. было призвано из запаса 328 762 человека (комначполитсостава – 34 607 и младшего начальствующего и рядового состава – 294 155), 27 550 лошадей и 4 759 автомашин (в том числе 551 трактор), которые были демобилизованы согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 октября⁶⁷⁴.

Тем временем 29–30 сентября в ходе конференции Англии, Франции, Германии и Италии в Мюнхене было выработано соглашение по чехословацкому вопросу, удовлетворившее все претензии Третьего рейха. Было решено до 10 октября передать Германии приграничные районы Чехословакии. Право населения передаваемых районов на оптацию было провозглашено, но не выполнялось. Провозглашенные международные гарантии так и не были оформлены, поскольку Англия уклонилась от этого⁶⁷⁵. Одновременно 30 сентября Англия и Германия подписали соглашение о ненападении и консультации. Кроме того, было признано право Польши и Венгрии на территориальное урегулирование с Чехословакией. Своей подписью под Мюнхенским соглашением Франция нарушала франко–чехословацкий договор от 21 января 1924 г. и Локарнский договор от 16 октября 1925 г. В результате «отступничество Франции, о котором теперь было объявлено во всеуслышание, заставило малые страны повернуться к Гитлеру в надежде не все потерять»⁶⁷⁶. По мнению Югославии и Румынии, принятие Мюнхенского соглашения Чехословакией нарушало ее обязательства по договору от 16 февраля 1933 г. и свидетельствовало о прекращении существования Малой Антанты⁶⁷⁷.

Соглашение в Мюнхене привело к тому, что Румыния также решила улучшить свои отношения с Германией. Уже 29 сентября германский посланник в Румынии сообщал в Берлин, что король хотел бы установить с Германией более тесные отношения и получить поддержку против «русского нашествия». Однако Германия не хотела давать какие-либо письменные территориальные гарантии, не желая ухудшать свои отношения с Венгрией и Болгарией. Кроме того, теперь, когда нужда в барьере против Красной армии отпала, германское руководство вновь стало настаивать на получении от Бухареста доказательств того, что он «не окажется противником ни в силу связей с Лигой Наций, ни путем какой-либо комбинации или системы союзов» и требовать экономических уступок⁶⁷⁸. Выдвинув 30 сентября ультиматум Праге относительно передачи Польше Тешина, Варшава просила Бухарест воздействовать на Чехословакию в смысле удовлетворения этого требования. На следующий день Бухарест просил Прагу сделать «все возможное в интересах мира».

Однако требование Венгрии ускорить переговоры с Чехословакией о решении вопроса о венгерском нацменьшинстве вызвало недовольство Югославии и Румынии, которые заявили Англии, Италии, Германии и

Польше о необходимости ограничить венгерские притязания. Тогда Польша решила воздействовать на Румынию и 19 октября предложила ей тоже поучаствовать в разделе Чехословакии, но румынское правительство надеялось через оставшееся под контролем Праги Закарпатье сохранить связь с Германией и отказалось⁶⁷⁹. 28 октября это мнение румынского правительства, которое соответствовало намерениям Германии, было доведено до сведения Берлина. 2 ноября первый Венский арбитраж передал Венгрии лишь южные районы Словакии и Закарпатской Украины⁶⁸⁰. 5 ноября в беседе с югославским регентом Павлом Кароль II признал, что позиция Польши и Румынии явилась помехой в организации помощи СССР Чехословакии, но больше всего обе стороны волновала проблема нового баланса сил в Европе. Нужно ли учитывать возможную поддержку Англии и Франции, или же придется ориентироваться на Германию и Италию? Ясности в этом вопросе не было⁶⁸¹.

К осени 1938 г. практически вся румынская элита согласилась равняться на Германию⁶⁸². По мнению короля, «он скорее предпочитает увидеть немцев своими врагами, чем русских друзьями»⁶⁸³. Пытаясь найти противовес новым экономическим требованиям Германии, Кароль II 15–21 ноября 1938 г. посетил Англию и Францию, стараясь добиться получения займов для закупок вооружения. Англия согласилась на предоставление 25 млн ф. ст. в качестве торгового кредита, но королю было заявлено, что Лондон поддерживает румыно–германское сближение, поскольку не желает «создавать впечатление, что Великобритания пытается поставить барьер германской экспансии на Восток». Схожую позицию заняла и Франция, начавшая неторопливые экономические переговоры с Румынией⁶⁸⁴. Возвращаясь на родину через Германию, Кароль II 24 и 26 ноября встречался с Гитлером и Герингом, которым он, указав на существование «хороших отношений с германским рейхом», предложил «планомерное сотрудничество по развитию экономических отношений» на основе выработки долгосрочного соглашения о товарообороте на 5–10 лет. Понятно, что король подчеркивал антисоветский характер внешней политики Румынии и тот факт, что польско–румынский союз «направлен исключительно против России»⁶⁸⁵. Тем временем в Румынии произошел путч «Железной гвардии», который был подавлен румынскими властями. 30 ноября, как сообщили румынские газеты, находившиеся в заключении К. Кодряну и 13 других лидеров этой организации были убиты «при попытке к бегству». Германская пресса остро критиковала этот шаг румынского правительства, из Бухареста «для доклада» был отозван германский посланник, и Берлин заявил, что герmano–румынское политическое соглашение в данный момент невозможно⁶⁸⁶.

Обострение румыно–германских отношений совпало с подписанием 6 декабря франко–германской декларации о ненападении⁶⁸⁷. В этих условиях румынское руководство видело выход в новых уступках Берлину. В итоге уже 10 декабря было заключено новое благоприятное для Германии торговое соглашение на 1939 г., которое доводило ее долю в импорте Румынии до 45% (в 1937 г. она равнялась 28,9%)⁶⁸⁸. Вместе с тем Коронный совет решил 14 декабря наряду с мерами по улучшению отношений с Германией предпринять шаги к сохранению связей с Англией и Францией. В январе 1939 г. Румыния предложила Германии переговоры о долгосрочном экономическом соглашении, которые начались 13 февраля. В ходе переговоров выяснилось, что, хотя Румыния готова к широкому экономическому сотрудничеству с Третьим рейхом, о своих интересах Бухарест также не забывал⁶⁸⁹. По дипломатическим каналам Румыния информировала Англию о ходе переговоров, но Лондон занял выжидательную позицию. 22 февраля проект соглашения был в основном согласован, но по разным причинам стороны не спешили его подписывать⁶⁹⁰. 25 февраля Румыния уведомила Германию о том, что Малая Антанта более не существует, а Балканская Антанта ни в коем случае не направлена против Германии⁶⁹¹. В феврале 1939 г. Венгрия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, и СССР разорвал с ней дипломатические отношения, что вызвало радостное оживление в Бухаресте⁶⁹².

Румыния, СССР и политический кризис 1939 г.

Зная от своих разведок о подготовке германской оккупации Чехословакии, западные страны–участники Мюнхенского соглашения не предусматривали никаких мер противодействия. 13 марта Англия уведомила свои дипломатические представительства за границей о том, что она не будет проявлять инициативу каких–либо антигерманских шагов в случае действий Германии против Праги⁶⁹³. 14 марта Словакия под давлением Германии провозгласила независимость, а президент Чехословакии Э. Гаха выехал в Берлин, где в ходе «переговоров» дал согласие на политическое переустройство своей страны. В тот же день Венгрия с одобрения Германии двинула войска в Закарпатскую Украину, правительство которой предлагало Румынии ввести войска. Однако Бухарест отказался от этого предложения, к 17 марта Закарпатье было занято венгерской армией, а румыно–венгерские отношения обострились. 15 марта германские войска вступили в Чехию, на территории которой был создан Протекторат Богемия и Моравия. Первоначально реакция Англии и Франции была довольно сдержанной, но по мере возбуждения общественного мнения Лондон и Париж ужесточили свою позицию и 18 марта, как и СССР, выразили протест действиям Германии, из Берлина были отозваны «для консультаций» английский и французский послы.

Тем временем еще 10 марта возобновились герmano–румынские экономические переговоры, и к 16 марта договор был окончательно согласован, но его подписание под разными предлогами откладывалось румынской стороной. Тем временем англофильские круги Румынии попытались активизировать экономические связи с Англией, но Лондон не проявил интереса к этим предложениям, поскольку в это время Англия сама вела экономические переговоры с Германией. В ходе этих переговоров в Дюссельдорфе 15 марта было подписано соглашение, которое давало возможность изменить картельную структуру мира в пользу англо–германских монополий, а отказ США присоединиться к нему мог вызвать совместные ответные действия Англии и

Германии. 11 марта 1939 г. Франция также предложила Германии заключить обширное экономическое соглашение⁶⁹⁴.

16 марта румынский посланник в Лондоне В. Тиля посетил Форин офис и заявил, что Германия практически предъявила Румынии ультиматум с требованием предоставить ей особые экономические и политические права в Румынии. Поэтому он хотел бы знать, насколько румынское правительство «может рассчитывать на Великобританию в случае, если над Румынией нависнет реальная угроза со стороны Германии... Будет ли правительство Англии готово сделать для Румынии то же самое, что и для Турции», которой незадолго до этого были предоставлены кредиты для закупки вооружений. 17 марта в том же духе Тиля беседовал с английским министром иностранных дел Э. Галифаксом, предложив создать под эгидой Англии и Франции антигерманский фронт из Румынии, Польши, Югославии, Турции и Греции. Собственно, до сих пор неизвестно, был ли этот демарш Тиля официальным или частным делом⁶⁹⁵.

Как бы то ни было, 17 марта Англия запросила Париж, Бухарест, Варшаву, Белград, Анкару и Афины об их отношении к происходящим событиям. На следующий день Лондон запросил и Москву, «может ли Румыния рассчитывать на помощь СССР в случае германской агрессии и в какой форме, в каких размерах»⁶⁹⁶. В ответ советская сторона предложила провести конференцию с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения ситуации⁶⁹⁷. 18 марта румынское правительство заявило, что не уполномочивало Тиля на подобные заявления и «в данный момент нет угрозы политической или экономической независимости Румынии», правда, это опровержение было сделано по требованию германского посланника в Бухаресте⁶⁹⁸. Собственно, румынский посланник в Москве в беседе с Литвиновым 19 марта также отрицал факт германского ультиматума⁶⁹⁹. 20 марта в Москве стало известно, что румынский посол во Франции тоже отрицал наличие ультиматума со стороны Германии, но поставил вопрос о французской помощи Румынии. Французская сторона указала на необходимость коллективной акции в поддержку Бухареста с участием СССР. На это посол ответил, что «к привлечению СССР следует подойти „с особой осторожностью“», хотя румынская сторона и не против советской помощи⁷⁰⁰.

19 марта Англия заявила, что созыв предлагаемой Москвой конференции преждевременен, а 21 марта выдвинула контрпредложение о подписании англо–франко–советско–польской декларации о консультациях в случае агрессии⁷⁰¹. Пока шло его обсуждение, 23 марта 1939 г. в Клайпеду (Мемель) вступили германские войска и был подписан договор «Об укреплении экономических связей между Румынией и Германией». В румынских правящих кругах полагали, что «заклучение конвенции с Германией является решающим шагом в направлении нашей будущей политики»⁷⁰². В тот же день английский премьер–министр Н. Чемберлен заявил, что у Англии «нет желания... противостоять понятным усилиям Германии расширить свою экспортную торговлю» и она не намеревается «изолировать Германию или стоять на пути ее естественной и законной торговой экспансии в Центральную и Юго–Восточную Европу»⁷⁰³. Со своей стороны, Румыния заявила Англии, что в настоящий момент для нее нет непосредственной опасности нападения, хотя Венгрия и Германия концентрируют войска вдоль румынской границы и в Словакии. Не желая провоцировать Берлин заключением военного союза с западными державами, румынское правительство хотело бы, чтобы Англия и Франция по собственной инициативе заявили о решимости защищать существующие границы Румынии. Бухарест продолжал выступать против общего пакта о взаимопомощи и тем более против участия в нем Советского Союза⁷⁰⁴.

Тем временем 22 марта было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором опровергались слухи о предложениях советской помощи Варшаве и Бухаресту в случае агрессии против них, поскольку «ни Польша, ни Румыния за помощью к Советскому правительству не обращались и о какой–либо угрожающей им опасности его не информировали»⁷⁰⁵. 26 марта румынский посланник в СССР уведомил НКВД об основных положениях заключенного румыно–германского соглашения, которое «ничем не ограничивает суверенных прав Румынии ни в хозяйственной, ни в политической области. Не создает оно для Германии и каких бы то ни было монопольных прав в Румынии». Бухарест готов к аналогичным договоренностям и с другими странами. От себя посланник добавил, что не исключено, что соглашение «является лишь первым шагом со стороны Германии, на котором она может не остановиться. Мы вынуждены были пойти на это соглашение, чтобы не оказаться с глазу на глаз с Германией, раздраженной нашим отказом. Ведь никто до сих пор не хотел нас поддержать – ни Франция, ни Англия, ни СССР». С советской стороны румынскому дипломату было сообщено о ходе обсуждения предложенной Англией декларации⁷⁰⁶.

27 марта Бухарест получил английское предложение о помощи, обусловленное заключением польско–румынского договора о взаимопомощи против Германии, но румынское правительство заявило, что не может подписать такой договор «без консультации со странами Балканской Антанты» и не питает «большого доверия» к Польше, которая склонна к переговорам с Германией⁷⁰⁷. 29 марта выяснилось, что Польша и Румыния не хотят подписывать предложенную Англией декларацию, если под ней будет стоять подпись советского представителя. В свою очередь, Москва, опасаясь толкнуть Варшаву в объятия Берлина, не собиралась подписывать этот документ без участия Польши⁷⁰⁸. Таким образом, Англия столкнулась с проблемой, как обеспечить привлечение СССР к решению вопросов европейской политики, что ранее неизменно отвергалось ею, в условиях, когда многие страны, чье мнение Лондон старался учитывать, не одобряли заигрывания с Москвой. В итоге к концу марта вопрос о декларации отпал, а вышеуказанная проблема была вновь отложена на будущее⁷⁰⁹.

29 марта Литвинов указал румынскому посланнику в Москве на заинтересованность советской стороны в

более подробной информации о румыно–германском соглашении, «не подписано ли еще какое–либо секретное соглашение». В ответ румынский дипломат заявил, что «соглашение с Германией является исключительно экономическим», хотя опасность германского давления существует и может быть устранена «только совместными действиями великих держав». Советской стороне вновь намекалось на желательность признания границы по Днестру, на что Литвинов ответил, что этой линии «никакая опасность не угрожает»⁷¹⁰.

Тем временем обострились германо–польские отношения. В этих условиях, опасаясь возможного перехода Польши в лагерь Германии, стараясь добиться ее согласия на гарантию границ Румынии и сдержать германскую экспансию, Англия пошла на односторонние гарантии независимости Польши. Вопреки просьбам Варшавы о сохранении их в тайне, 31 марта гарантии были опубликованы, но при этом Англия не отказалась от содействия германо–польскому урегулированию. Тем не менее Польша все же отказалась дать гарантии границ Румынии, не желая портить отношений с Венгрией и полагая, что западная поддержка позволит и дальше лавировать между Берлином и Москвой. Вместе с тем Варшава предложила Англии заключить англо–франко–польский союзный договор⁷¹¹.

1 апреля Москва уведомила Лондон, что, поскольку вопрос о декларации отпал, «мы считаем себя свободными от всяких обязательств». На вопрос, намерен ли СССР впредь помогать жертвам агрессии, был дан ответ, «что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»⁷¹². 4 апреля, ориентируя советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, Литвинов отметил, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»⁷¹³. 11 апреля в письме советскому полпреду во Франции Литвинов отметил, что Англия и Франция стремятся получить от СССР одностороннее обязательство защищать Польшу и Румынию, полагая, что поддержка этих стран отвечает советским интересам. «Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?»⁷¹⁴ Нарком выразил озабоченность английскими гарантиями Польше, поскольку они могли в определенных условиях принять антисоветскую направленность⁷¹⁵.

В сложившейся ситуации Франция ускорила завершение тянувшихся еще с ноября 1938 г. торговых переговоров с Румынией, и 31 марта было заключено франко–румынское экономическое соглашение. Румынии был предоставлен кредит в 500 млн франков на закупку вооружений и других товаров, который обеспечивался румынскими поставками нефти и зерна. Узнав о гарантиях Польше, Румыния попыталась получить гарантии своих границ от Англии и Франции, но Лондон вновь повторил свои условия. Тогда румынское правительство решило сослаться на существующий договор с Польшей, который применим к любой агрессии, «хотя технические соглашения предусматривали только случай агрессии России». Желая получить значительную военную поддержку со стороны Англии и Франции, Румыния не хотела связывать себя антигерманским соглашением, высказывалась против сближения Англии, Франции и Польши с СССР и не желала сотрудничать с Москвой. Тем временем Италия 7–10 апреля оккупировала Албанию. В итоге 13 апреля Англия и Франция предоставили гарантии независимости Румынии и Греции. 14 апреля Бухарест уведомил Берлин о том, что «Румыния не присоединится к британской политике окружения Германии» и для нее «нежелательна военная помощь со стороны СССР»⁷¹⁶. 17 апреля Польша и Румыния подтвердили, что их союзный договор направлен только против СССР⁷¹⁷.

В ходе визита в Берлин 18–19 апреля 1939 г. румынский министр иностранных дел Г. Гафенку успокаивал Гитлера, уверяя его, что англо–французские гарантии не имеют реальной силы и больше направлены против непосредственных соседей Румынии, а не против Германии. В любом случае «Румыния готова искренне сотрудничать», лояльно выполнять экономическое соглашение с Германией, не имеет никаких обязательств в отношении Англии и Франции, ни в коем случае не станет содействовать английскому «окружению» Германии и не примет участия ни в какой дипломатической комбинации с участием СССР. Со своей стороны, Гитлер предостерег Румынию от сближения с Москвой⁷¹⁸. 23–26 апреля в Лондоне Гафенку убеждал английское руководство, что Германия не желает войны и стремится к соглашению с Англией. «Румынская дружба с Францией и Великобританией не беспокоит Германию, так как эта дружба предоставляет Румынии возможность занимать твердые антирусские позиции». Румынский министр вновь высказался против сотрудничества с СССР, контакты с которым следовало использовать для давления на Германию. В ходе лондонских переговоров был затронут вопрос об укреплении Балканской Антанты за счет привлечения в ее состав Болгарии, для чего, по мнению английской стороны, вероятно, следовало передать ей Южную Добруджу. В любом случае Лондон устраивала нейтральная позиция балканских стран. Позднее в Париже Гафенку поддержал английскую позицию в отношении переговоров с СССР⁷¹⁹. 11 мая было подписано англо–румынское соглашение об увеличении товарооборота. В июле 1939 г. была достигнута договоренность, что Англия предоставит Румынии займ в 5 612 300 ф. ст. для закупки вооружения и военного снаряжения. В этом явно проявилась заинтересованность великих держав Европы в максимально широком использовании румынского сырьевого экспорта⁷²⁰.

Тем временем Англия 11 апреля запросила СССР о том, в какой форме он «мог бы оказать помощь Румынии в случае нападения на нее Германией». Правда, тут же выяснилось, что Бухарест вообще–то не склонен к сотрудничеству с СССР, опасаясь контрмер со стороны Берлина⁷²¹. 14 апреля Москва, заявив о готовности участвовать в коллективной акции в поддержку Бухареста, запросила Лондон о том, как английское

правительство «мыслит себе формы помощи Румынии». Но внятного ответа от Англии не последовало, поскольку Лондон стремился добиться, чтобы СССР взял на себя односторонние обязательства в отношении своих западных соседей⁷²². Понятно, что Москва не собиралась играть в эту игру, и в ответ 17 апреля Англии и Франции было предложено заключить договор о взаимопомощи⁷²³. Теперь оказалось, что уже Англия не спешит реализовывать эту идею.

Посетивший ряд стран Юго-Восточной и Восточной Европы заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин 8 мая в Бухаресте имел протокольную беседу с Гафенку, заверив его, что смена Литвинова на посту наркома иностранных дел СССР В.М. Молотовым не скажется на внешнеполитической стратегии Москвы. На вопрос Потемкина, не пришло ли время «пересмотреть польско-румынский пакт, направленный против СССР», Гафенку ответил, что «ничто не препятствует заключению» румыно-польского соглашения о взаимной помощи «в случае нападения с запада»⁷²⁴. Понятно, что подобный ответ ни к чему Бухарест не обязывал. В тот же день Румыния уведомила Германию, что она «твердо отклонила» все предложения с самого начала втянуть ее в переговоры с СССР⁷²⁵. Попытка Москвы ликвидировать польско-румынский договор 1921 г. или хотя бы распространить его действие и на Германию вызвала категорические возражения Польши и Румынии⁷²⁶.

Обе страны всячески отказывались от каких-либо соглашений, направленных против Германии, и вообще выступали против коллективной безопасности. Румыния точно выполняла свое обещание, данное 19 апреля Гитлеру, не заключать «никаких союзов против Германии» и не иметь «никаких дел с Советским Союзом»⁷²⁷. Понятно, что Англия при всяком удобном случае ссылалась на подобную позицию Варшавы и Бухареста с целью ограничить обязательства в отношении СССР⁷²⁸. Не случайно Гафенку в Лондоне рекомендовали не слишком скрывать свое нежелание сотрудничать с Москвой. Более того, эта позиция Румынии использовалась Англией и для давления на Францию. 23 мая румынское правительство вновь довело до сведения Англии, что «Румыния не желает принимать участия в какой-либо системе, предусматривающей помощь со стороны Советского Союза», и «не хочет идти вместе с Англией и Францией в их переговорах с Советами». Еще ранее о том же было сообщено Германии. Впрочем, эта позиция не скрывалась и от Москвы, которой было заявлено, что «румынское правительство не примет участия ни в союзе [с СССР], ни в переговорах о нем. Румыния не может связывать себя... с Россией»⁷²⁹.

В условиях политического кризиса 1939 г. советское руководство было заинтересовано в точном определении позиций как великих европейских держав, так и своих западных соседей. Конечно, основное внимание СССР в это время уделял контактам с Англией, Францией и Германией. В Москве отмечали, что позиция Англии и Франции в отношении Германии постепенно смягчается. Если в марте-апреле западные союзники делали заявления с угрозами в адрес Германии, то в первой половине мая они всего лишь демонстрировали спокойную уверенность в своих силах, а к началу июня призывали Берлин к переговорам. Польша и Румыния также не проявляли желания к сотрудничеству с Москвой. Начавшиеся англо-франко-советские переговоры о договоре о взаимопомощи развивались ни шатко ни валко, поскольку Англия и Франция не собирались признавать равноправие СССР в европейских делах, опасаясь, что создание реальной антигерманской коалиции приведет к краху нацистского режима в Германии и фашистского в Италии и «большевизации» этих стран. Поэтому все эти дипломатические шаги западных союзников в отношении Москвы были направлены лишь на запугивание Германии и достижение договоренности с ней⁷³⁰.

1 июня Бухарест напомнил Лондону о своей просьбе, чтобы «ни в каком англо-русском соглашении Румыния не упоминалась»⁷³¹. 13 мая и 20 июля были подписаны новые германо-румынские экономические соглашения по поставкам в Третий рейх леса и сельскохозяйственных продуктов. В начале июля 1939 г. Румыния заключила в Германии кредитные контракты на поставку вооружений, гарантировав Берлину бесперебойные поставки горючего. В июле Румыния вновь подтвердила, что «в настоящее время мы не намерены вступать ни в прямые, ни в косвенные связи с русскими»⁷³². Однако 22 июля Верховное главнокомандование вермахта ввело запрет или ограничило поставки оружия в кредит странам, «принявшим участие в английской политике окружения Германии». Теперь Румыния могла получать оружие только в обмен на нефть. Тогда Бухарест запретил поставки нефти в Германию в счет клиринга, поскольку румынские обязательства уже были выполнены. После переговоров 19 августа удалось договориться о возобновлении румынских поставок. Румынское правительство согласилось уплатить иностранным компаниям за нефть для Германии 5,5 млн марок, а германская сторона обещала поставить румынским ВВС 29 бомбардировщиков и снять запрет на поставки чешского оружия⁷³³.

Тем временем на Днестре имели место новые инциденты. 11 мая румынский пограничный катер обстрелял и захватил в советской части Днестровского лимана рыбацкую лодку. Хотя на следующий день лодка и рыбаки были возвращены, совместное расследование этого случая показало, что, хотя факт нарушения советских территориальных вод, обстрела и захвата рыбаков подтвердился, «румыны в этом вопросе заняли резко отрицательную позицию». 31 мая в ходе встречи представителей пограничных частей румынская сторона постаралась употребить в протоколе вместо слов «демаркация» слово «граница» и словосочетания «советская территория», «румынская территория». В результате протокол не был подписан советским представителем. Главное управление пограничных войск (ГУПВ) НКВД просило НКВД решить эту проблему по дипломатическим каналам⁷³⁴. 28 июня советская сторона указала румынской миссии в Москве на то, что в ее ноте от 7 июня вновь допущен термин «румынская территория» применительно к Бессарабии. Румынский посланник заявил, что «в дальнейшем миссия будет воздерживаться от употребления в переписке с НКВД неприемлемых»

для советской стороны формулировок⁷³⁵. Соответственно 21 июля советское полпредство в Бухаресте получило из Москвы указание не принимать румынские документы с подобными формулировками⁷³⁶.

В ходе тайных и явных англо–германских контактов весной–летом 1939 г. Лондон пытался достичь соглашения с Германией, которое позволило бы консолидировать Европу, а Берлин старался получить гарантии невмешательства Англии в дела Восточной Европы. Естественно, СССР внимательно следил за маневрами Лондона и Берлина и старался своими контрмерами не допустить нового англо–германского соглашения, справедливо расценивая его как главную угрозу своим интересам. Весной–летом 1939 г. Англия и Франция вновь старались найти приемлемую основу соглашения с Германией, используя для давления на Берлин угрозу сближения с СССР⁷³⁷. Однако было совершенно очевидно, что они не горели желанием иметь Москву в качестве равноправного партнера, – это полностью противоречило их внешнеполитической стратегии. Не случайно в конце июля Англия довела до сведения Германии, что переговоры с другими странами «являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель – соглашение с Германией»⁷³⁸. Понятно, что в этих условиях, как показали переговоры в Москве, Англия и Франция не собирались соглашаться с тем, что Советский Союз наряду с ними получит право определять, когда Германия действует как агрессор. Именно этим и объяснялась бесплодная дискуссия по вопросу об определении «косвенной агрессии». В итоге взаимной подозрительности и неуступчивости сторон англо–франко–советские переговоры к середине июля фактически провалились.

Однако открытое признание этого факта лишило бы Англию и СССР средства давления на Германию, поэтому 23 июля Лондон и Париж согласились на предложенные советской стороной военные переговоры. Не случайно состав англо–французских военных делегаций был не слишком представительным, а их инструкции предусматривали, что «до заключения политического соглашения делегация должна... вести переговоры весьма медленно, следя за развитием политических переговоров»⁷³⁹. Зная, что «поляки и румыны не хотят допускать на свою территорию советские войска», следовало все же выработать планы помощи со стороны СССР Польше и Румынии, чья позиция в случае германской агрессии могла бы измениться. «Если русские потребуют, чтобы французское и британское правительства сделали Польше и Румынии» предложение о сотрудничестве с Советским Союзом, «делегация не должна брать на себя каких–либо обязательств», доложив об этом в Лондон. «Поляки и румыны не обеспечили согласованной обороны своих стран против германского нападения, поскольку в прошлом польско–румынский союз ориентировался лишь на предположение о нападении со стороны России», а румынские вооруженные силы, состоящие из 22 пехотных, 3 кавалерийских дивизий и 3 горнопехотных бригад, не представляют заметной ценности. Основная задача делегации виделась в получении обещания Москвы экономически поддерживать Польшу и Румынию в случае войны⁷⁴⁰.

Все еще надеясь достичь договоренности с Германией, английское правительство не желало в результате переговоров с СССР «быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»⁷⁴¹. Не случайно французская делегация имела полномочия только на ведение переговоров, а английская делегация вообще не имела письменных полномочий⁷⁴². Таким образом, для англо–французской стороны речь шла о ведении бесплодных переговоров, которые было желательно затянуть на максимально долгий срок, что могло, по мнению Лондона и Парижа, удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско–германское сближение⁷⁴³.

Со своей стороны, советское руководство, будучи в целом осведомлено о подобных намерениях Англии и Франции, назначило представительную военную делегацию, обладавшую всеми возможными полномочиями. Были разработаны варианты военного соглашения, которые можно было смело предлагать партнерам, не опасаясь, что они будут приняты. 7 августа был разработан четкий «сценарий» ведения военных переговоров. Прежде всего следовало выяснить полномочия сторон «на подписание военной конвенции». «Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и „почтительно“ спросить, для каких целей направило их правительство в СССР. Если они ответят, что они направлены для переговоров», то следовало выяснить их взгляды на совместные действия Англии, Франции и СССР в войне. Если же переговоры все–таки начнутся, то их следовало «свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию», выдвинув этот вопрос в качестве условия подписания военной конвенции. Кроме того, следовало отклонять любые попытки англо–французских делегаций ознакомиться с оборонными предприятиями СССР и воинскими частями Красной армии⁷⁴⁴. Понятно, что в этих условиях военные переговоры были обречены на провал и использовались сторонами для давления на Германию.

В ходе военных переговоров в Москве советская сторона подняла вопрос о проходе Красной армии через территорию Польши и Румынии, который, видимо, рассматривался советским руководством своеобразной лакмусовой бумажкой намерений западных партнеров. Хотя Англия и Франция прекрасно знали отрицательное отношение Польши к проблеме пропуска советских войск на свою территорию, было решено еще раз запросить Варшаву и попытаться найти некую компромиссную формулу, которая позволила бы продолжить переговоры с СССР. Запрашивать Румынию западные союзники, видимо, посчитали излишним, поскольку и так было ясно, что

если даже польское правительство, которому непосредственно угрожало германское вторжение, категорически против этого, то о Румынии и говорить нечего. 21 августа румынский посол в Париже, сообщая об отрицательном ответе Варшавы, советовал своему правительству занять аналогичную позицию. Собственно, никаких подсказок Бухаресту и не требовалось. Еще 11 августа Кароль II заявил турецкому президенту И. Инёню, что не допустит прохода советских войск через румынскую территорию, даже если они придут «на помощь румынской армии»⁷⁴⁵. 21 августа премьер–министр Румынии А. Калинеску записал в своем дневнике: «Прием у Кароля. Сообщаю о французско–английском запросе в Варшаву, касающемся требования прохода русских войск через польскую территорию. Говорят, что и перед нами будет поставлен тот же вопрос. Король: „Ответим, что это станет ясным, когда будет война. Во всяком случае, необходимо, прежде всего, безоговорочное признание Бессарабии“»⁷⁴⁶.

Тем временем 23 августа в Москву прибыл министр иностранных дел Германии И. Риббентроп, и в ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны советско–германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол, определивший сферы интересов сторон в Восточной Европе. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, территория Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия⁷⁴⁷. Благодаря этому соглашению Советский Союз впервые за всю свою историю добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Англии и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе и крупного конфликта на Дальнем Востоке, где в это время шли бои на Халхин–Голе с японскими войсками. Конечно, за это Москве пришлось взять на себя обязательства отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо–польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду.

Советско–германский договор вызвал растерянность в Бухаресте. 27 августа 1939 г. румынское правительство вновь уверило Берлин в верности своего курса на дальнейшую дружбу с Третьим рейхом и ставило себе в заслугу то, что «ничего не делало, чтобы улучшить отношения с Советской Россией, считая улучшение отношений с Германией важнейшим вопросом своей будущей политики». Румыния «хочет идти рука об руку с Германией в русском вопросе» и желает знать мнение Берлина об этом. Румынская сторона уведомила германское руководство, что останется «нейтральной в любом конфликте между Германией и Польшей, даже если Англия и Франция вмешаются в него», и будет продолжать продавать стратегическое сырье Берлину⁷⁴⁸. Вместе с тем Румыния дала согласие Англии и Франции на транзит военных материалов в Польшу. 31 августа румынский премьер–министр уведомил германского посланника о том, что в отношении СССР Бухарест всегда проводил политику, отвечающую интересам Третьего рейха, продолжает скрупулезно выполнять свои обязательства по договору от 23 марта 1939 г. и надеется, что Германия также выполнит свои обязательства относительно поставок вооружения. На просьбу Фабрициуса о запрете транзита военных материалов в Польшу Калинеску ответил, что это невозможно, так как в этом случае Англия, Франция и Польша могут потребовать прекращения поставок нефти в Германию⁷⁴⁹.

В новых условиях

Начало германо–польской войны потребовало от Румынии определения ее позиции в новой ситуации. Вместе с тем румынское руководство решило не торопиться, и лишь 4 сентября, после того как войну Германии объявили Англия и Франция, было опубликовано коммюнике о том, что Румыния полна решимости «сохранять и впредь мирную позицию, которую она соблюдала до сих пор, добиваясь согласия со всеми соседними странами. В этом духе правительство готово возобновить свое предложение о заключении договора о ненападении» с Венгрией. На прямую просьбу германского посланника сделать заявление о нейтралитете румынский премьер–министр ответил отказом. В ответ на новую попытку германского дипломата добиться запрещения транзита военных материалов и проезда английской военной миссии в Польшу Калинеску заявил, что Бухарест не разрешит провоза «большого количества оружия и проезда большой группы английских военнослужащих». Со своей стороны румынский премьер напомнил об обещанных Берлином поставках оружия для Румынии и указал, что румынские поставки нефти в Германию будут осуществляться в зависимости от этих германских поставок.

В этот момент Германия не могла позволить себе каких–либо резких действий или даже высказываний в адрес Румынии, поэтому Бухаресту было заявлено, что военные поставки будут продолжаться при любых обстоятельствах. Более того, 3–4 сентября Риму и Берлину пришлось сдерживать Венгрию, которая попыталась заручиться их поддержкой для нападения на Румынию⁷⁵⁰. Однако успехи германских войск в Польше и бездеятельность Англии и Франции усилили стремление Румынии дистанцироваться от них, и 6 сентября Коронный совет решил провозгласить нейтралитет. 8 сентября Румыния заявила о намерении «строго соблюдать правила нейтралитета, выработанные международными конвенциями по отношению к воюющим странам, участвующим в нынешнем конфликте»⁷⁵¹. В то же время Бухарест отказался от предложения Франции принять военную миссию инструкторов. 9 сентября Берлину было сообщено, что румынское руководство заинтересовано в сильной Германии для «сдерживания России». Со своей стороны, Германия указала Румынии, что ожидает от нее строгого соблюдения нейтралитета. В ответ 14 сентября румынское правительство заявило о согласии с этим требованием и просило передать Румынии трофейное польское оружие в обмен на дополнительные поставки нефти и зерна. Соответствующие поставки Бухарест готов продолжать в течение всей войны, чем «хочет дать Германии лучшее доказательство своей доброй воли».

Перед войной румынская нефть попадала в Германию в основном морем из Констанцы в Гамбург (74,5% поставок), по Дунаю (21,5%) или по железной дороге (4%). Экономическая блокада Германии, объявленная Англией, привела к тому, что морские поставки оказались невозможны, а имевшихся емкостей танкеров, барж и цистерн не хватало для сохранения общего объема поставок. Кроме того, из общего тоннажа танкеров на Дунае (220 700 тонн) Германия контролировала лишь 45%. В этих условиях Англия постаралась ограничить возможности поставок нефти в Германию и 12 сентября предложила Румынии переговоры о покупке у нее нефти. Однако румынская сторона настаивала на продаже нефти за американские доллары. В определенной степени это было общим требованием как иностранных нефтедобывающих компаний в Румынии (в том числе и английских), так и самого румынского правительства, которому предстояло выплачивать проценты по займам. 16 сентября Румыния ввела новый валютный режим, согласно которому 30% выручки экспортеры должны были продавать Национальному банку по официальному курсу (с 38%-ной премией), а остальные 70% – по свободному рыночному курсу любым покупателям. В этих условиях англо–румынские переговоры были прерваны⁷⁵².

16 сентября Берлин заявил протест по поводу транзита польского золотого запаса, вывезенного из Констанцы в Англию. В ответ румынская сторона отметила, что отказалась принять эти польские средства на хранение, но не могла препятствовать их транзиту, поскольку золото – это такой же товар, как и все другие. Одновременно начались новые переговоры о расширении поставок сырья в Третий рейх в обмен на дополнительные поставки оружия Румынии. 17 сентября советские войска перешли границу Польши⁷⁵³. В тот же день Румынии, как и всем государствам, с которыми Москва имела дипломатические отношения, был передан текст советской ноты Польше с уведомлением, что СССР будет продолжать придерживаться нейтралитета в отношении этих стран⁷⁵⁴. 20 сентября Молотов поинтересовался у румынского посла в Москве, «не могут ли произойти в связи с тем, что на территории Румынии находятся польское правительство, главные польские руководители и 500 польских военных самолетов, какие–нибудь неожиданности для Советского Союза?» Румынский дипломат ответил, что никаких инцидентов не будет, а «польские войска, которые перешли или будут переходить границу, были и будут разоружены и интернированы»⁷⁵⁵.

Тем временем поздно вечером 17 сентября польское правительство и военное командование перешли румынскую границу, рассчитывая выехать из Румынии во Францию. Вопреки действующему польско–румынскому союзному договору Бухарест 18 сентября заявил, что «особые условия, в которых развивались события в Польше 17 сентября, как и тот факт, что Польша попросила румынское правительство оказать гостеприимство главе государства и министрам, которые укрываются на нашей территории, показали, что Румыния должна сохранить в дальнейшем позицию строгого нейтралитета в отношении нынешних воюющих сторон. Правительство с учетом интересов родины будет заботиться о безопасности и защите рубежей страны»⁷⁵⁶. Утром 18 сентября из польского консульства в Черновицах в польские дипломатические представительства в других странах было разослано послание от имени президента Польши. В тот же день румынские власти потребовали от польского правительства подписать декларацию об отказе от всех своих конституционных политических и административных обязанностей. Это позволило бы представить ситуацию как транзит не правительства, а просто польских граждан. Однако министр иностранных дел Польши Ю. Бек отказался подписать подобное заявление. Тогда 19 сентября члены польского правительства были перевезены в Сланицы, где им было сообщено об интернировании. Румыния предпочла прислушаться к «дружеским» советам Германии⁷⁵⁷.

Со своей стороны, Берлин согласился передать румынским вооруженным силам трофейное польское оружие в обмен на нефть и зерно. Румынская сторона попыталась добиться от Германии хотя бы частичной оплаты нефти в валюте, но это предложение, естественно, не нашло поддержки в Берлине. В тот же день румынское руководство обратило внимание Англии, Франции, Германии и Италии на «серьезную озабоченность, вызванную в Румынии продвижением Советов в центр Европы и социальной опасностью, которая может возникнуть в результате усиления коммунистической агитации», в связи с изменением ситуации в Восточной Европе⁷⁵⁸. Поскольку дипломаты Англии и Франции указали на то, что главная угроза исходит от Германии, которую необходимо разгромить, то румынское руководство продолжило зондажи Рима и Берлина. 21 сентября Италии было заявлено, что «Польша и Румыния выполняли до сих пор функцию барьера против большевизма. Румыния не сможет впредь выполнять одна эту функцию». Одновременно Берлин был запрошен о том, может ли Румыния «рассчитывать на дружественную поддержку Германии, чтобы не иметь никаких неприятностей со стороны России?»

В условиях приближения германских войск к румынской границе 21 сентября «Железная гвардия», ожидавшая поддержки со стороны Берлина, устроила новый мятеж, в ходе которого был убит премьер–министр Калинеску. Однако занятие Западной Украины Красной армией и пассивность германского посольства в Бухаресте, занятого подготовкой нового соглашения о поставках сырья из Румынии, позволили румынскому правительству подавить мятеж и начать репрессии против его организаторов⁷⁵⁹. 28 сентября Румыния запросила Францию о ее позиции в случае румыно–советского конфликта: «Вступят ли Франция и Великобритания в войну против России? Сумеют ли они нам обеспечить эффективную помощь путем присылки эскадрилий в страну и англо–французского флота в Черное море?» Указание французского дипломата в Бухаресте на необходимость разгрома Германии, а не соглашения с ней, вызвало ответную реплику Гафенку: «Поражение Германии не решит проблему Европы. За спиной Германии поднялась Россия... Поэтому после победы над Германией потребуется новая победа над

Россией. В связи с этим они (Англия и Франция. – М.М.) обязаны взвесить шансы на окончательную победу и [...] учесть все эти факты». То есть Румыния ратовала за восстановление мира в Европе на базе англо-франко-германского соглашения.

В тот же день в беседе с советским поверенным в делах СССР в Румынии министр иностранных дел Гафенку подчеркнул добрососедское отношение к Москве, а 3 октября новый румынский премьер-министр К. Арджетояну заявил советскому дипломату, что «Румыния и в дальнейшем сохранит самые дружественные отношения с Советским Союзом». Румынские власти сняли ограничения на распространение в стране газеты «Известия» и показ советских фильмов в Бессарабии⁷⁶⁰. Вместе с тем 29 сентября было заключено секретное соглашение с Германией о поставках в Румынию трофейного оружия и военных материалов из Польши в обмен на дополнительные поставки нефти и продовольствия. Румынское правительство было вынуждено согласиться на предложенную германской делегацией оплату нефтепоставок по клирингу, но из расчета 40 лей за 1 марку, тогда как немцы настаивали на более высоком валютном курсе⁷⁶¹. 30 сентября Бухарест предложил нейтральной Италии воздействовать на воюющие страны с целью нахождения компромисса и восстановления мира, поскольку «продолжение войны пойдет на пользу лишь коммунизму и славянству, которые уже достигли сердца Европы, что необходимо убедить Францию и Англию, чтобы они не сходили с ума, упорствуя в своей непреклонности». Одновременно румынское руководство активизировало поиски союзника против Москвы среди великих держав, которым постоянно напоминалось, что на Днестре оно защищает от большевизма не только себя, но и всю европейскую цивилизацию. Но, поскольку и Англия с Францией, и Германия с Италией заняли уклончивую позицию, румынское руководство продолжило свою политику балансирования⁷⁶².

Советское командование внимательно следило за действиями Румынии. К 17 сентября вдоль Днестра от Калюса до Черного моря были развернуты по плану прикрытия⁷⁶³ войска Одесской армейской группы (35-й стрелковый корпус в составе 15-й, 51-й и 95-й стрелковых дивизий) Украинского фронта. К концу сентября вдоль рек Черемош и Днестр до Каменец-Подольска была развернута 146-я стрелковая дивизия 13-го стрелкового корпуса 12-й армии Украинского фронта⁷⁶⁴. На 1 октября во всех этих войсках насчитывалось 73 016 человек, 22 988 лошадей, 52 550 винтовок, 5 577 револьверов, 1 069 сабель, 2 634 пулеметов, 515 орудий и минометов, 191 танк, 4 бронемашин, 3 295 автомашин, 442 трактора и 143 мотоцикла⁷⁶⁵.

В 23.55 26 сентября командующий Украинским фронтом доложил наркомату обороны о том, что, «по данным штаба Одесской группы, Румыния заметно усилила восточную и северную границы. Среди пограничников отмечаются солдаты полевых войск. Пограничные пикеты усилены пулеметами, ведется интенсивное наблюдение за нашей территорией. Наряду с этим отмечается сосредоточение в приграничных районах полевых войск: в районе Бендеры до трех полков пехоты; в лесу западнее Черна до дивизиона артиллерии; 23.9 в Сороки прибыл батальон пехоты. В районах Голерканы, Дубоссары, Криуляны, Водулуй-Воды, Бендеры – окопные работы. В районах Черна, Резина до десяти огневых точек. За последнее время участились случаи провокационного поведения румынских пограничников, выражающиеся в обстреле нашей территории. Так, 21.9 были произведены 2 выстрела по ДОТ № 1055, 22.9 три раза обстреливался из пулемета северный берег Днестра у Могилев-Подольский и 24.9 обстреливался ДОТ № 1006»⁷⁶⁶.

Успехи Польского похода Красной армии породили среди советских военнослужащих и населения довольно радикальные настроения относительно решения бессарабского вопроса. Так, преподаватель военно-воздушной академии РККА полковник Плешаков полагал, что «теперь мы, освободив Белоруссию и Украину, должны будем подумать о выходе к Балтийскому морю, тем более что в Литве тоже есть бывшие белорусские территории, теперь можно нажимать и на Румынию, она быстро отдаст Бессарабию»⁷⁶⁷. Красноармеец отдельного батальона связи 13-го стрелкового корпуса Кулибаба задавался вопросом, «когда же мы прокорректируем границу с Румынией, а ведь и Бессарабию нужно освободить»⁷⁶⁸. Не были исключением и пограничники. Например, курсант Петров в разговоре с лейтенантом Соколовым сказал: «Наша армия, продвигаясь в Польшу, возможно, завернет левым флангом и в Бессарабию». По мнению командира отделения Шумейко, «румынские солдаты издеваются над бессарабским народом. Не пора ли нам расчитаться за такие пакости»⁷⁶⁹. 27 сентября на собрании в с. Ясски колхозник Музураш заявил: «Правильно поступило наше правительство, что встало на защиту жизни и имущества наших братьев белорусов и украинцев, проживающих в Польшу. Не дожусь, когда будет приказ об оказании помощи бессарабскому народу»⁷⁷⁰.

Правда, в это время советское руководство было занято решением ряда внешнеполитических проблем на своих западных и северо-западных границах и не было готово к каким-либо резким действиям в отношении Румынии, поэтому все эти разговоры попали в разряд «нездоровых». После завершения Польской кампании согласно приказам наркома обороны № 0057 от 11 октября и № 0160 от 23 октября 1939 г. произошли следующие изменения военно-территориальной структуры Красной армии. Территория Западной Украины включалась в состав Киевского особого военного округа (КОВО). На территории Одесской, Николаевской, Кировоградской, Днепропетровской, Запорожской областей, Молдавской и Крымской АССР формировался Одесский военный округ (ОдВО), командующим войсками которого был назначен бывший командующий войсками Калининского военного округа (КалВО) комкор И.В. Болдин. Управление 13-й армии (бывшей Одесской армейской группы) следовало передислоцировать в Станиславов и переименовать в управление 12-й армии, а личный состав находившегося там управления 12-й армии после сдачи дел следовало вернуть по месту прежней службы в управление Харьковского военного округа (ХВО)⁷⁷¹.

Анализируя ситуацию на Балканах, аппарат ИККИ подготовил к 28 сентября 1939 г. записку «Империалистическая война и Балканы», в которой отмечалось, что обе воюющие группировки будут стремиться втянуть в начавшуюся войну нейтральные балканские страны. В этих условиях задачи компартий на Балканах заключались в том, чтобы «бороться против империалистической войны, против вмешательства в войну, против поджигателей войны», которыми, по тогдашней советской терминологии, были Англия и Франция, представлявшие с точки зрения Москвы основную преграду усилению советского влияния в Юго-Восточной Европе. В своей работе коммунисты должны были разоблачать политику правящих кругов балканских стран, бороться за дружбу балканских народов и «всеми силами добиваться установления и укрепления дружественных связей с великим Советским Союзом и объединения балканских стран вокруг Советского Союза. Этим они будут способствовать также ограничению театра войны и быстрой ликвидации последней». Компартиям следовало учитывать обострение социальных проблем и разъяснять трудящимся их революционные задачи. «Популяризуя грандиозный опыт СССР, они должны указывать трудящимся, что лишь низвержение капиталистических правительств, лишь установление рабоче-крестьянского правительства и присоединение к Советскому Союзу на основе равноправия и взаимности, лишь осуществление социализма обеспечит трудящимся балканских стран национальное равноправие, свободную и счастливую жизнь»⁷⁷².

С октября 1939 г. стала обсуждаться идея создания блока нейтральных государств на Балканах под эгидой Италии. Англия и Франция рассматривали эту инициативу как возможность сохранить статус-кво в Юго-Восточной Европе, не допустить усиления там влияния Германии и СССР и попытаться переманить Италию на свою сторону. В Москве к этой идее отнеслись с недовольством, а в Берлине более спокойно, поскольку рассчитывали использовать возможное объединение в своих интересах. Для Румынии проектируемый блок должен был стать еще одной гарантией против Венгрии, Болгарии и Советского Союза. Пока, по мнению Бухареста, функцию сдерживания СССР выполняла Германия, но в случае затяжной войны она ослабнет и не сможет защитить Румынию. Поэтому «объединение нейтральных государств в нынешней обстановке защитило бы часть Европы от революционных течений, которые распространяются повсюду, где усиливается русское влияние. Оно бы соответствовало, таким образом, целям самих воюющих стран, которые совершенно не заинтересованы в том, чтобы завтрашняя Европа была окончательно заражена большевизмом». Со своей стороны, советское руководство постаралось удержать склонную к укреплению Балканской Антанты Турцию от сближения с Румынией. Так, 1 октября 1939 г. в беседе с прибывшим в Москву турецким министром иностранных дел Ш. Сараджоглу И.В. Сталин, между прочим, указал на возможность втягивания Анкары в территориальные споры на Балканах. Например, «вышло осложнение у СССР с Румынией из-за Бессарабии – мы не думаем на румын нападать, но и Бессарабию дарить не будем – опять конфликт. По-моему, Румыния вроде Польши: как та нахапала много земель, так и Румыния. Кто связывается с Румынией взаимной помощью, тот должен держать меч наготове: тут и Венгрия, и может еще кто-нибудь – не выгодно это для Турции»⁷⁷³.

Хотя в октябре 1939 г. Румынии удалось несколько улучшить отношения с Венгрией, 21 ноября Будапешт заявил, что не станет участвовать в блоке нейтралов до полного решения спорных вопросов с Румынией. Болгарское руководство сделало схожее заявление. После заключения 19 октября 1939 г. англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи Италия фактически отказалась от участия в предполагаемом соглашении, сославшись на то, что она не нейтральная, а всего лишь невоюющая держава, а Германия по дипломатическим каналам уведомила балканские страны о нежелательности их участия в этом начинании. Кроме того, оживившиеся противоречия на Балканах не позволили достичь соглашения, и к декабрю идея блока оказалась окончательно похороненной⁷⁷⁴. 3 ноября Румыния вновь пыталась выяснить у Англии и Франции, распространяются ли их гарантии на Бессарабию, шантажируя их возможностью сближения с Германией⁷⁷⁵. 15 ноября английский Комитет по предотвращению снабжения Германии нефтью рекомендовал иностранным нефтяным компаниям в Румынии сократить поставки в Германию, увеличить вывоз в страны с конвертируемой валютой и установить максимально высокие цены на экспортируемую в Германию нефть. 16 ноября возобновились германо-румынские переговоры, в ходе которых германская делегация потребовала увеличения курса марки до 75 леев. Со своей стороны, Бухарест предложил Германии оплачивать 40% поставок нефти дивизами, а остальное – товарами, в которых нуждается Румыния⁷⁷⁶. Румыния обратилась за поддержкой к Англии и Франции, но Лондон предпочел занять выжидательную позицию, а Париж хотя и увеличил закупки нефти, основную часть вырученных за нее средств взимал в качестве платежей по займам⁷⁷⁷.

Начавшаяся советско-финляндская война обострила в румынском руководстве опасения в отношении Советского Союза, которому 2 декабря было заявлено, что политика Бухареста в отношении Москвы «продолжает оставаться доброжелательной». Правда, советские дипломаты в Бухаресте получили сведения о переброске румынских войск в Бессарабию и Буковину, где предполагалось сконцентрировать 20 дивизий⁷⁷⁸. Внимание румынского руководства привлекла статья Б. Стефанова в журнале «Коммунистический Интернационал», в которой утверждалось, что Англия и Франция стремятся втянуть угнетающие национальные меньшинства Румынию в войну, но «интересы народов Румынии, их мирное и свободное развитие и лучшее будущее невозможны без немедленного заключения пакта о взаимопомощи с СССР подобно договорам между Советским Союзом и прибалтийскими государствами»⁷⁷⁹. Бухарест немедленно заверил Москву, что не собирается нарушать нейтралитет, проявляет заботу о своих нацменьшинствах и намерен «соблюдать самые лучшие отношения с СССР»⁷⁸⁰. С советской стороны 8 декабря было заявлено, что статья «выражает личные

взгляды автора, которые не соответствуют взглядам советского правительства»⁷⁸¹. Румыния была также обеспокоена сведениями о том, что в беседе с французским послом в Москве 5 декабря заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин обратил внимание собеседника на то, что с потерей Бессарабии Одесса – «мертвый порт», и в новых международных условиях советское правительство к этой проблеме не может относиться безучастно⁷⁸². Поэтому румынское руководство усилило поиски союзника против Москвы и постаралось добиться поддержки великих европейских держав в вопросе о Бессарабии. Однако румынский запрос в Берлин от 8 декабря остался без ответа, несмотря на то что 6 декабря Бухарест согласился увеличить поставки нефти, надеясь получить дополнительное количество вооружения⁷⁸³.

14 декабря Англия уведомила Бухарест, что ее гарантии распространяются на Бессарабию в том случае, «если Турция немедленно придет на помощь Румынии и если не будет опасности оппозиции со стороны Италии. Если румынское правительство в состоянии дать утвердительный ответ на эти два вопроса, то правительство Его Величества готово немедленно рассмотреть новую ситуацию вместе с французским правительством, чтобы определить тот вклад, который оно будет способно внести в защиту Румынии». Франция в тот же день сообщила Румынии, что гарантии касались только случая германской агрессии, а помощь в случае румыно–советского конфликта Англия и Франция смогут оказать лишь в зависимости от позиции Турции. Если же учесть, что в англо–франко–турецком договоре имелась оговорка о неучастии Турции в антисоветских действиях, получить ее поддержку было серьезной проблемой. Все эти отговорки убеждали Бухарест, что втянуть Лондон и Париж в войну с СССР за румынские интересы вряд ли удастся. В этих условиях румынское правительство решило пойти на новые уступки Германии, которая в начале декабря вновь потребовала увеличения курса марки, надеясь заручиться ее поддержкой против Советского Союза. В тот же день Румыния на 15% подняла курс немецкой марки к румынскому лею, уведомив Германию, что ждет от нее помощи против СССР, так как делает это вопреки мнению Англии и Франции⁷⁸⁴. Вместе с тем 15 декабря Румыния просила Англию сохранить ее ответ в тайне, поскольку его разглашение могло бы толкнуть СССР на насильственное решение бессарабского вопроса.

Попытки Румынии получить гарантированную поддержку против СССР со стороны соседей также не принесли результатов. Союзники по Балканской Антанте не были заинтересованы втягиваться в советско–румынский конфликт. Венгрия и Болгария стремились реализовать собственные территориальные претензии к Румынии. Италия рассчитывала продолжить сближение с Венгрией и ограничилась общими обещаниями. Тем временем с начала декабря 1939 г. иностранные нефтяные компании в Румынии стали повышать цены на экспортируемые в Германию нефтепродукты. Соответственно, Берлин оказал нажим на Бухарест, и 21 декабря румынское правительство увеличило курс марки еще на 20%. Правда, 22 декабря Румыния предложила Англии начать переговоры об увеличении экспорта нефти. К началу 1940 г. Дунай замерз, а поставки нефти в Германию по железной дороге сократились с 6 до 2 эшелонов в сутки. Соответственно, экспорт нефти в Англию и ее владения к марту 1940 г. возрос до 120 тыс. т в месяц. Одновременно Англия добивалась того, чтобы румынское правительство оплачивало стоимость поставляемой иностранными компаниями в Германию нефти в конвертируемой валюте. Со своей стороны, Германия порекомендовала Румынии установить контроль над деятельностью иностранных нефтяных компаний.

17 января 1940 г. в Бухаресте было объявлено о создании Генерального комиссариата по вопросам нефти, который должен был контролировать добычу, переработку и экспорт нефти. Одновременно шли переговоры об увеличении экспорта нефти в Германию до 130 тыс. т в месяц. В ответ Берлин обеспечивал Румынию вооружением, необходимым «для защиты своей независимости и территориальной целостности от любой агрессии». Впрочем, оружие поступало в Румынию не только из Германии, но и из Англии и Франции, которые в ответ на ужесточение правительственного контроля над нефтедобывающими компаниями блокировали счета румынского правительства в своих банках и пригрозили Румынии лишить ее своих гарантий⁷⁸⁵. Понятно, что в этих условиях румынское руководство продолжало свою политику лавирования между воюющими странами. Очередная сессия министров иностранных дел Балканской Антанты 2–4 февраля показала, что Румыния в период войны не собирается идти на территориальные уступки своим соседям. Турецкое предложение о военном сотрудничестве против агрессии на Балканах хотя и было принято, но никогда не было реализовано.

Не желая обострять отношений с иностранными нефтяными компаниями в Румынии, Германия еще 21 января 1940 г. предложила компромиссный вариант решения финансовых проблем, но конкретные германо–румынские переговоры начались лишь 13 февраля. В конце концов 7 марта было достигнуто соглашение о том, что в 1940 г. Румыния поставит в Германию 1,5 млн т нефти в обмен на чехословацкое и польское трофейное вооружение, а румынское правительство авансирует компании–поставщики валютой. Таким образом, англо–франко–германский нажим заставил Румынию оплачивать счета иностранных нефтяных компаний⁷⁸⁶. На постоянные запросы румынского руководства относительно возможности советской агрессии Германия, добивавшаяся стабилизации цен на нефть, 8 февраля ответила, что положение Румынии ее не беспокоит, поскольку она не предвидит никакой русской агрессии⁷⁸⁷. Тем не менее румынское руководство продолжало занимать твердую позицию в отношении территориальных притязаний соседей. Так, посетив 24 января 1940 г. Кишинев, Кароль II заявил, что территория между Прутом и Днестром «будет навеки румынской»⁷⁸⁸. 16 марта было объявлено об ассигновании на нужды вооруженных сил 30 млрд леев и о готовности защищаться против любого нападения. Выступая в сенате в связи с открытием новой сессии румынского парламента, Гафенку 19 марта заявил о готовности Румынии защищать то, что было получено «в результате свободного решения собраний в Кишиневе,

Перед выбором

Определенные проблемы возникли зимой 1939–1940 гг. и у Советского Союза. Советско-финская война не только сковала свободу действий советского руководства, но и резко ухудшила отношения СССР с англо-французскими союзниками, которые стали разрабатывать планы антисоветских военных действий. Даже после прекращения советско-финской войны Англия и Франция, стремясь удушить Германию экономической блокадой, продолжали подготовку к установлению контроля над Скандинавией и разрушению советских нефтепромыслов на Кавказе⁷⁹⁰. Одновременно они пытались склонить Турцию, Иран и Японию к участию в войне с СССР. 28 марта англо-французские союзники вновь обсудили свою военную стратегию и решили минировать норвежские территориальные воды, чтобы затруднить доставку в Германию шведской железной руды. Однако по вопросу о бомбардировке Баку мнения сторон разошлись. Если Франция настаивала на ускорении этой акции, то Англия заняла более уклончивую позицию, опасаясь советско-германского союза. Кроме того, на позицию Англии влияло то, что Турция и Иран уклонились от вмешательства в борьбу великих держав, а СССР, зная об общих намерениях западных союзников, предложил 27 марта улучшить отношения с Лондоном. В итоге было принято решение продолжить подготовку к авиаудару по Кавказу, с тем чтобы «операция могла быть осуществлена без задержки, если будет принято соответствующее решение»⁷⁹¹. Следовало усилить блокаду СССР, особенно на Дальнем Востоке, и затягивать ответ на советское предложение торговых переговоров до решения вопроса о бомбардировке Баку⁷⁹².

Хотя Москва и не знала всех деталей подготовки англо-французских действий на Кавказе, имевшаяся информация позволяла отметить нарастание угрозы южным границам СССР. Поэтому еще 4 марта командование ВВС Красной армии получило указания Генштаба, что «САВО, ЗакВО и ОдВО приобретают особо важное оперативное значение», и стало готовить обеспечение этих округов необходимыми материально-техническими средствами и боеприпасами «на 1 месяц боевой работы»⁷⁹³. Выступая на вечернем заседании VI сессии Верховного Совета СССР 29 марта, председатель СНК и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов заявил, что «сейчас в Сирии и вообще на Ближнем Востоке идет большая подозрительная возня с созданием англо-французских, по-преимуществу колониальных, армий во главе с генералом Вейганом. Мы должны быть бдительны в отношении попыток использования этих колониальных и неколониальных войск во враждебных Советскому Союзу целях. Всякие попытки такого рода вызвали бы с нашей стороны ответные меры против агрессоров, причем опасность такой игры с огнем должна быть совершенно очевидна для враждебных СССР держав и для тех наших соседей, кто окажется орудием этой агрессивной политики против СССР»⁷⁹⁴. Кроме этих достаточно серьезных предупреждений, советской стороной были приняты и конкретные военные меры по усилению войск Закавказского военного округа (ЗакВО)⁷⁹⁵.

В соответствии с распоряжением наркома обороны и начальника Генштаба командующий ВВС приказал 9 и 11 апреля дальнебомбардировочным авиаполкам ЗакВО и ОдВО «приступить к изучению Ближне-Восточного ТВД, обратив особое внимание на следующие объекты»: Александрия, Бейрут, Хайфа, Александрия, Порт-Саид, Никосия, Ларнака, Фамагуста, Алеппо, Суэцкий канал, Стамбул, Измид, Синоп, Самсун, Трапезонд, Мудания, Смирна, Галлиполи, Анкара, Кырыкале, проливы Босфор и Дарданеллы. Следовало в строгой тайне проработать возможные маршруты, бомбовую нагрузку и провести по 2 учебных полета над своей территорией с дальностью и навигационными условиями, соответствующими Ближне-Восточному ТВД, включая бомбометание и воздушные бои с встречающимися истребителями⁷⁹⁶. 7 апреля командование ВВС просило Разведуправление НКО передать штабу ВВС материалы по району Мосул-Керкук, в том числе и те, которые можно достать в Берлине через военно-воздушного атташе. 23 апреля в штаб ЗакВО из 5-го Управления НКО были высланы разведматериалы «по объектам Турции, Ирана, Ирака и Палестины для тщательного изучения летным составом» частей. Переданные 25 мая в штаб ВВС округа, эти материалы содержали карты, планы, схемы, фотоснимки районов Стамбула, Тавриза, Казвина, Багдада, Мосула, Хайфы⁷⁹⁷.

Тем временем самолет английской разведки с авиабазы Хаббания в Ираке 30 марта провел аэрофотосъемку района Баку, а 5 апреля – района Потти и Батуми. В Лондоне и Париже завершали разработку конкретных военных планов для действий на Кавказе. Намечалось подготовить единый англо-французский план, который следовало передать на рассмотрение правительств. Однако вторжение Германии в Данию и Норвегию 9 апреля в определенной степени связало руки западным союзникам, поскольку наличные силы ВВС не позволяли усилить авиагруппу на Ближнем Востоке. 23 апреля Верховный военный совет союзников, вновь рассмотрев проблему авиаудара по кавказским нефтепромыслам, констатировал, что «угроза нападения является реальностью и поэтому представляет собой средство для давления» на СССР. Было решено завершить подготовку нападения как можно скорее (ориентировочная дата конец июня – начало июля) и усилить давление на Турцию, чтобы склонить ее к участию в антисоветском походе⁷⁹⁸. В начале мая Франция сообщила Англии о том, что уже 15 мая можно будет начать операцию против Баку, но 10 мая Германия перешла в наступление на Западном фронте, и у союзников возникли более насущные проблемы⁷⁹⁹.

Понятно, что весной 1940 г. советское руководство старалось не обострять отношений с Румынией. В том же выступлении 29 марта Молотов отметил, что «у нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем. Поэтому нет

никаких оснований к какому–либо ухудшению и советско–румынских отношений»⁸⁰⁰. Это заявление вызвало в Румынии определенное беспокойство. Уже 30 марта румынский премьер–министр Г. Татареску уведомил Германию о необходимости дальнейшего перевооружения румынской армии и просил повлиять на Москву, чтобы она не претендовала на Бессарабию⁸⁰¹. На это был получен ответ, что отношения с Румынией будут зависеть от выполнения ею своих экономических обязательств перед Германией. Новые румынские запросы показали, что в Берлине не верили в скорую возможность советской инициативы в решении территориального вопроса⁸⁰².

Ситуация на советско–румынской демаркационной линии была довольно нервной. Так, 13 ноября 1939 г. западнее Могилева–Подольского с румынской стороны было произведено два выстрела по советской территории, в результате чего на западной окраине Серебряя был ранен колхозный бык. 1 декабря в районе г. Куты советские пограничники задержали 10 румынских солдат, перешедших р. Черемош. 18 января 1940 г. на р. Черемош румынские солдаты обстреляли советский пограничный наряд, а когда 21 января советская сторона потребовала расследования этого факта, ей было заявлено, что «обстрела наших пограничных нарядов румынские солдаты не производили, а что обстрелы, вероятно, имели место со стороны двух неизвестных, перешедших в Румынию из СССР и оказавших вооруженное сопротивление румынскому пограничному наряду, пытавшемуся их задержать». 10 марта при задержании перешедшего по льду Днестр неизвестного с бессарабского берега по советским пограничникам был открыт огонь. 15 марта румынская погранохрана открыла огонь по неизвестному, старавшемуся перебраться в СССР. В результате под обстрел попало с. Цекиновка. Всего же за январь–март 1940 г. с румынской стороны 26 раз открывался огонь по советской территории, ее жителям и пограничникам. В ответ на протесты советской погранохраны румынская сторона признала 2 случая, 5 отклонила, а на 19 ответа все еще не поступило. Румынские пограничные власти продолжали попытки навязать советским представителям наименование линии Днестра государственной границей. Сообщая об этих фактах, ГУПВ НКВД 5 апреля просило НКВД «принять необходимые меры по дипломатической линии»⁸⁰³.

9 апреля Молотов передал румынскому посланнику в Москве меморандум о 15 случаях обстрела левого берега Днестра с румынской стороны и проблеме минирования мостов через реку. «Такое поведение румынских частей недопустимо, – подчеркнул Молотов, – и встает вопрос – управляются ли кем–нибудь румынские войска, расположенные близ советской территории». Советская сторона настаивала «на принятии немедленных мер для прекращения подобных случаев». Румынская сторона, естественно, отрицала свою вину и выдвинула контрпретензии⁸⁰⁴. Понятно, что никаких мер принято не было, и случаи обстрела со стороны румынских частей продолжались⁸⁰⁵. 19 апреля советский поверенный в делах в Риме в беседе с румынским посланником отметил, что выступление Молотова было в действительности «приглашением к вальсу», следовало обстоятельно побеседовать с ним по проблемам советско–румынских отношений. В ответ румынский дипломат заявил, что это было бы рискованно, так как Москва могла бы поставить «на обсуждение вопрос о Бессарабии». Его советский собеседник заметил, что, возможно, речь шла бы не о территориальных уступках, а о создании в Румынии советской военной базы⁸⁰⁶. Пока неизвестно, была ли эта беседа личной инициативой советского дипломата или он выполнял поручение Москвы. В любом случае зондаж румынской позиции дал отрицательные результаты.

Тем временем в первой половине апреля 1940 г. Англия и Франция стали отказывать Румынии в предоставлении валюты для оплаты поставок нефти в Германию. Под их давлением ряд румынских министров высказался против оговоренной в соглашении с Германией от 7 марта системы платежей. Однако германским представителям удалось добиться согласия Кароля II на урегулирование этой проблемы в пользу Берлина⁸⁰⁷. Распространение войны на Скандинавию и пассивная позиция Англии и Франции вели к снижению их влияния на Балканах. С учетом развития событий в Европе Кароль II высказал 15 апреля мнение, что Румыния должна «присоединиться к политической линии Германии», и предложил в переговорах с Берлином руководствоваться этими намерениями, добиваясь обещания защищать «территориальную целостность Румынии»⁸⁰⁸. 19 апреля Коронный совет Румынии высказался против добровольной уступки Бессарабии СССР, предпочитая пойти на военный конфликт⁸⁰⁹. Соответственно, в мае 1940 г. румынское правительство все чаще стало напоминать германским дипломатам в Бухаресте о том, что «будущее Румынии зависит только от Германии»⁸¹⁰.

Ход войны в Западной Европе потребовал от Румынии пересмотра внешней политики в пользу большего сближения с единственным возможным в то время противником СССР – Германией. Уже 27 мая между Румынией и Германией было подписано новое «Соглашение об обмене германских военных материалов на румынские нефтепродукты», согласно которому предполагалось увеличить поставки нефти Берлину на 30% в обмен на обеспечение румынской армии современным вооружением. Румыния предоставляла Германии 1 млрд леев для закупки нефти у иностранных компаний, действующих на ее территории. При этом цена тонны румынской нефти была снижена с 7 тыс. до 3,5 тыс. леев⁸¹¹. В то же время румынское руководство решило отказаться от нейтралитета и взять ориентацию на Берлин, поскольку «Германия становилась отныне хозяином континента. Надо было вступить с ней в переговоры» и предложить сотрудничество в любой области по ее желанию⁸¹². На новые румынские запросы о действиях Германии в случае «агрессии советской России» 1 июня последовал ответ, что проблема Бессарабии Германию не интересует – это дело самой Румынии⁸¹³.

Советская разведка продолжала собирать сведения о вооруженных силах Румынии. По данным на 1 января 1940 г., в румынских ВВС насчитывалось 1 439 самолетов (238 тяжелых и средних бомбардировщиков, 440 легких бомбардировщиков и разведчиков, 201 разведчик, 331 истребитель, 229 штурмовых и учебных), а с

учетом гидроавиации (61 самолет) и 250 интернированных польских самолетов их общее количество возросло до 1 750 машин. При этом в боевых частях, по неполным данным, находилось всего 727 самолетов⁸¹⁴. Согласно разведсводке № 4 разведотдела штаба КОВО от 1 июня 1940 г., в Румынии 30 апреля была объявлена всеобщая мобилизация, что позволяло создать почти 2-миллионную армию и развернуть до 50 дивизий. Из солдат польской армии формировались воинские части. По данным на 1 апреля 1940 г., предполагалось, что на востоке Румынии сосредоточены 21 пехотная, 2 кавалерийские дивизии и 1 горнопехотная бригада⁸¹⁵. Вооружение румынской армии оценивалось в 1 200 130 винтовок, 50 тыс. карабинов, 39 334 легких и 16 320 станковых пулеметов, 582 зенитных пулемета, 5 134 орудий, 525 минометов и 198 танков⁸¹⁶. Согласно разведанным, на 1 июня 1940 г. в ВВС Румынии, которые располагали 163 аэродромами и посадочными площадками, имелось 11 авиаполков: 4 истребительных (162 самолета), 3 бомбардировочных (96 самолетов), 3 разведывательных (262 самолета) и 1 морской авиации (18 самолетов). Всего насчитывалось 658 боевых и 500 вспомогательных самолетов⁸¹⁷. Разведсводка № 14 разведотдела штаба КОВО сообщала, что за период 20–31 мая 1940 г. «Румыния продолжает переброску войсковых частей в Бессарабию и Буковину и строительство оборонительных сооружений на рубежах р.р. Днестр и Прут»⁸¹⁸.

На командно-штабных учениях, проводимых по планам оперативной подготовки высшего командного состава и штабов КОВО и ОдВО, естественно, проигрывались различные варианты возможных операций против Румынии. Здесь следует упомянуть об одной такой игре, материалы которой затем использовались в оперативном планировании в июне 1940 г. 19–23 апреля в штабе КОВО была проведена фронтовая оперативная игра на тему «Наступательная операция фронта», в ходе которой изучались в том числе и «наступательные возможности фронта» на территории Бессарабии. Общая обстановка в игре была задана такой: весной 1939 г. «коричневые» (Румыния) сосредоточили свои силы на границе с «красными», развернув Восточный фронт в составе 2-й, 3-й и 4-й армий. Получив 250 истребителей и 150 бомбардировщиков от англо-французских союзников, они начали провокации на границе и готовятся перейти в наступление против «красных» 23 июля. Тем временем их союзники «белые» (Турция) в мае 1939 г. объявили мобилизацию и к 15 июля развернули на кавказской границе до четырех армейских корпусов и 2 корпуса у границы «оранжевых» (Болгария). Другие союзники «коричневых», «фиолетовые» (Югославия), в начале мая допустили на свою территорию «корпус цветных войск союзников», который перебрасывается в Румынию, а сами завершили мобилизацию и сосредотачивают войска на северо-востоке страны. «Оранжевые» развернули войска на северной и юго-восточной границах, а «желтые» (Венгрия) – на восточной границе, но обе страны объявили о нейтралитете. Главное командование союзников, готовящее основной удар по «красным» с территории «белых», поставило перед «коричневыми» задачу сковать войска «красных» на юго-западе, нанести им поражение на р. Днестр и к исходу 5 августа выйти на фронт Одесса, Ананьев, Гайсин, Жмеринка, Проскуров.

Главное командование «красных» 17 июля приказало развернуть против «коричневых» Южный фронт в составе 16-й, 8-й, 19-й и 3-й Конной армий и «в целях срыва плана агрессии и обеспечения обороноспособности страны» разгромить противника на его территории. «Красные» должны были 21 июля перейти в наступление с фронта Куты, Старая Ушица, где наносился главный удар вдоль рек Прут и Сирет, и Дубоссары, Незавертайловка в общем направлении на Кишинев, Яссы. Планировалось к 1 августа главной группировкой выйти на фронт Кымпулунг, Фэлтичени, Дорохой, Единцы, а вспомогательной группировкой – на фронт Оргеев, Хуши, Чимишлия, р. Когильник. К исходу 5 августа «красные» должны выйти на рубеж Якобени, Тыргу-Окна, Бырлад, Лейпцигская, р. Когильник, воспрепятствовав отходу сил противника через Фокшанские ворота. К 10 августа войска Южного фронта должны были выйти на фронт Кымпулунг, Тыргу-Окна, Фокшаны, Галац, р. Дунай, окружив и разгромив основные силы «коричневых» в северной части Бессарабии. В составе Южного фронта насчитывалось 45 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад, 17 артополков РКК и 29 авиаполков (1 872 боевых самолета). Ему противостояла группировка противника в составе 39 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, 10 артополков, при поддержке 889 боевых самолетов. В ходе игры участники внимательно изучали театр военных действий, отметив наличие у «коричневых» по рекам Днестр, Прут и Сирет оборонительных сооружений, которые хотя и не являются современными укрепленными районами, но потребуют существенной подготовки для их прорыва. Были выявлены наиболее выгодные для действий войск Южного фронта оперативные направления: Черновицы, Роман, Бакэу и Тирасполь, Кишинев, Хуши, Фокшаны.

Перейдя 21 июля в наступление, 16-я и 8-я армии «красных» уже к исходу 24 июля вышли на рубеж Красноильск, Михайлени, Герца, Червона Мари, Дарабани, Потурени, Бричаны, захватив плацдарм на южном берегу Прута. 3-я Конная армия готовилась войти в оперативный прорыв. Были захвачены плацдармы у Могилева-Подольского и Рыбницы, а войска 19-й армии заняли рубеж Машковцы, Кишинев, р. Ботна. Противник упорно оборонялся и предпринимал контратаки, но к исходу 26 июля главные силы 3-й Конной армии вышли в район Фэлтичени, Пашканы, Тыргу-Нямц, создав угрозу тылу основной группировки противника. Войска 16-й армии продвинулись до рубежа Гура-Хуморулуй, Сучава, Дорохой и продолжали продвижение вслед за подвижными частями по долине р. Сирет. 8-я армия достигла фронта Сарени, Тырново, Савки, а 19-я армия отражала контратаки «коричневых» со стороны Оргеева и Чимишлии, выйдя на фронт р. Когильник, Корлучены, Гура-Гальбина. К исходу 28 июля фланговые группировки войск Южного фронта достигли на севере рубежа Тыргу-Нямц, Фэлтичени, Ботушаны, а на юге – Оргеев, Миклаушаны, р. Прут у Хуши, Чимишлия. 3-я Конная армия прорвалась в тыл противника: ее 8-й кавкорпус занял район Болотино, 9-й

кавкорпус – район Фалешты, 3-й кавкорпус – район Тыргу-Фрумос, а 9-я мотодивизия – Роман. В этих условиях командование «красных» приняло решение завершить окружение противника в районе г. Яссы. Для создания внешнего фронта окружения часть сил 16-й армии выдвигалась на линию Якобени, Бакэу, а 3-я Конная армия – на рубеж Бакэу, Текуч. Вместе с тем следует подчеркнуть, что эта игра являлась не отработкой готовящегося наступления, а обычным этапом оперативной подготовки высшего комсостава и штабов армий КОВО. Именно оценке уровня этой подготовки и были посвящены выводы руководства игры, в которых, в частности, указывалось на необходимость «уделить больше внимания изучению оборонительной операции»⁸¹⁹.

Тем временем с апреля 1940 г. началась переброска советских войск с финского фронта к местам постоянной дислокации. Одновременно происходило усиление группировки Красной армии на Юго-Западном направлении. В КОВО возвратились управление 8-го стрелкового корпуса, 7-я, 44-я, 60-я, 62-я, 72-я, 87-я, 97-я, 131-я, 141-я стрелковые дивизии, 137-й, 168-й гаубичные артполки и 34-й артдивизион РГК, а также прибыла новая 139-я стрелковая дивизия. В ОдВО возвратились 51-я, 95-я стрелковые дивизии, 320-й пушечный, 120-й гаубичный артполки РГК и прибыли новые 150-я, 173-я стрелковые дивизии и управление 14-го стрелкового корпуса⁸²⁰. В мае в КОВО были переброшены 2 истребительных авиаполка (20-й из КалВО и 149-й из ЛВО) и управление 56-й авиабригады (из БОВО), а в ОдВО – 3 истребительных полка (4-й из БОВО, 146-й из МВО, 69-й из КалВО), управление 13-й авиабригады (из КалВО) и 2 корректировочных авиаотряда (15-й из ПриВО и 23-й из МВО)⁸²¹. В результате группировка ВВС КОВО возросла с 639 самолетов на 1 марта до 1 334 самолетов на 1 июня, а ВВС ОдВО – соответственно с 231 до 812 самолетов⁸²². Наряду с переброской дополнительных войск 9 июня было приказано начать формирование 2 мехкорпусов в КОВО и 1 – в ОдВО⁸²³. Одновременно началась демобилизация призванных в Красную армию резервистов, поэтому численность кадрового личного состава КОВО и ОдВО сократилась соответственно с 638 324 и 231 581 человека на 1 мая до 613 674 и 220 110 человек на 1 июня 1940 г.⁸²⁴

Передислокации советских войск были замечены германскими дипломатами в Москве, о чем 21 мая 1940 г. было доложено в Берлин⁸²⁵. 23 мая румынский Генштаб обратился к Верховному главнокомандованию вермахта (ОКВ) с просьбой о помощи, ссылаясь на концентрацию Красной армии на Днестре⁸²⁶. 25 мая германский посол в Москве граф Ф.В. фон Шуленбург обратился к Молотову за разъяснением слухов о сосредоточении советских войск на границе с Румынией. «Молотов ответил, что все эти слухи лишены оснований, – докладывал Шуленбург в Берлин. – Несомненно, пожалуй, что советские войска в южной части России, в Крыму и на Кавказе усиливаются», но эти меры не выходят за рамки оборонительных⁸²⁷. Эта информация была передана и румынским дипломатам в Москве, которые в своих донесениях в Бухарест сообщали о концентрации советских войск на Днестре⁸²⁸. 1 июня Румыния предложила СССР расширить товарооборот, но советская сторона не поддержала это предложение. Одновременно был улажен инцидент с советским самолетом, залетевшим в воздушное пространство Румынии на 62 км⁸²⁹.

20 июня германскому посланнику в Бухаресте было передано заявление румынского правительства, которое считало сотрудничество с Германией, «диктуемое как геополитическим положением Румынии, так и создающимся новым европейским порядком, необходимым во всех областях. Румынское правительство считает, что идентичность интересов, которая связывала оба государства в прошлом, определяет также сегодня и определит еще сильнее завтра их взаимоотношения и требует быстрой организации этого сотрудничества, которое предполагает существование сильной как в политическом, так и в экономическом отношении Румынии, ибо только такая Румыния является гарантией того, что она сумеет выполнить свою роль защитника Днестра и устьев Дуная»⁸³⁰. Однако Берлин не торопился с ответом. 21 июня в Румынии вместо «Фронта национального возрождения» была создана «Партия нации» во главе с королем. По мере изменения международной ситуации Венгрия и Болгария стали более активно напоминать о своих территориальных требованиях к Румынии. Расширение войны в Западной Европе в мае–июне 1940 г. позволило Советскому Союзу активизировать свою политику в отношении Прибалтики и Румынии.

Советское военное планирование

Как и другие граничившие с СССР государства, Румыния считалась в Москве потенциальным противником, и советское военное командование периодически готовило планы на случай войны на Юго-Западном направлении. Изменение международной ситуации в Европе в мае 1940 г. потребовало от советского руководства проведения конкретных приготовлений с целью решения бессарабского вопроса. 11–14 мая оперативный отдел штаба КОВО приказал военно-топографическому отделу начать набор мобилизационных комплектов карт пограничной зоны Румынии⁸³¹. Уже 3 июня начальник штаба КОВО комкор Н.Ф. Ватутин разработал и передал наркому обороны маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко совершенно секретную, особой важности докладную записку, в которой содержались «краткие соображения об основах организации и проведения первой фронтовой операции против Румынии. Ближайшая стратегическая цель фронта – *окружение и уничтожение вооруженных сил Румынии на территории к востоку от линии Карпатские горы, Фокшаны, Галац, р. Дунай с полным воспрещением отхода румын к западу от указанной линии. В результате операции армии фронта к исходу М–23 – М–25 должны овладеть Карпатским хребтом, Фокшанскими воротами и нижним течением р. Дунай и выйти на фронт прох[од] Смелой, Косна, Фокшаны, Браилов, лим. Расим.*

Общая глубина фронтовой операции – 220–250 км.

Средний темп операции – 10 км в сутки.

Операция должна быть проведена в тесном взаимодействии с Черноморским флотом».

По данным штаба КОВО, вооруженные силы Румынии оценивались в 36 пехотных дивизий. Против Советского Союза был развернут Восточный фронт (штаб – Бакэу) в составе трех армий: одна армия в Буковине (штаб предположительно – Черновицы), 3-я армия (штаб – Яссы) и 4-я армия (штаб – Текуч). Общая численность этой группировки составляла до 26 пехотных и до 2–4 кавалерийских дивизий. Остальные силы Румынии были развернуты против Венгрии, Югославии, Болгарии или находились внутри страны и были объединены в две армии: 1-ю (штаб – Клаузенбург) и 2-ю (штаб – Бухарест). При благоприятных условиях Румыния могла за счет ослабления западной границы сосредоточить против СССР до 32 пехотных, 4 кавалерийских дивизий и до 1 200 самолетов. При наличии союзников главные силы Румынии скорее всего будут развернуты на Днестре, при неблагоприятной для нее обстановке главным оборонительным рубежом станет Прут. «В настоящее время главные силы румын группируются в районе Черновиц, Бельцы, Яссы. Вспомогательная группировка – в районе Кишинев. Резервы в районах: 1) Ботушани, Яссы, Бакеу (наиболее крупные). 2) Текуч, Галац, Фокшаны».

Рассматривая вопрос о возможных союзниках Румынии, Ватутин указывал, что его решение «во многом зависит от дальнейшего поведения Италии: выступит ли она с Германией или против Германии. В связи с этим война с Румынией может быть при следующих трех вариантах». Если Италия будет на стороне англо-французских союзников, то они через Югославию смогут оказать помощь Румынии, а Болгария будет скована Турцией. «В таком случае румыны дополнительно смогут получить до двух-трех корпусов и до 500 самолетов, доводя состав войск до 42-х – 45-ти пд и 1 700 самолетов. Однако прибытие союзников затянется, и румыны должны быть разбиты до подхода их». Если Италия будет на стороне Германии, то Румыния останется в одиночестве. Кроме того, не исключен вариант, когда «против румын одновременно с нами действуют болгары и Венгрия (или Германия)». В обоих «случаях при проведении первой фронтовой операции румыны против нас развернуть более 32-х пд будут не в состоянии», – делал вывод Ватутин.

Исходя из характеристики ТВД, начальник штаба КОВО предлагал следующее оперативное решение:

«а) Главный удар силами 12 и 5 ударных армий и конно-механизированной армии нанести с фронта Куты, Калюс в общем направлении на Черновиц[ы], Бакеу.

б) Вспомогательный удар силами № А (ОдВО) (так в документе. – М.М.) нанести с фронта Григориополь, Глинное в общем направлении на Бырлад.

в) Активными действиями сковать пр-ка на фронте Калюс, Дубоссары.

г) Ближайшая задача: форсировать р. Днестр, прорвать оборону пр-ка, уничтожить его противостоящие силы и к исходу М-10 (не позже) выйти:

на главном направлении – на фронт Косна, Нямцы, Ботушани, Единцы, пропустив конно-механизированную армию в район Роман, Бакеу, Пятра.

На вспомогательном направлении – на фронт: Устье, Хуш[и], Фальчиу [Фэлчиу], Лейпцигская, пропустив танковый корпус в район Доколина, Бырлад.

Одновременно силами морского и авиадесантов и мдд – захватить район Фокшаны, Галац, Тульча, Браилов [Брэила].

д) В дальнейшем уничтожить окруженного противника и к М-23 – 25 выйти на указанный ранее фронт, в готовности вести следующую операцию на Букурешт [Бухарест]».

Исходя из такого замысла операции, предполагалась следующая группировка сил и задачи войск:

«а) 12 А – штарм Станислав.

Состав: 4 ск, 12 сд, 5–6 тбр, 5–6 ап РГК.

Боевой состав [8-й, 13-й, 17-й, 15-й стрелковые корпуса, 96-я, 192-я, 58-я, 139-я, 72-я, 7-я, 80-я, 62-я, 135-я, 33-я, 29-я, 125-я стрелковые дивизии, 375-й, 168-й, 376-й, 324-й, 135-й, 120-й артполки, 34-й, 315-й, 316-й арtdивизионы РГК].

Развертывается на фронте Яблоница, Боркут, устье р. Збруч.

Главный удар наносит своим правым крылом на участке к юго-западу от Снятынъ – между р. Серет [Сирет] и Карпатские горы.

Ближайшая задача – во взаимодействии с 5 А уничтожить Черновицкую группировку пр-ка и овладеть районом Молдава, Радауц [Рэдэуци], Серет [Сирет], Черновиц[ы]. Обеспечить прохождение КМА в прорыв.

Дальнейшая – к М-10 выйти на фронт Косна, Нямцы, Фольтичени, отбрасывая пр-ка на восток и юго-восток, подготавливая тем самым полное окружение пр-ка.

Конечная задача – окружение и уничтожение пр-ка во взаимодействии с 5 А, № А и КМА и выход на фронт прох[од] Смелой, Косна, Окна с передачей части сил на усиление 5 А.

Граница слева – р. Збруч, Дорохой, иск. Чолдешты, Роман...

б) 5 А – штарм Ярмолинцы.

Состав – 3–4 ск, 9–12 сд, 4 тбр, 4 ап РГК.

Боевой состав [27-й, 30-й, 36-й, 37-й стрелковые корпуса, 131-я, 44-я, 60-я, 124-я, 169-я, 121-я, 140-я, 187-я, 55-я, 145-я, 185-я, 50-я стрелковые дивизии, 305-й, 137-й, 330-й, 331-й, 318-й, 429-й артполки и один арtdивизион РГК].

Развертывается на фронте устье р. Збруч, Калюс.

Главный удар наносит своим правым крылом в направлении Ботушаны и далее наступает в полосе между р.р. Серет [Сирет] и Прут.

Ближайшая задача – разгром пр–ка между р.р. Днестр и Прут, содействие 12 А в уничтожении Черновицкой гр. пр–ка и выход на р. Прут с захватом переправ.

Дальнейшая – к М–10 выйти на фронт Ботушаны [Ботошани], Единцы.

Конечная задача – окружение и уничтожение гл. сил пр–ка с дальнейшим выходом на фронт Окна, Фокшаны.

Граница слева – Бар, Калюс, Братушаны, устье р. Унгур, р. Прут до Яссы...

в) 10 А – штаб Вапнярка.

Состав – 1–2 ск, 3–6 сд.

Боевой состав [57–й стрелковый корпус, 130–я, 176–я, 115–я, 151–я стрелковые дивизии].

Развертывается на фронте Калюс, Дубоссары.

Наносит удары: из района Могилев–Подольск в юго–зап. направлении и из района Дубоссары в сев.–зап. направлении. Содействует с фронта окружению и уничтожению гл. сил пр–ка, после чего по овладении районом Яссы выходит во второй эшелон и используется в зависимости от плана последующей фронтовой операции.

Граница слева – Кочурова, Германовка, иск. Будешты, Макаreshты.

г) № А (ОдВО) – штаб Гросулово.

Состав – 4 ск, 12 сд, 1 тк, 4–5 тбр, 4–5 ап РГК.

Боевой состав [35–й, 7–й, 25–й, 61–й стрелковые корпуса, 95–я, 173–я, 51–я, 147–я, 46–я, 30–я, 64–я, 144–я, 132–я, 19–я, 25–я, 17–я стрелковые дивизии, танковый корпус, две танковые и одна мото–механизированная дивизии, 403–й, 360–й, 430–й, 110–й, 320–й, 124–й артполки, два артдивизиона РГК].

Развертывается на фронте Григориополь, Глинное.

Наносит удар левым крылом в направлении на Бырлад.

Ближайшая задача – разбить Кишиневскую группу пр–ка и выйти на фронт Кишинев, Лейпцигская и пропустить в прорыв тк.

Дальнейшая – отбрасывая пр–ка на север и сев.–запад, форсировать р. Прут и к М–10 выйти на фронт Устье, Хуш[и], Фальчиу [Фэлчиу], Лейпцигская.

Конечная задача – окружение и уничтожение гл. сил пр–ка с дальнейшим выходом на фронт Фокшаны, Браилов [Брэила].

Граница слева – Б. Карповка, Глинное, Лейпцигская...

д) Приморская группа – штаб Одесса.

Состав – 1 ск, 3–4 сд.

Боевой состав [48–й стрелковый корпус, 23–я, 137–я, 84–я, 149–я стрелковые дивизии].

Задача: обеспечивая побережье на участке Днестровский лиман, Одесса, Николаев, содействует наступлению № А нанесением удара своими главными силами на участке севернее Днестровский лиман.

В дальнейшем во взаимодействии с морским и авиадесантами уничтожает пр–ка восточнее р. Дунай и выходит на р. Дунай.

е) Конно–мех. армия: состав – 2 кк, 5 кд, 2 тк [2–й, 5–й кавкорпуса, 3–я, 5–я, 14–я, 16–я, 9–я кавдивизии, два танковых корпуса, четыре танковые и две мотомеханизированные дивизии].

Входит в прорыв в полосе 12 и 5 А.

Уничтожает ближайшие оперативные резервы и к М–10 выходит в тыл главной группировки румын в район Роман, Бакеу, Пятра.

В дальнейшем, действуя с тыла, во взаимодействии с 12, 5 и № А уничтожает гл. силы пр–ка, направляя немедленно одну мдд на Фокшаны».

В резерве фронта следовало иметь 4–й и 24–й стрелковые корпуса, 128–ю, 48–ю, 138–ю, 143–ю, 126–ю, 113–ю стрелковые дивизии, три авиадесантные бригады и еще две стрелковые дивизии из ХВО. Таким образом, по мнению Ватутина, для операции следовало использовать войска из состава КОВО, ОдВО, ХВО, БОВО, МВО, КалВО и ЛВО. При этом предлагалось несколько вариантов боевого состава войск, необходимых для осуществления вышеизложенного замысла (см. таблицу 3).

Таблица 3

Варианты группировки войск для операции против Румынии

	1-й вариант	2-й вариант	3-й вариант
Армий	4	4	4
Конно-механизированных групп	1	1	1
Стрелковых корпусов	17	15	13
Стрелковых дивизий	50	45	39
Кавалерийских корпусов	2	2	2
Кавалерийских дивизий	5	5	5
Танковых корпусов	3	3	3
Танковых дивизий	6	6	6
Моторизованных дивизий	3	3	3
Танковых бригад	15	13	12
Артиллерийских полков РГК	19	17	15
Авиабригад	15	13	12
Авиаполков	60	50	50
Авиадесантных бригад	3	3	3
Понтонных батальонов	14	13	13

В ходе операции ВВС в составе пятнадцати авиабригад должны были «подавить авиацию пр-ка боями в воздухе и на аэродромах и обеспечить господство в воздухе с начала операции и до ее конца до рубежа Быстриц, Букурешт [Бухарест]», не допустив подвоза войск противника из центральных и западных районов страны. Содействовать сухопутным войскам при форсировании р. Днестр и на поле боя, а также уничтожить военно-морские базы Констанца и Галац. Совместно с ВМФ уничтожить военно-морской флот противника и обеспечить господство на море вплоть до Босфора, а также прикрыть перевозку и высадку морского десанта. Следовало подготовить «высадку авиадесантов:

а) В первый период – в оперативной глубине армий.

б) К М-10 – В районе Галац – 1 адбр и 1 сд.

В районе Фокшаны – 1 адбр».

На Черноморский флот следовало возложить следующие задачи:

«1. Уничтожить флоты и морские базы пр-ка и обеспечить полное господство на Черном море.

2. Захватить Босфор и Дарданеллы и запереть выходы из них.

3. Блокировать Черноморское побережье Румынии.

4. Прикрыть Черноморское побережье СССР.

5. Подготовить и высадить десант в нижнем течении р. Дунай.

6. Содействовать с моря наступлению Приморской группы, морскому десанту вплоть до захвата им Галац. Обеспечить питание десантов: морского и авиа».

По расчетам Ватутина, сосредоточение и развертывание советской группировки продлится 20–27 дней, причем главные силы смогут перейти в наступление на 20–21[–й] день, еще до завершения полного сосредоточения резервов фронта. В течение 10 дней советские войска должны охватить противника и выйти на фронт:

«а) на гл. направлении – на рубеж Косна, Нямцы, Ботушаны [Ботошани], Единцы.

б) На вспомогательном направлении – на фронт Устье, Хуш[и], Фальчиу [Фэлчиу], Лейпцигская.

в) КМА – в район Роман, Бакеу, Пятра.

г) ТК – в район Доколина, Бырлад.

д) ММД – в район Фокшаны.

Высадка морского десанта в нижнем течении р. Дунай и овладение им Галац.

Высадка авиадесантов в районе Фокшаны и Галац.

Овладение Фокшанскими воротами».

В дальнейшем за 7 дней предполагалось окончательно окружить и уничтожить главные силы румынской армии. В следующие 5–6 дней полностью выйти на фронт Карпатские горы, Фокшаны, Брэила, р. Дунай.

В предвидении операции следовало «не позднее 10.7.40 г. создать двухмесячные запасы продфуража на территории Станиславской, Тарнопольской, Каменец-Подольской, Винницкой, Кировоградской, Одесской областей и АМССР», накопить 6 боекомплектов боеприпасов на передовых и окружных складах КОВО и ОдВО и иметь на складах КОВО, ОдВО и ХВО горючего из расчета на месяц войны. В дополнение к имеющимся запасам следовало предусмотреть подвоз ориентировочно еще 50 000 тонн горючего для наземных войск и 20 000 тонн для ВВС.

По мнению начальника штаба КОВО, «при успешном выполнении первой фронтовой операции главные силы фронта выводятся против Фокшанских ворот для нанесения главного удара на Букурешт [Бухарест] с целью окончательной ликвидации Румынии, захвата Добруджи и дальнейшего овладения Европейской Турцией и Дарданеллами». Докладывая вышеизложенное, Ватутин просил «указаний по дальнейшей разработке оперативного плана»⁸³². Как видим, предложение начальника штаба КОВО было достаточно радикальным. Однако основная работа по подготовке плана операции велась, естественно, в Оперативном управлении Генерального штаба РККА. До 7 июня в этой работе непосредственно участвовал и генерал армии Г.К. Жуков, назначенный в этот день приказом наркома обороны № 02469 командующим войсками КОВО⁸³³ и выехавший на следующий день в Киев.

К вечеру 9 июня в Генштабе был подготовлен проект директивы, согласно которому для действий против Румынии, чьи войска оценивались в 36–38 пехотных, 4 кавалерийских дивизий, 5 горнопехотных и 1 механизированную бригады при 658 боевых самолетах, выделялось три армии. Из войск КОВО для операции по освобождению Бессарабии привлекались 12-я армия (8-й, 13-й, 15-й, 17-й стрелковые корпуса, 7-я, 58-я, 60-я, 62-я, 72-я, 124-я, 137-я, 139-я, 141-я, 146-я, 192-я стрелковые дивизии, 81-я моторизованная дивизия, 5-я, 23-я, 24-я, 10-я, 26-я, 14-я, 38-я танковые бригады, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса, 3-я, 5-я, 16-я, 32-я, 34-я кавдивизии, 375-й, 135-й, 168-й, 305-й, 324-й, 120-й артиллерийские полки, 315-й и 316-й артдивизионы РГК) и 5-я армия (36-й, 37-й и 49-й стрелковые корпуса, 8-я, 44-я, 74-я, 130-я, 135-я, 139-я, 140-я, 147-я, 164-я стрелковые дивизии, 9-я кавдивизия, 36-я танковая бригада, 376-й, 124-й, 331-й, 429-й артполки и 34-й артдивизион РГК). Из войск ОдВО для операции выделялась 9-я армия (35-й, 7-й и 14-й стрелковые корпуса, 15-я, 25-я, 30-я, 51-я, 95-я, 150-я, 156-я, 173-я, 176-я стрелковые дивизии, 4-я танковая бригада, 522-й, 320-й, 110-й, 430-й артполки и 39-й артдивизион РГК).

Предлагалось главный удар нанести силами 12-й армии из района севернее Черновиц в направлении на Сирет. Далее одна группировка войск должна была наступать на Дорохой, Костешты и вдоль Прута на Яссы, а другая – на Сучаву и вдоль р. Сирет на Роман, Бакэу, Мэрэшешты, Галац, Брэилу и Измаил. Уже к исходу первого дня операции механизированные части должны были занять Дорохой, к исходу второго дня – Андриешени и к исходу 3-го дня – Яссы и Хуши. Войска 5-й армии должны были наступать от Студеницы на фронт Бричаны – Липканы и далее на Бельцы. 9-я армия своим 35-м стрелковым корпусом должна была наступать на Кишинев и далее на Хуши. 30-й стрелковой дивизии следовало форсировать Днестровский лиман и наступать на Аккерман, Сарата, а 150-ю дивизию планировалось перевести из Крыма на кораблях Черноморского флота и высадить в районе Жебриян⁸³⁴.

В дальнейших вариантах плана происходило увеличение привлекаемых к операции войск и сокращение стоящих перед ними задач⁸³⁵. Так, в состав 9-й армии было введено управление 55-го стрелкового корпуса, а морской десант у Жебриян следовало подготовить из частей 74-й стрелковой дивизии, развертываемой в районе Одессы. На Черноморский флот первоначально планировалось возложить следующие задачи:

- а) Организовать непрерывную и надежную дозорную службу подводными лодками, авиацией и легкими силами в Черном море у Босфора и быть готовыми быстро поставить минные заграждения у Босфора;
- б) Уничтожить румынский военный и морской флот как в плавании, так и в военных базах;
- в) Блокировать все побережье и порты Румынии (Констанца и другие);
- г) В первый же день прочно закрыть Дунайское гирло от возможных попыток прохода по Дунаю вооруженных судов Румынии;
- д) Оказать помощь и содействие войскам 9 армии при форсировании р. Днестр через косу в Днестровском лимане;
- е) Организовать перевозку и высадку десанта 74 стр. дивизии из Одессы в район Жебрияны»⁸³⁶.

13 июня с 13.20 до 14.30 часов в Кремле состоялось совещание высшего военно-политического руководства, на котором присутствовали И.В. Сталин, В.М. Молотов, нарком обороны маршал С.К. Тимошенко, начальник Генштаба маршал Б.М. Шапошников, его заместитель генерал-лейтенант И.В. Смородинов, начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис, командующие войсками и члены Военных советов КОВО – генерал армии Г.К. Жуков, корпусной комиссар В.Н. Борисов и ОдВО – генерал-лейтенант И.В. Болдин и корпусной комиссар А.Ф. Колобяков, нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, начальник Главного морского штаба адмирал Л.М. Галлер и командующий Черноморским флотом контр-адмирал Ф.С. Октябрьский⁸³⁷. К сожалению, материалы этого совещания все еще секретны, однако совершенно очевидно, что речь на нем шла о подготовке операции против Румынии. В частности, руководство ВМФ настояло на резком сокращении задач для Черноморского флота, и этот раздел плана был подготовлен лично Галлером⁸³⁸. Морской десант у Жебриян было решено не проводить (эта идея была реализована 24 августа 1944 г. в ходе Яско-Кишиневской операции). Кроме того, был решен вопрос о создании оперативного объединения Черноморского флота на реке Дунай – Дунайской военной флотилии, создание которой началось четыре дня спустя.

Результатом всей этой работы стала директива наркома обороны и начальника Генштаба № 101396/сс, которую прибывшие на самолете из Москвы подполковник Шикин и майор Рыжаев в 21.45 20 июня 1940 г. вручили командующему войсками КОВО генералу армии Г.К. Жукову.

«Приказываю:

1. Приступить к сосредоточению войск и быть готовым к 22 часам 24 июня к решительному наступлению с целью разгромить румынскую армию и занять Бессарабию.
2. При сосредоточении иметь следующую группировку:
  - а) 12 армия – командующий армией генерал-лейтенант тов. Черевиченко, зам. командующего – генерал-лейтенант тов. Парусинов.

Штаб армии – Коломыя.

Войска армии развернуть: управления 13, 8, 17 стрелковых корпусов; 139, 60, 62, 124, 72, 58, 146, 131 и 81 стрелковые дивизии; 5, 10, 23, 24, 26 и 38 танковые бригады; 135, 168, 305, 324, 375 и 376 артполки РГК; 315 и 316 артдивизионы в районе Куты, Снятын, Стецова, Коломыя.

Управление 15 стрелкового корпуса, 7 и 141 стрелковые дивизии, 120 артполк РГК в районе Городенка,

Филипковцы, Новосюлка–Костюкова.

Управления 2 и 4 кавалерийских корпусов, 3, 5, 16 и 34 кав. дивизии в районе Яблонув, Гвоздьзец, Подгайчики, Коломыя.

192 стрелковая дивизия в районе – Усьцерыки, Полянки, Кишворуня.

Авиация армии – пять полков СБ, два полка легкобомбардировочных и восемь истребительных полков.

Разграничительная линия между 12 и 5 армиями: река Збруч, Хотин, Липканы, все пункты включительно для 12 армии.

б) 5 армия – командующий армией генерал–лейтенант тов. Герасименко, зам. командующего – генерал–майор тов. Советников.

Штаб – Дунаевцы.

Войска армии развернуть:

Управление 49 стрелкового корпуса, 80, 44 и 135 стрелковые дивизии; 36 и 49 танковые бригады, 137 и 331 артполки и 34 артдивизион РК в районе – Баговица, Студеница, Ст. Ушица, Крушановка.

Управление 36 стрелкового корпуса, 169 и 130 стрелковые дивизии на фронте Калюс, Ямполь.

Каменец–Подольский и Могилев–Ямпольский укрепленные районы в своих районах.

Авиация армии – два полка СБ, один легкобомбардировочный полк и три истребительных полка.

Разграничительная линия армии слева – река Савранка, ст. Попелюхи, Каменка, Копачени, Пырлица, все пункты включительно для 9 армии.

в) 9 армия – командующий армией генерал–лейтенант тов. Болдин, зам. командующего – генерал–лейтенант тов. Козлов.

Штаб армии – Гросулово.

Войска армии развернуть:

140 стрелковую дивизию на фронте Б. Молокиш, Рыбница, Гедерим.

Управления 35, 37 и 7 стрелковых корпусов, 173, 176, 30, 164, 51, 95, 147, 150 и 15 стрелковые дивизии; 21 танковая бригада, 522, 110, 320, 124, 430, 439 артполки и 317 артдивизион РК в районе – Дубоссары, Тирасполь, Плоское, Шибка.

Управление 5 кавалерийского корпуса, 9 и 32 кавалерийские дивизии, 4 и 14 танковые бригады в районе – Карманово, Павловка, Кассель.

Управление 55 стрелкового корпуса – Одесса, 25 и 74 стрелковые дивизии в районе – Овидиополь, Дальник (южный), Барабой; 116 стрелковую дивизию – Одесса.

Рыбницкий и Тираспольский укрепленные районы в своих районах.

Северо–западный укрепленный район с 22 июня переходит в подчинение командующего 9 армией. В состав северо–западного укрепленного района передать Днепровскую военную флотилию.

Авиация армии – один полк ДБ, пять полков СБ, один легкобомбардировочный полк и шесть истребительных полков.

г) Резерв фронта – 8, 17 и 86 стрелковые дивизии в районе – Чертков, Каменец–Подольск, Дунаевцы и 100 стрелковая дивизия в районе – Васильевка, Фрунзовка, Затишье.

Прибывающие в округ 301, 318, 360 и 403 артполки РК использовать на усиление 12 и 5 армий.

3. Для управления войсками из состава Управления Киевского Особого Военного Округа выделить управление Южного фронта. Командующий фронтом – генерал армии тов. Жуков.

Штаб фронта – Проскуров.

Для оказания и содействия развитию успеха 12 и 9 армий в распоряжении Командующего фронтом иметь три авиаполка ДБ и для высадки авиадесанта четыре полка ТБ.

4. Черноморский военно–морской флот с 22 часов 21 июня 1940 года подчинить в оперативном отношении Командующему Южным фронтом.

5. По данным разведки в настоящее время РУМЫНИЯ имеет на территории БЕССАРАБИИ и БУКОВИНЫ до 21 пехотной дивизии и 3 кавалерийских дивизий.

6. Задача войск Южного фронта – нанося главный удар от Коломыя на Черновицы и далее вдоль реки Прут на юг и вспомогательный удар с востока на Кишинев, Хуши окружить и взять в плен румынские войска, развернутые в БЕССАРАБИИ.

Для чего армиям поставить задачей:

а) 12 армии – главными силами, не менее 9 стрелковых дивизий, с танковыми частями, при поддержке сильной артиллерии и всей авиации армии прорвать расположение противника на фронте Черногузы, Русишь–Баниля, Зелена, Хливеште и наступать вдоль реки Прут на Черновицы. Для развития успеха выбросить в прорыв конно–механизированную группу в составе двух кавалерийских корпусов, всех танковых бригад армии, при непосредственной и постоянной поддержке авиации армии, развивать наступление этой группой вдоль реки Прут и решительными действиями к исходу второго дня выйти на фронт Дорохой, Дарабани. К исходу четвертого дня овладеть районом Яши [Яссы], установить взаимодействие с частями 9 армии, окружить и не допустить отхода противника в Румынию. Стрелковыми корпусами, закрепляя успех механизированных частей и конницы, стремительным наступлением окружить и уничтожить румынские войска, расположенные в северной части Бессарабии.

б) 5 армии – 49 стрелковым корпусом в составе трех стрелковых дивизий, двух танковых бригад, двух артполков и одного арtdивизиона РК при содействии авиации переправиться через реку Днестр на участке Цвиклевцы, Студеница, Ст. Ушица и развивать наступление на станцию Ларга, Балашинешти, окружить совместными действиями с 12 армией находящегося к западу от Рэдэуци противника. В дальнейшем взаимодействуя с частями 12 армии, наступать на юг вдоль реки Прут.

36 стрелковым корпусом в составе двух стрелковых дивизий, ведя в первый день демонстрацию переправ через реку Днестр на фронте Калюс до Могилев–Подольский, с утра второго дня форсировать реку Днестр в районе Ямполь, Сороки и наступать в направлении на Бельцы.

в) 9 армии – демонстрируя переправу через реку Днестр 140 стрелковой дивизией в районе Рыбница, главными силами в составе 35, 37 и 7 стрелковых корпусов, 5 кавалерийского корпуса, 4, 14 и 21 танковых бригад, при содействии сильной артиллерии и всей авиации армии форсировать реку Днестр на фронте Погребы, Тирасполь и, нанося главный удар южнее Кишинева на Хуши совместно с конно–механизированной группой 12 армии, окружить и уничтожить противника в северной части Бессарабии. В первый день механизированными частями и конницей выйти в район Бардар, Гынчешти, Милешти–Мич. Стрелковыми частями занять город Кишинев. При развитии наступления выделить не менее двух стрелковых дивизий [в] заслон на юго–запад и юг для обеспечения от возможных контратак противника из южной Бессарабии.

55 стрелковому корпусу при содействии Черноморского флота захватить Бугазский маяк, занять Аккерман и продолжать наступление на Сарата.

Охранять побережье Черного моря от Одессы до Очакова включительно.

г) Войскам Южного фронта, после занятия района Яши, Хуши, Кишинева, продолжать решительное наступление по восточному берегу реки Прут, захватить Кагул и Рени и, наступая на юг от Кишинева, окружить противника в южной Бессарабии к северу от Дуная. 55 стрелковым корпусом развивать наступление вдоль северного берега Дуная на запад, содействуя окружению противника в южной Бессарабии.

7. Распоряжением фронта подготовить выброску воздушного десанта для совместного удара с частями 12 армии в район Тыргу–Фрумос. Выброску десанта произвести только после выхода в этот район механизированных частей.

8. Основными задачами авиации поставить:

- а) тесное взаимодействие с войсками на поле боя;
- б) удар по группировкам противника, стоящим перед нашими частями;
- в) содействовать штурмовыми действиями продвижению наших частей и, в первую очередь, механизированных частей и конницы;
- г) уничтожение авиации противника на аэродромах;
- д) атака подходящих колонн противника и их штабов;
- е) прикрытие районов сосредоточения своих войск;
- ж) выброска воздушного десанта.

9. Черноморскому флоту поставить задачу:

- а) оказать содействие огнем корабельной артиллерии войскам 9 армии при форсировании реки Днестр через косу Днестровского лимана и при дальнейшем продвижении вдоль побережья Черного моря;
- б) не допустить появления и действий кораблей противника вдоль занимаемых войсками 9 армии участков побережья;
- в) установить наблюдение за портами Румынии, блокировать побережье Черного моря от Днестровского лимана до Сулинского рукава Дуная включительно;
- г) обеспечить побережье Черного моря (район Одесской военно–морской базы и Очаковского сектора береговой обороны) от действий кораблей противника.

10. Для обеспечения настоящей операции поднять посты ВНОС КОВО, ОдВО и города Киева (без местных средств ПВО) в порядке учебных сборов, без шума, персональными вызовами и организовать противовоздушную оборону важнейших пунктов, складов, аэродромов и районов сосредоточения войск.

11. Действия войск должны быть смелыми, быстрыми и решительными. При встрече с противником не ограничиваться лобовыми ударами, а охватывать его фланги, окружать и захватывать в плен.

Быстрыми и решительными действиями механизированных частей и конницы разрушать связь, захватывать штабы и дезорганизовать тыл.

Заранее проработать организацию охраны захватываемых городов, заранее назначить начальников гарнизонов и обеспечить с первых дней занятия городов порядок.

Время перехода в наступление будет указано дополнительно.

12. В развитие настоящей директивы разработать план действий войск фронта, проработать его с командирами корпусов. План действий представить на утверждение к 23 июня 1940 г.»⁸³⁹

В 22.40 20 июня начальник Генштаба сообщил командующему войсками ОдВО о том, что «с 10 часов 21 июня Вы подчиняетесь Командующему КОВО генералу армии Жукову»⁸⁴⁰. На следующий день нарком ВМФ адмирал Кузнецов приказал Военному совету Черноморского флота «с 22 часов 21 июня перейти в оперативное подчинение командующего войсками Киевского особого военного округа. Командиру Одесской военно–морской базы перейти в подчинение командующего войсками Одесского военного округа. Прибывающему из Киева в

Херсон первому дивизиону мониторов перейти в оперативное подчинение командира Одесской военно-морской базы»⁸⁴¹.

Штаб КОВО взялся за уточнение подготовленного к 17 июня варианта плана предстоящей операции. 19 июня в Проскурове для Военных советов армий и командиров корпусов были проведены специальные занятия, на которых они были ознакомлены с характером и планом операции и получили указания об особенностях боевой подготовки войск и тылов. В тот же день командующий войсками КОВО издал приказ № Д/007 об обращении с военнопленными, согласно которому офицеров и унтер-офицеров следовало конвоировать в лагерь на восточную сторону Днестра, а солдат использовать на занятой территории для работ по восстановлению железных дорог. Военнопленных требовалось размещать в бараках или палатках, прежде всего трофейных, и питать по норме тылового пайка. «Категорически воспрещается, кому бы то ни было без разрешения Военного совета КОВО, распускать военнопленных солдат, какой бы национальности и местожительства они ни были»⁸⁴². 21 июня Жуков подписал приказ № 00126/сс, согласно которому назначались начальники и комиссары гарнизонов и их управления для городов Черновицы, Герца, Сирет, Рэдэуцы, Дорохой, Хотин, Сороки, Бельцы, Кишинев, Измаил, Оргеев, Аккерман, Бендеры и Кагул⁸⁴³. Приказ вводил в действие утвержденную Жуковым 19 июня «Инструкцию начальнику гарнизона Красной армии», согласно которой:

«1. Начальник гарнизона является представителем Советской власти – гражданской и военной.

2. Начальник гарнизона обязан:

а) Организовать и поддерживать строжайший революционный порядок в гарнизоне.

б) Немедленно по вступлении в должность проверить, захвачены ли важнейшие объекты в гарнизоне: телеграфные, телефонные, радиостанции, ж.д. станция, электростанция, водопровод, казармы, аэродромы, нефте- и бензохранилища, очистить эти объекты от враждебных элементов и организовать их охрану.

в) Установить в гарнизоне режим военного времени, не допуская появления на улицах позже 21 часа и ранее 7 часов. Хождение в это время разрешить только по специальным пропускам, выдаваемым Начальником гарнизона.

Уличные демонстрации, митинги, собрания могут производиться только с разрешения Начальника гарнизона.

г) Организовать изъятие огнестрельного и холодного оружия у организаций и частных лиц.

д) Предотвращать и пресекать всякие попытки вооруженных выступлений, диверсий, грабежа, насилий, мародерства, враждебной Советской власти агитации, распространения ложных и панических слухов, с чьей бы стороны они ни исходили.

е) Поддерживать постоянную связь с оперативными пунктами НКВД и оказывать им содействие в их работе всеми имеющимися средствами.

ж) Взять на учет все помещения, которые могут быть использованы и приспособлены под размещение войсковых частей, квартиры начсостава, клубов, столовых, складов, гаражей, конюшен и т.п.

з) Организовать прием, учет, хранение и охрану трофейного имущества.

и) Организовать нормальную деятельность всех учреждений городского хозяйства и торговых заведений.

к) Организовать политико-просветительскую работу среди населения.

л) Организовать охрану мест заключения, не допуская освобождения заключенных любой национальности без предварительной санкции органов НКВД.

Начальник гарнизона имеет право:

а) Издавать приказы и отдельные распоряжения, обязательные для всех учреждений и отдельных лиц.

Неисполнение приказов и распоряжений Начальника гарнизона или уклонение от выполнения караются по всей строгости революционного закона военного времени.

б) Производить обыски и аресты.

Всякие попытки вооруженного сопротивления пресекать немедленно, не останавливаясь перед применением оружия». 21 июня командующий войсками КОВО издал приказ № Д/009 о создании трофейных комиссий для организации сбора, учета и эвакуации трофейного имущества⁸⁴⁴.

22–23 июня Военные советы 12-й, 5-й и 9-й армий на основании проектов директив командования Южного фронта № А–1/00144сс/ов и № А–1/00145сс/ов проработали на местности с командирами корпусов и дивизий вопросы занятия исходного положения, организации предстоящего наступления, взаимодействия родов войск, управления, связи, устройства тыла и действий на ближайший этап операции. С остальным комначсоставом эти вопросы были проработаны за день до начала операции⁸⁴⁵.

В 17.00 23 июня в Генштаб из Киева прибыл полковник Данилов, который доставил на утверждение наркома обороны и начальника Генштаба проекты директивных документов командования Южного фронта. Прежде всего, это был документ № А–1/00138/сс/ов, содержащий «План операции Южного фронта по окружению и пленению вооруженных сил Румынии, сосредоточенных в Северной Бессарабии»:

«I. *Задача Южного фронта.*

Окружить и пленить вооруженные силы Румынии, расположенные в северной части Бессарабии, и, развивая свои действия на юг, очистить Бессарабию от противника.

II. *Оценка сил и намерений противника.*

Румыны сосредоточили против СССР до 26 пд, 2–3 кд, 1–2 мхбр и до 640 самолетов.

Прикрываясь небольшими силами в центральной части р. Днестр, румыны имеют в основном три крупных

группировки: две на флангах фронта для прикрытия Черновицкого и Кишиневского направлений и одну как резерв фронта, в оперативном тылу за центром так называемого Восточного фронта.

По данным Разведуправления, сила этих группировок определяется: Черновицкой до 8–9 пд, Кишиневской до 5–6 пд и резерв фронта – 4–5 пд, 1 мхбр и 1–2 кд.

Непосредственно по р. Днестр в Бельцыском направлении можно ожидать не свыше 1 пд и 1 кд. До 3–х пд румыны вынуждены держать на обороне Черноморского побережья. Кроме этого в районе Фокшаны создается резервная армия, куда сосредоточиваются новые силы: на 20.6. в составе этой армии отмечено до 6 пд и 1 мхбр, темп дальнейшего усиления этой армии может быть до 0,5–1 дивизии в сутки.

Всего в Бессарабии и Буковине силы противника исчисляются в 21 пд, 3 кд и 1 мхбр.

Исходя из этой группировки противника, его среднеоперативная плотность может быть:

а) на Черновицком направлении – 22 км на 1 пд и 3,4 ор[удия] на 1 км.

б) на Кишиневском направлении – 28 км на 1 пд и 1,6 ор[удий] на 1 км.

в) на Бельцыском направлении – 58 км на 1 пд и 0,3 ор[удия] на 1 км.

Инженерные укрепления противника в основном идут вдоль р. Днестр, Прут, Серет [Сирет], создавая трудные барьеры при действиях с востока на запад. В Черновицком направлении сильный укрепленный район имеется на подступах к Черновицы и подготовленная отсечная позиция по рубежу Бергомет, Сторожинец. Не исключено, что в этом районе могут оказаться ДОТы.

Вероятный план действий противника – активная оборона. Опираясь на свои сильные фланги и подготовленные и выгодные рубежи р. Днестр, Прут и Серет [Сирет], противник, вероятно, будет искать решения путем нанесения ударов нашим наступающим группировкам. Наиболее опасное для нас направление возможного контрудара противника – удар с южного направления по флангу 12 армии. Это направление требует особого внимания и постоянного обеспечения.

III. Оценка направлений и местности.

В соответствии с задачей фронту выполнение операции может развиваться по трем операционным направлениям:

а) В Черновицко–Ясском направлении, между р. Серет [Сирет] и Прут. Это операционное направление – оперативно выгодно, как выводящее в тыл всей группировке противника, находящейся на территории Северной Бессарабии. Емкость этого операционного направления до 4–5 ск. Количество сквозных путей при учете всех проселочных дорог – 7, что обеспечивает каждый корпус почти двумя дорогами; хороших дорог – только две.

Основные преграды оперативного значения – подготовленный рубеж по р. Черемош, Прут и леса с.–з. рубежа Дорохой, Дорабани.

б) Каменец–Подольск–Бельцыское операционное направление. Хороших сквозных путей с севера на юг – только два, полевых свыше 7 дорог. Преграда оперативного значения – р. Днестр. Грунт в дождливое время труднопроходим. Это операционное направление по замыслу операции – оперативно невыгодно, так как действия в этом направлении выталкивают противника и исключают его окружение.

в) Кишинев–Ясское направление – кратчайшее направление, выводящее в глубокий тыл противника и всей его северной группировки. Однако это оперативно выгодное операционное направление имеет три больших и труднопреодолимых преграды: рр. Днестр, Прут и Серет [Сирет].

При развитии действий в Кишинев–Хушинском направлении – необходимо сильное обеспечение действий войск от удара с Южной Бессарабии.

IV. Замысел операции.

Одновременным ударом 12 А от Коломыя на Дорохой и далее на юг вдоль р. Прут и 9 А с востока на Хуши, Яссы в обход Кишинева с юга окружить и взять в плен румынские войска, развернутые в северной части Бессарабии; после чего, решительным наступлением на юг вдоль р. Прут, окружить противника в южной части Бессарабии к северу от р. Дунай.

V. Группировка сил. [См. таблицу 4.]

12 армия разворачивается на фронте от Усцерыки до устья р. Збруч, имея главную группировку на участке Куты, Дзурув, Снятынь.

Граница слева – р. Збруч, Хотин, Липканы, р. Прут (все для 12 А)...

5 армия – разворачивается от устья р. Збруч до Каменка (80 км ю.–в. Сорока на р. Днестр), имея главную группировку на участке Цвиклевцы, Стар. Ушица.

Граница между 12 и 5 армиями р. Збруч, Хотин, Липканы, все пункты для 12 А включительно...

9 армия разворачивается от Каменка до устья р. Днестр, имея главную группировку на участке Дубоссары, Тирасполь.

Граница между 5 и 9 армиями: р. Савранка, ст. Попелюхи, Каменка, Копачени, Пырлица, все пункты вкл. для 9 армии...

Таблица 4

Запланированная группировка войск Южного фронта

Армии	Корпуса	Дивизии, бригады, артполки	Орудия	Танки	Броне-машины
12-я	13-й СК	139-я, 60-я, 62-я СД; 23-я, 24-я тбр; 376-й, 168-й, 305-й артп РГК	446	407	50
	8-й СК	124-я, 72-я, 146-я СД; 5-я, 10-я, 26-я тбр; 324-й, 375-й, 135-й артп, 316-й арддив РГК	396	459	60
	17-й СК	131-я, 58-я СД; 38-я тбр; 315-й арддив РГК	294	168	—
	15-й СК	7-я, 141-я СД; 120 артп РГК	250	46	—
	КМГ	2-й (3-я, 5-я КД), 4-й (16-я, 34-я КД) КК, 81-я МСД	172	253	48
		192-я СД	40	—	—
Всего			1 598	1 303*	158
5-я	49-й СК	44-я, 80-я, 135-я СД; 36-я, 49-я тбр; 137-й, 331-й артп, 34-й арддив РГК	349	259	26
	36-й СК	169-я, 130-я СД; 330-й артп РГК	180	2	—
Всего			529	261	26
9-я		140-я СД, 381 артп	107	4	—
	35-й СК	173-я, 95-я СД; 522-й артп РГК	225	—	—
	37-й СК	30-я, 147-я, 176-я СД; 14-я, 21-я тбр; 317-й, 110-й, 124-й, 320-й, 203-й артп РГК	443	328	27
	7-й СК	164-я, 51-я СД; 4-й тбр; 430-й, 429-й, 397-й артп РГК	263	248	—
	КМГ	9-я, 32-я КД; 15-я МСД	64	96	—
	55-й СК	25-я, 74-я СД	78	100	—
		150-я СД (резерв)	66	—	—
Всего			1 246	776	27
Итого			3 373	2 340	211

* Ожидалось еще 300 танков на пополнение некомплекта.

VI. Планирование операции.

Задача фронта выполняется одной фронтовой операцией. Размах операции: ширина фронта 540 км, глубина операции до 300 км, длительность операции 11–12 суток.

Подготовительный этап – Подготовка операции и занятие армиями в ночь перед наступлением исходного положения.

1 этап – Разгром противостоящих сил противника, ввод в прорыв КМГ на фронте 12 и 9 армий и выход стрелковых корпусов армий в оперативную глубину. Продолжительность этапа – двое суток.

2 этап – Выход КМГ 12 и 9 армий в район Яссы и завершение оперативного окружения румынской армии в Северной Бессарабии.

Продолжительность этапа двое суток.

3 этап – Тактическое завершение окружения и пленение противника. Перегруппировка сил для действий по окружению румынских войск в Южной Бессарабии.

Продолжительность этапа двое суток.

4 этап – Действия в Южной Бессарабии.

Продолжительность 5–6 суток.

VII. Ход развития операции и задачи войск по этапам.

12 армия.

12 армия выполняет основную задачу в общем плане операции фронта. Нанося главный удар со стороны Коломыя на Черновицы, войска 12 А имеют ближайшую задачу уничтожить совместно с 5 А Черновицкую группировку и в дальнейшем, развивая успех на Яссы вдоль р. Прут, во взаимодействии с 9 А, окружить и пленить всю группировку румынских войск северной части Бессарабии.

Выполнение этой задачи войсками 12 армии обеспечивается прежде всего успешными действиями КМГ, выбрасываемой в прорыв с утра второго дня войны.

В назначенный день войска 12 армии, при поддержке сильной артиллерии и тесной и постоянной поддержке авиации, наносят удар силами до девяти пех. дивизий со всеми танковыми соединениями на фронте Черногузы, Русски-Банылив, Хливеште в общем направлении на Черновицы. К исходу В–1 имеют задачу достичь рубежа Комарешти, Бобешти, Драчинец, с тем чтобы с утра В–2 пропустить в прорыв КМГ в составе 2 и 4 кк и всех танковых бригад армии с десантными отрядами на танках (десантный отряд 7 чел. на БТ и 4 чел. на Т–26 стрелков и сапер), ориентировочно на фронте Сторожинец, Михальче. Для передачи танковых бригад в состав КМГ последние распоряжением Командующего 12 А сосредоточиваются к исходу В–1 в районах: две бригады –

Сторожинец, одна бригада Бобешти и две – в районе Драчинец.

Одновременно с КМГ вводится в прорыв 81 мсд с танковой бригадой БТ в направлении на Сторожинец и далее на юг, обеспечивая движение армии со стороны р. Серет [Сирет] и отрезая пути отхода противника на запад.

К исходу В–2 войска 12 А имеют задачу достичь: КМГ – рубежа Дорохой, Дарабани, 81 мсд с тбр БТ – района Брэшь, Бученя, Попень; стрелковые корпуса – рубежа Хлибока, Молодна, Санкоуцы.

192 гсд, прикрывая фланг 12 А, наступает на Селетин. По достижении этого района отрядом заграждения прикрывает Селетин – Усце–Путиласское направление, а основными силами выходит в район Виковерхин. В дальнейшем 192 гсд поступает в резерв 12 армии.

Для надежного обеспечения армии с направления Сучава распоряжением командующего 12 армией выдвигается через Чудын 139 сд с задачей – занять и оборонять рубеж Костица, Серет [Сирет].

К исходу В–3, 12 А, развивая успех в южном направлении, КМГ достигает района Трушешти, Уричени, имея 81 мсд с тбр в районе Белушени. К этому же времени КМГ 9 А имеет задачу выйти в район Яссы. Таким образом, к исходу В–3 назревает оперативное окружение противника, и для ликвидации единственной возможности выхода противника из окружения в ночь на В–4 через Пашканы намечается выброска двух адбр в район Тыргу–Фрумос с задачей совместными действиями адбр и 81 мсд с тбр не допустить отхода противника на запад и обеспечить КМГ со стороны Пашканы.

В В–4 КМГ 12 А овладевает районом Яссы и во взаимодействии с 9 А завершает оперативное окружение противника. В тот же день выбрасывается 3 адбр в район Тотоешти с задачей окончательно перерезать пути отхода Яссы, Пашканы.

По намеченному плану действий стрелковые корпуса 12 А выходят на В–6 в район действий КМГ и, выделив часть сил для тактического окружения и пленения противника, совместно с 5 и 9 армиями. Остальными силами и КМГ, не задерживаясь, продолжают движение в южном направлении для выполнения дальнейшей задачи фронта.

13 ск, по мере его продвижения, развертывает 60 и 62 сд по р. Серет [Сирет] с целью прикрытия тыла 12 и 5 А при действии их в южном направлении.

5 армия.

Ближайшая задача 5 А совместными действиями с 12 А окружить и пленить Черновицкую группировку противника; в дальнейшем, наступая по вост. берегу р. Прут во взаимодействии с 12 и 9 А, окружить румынские войска в северной части Бессарабии.

49 ск форсирует р. Днестр на фронте Баговица, Стар. Ушица и развивает наступление в направлении ст. Ларга, Баласинешти. По выполнении ближайшей задачи дальнейшие действия 49 ск развиваются по вост. берегу р. Прут с задачей – активными действиями связать части румынской армии, действующие в северной части Бессарабии, и не позволить им отойти на запад до выхода обходящей подвижной группы 12 А.

36 ск, демонстрируя в первый день силами усиленного полка во взаимодействии с частями УР переправу через р. Днестр в районе Калюс, Могилев–Подольск, с утра В–2 основными силами корпуса форсирует р. Днестр в районе Ямполь, Сороки. Наступая на Бельцы, корпус имеет задачу, аналогичную 49 ск.

К исходу В–6 корпуса 5 А входят в непосредственное тактическое взаимодействие между собой и частями 12 и 9 А, завершая тактическое окружение и пленение противника в районе к юго–западу от Бельцы.

По выполнении ближайшей задачи фронта корпуса 5 армии переходят в резерв фронта и сосредотачиваются в районе к северу от Яссы.

9 армия.

Задачи 9 А, нанося главный удар южнее Кишинев в направлении Хуши, окружить во взаимодействии с 12 и 5 А румынские войска, расположенные в северной части Бессарабии.

Ближайшая задача 9 А – форсировать р. Днестр и овладеть г. Кишинев, прикрыв свои дальнейшие действия выдвиганием заслона силами до двух дивизий в южном направлении против возможных контратак противника с юга.

Главные силы 9 А форсируют р. Днестр на фронте Погребы, Тирасполь и при непосредственной и тесной поддержке авиации овладевают г. Кишинев.

С выходом главных сил на фронт Чимишены, Ново–Николаевка пропустить КМГ в составе 5 кк всеми танкбригадами армии и 15 мсд.

55 ск из района Овидиополь, Роксоляны, Барабой форсирует Днестровский лиман и при поддержке Черноморского флота овладевает Аккерман и Бугазский маяк.

К исходу В–1 войска 9 А выходят: КМГ в район Ганчешты, Милешты, Бардар, стрелковые корпуса на рубеж: Кишинев, Джемана, Ново–Каушаны.

КМГ, 35 и 37 ск развивают успех в западном направлении; 7 ск выдвигается в заслон с задачей, наступая уступом за левым флангом главных сил армии в юго–зап. направлении, обеспечить их с юга.

55 ск (25 и 74 [сд]) наступает в направлении Сарата в тесном и постоянном взаимодействии с военно–морским флотом.

140 сд с утра В–1 форсирует р. Днестр на участке: Рыбница с задачей – активными действиями связать противостоящего противника и не допустить отхода его на запад.

К исходу В–2 войска армии: КМГ форсирует р. Прут и сосредотачивается в районе к северу от Хуши. Стрелковые корпуса главной группировки достигают рубежа Трушаны, Гирлы, Милешты; 55 ск – р. Сарата,

овладев Кол[ония] Стар[ая] Сарата. 140 дивизия выходит рубеж Печешты, Куйзовка.

Дальнейшими действиями КМГ по зап. берегу р. Прут в направлении Яссы и поворотом 35 ск на север, части 9 А входят в оперативное взаимодействие с частями 12 А, сжимая кольцо окружения противника.

К В–6 тактическое окружение противника завершается выходом 35 ск на рубеж: Кошена–Флочены, Бучумены и 140 сд – Глинжены, Теура.

55 ск, достигнув рубежа р. Когильник, переходит к обороне до выполнения дальнейшей задачи фронта.

Главные силы по достижении р. Прут обеспечивают за собой плацдарм на западном берегу р. Прут с захватом Хуши.

С В–6 войска 9 А, оставив 35 ск и 140 сд для окончания пленения румынских войск в северной части Бессарабии, приступают к выполнению дальнейшей задачи фронта – к действиям на юг вдоль р. Прут.

VIII. Базирование и задачи авиации.

Базирование авиации согласно прилагаемой карте.

Задачи ВВС:

1) Тесное и непосредственное взаимодействие ВВС с наземными войсками на поле при прорыве укрепленной полосы противника и при развитии успеха.

2) Борьба за господство в воздухе массированными действиями авиации по аэродромам и борьбой в воздухе с ВВС противника. Глубина воздействия на аэродромы до восточных отрогов Карпат.

3) Прикрытие КМГ и главной группировки 12 и 9 А. Содействие и непосредственная поддержка КМГ 12 А всеми силами ВВС 12, 5 А и ВВС фронта.

4) Нарушение управления войсками противника, уничтожение его штабов и разрушение линий связи самолетами при помощи кошек.

5) Воспреещение выдвижения резервов противника в район действий армий фронта со стороны Клаузенберг, Яссы, Роман, Бырлад.

6) Установление непрерывного наблюдения за движением передовых частей путем выделения специальных самолетов и эскадрилий наблюдения и связи... Бомбометание и обстрел по населенным пунктам, не занятым войсками противника, – запрещается. [...]

XI. Резерв фронта.

Резерв фронта составляют: 8 сд – Чертков, 17 сд – Каменец–Подольск, 86 сд – Дунаевцы, 100 сд – Васильевка, Фрунзовка.

8, 17 и 86 сд, по их прибытии и сосредоточении, с развитием операции будут следовать в направлении главного удара фронта, имея предназначение усиления войск армии, действующих на решающем направлении. Отрыв резервов армии первого эшелона – 50–60 км.

XII. Военно–морские силы Черноморского флота.

В целях более тесного взаимодействия сухопутных и морских сил Черноморский военный флот в оперативном отношении подчиняется с 10.00 23.6 Военному Совету 9 армии.

Перед Черноморским военным флотом ставятся задачи:

1) Непосредственного и тесного взаимодействия с 55 ск по охране Черноморского побережья Одесса, Очаков.

2) Огневое содействие корабельной артиллерии 25 и 74 сд (55 ск) при форсировании ими Днестровского лимана и при дальнейшем развитии наступления вдоль Черноморского побережья.

3) Исключение возможности появления и действий кораблей противника по участкам побережья, занимаемого войсками 9 А.

4) Наблюдение за портами Румынии, блокирование побережья Черного моря от Днестровского лимана до Сулинского рукава р. Дунай включительно.

[...]

Эвакуация пленных:

Развертываются 6 пунктов приема–передачи военнопленных НКВД: Снятын – 100 чел., Каменец–Подольск – 500 человек, Могилев–Подольск – 300 чел., Рыбница – 300 чел., Тирасполь – 500 человек, Овидиополь – 300 чел.

Лагерь военнопленных:

Козельщина Полтавской области, Путивль Сумской обл., Старобельск. Продолжительность пребывания военнопленных на пунктах передачи 1–2 суток.

В течение 10 дней через пункты передачи можно будет пропустить в среднем 20 000–25 000 пленных.

Сбор и эвакуация трофейного имущества:

1) Для сбора и учета трофейного имущества выделяются в частях команды, согласно особой директивы Комвойск.

2) Учетное трофейное имущество сортируется по видам и назначению и охраняется до эвакуации.

3) Эвакуация трофейного имущества идет обратным порожняком через ДЭПы на соответствующие голсклады с/с. Отправка имущества идет по накладной по каждому виду имущества.

4) В голскладах трофейное имущество хранится и учитывается отдельно и направляется в тыл по распоряжению довольствующих отделов армий по указанию Военного Совета»⁸⁴⁶.

Кроме того, в Москву был доставлен проект директивы командования Южного фронта № А–1/00144 сс/ов:

«Первое. Сосредоточив на Черновицком направлении до семи пд, одной гсб, одной кд; на направлении Бельцы,

Яссы до 3 пд и 2 кд; в районе Кишинев и южнее до 6 пд и двух кд, румынская армия продолжает укрепляться на рубеже р.р. Черемош, Днестр, Прут и Серет [Сирет].

Второе. Согласно директивы Народного Комиссара Обороны СССР на госгранице с Румынией развертываются войска Южного фронта в составе 12, 5 и 9 армий.

Военно–морские силы Черного моря переходят с 22.00 21.6 в оперативное подчинение Военного Совета Южного фронта.

Командование войсками Южного фронта Народный Комиссар Обороны возложил на меня.

Третье. 12 А. Командующий армией – генерал–лейтенант т. Черевиченко, зам. командующего – генерал–лейтенант т. Парусинов.

Штаб армии – Коломыя.

Войска армии развернуть: 13 ск (139, 60, 62 сд, 23 и 24 тбр, 376, 168, 305 ап РГК; 1 танк. б–н КВ); 8 ск (72, 124, 146 сд; 5, 10, 26 тбр; 324, 375, 135 ап, 316 артдив РГК); 17 ск (58 и 131 сд, 38 тбр; 315 артдив РГК) – в районе Куты, Снятынъ, Стецова, Коломыя – для нанесения главного удара в направлении Черновицы.

15 ск – 7, 141 сд, 120 ап РГК в районе Городенка, Филипковцы, Новосюлка–Костюкова для наступления в направлении Черновицы со стороны Городенка (7 сд) и Синькув (141 сд).

Для обеспечения правого крыла фронта 192 гсд развернуть в районе Усцерыки, Полянки, Кишворувня для действий в направлении Селетин.

Командующему армией сосредоточить Конную группу (2 и 4 кк) в выжидательном районе – в лесах ю.–в. Коломыя, имея в виду ввести ее в прорыв в направлении Волюка. К моменту ввода в прорыв все танковые бригады и 81 сд подчинить Командующему Конной группой.

Авиация армии: 13, 16, 94 сбп, 138 лбп, 3 и 7 шап, 33, 91, 28, 23, 149, 12, 17, 46 иап (ПВО – Стрый); 5 и 8 диаэ; 36 и 44 раз; арм. раз – 16 сбп.

В состав армии включить: 19 и 21 понт.; 9, 17, 45 инж. батальоны, 6 маск. роту.

Границы слева – р. Збруч, Хотин, Липканы, все для 12А включительно.

Четвертое. 5 А. Командующий – генерал–лейтенант т. Герасименко, зам. командующего – генерал–майор т. Советников.

Штаб армии – Дунаевцы.

Войска армии развернуть:

49 ск – 80, 44, 135 сд, 36 и 49 тбр, 137, 330 и 331 ап и 34 артдивизион РГК в районе – Баговица, Студеница, Стар. Ушица, Крушановка для наступления на ст. Ларга.

36 ск – 169 и 130 сд, оставив на фронте Калюс, Могилев–Подольск усиленный сп для демонстрации переправы и сковывания противника, основными силами развернуться на фронте Ямполь, Сорока в готовности для форсирования р. Днестр.

Каменец–Подольский и Могилев–Подольский УРы в своих районах.

Авиация армии: 86 и 60 сбп, 87, 88, и 92 иап; 47 раз, раз 60 сбп.

В состав армии включить: 5, 13, 22, 25 понт. батальоны.

Граница слева – р. Савранка, ст. Попелюхи, Каменка, Копачаны, Пырлица (30 км с.–в. Яссы), все пункты иск. для 5А.

Пятое. 9 А. Командующий армией – генерал–лейтенант т. Болдин, зам. командующего – генерал–лейтенант т. Козлов.

Штаб армии – Гросулово.

Войска армии развернуть:

140 сд на фронте В. Молокиш, Рыбница, Гедерим для демонстрации переправы через р. Днестр. 35 ск (173 и 95 сд, 522 ап РГК); 37 ск (176, 147, 30 сд; 14, 21 тбр; 110, 124, 430, 320 ап, 317 артдив РГК); 7 ск (164, 51 сд; 429 гап РГК); 4 тбр; 150 сд – в районе Дубоссары, Тирасполь, Плоское, Шибка для нанесения главного удара на Хуши южнее Кишинев.

КМГ – 5 кк (9 и 32 кд), 15 мсд, 4, 14, 21 тбр использовать для развития прорыва в направлении Хуши.

55 ск – Одесса, 25 и 74 сд – в районе Овидиополь, Дальник (Южный), Барабой; 116 сд – Одесса, продолжая охранять побережье Черного моря от Одессы до Очакова одной сд, главными силами быть в готовности для действий при поддержке Черноморского флота по захвату Бугазского маяка и Аккерман.

Рыбницкий и Тираспольский УРы в своих районах.

Сев. Зап. УР с 23 июня переходит в подчинение Командующего 9А. В состав СЗ УРа передается Днепровская военная флотилия.

Авиация армии: 5, 132, 45 сбп, ... сбп, ... сбп, 11 лбп, 21 дбп, 55, 4, 67, 146 иап.

В состав армии включить 26, 27 и 4 понт. батальоны.

Шестое. Резерв фронта:

8, 17 и 86 сд сосредотачиваются в районе Чертков, Каменец–Подольск, Дунаевцы; 100 сд – в районе Васильевка, Фрунзовка, Затишье. 8, 11, 51, 90 дбп, 33 и 48 сбп, 2 и 43 иап Киев (ПВО). 20 иап – Проскуров, 89 иап Львов, 1 и 14 тап, 34 драэ.

Седьмое. Время выхода на рубеж развертывания будет дано дополнительно.

Восьмое. Штаб Южного фронта с 6.00 23.6 – Проскуров»⁸⁴⁷.

Третьим документом, доставленным в Генштаб, был проект директивы войскам Южного фронта № А-1/00145сс/ов:

Первое. Румынская армия, имея на направлении Бельцы небольшую группировку, основные силы сосредоточила на крыльях фронта. На Черновицком направлении группируется до семи пд, одной гсбр и одной кд; в районе Кишинев и южнее до шести пд и двух кд. До четырех–пяти пд и до двух мехбригад сосредоточено в районе Ботошань, Яссы, Роман – предположительно в резерве фронта.

Второе. Войскам Южного фронта ... в ... час ... июня (далее в тексте вместо названия месяца употребляется его порядковый номер – ... 6. – М.М.) перейти госграницу и, нанося главный удар от Коломыя на Черновицы в обход их с юга и далее вдоль р. Прут и одновременно с востока на Хуши в обход Кишинева с юга, окружить и взять в плен румынские войска, развернувшиеся в Северной Бессарабии. По занятии района Яссы и выполнении ближайшей задачи армиям фронта иметь в виду наступление на юг вдоль р. Прут с задачей очистить Южную Бессарабию от войск противника.

Третье. 12 А главными силами не менее девяти сд, с танковыми частями, при поддержке сильной артиллерии и всей авиации армии и фронта прорвать расположение противника на фронте Черногузы, Русски–Баньлив, Зелена, Хливеште и, наступая вдоль р. Прут на Яссы в обход Черновиц с юга, [к] исходу ... 6 главными силами выйти на фронт Хлибока, Молодна. В дальнейшем, наступая на Дорохой, главными силами [к] исходу ... 6 овладеть фронтом Сату Мари, Ваткань, Дерска, Горжиуцы, Помырла, Коменешти. Для развития успеха [с] утра ... 6 ввести в прорыв КМГ в составе Кав. группы, 81 мсд и всех танковых бригад армии ориентировочно на фронте Сторожинец, Михальче.

[К] исходу ... 6 танковые бригады, по выполнении ими задач первого дня, сосредоточить три – районе Сторожинец, две – районе Бобешти и одну – Дрочинец.

При непосредственной и постоянной поддержке авиации армии и фронта, КМГ развивать наступление вдоль р. Прут и к исходу ... 6 выйти на фронт Дорохой, Дарабани. К исходу ... 6 овладеть районом Трусешти, Уричени, имея 81 мсд [в] районе Бедушени. К исходу ... 6 овладеть районом Яссы, установить взаимодействие с частями 9 А, окружить и не допустить отхода противника в Румынию.

81 мсд с одной танковой бригадой БТ наступать на Сторожинец и далее на юг, обеспечивая наступление армии со стороны р. Серет [Сирет] и отрезая противнику пути отхода на запад.

192 сд, обеспечивая правое крыло фронта, наступать на Селетин [Селятин]. По достижении Селетин прикрыть сильным отрядом заграждения Усце–Путиласское направление, а основными силами продолжать наступление на Виковорхни.

Для надежного обеспечения фланга армии со стороны Сучава Командующему 12 А выдвинуть через Чудын одну сд с задачей занять и оборонять рубеж Костица, Серет [Сирет].

Граница между 12 и 5 А – р. Збруч, Хотин, Липканы, все для 12 А включительно.

Границы между корпусами иметь:

Между 13 и 8 ск Кобаки, Комарешти Слободзия, Хринава, Михучены, Вакулешть все для 13 ск включительно.

Между 8 и 17 ск Тучапы, Драчинец, Михальче, Фундоая, Дорохой, все кроме Драчинец вкл. для 8 ск.

Между 17 и 15 ск Стецова, Валява, Черновицы, Слободзья, Думени, все кроме Думени вкл. для 17 ск.

Пятое. 5 А – 49 ск в составе трех сд, 36 и 49 тбр; 330, 137 и 331 ап и 34 артдивиз. РГК при содействии авиации переправиться через р. Днестр на участке Цвиклевцы, Студеница, Стар. Ушица и, развивая наступление на ст. Ларга, Баласинешти, окружить совместными действиями с 12 А противника, находящегося к западу от Рэдэуци.

[К] исходу ... 6 овладеть рубежом Липканы, Трестьяны.

36 ск, ведя в течение ... 6 демонстрацию переправ через р. Днестр на фронте Калюс, Могилев–Подольский, с утра ... 6 форсировать р. Днестр в районе Ямполь, Сороки и наступать в направлении Бельцы.

Граница слева – р. Савранка, ст. Попелюхи, Каменка, Копачаны, Пырлица (30 км с.в. Яссы) все для 5 А исключительно.

Граница между 49 и 36 ск – Калюс, Секуряны, Рышкановка [Рышканы], все кроме Калюс вкл. для 49 ск.

Шестое. 9 А, демонстрируя переправу через р. Днестр 140 сд в районе Рыбница, главными силами в составе 35, 37, 7 ск, 5 кк, 4, 14, 21 тбр при содействии сильной артиллерии и всей авиации армии форсировать р. Днестр на фронте Погребы, Тирасполь и, нанося главный удар южнее Кишинева на Хуши, совместно с КМГ 12А, окружить и уничтожить противника в Северной Бессарабии.

[К] исходу ... 6 КМГ в составе 5 кк, 4, 14 и 21 тбр, 15 мсд выйти в район Бардар, Ганчешты, Милешты, [к] исходу ... 6 форсировать р. Прут и овладеть Хуши. В дальнейшем, выдвинув заслоны на юг и запад, иметь в виду наступать на Яссы с юга. Стрелковыми частями [к] исходу ... 6 занять Кишинев. В дальнейшем, закрепляя успех КМГ, решительным наступлением вывести главную группировку не позже ... 6 на р. Прут и прочно занять Хуши.

При развитии наступления выдвигать часть сил на север и сев.–запад для сжимания кольца окружения северобессарабской группировки противника и захвата путей его отхода за р. Прут. Для обеспечения от возможных атак противника из Южной Бессарабии выделить не менее двух сд в заслон на юго–запад и юг.

55 ск, охраняя побережье Черного моря от Одессы до Очакова включительно одной сд, остальными силами при содействии Черноморского флота, захватить Бугазский маяк, занять Аккерман и продолжать наступление на Сарата.

Границы между корпусами иметь:

Между 35 и 37 ск Делакеу, Мерены, Пловешты, Лопушна, два первых иск. для 35 ск.

Между 37 и 7 ск Токмодзея, Ново–Николаевка, Джамана, Резены, Каракуи, Минжир, все кроме первого включительно для 37 ск.

Между 7 и 55 ск Тирасполь, Манзырь (Графиня), Тарутино (Анчокрак) все кроме Манзырь вкл. для 7 ск.

Седьмое. Задачи ВВС:

1) Взаимодействие с наземными войсками на поле боя при прорыве укрепленной полосы противника и при развитии успеха, непосредственно и постоянно поддерживая действия наших войск уничтожением войск противника.

2) Борьба за господство в воздухе, путем уничтожения ВВС противника в воздухе и на его аэродромах.

3) Прикрытие главной группировки 12 и 9 А и особенно КМГ при выдвигении ее из выжидательного района и при вводе ее в прорыв.

4) Непрерывное и тесное взаимодействие с КМГ 12 и 9 А.

5) Прикрытие переправ на р. Черемош и Днестр.

6) Нарушение управления войсками противника, уничтожение его штабов и разрушение линий связи.

7) Не допустить выдвигение резервов противника из районов: Клаузенбург, Яссы, Роман, Бырлад.

Восьмое. Командующему ВВС фронта подготовить выброску парашютного десанта в составе трех бригад в районах:

1) Поду–Илоаей,

2) Тыргу–Фрумос (25 и 40 км с.–з. Яссы) готовность ... 6.

Девятое. С ... 6 погранвойска переходят в мое оперативное подчинение. Погранвойскам оставаться на своих местах, выполняя прежнюю задачу. Для выполнения специальных задач по захвату переправ через р. Черемош и Днестр начальнику погранвойск выделить отборные команды из состава пограничников и внезапным ударом по приказу командующих армиями ... 6 захватить мосты, не допустить подрыва их противником, удерживать и разминировать.

Десятое. В целях обеспечения большей самостоятельности танковых соединений в период их действий в составе КМГ распоряжением Командующих армиями на каждую танковую бригаду выделить по десантному отряду, состоящему из стрелков и сапер, из расчета 7 человек на каждый танк БТ и 4 на Т–26. Десантные танковые отряды подчинить командирам танковых бригад, разместить на танках и вместе с танковыми бригадами направить в прорыв.

Одиннадцатое. В связи с необходимостью более тесного взаимодействия сухопутных сил с Черноморским военным флотом, военно–морские силы Черного моря с 10.00 23.6 подчиняю в оперативном отношении Военному Совету 9 А.

На Черноморский военный флот возлагаю следующие задачи:

а) оказать содействие огнем корабельной артиллерии войскам 9 армии при форсировании р. Днестр через косу Днестровского лимана и при дальнейшем продвижении вдоль побережья Черного моря;

б) не допустить появления и действий кораблей противника вдоль занимаемых войсками 9 А участков побережья;

в) установить наблюдение за портами Румынии, блокировать побережье Черного моря от Днестровского лимана до Сулинского рукава Дуная включительно;

г) обеспечить побережье Черного моря (район Одесской военно–морской базы и Очаковского сектора береговой обороны) от действий кораблей противника»⁸⁴⁸.

В 21.00 23 июня нарком обороны и начальник Генштаба направили Жукову шифротелеграмму № ОУ/71, в которой сообщали, что «представленный Вами план в основном утверждаю.

В группировке 12 армии и в направлении наступления внести следующие изменения:

1. Развернуть ударную группу в составе 8, 17 и 15 стр. корпусов с основной массой артиллерии на фронте Залучье, Снятын, Городница и развивать наступление на фронт Черновицы (включ.), Ржавинцы.

2. 13 стр. корпусу наступать на фронт Волока, Черновицы (искл.), имея 192 сд во втором эшелоне»⁸⁴⁹.

В 23.30 23 июня Жуков позвонил Шапошникову и, видимо, попытался договориться о некоторых уточнениях полученных указаний. Начальник Генштаба ответил ему, что изложенные в телеграмме № ОУ/71 указания наркома обороны остаются «в силе. Против расширения фронта прорыва вправо до 3–4 км возражений не будет. Против предложения установить фронт наступления для главной группировки Волока (искл.) возражений нет. Наступление 12 А вести по обоим берегам р. Прут. Конно–механизированная группа, по мнению наркома, весьма вероятно, будет введена после достижения войсками района Прут. Неизвестно, как сложится обстановка под Черновицами и с какой стороны его придется брать»⁸⁵⁰.

Исходя из этих указаний, командование Южного фронта в 11.15 24 июня отдало своим войскам приказ № 2/М: «Планы действий 5 армии, 9 армии и Черноморского флота Нарком Обороны утвердил без изменений.

В действия 12 армии внести следующие изменения:

1. Главный удар 12 армии нанести силами 8 ск, 17 ск и 15 ск на фронте Русски Баныльв, Снятын, Серафиньце в общем направлении Черновицы, вдоль реки Прут.

2. Граница корпусов устанавливается между 13 ск и 8 ск – Русски Баныльв, Волока, Дорохой, все включительно для 13 ск, кроме Дорохой. Между 8 ск и 17 ск – река Прут до Черновиц, далее Ватра, между 17 ск

и 15 ск – Стецова, Ракитна, Топороуцы, Дынжени, все для 17 ск, кроме Раки[т]на.

3. 15 ск [в] исходном положении 23.6 на фронте Стецова (искл.), Серафиньце и наступает [в] направлении Коленкоуцы, Сталинешты [Стальновцы], форсируя реку Прут на участке Мамалыга, Радэуць.

4. 192 сд выводится [в] район Пистынь для действий во втором эшелоне за правым флангом 13 ск.

5. 139 сд для обеспечения правого фланга 12 армии выдвигается со второго дня на реку Серет [Сирет] на участках Каменка, Серет [Сирет].

6. Из состава 13 ск изымается 168 гап БМ и 24 танковая бригада и придаются 168 гап – 17 ск, 24 танковая бригада – 8 ск.

7. Из состава 8 ск передается 5 танковая бригада 17 ск. В остальном без изменений.

Командующему 12 армии в соответствии с этими уточнениями произвести перегруппировку, закончив ее к утру 26.6»⁸⁵¹. Таким образом, войска Южного фронта получили действующие директивы на предстоящую операцию.

Соответственно командующий ВВС Южного фронта генерал–лейтенант Ф.А. Астахов подготовил боевой приказ № 01/сс, которым ставились задачи авиации на поддержку своих войск и завоевание господства в воздухе. На рассвете первого дня наступления авиация должна была нанести внезапный удар по аэродромам противника. Предполагалось, что советские ВВС организуют непрерывное круглосуточное воздействие на войска противника. Тяжелобомбардировочные полки готовились к ударам по аэродромам противника в глубине его обороны – Яссы, Васлуй, Бакэу, Роман, Текуч и Фокшаны. На авиацию возлагалось прикрытие своих штабов и разбрасывание листовок⁸⁵². 25–26 июня командованием ВВС был разработан план выброски десанта в районе Тыргу–Фрумос, что должно было способствовать завершению окружения и дезорганизации тыла противника. Предполагалось за 2 часа 35 минут высадить 2 040 человек из состава 201–й, 204–й и 214–й авиадесантных бригад, которым следовало взаимодействовать с Конно–механизированной группой (КМГ). Десантированию со 120 самолетов ТБ–3 под прикрытием 300 истребителей должен был предшествовать авиаудар по аэродромам и войскам противника в районе действий десанта⁸⁵³.

Тем временем в 10.45 24 июня командующий 9–й армией доложил штабу Южного фронта план «учений» 55–го стрелкового корпуса:

«1. 25 сд переправляется через Бугазский маяк главными силами с предварительной высадкой морского десанта на мыс правого берега [Цареградского] гирла.

2. 74 сд переправляет всего лишь два сокращенных батальона через Днестр овладеть лиман с целью захвата правого берега лимана севернее Аккерман. Батальоны переправляются на рыбацких баркасах, на некоторых из них представляется возможным установка для стрельбы на ходу орудий ПТО и ПА. Следовательно, каждый батальон намечается усилить 4 противотанковыми пушками и двумя полковыми. Остальные силы 74 сд, так же как и главные силы 25 сд, переправляются по понтонному мосту через [Цареградское] гирло, для чего сосредотачиваются два понтонных батальона.

3. Вся операция по захвату правого берега реки и переправы по понтонному мосту обеспечивается артиллерией, авиацией и артиллерией морских судов Черноморского флота»⁸⁵⁴. Севернее Днестровского лимана в нижнем течении Днестра на фронте Яски, Маяки следовало сосредоточить сводный стрелково–пулеметный полк Тираспольского УРа и сводный артиллерийский полк Одесского артиллерийского училища, которые должны были форсировать реку и наступать на Кокмазы и Хан–Кишло, отвлекая на себя противника от Аккермана⁸⁵⁵.

В 19 часов 25 июня начальник пограничных войск Западного округа НКВД УССР генерал–майор И.А. Петров отдал приказ: «1. Военщина и буржуазно–капиталистическая клика Румынии, подготавливая провокационные действия против СССР, сосредоточила на границе с СССР крупные войсковые силы, довела численность пограничных пикетов до 100 человек, увеличила численность высылаемых на охрану границы нарядов, форсированным темпом производит оборонительные сооружения по своей границе и в ближайшем тылу. 2. Командующий Южного фронта перед пограничными частями Западного округа поставил задачу: а) разминировать, захватить и удерживать мосты на пограничных реках; б) упорно оборонять государственную границу на фронте 12–й армии там, где не будут действовать части РККА; в) обеспечить части РККА проводниками; г) очистить тыл 12–й армии от возможных очагов противника в приграничной полосе Румынии...»⁸⁵⁶

Сосредоточение и группировка войск Южного фронта

Пока продолжалась детальная разработка плана операции, начались конкретные советские военные приготовления к решению бессарабского вопроса. Видимо, получив в 20.50–21.55 9 июня соответствующие указания политического руководства⁸⁵⁷, Шапошников в 0.35–1.00 10 июня направил командующим войсками КОВО и ОдВО схожие по содержанию шифротелеграммы.

«Народный комиссар обороны приказал:

1. Организацию танковых корпусов и дивизий не проводить и указания, переданные Вам по этому вопросу, отменить.

2. Немедленно привести в боевую готовность и подготовить к переброске по желдороге и движению походом»: в КОВО – управление 12–й армии, управление Армейской кавгруппы, управления 17–го, 13–го, 8–го, 15–го и 49–го стрелковых корпусов с корпусными частями, 2–го и 4–го кавалерийских корпусов, 58–ю, 139–ю, 72–ю, 192–ю,

81-ю, 7-ю, 141-ю, 131-ю, 62-ю, 60-ю, 124-ю, 146-ю, 80-ю, 169-ю, 130-ю, 135-ю, 44-ю и 140-ю стрелковые дивизии, 5-ю, 3-ю, 34-ю, 16-ю, 32-ю, 9-ю, 14-ю кавалерийские дивизии, 23-ю, 24-ю, 5-ю, 38-ю, 36-ю, 10-ю, 14-ю, 26-ю танковые бригады;

в ОдВО – управления 35-го и 7-го стрелковых корпусов с корпусными частями, 15-ю, 51-ю, 95-ю, 173-ю, 176-ю, 147-ю, 30-ю и 25-ю стрелковые дивизии, 4-ю танковую бригаду. «Все артполки РГК и все понтонные средства.

3. Привести в боевую готовность всю авиацию округа и средства ПВО.

4. Все стрелковые и кавалерийские дивизии, танковые бригады, корпусные управления, авиабазы и средства ПВО приводятся в боевую готовность в существующих штатах без подъема приписного состава и транспорта из народного хозяйства.

5. На подготовку к выступлению предоставляется один день. Начало переброски и движения с 00.05 минут 11 июня.

6. Расформирование тыловых частей, подлежащих сокращению, и увольнение запаса приостановить.

7. О пунктах сосредоточения, порядке движения и переброски будут даны дополнительные указания.

8. Вся работа по приведению частей округа в боевую готовность проводить в строгой тайне, привлекая в штабах ограниченный круг лиц, всю переписку вести только шифром и только через меня»⁸⁵⁸.

В 11.20–11.30 10 июня начальник Генштаба РККА направил командующим войсками ОдВО и КОВО совершенно секретные директивы соответственно № ОУ/583 и № ОУ/584, согласно которым требовалось:

«1. Походным порядком сосредоточить в новые районы следующие части»:

В ОдВО: «а) Управление штаба армии, выделяемое округом – Гросулово к утру 15 июня;

б) Упр. 35 ск с корпусными частями – Черна к утру 12 июня; 95 сд – Рыбница, Воронково к утру 12 июня; 176 сд – Дубоссары, Новая Кошница к утру 13 июня; 110 гап РГК – Воронково к утру 13 июня; 522 гап РГК и 39 артдив б/м – Дубоссары, Нов. Александровка к утру 14 июня;

в) 51 сд – Малаешты, Тирасполь к утру 13 июня; 15 мсд – Карманово, Глинное, Павловка к утру 12 июня; 4 тбр – Шибка к утру 13 июня; 320 пап РГК – Григориополь».

В КОВО: «а) Управление 12 армии – Коломыя к утру 13 июня;

б) Упр. 13 ск с корпусными частями – Коссув к утру 15 июня; 192 гсд – Усьцерыки к утру 17 июня; 139 гсд – Куты к утру 12 июня;

в) Упр. 8 ск с корпусными частями – Илинце к утру 17 июня; 172 гсд – Джуров, Княже к утру 15 июня;

г) Упр. 17 ск с корпусными частями – Волчковце к утру 12 июня; 58 сд – Снятынъ – к утру 12 июня;

д) 7 сд – Дзвьянич – к утру 14 июня; 81 мсд – Заблотув к утру 13 июня;

е) Упр. 4 кк с корпусными частями – Ключув к утру 14 июня; 34 кд – Ключув к утру 14 июня; 16 кд – Яблонув к утру 12 июня;

ж) Упр. 2 кк с корпусными частями – Коломыя к утру 16 июня; 3 кд – Испас к утру 16 июня; 5 кд – Подгайчики к утру 16 июня; 32 кд – Гвоздец – к утру 15 июня;

з) 23 тбр – Пястынь к утру 12 июня; 24 тбр – Ключув к утру 13 июня; 5 тбр – Задрубовец к утру 13 июня;

и) 168 гап РГК – Илинце к утру 13 июня; 324 гап РГК – Бэлэлыя к утру 14 июня;

к) Управление кавгруппы с ее частями и управление 49 ск с корпусными частями – Дунаевцы к утру 12 июня;

л) 80 сд – Янчицы, Баговица к утру 14 июня; 169 сд – Куражино, Ольховец к утру 16 июня; 137 гап РГК – район Могилев–Подольский к утру 14 июня;

м) 14 кд – к исходу 16 июня.

2. Марши совершать с мерами маскировки, используя главным образом ночь.

3. Материальное обеспечение выступающих частей согласно моей директивы.

4. Топографические карты по нормам мобкомплектов выдать частям в новых районах. На период марша обеспечить части картами текущего довольствия.

5. Примите все меры к сохранению передвижения войск в тайне, для чего:

а) запретить всякую переписку, связанную с передвижением войск, с начальниками родов войск и служб, ведя ее только через штаб и шифром;

б) всем войсковым радиостанциям, сменившим дислокацию, работать только на прием;

в) потребовать от войск строжайших мер маскировки и запретить выдвижение главных сил дивизий к границе ближе 5 км.

6. Марш начать 10 июня.

7. Донесения о передвижении частей и достигнутых ими районов представлять к 10 и 22 часам ежедневно шифром. Обратит особое внимание на связь с частями и обязательное получение от них данных о достигнутых районах»⁸⁵⁹.

В тот же день в 12.20 Шапошников направил командующему войсками ОдВО директиву № ОУ/587/сс/ов, согласно которой требовалось:

«1. Части, прибывающие по железной дороге, после выгрузки сосредоточить в следующие районы:

а) Упр. 7 ск с корпусными частями – Шибка; 147 сд – Григориополь, Ташлык, Саввы; 120 гап РГК – Кассель; 124 гап РГК – Малаешты, Плоское; 429 гап РГК – Ближний Хутор, Тирасполь;

б) 30 сд – 5 км восточнее и юго-восточнее Овидиополь; 25 сд – Одесса; 430 гап РГК – Одесса.

2. Сосредоточение проводить пошелонно по мере выгрузки частей, не допуская скопления войск как на станциях выгрузки, так и в их районах.

3. Всем частям на станциях выгрузки выдать топографические карты по нормам мобкомплектов.

4. План перевозок частей, перечисленных в первом пункте, будет дан НачВОСО Красной армии.

5. Указания о сосредоточении частей авиации, связи, инженерных, дорожных и автотранспортных и тыловых учреждений последуют дополнительно.

6. Донесения о ходе перевозок с указанием прибывающих частей представлять мне к 10 и 22 часам ежедневно шифром»⁸⁶⁰.

Однако уже в 18.50 10 июня начальник Генштаба Шапошников направил командующему войсками ОдВО директиву № ОУ/589/особо секретно, уточнявшую предыдущие распоряжения:

«В дополнение № ОУ/583 и № ОУ/587 Народный Комиссар Обороны приказал:

1. Упр. 35 ск с корпусными частями сосредоточить Шибка к утру 13 июня; 173 сд – Дубоссары; 176 сд – походом Григориополь к утру 13 июня;

2. Упр. 7 ск с корпусными частями сосредоточить Одесса.

3. 110 гап РГК походом Кармановка к утру 13 июня.

4. 147 сд, 120 и 124 гап РГК из пределов округа убудут. 429 гап РГК в округ не прибывает»⁸⁶¹.

Кроме того, было решено усилить войска Южного фронта за счет внутренних округов и войск, сосредоточенных для Прибалтийской операции. 10 июня Военному совету ХВО была направлена директива Генштаба № ОМ/706, согласно которой следовало подготовить к передислокации в ОдВО управление 55-го стрелкового корпуса. 12 июня Генштаб приказал перебросить в ОдВО 74-ю и 164-ю стрелковые дивизии СКВО. 14 июня Военный совет ХВО получил директиву Генштаба № ОУ/25, которая требовала перебросить в ОдВО 116-ю стрелковую дивизию⁸⁶². 15 июня Черноморский флот был приведен в состояние боевой готовности. В 23.00 17 июня начальник Генштаба приказал командующему войсками ЛВО «подготовить к переброске в другой округ 8, 17, 86 и 100 стрелковые дивизии», сосредоточенные на территории округа в качестве резерва на случай боев в Прибалтике. Все эти соединения должны были подготовиться к погрузке к 18 часам 18 июня⁸⁶³. Соответственно командующему войсками КОВО было приказано:

«1. Перебрасываемые из состава ЛВО четыре стрелковые дивизии сосредоточить в резерве фронта:

а) 8, 17 и 86 стр. дивизии в районе Чортков, Каменец–Подольск, Дунаевцы;

б) 100 стр. дивизию – в районе Васильевка, Фрунзовка, Затишье.

2. В связи с усилением войск КОВО четырьмя новыми дивизиями переброску 97 сд в состав 12 армии отменить»⁸⁶⁴.

Принимавшая участие в Прибалтийской операции 21-я танковая бригада была выведена из Литвы, к утру 20 июня сосредоточена в Молодечно и по железной дороге отправлена в ОдВО, куда первые эшелоны бригады начали прибывать 26 июня⁸⁶⁵. 20 июня из Риги была выведена 214-я авиадесантная бригада БОВО, переброшенная к 26 июня в Калиновку в распоряжение Южного фронта. 20 июня 201-я авиадесантная бригада ЛВО, которая не была использована в Эстонии, получила приказ Генштаба о перебазировании в распоряжение Южного фронта и из Сольцов была переброшена к 25 июня в Скоморохи⁸⁶⁶. 26 июня своей директивой № ОМ/755 Генштаб приказал Военному совету КалВО перебросить части связи из Идрицы в Киев в распоряжение КОВО⁸⁶⁷. Кроме того, в тот же день командиру 14-го стрелкового корпуса ОдВО было приказано организовать оборону черноморского побережья от Очакова до м. Железный. К утру 28 июня части 156-й стрелковой дивизии были развернуты на западном побережье Крыма от Ак–Мечеть до Николаевки, а также в Феодосии и Керчи⁸⁶⁸.

Наряду с сосредоточением сухопутных войск усиливались и ВВС Южного фронта. 17 июня начальник Генштаба приказал командующему БОВО вернуть в КОВО 17-й, 20-й, 149-й истребительные и 14-й тяжелобомбардировочный авиаполки, переброшенные к 11 июня в состав БОВО для участия в Прибалтийской операции, и, кроме того, передислоцировать 33-й истребительный, 13-й, 16-й, 60-й скоростные бомбардировочные и 1-й тяжелобомбардировочный полки и управления 16-й и 56-й авиабригад. Следовало «обратить особое внимание на особую секретность переброски»⁸⁶⁹. К 19 июня все эти полки, в составе которых имелось 408 самолетов, прибыли в КОВО⁸⁷⁰. В тот же день командующему БОВО было приказано перебросить в КОВО 51-й дальнебомбардировочный полк, а командующему ЛВО – в ОдВО 44-й, 58-й скоростные бомбардировочные полки и управление 55-й авиабригады⁸⁷¹. 21 июня ЛВО получил приказ перебросить в ОдВО 3-й, 7-й тяжелобомбардировочные авиаполки и управление 29-й авиабригады⁸⁷². Все эти авиаполки в составе 206 самолетов прибыли в распоряжение ВВС Южного фронта 22 июня⁸⁷³.

Тем временем, получив директивы из Москвы, командование КОВО и ОдВО в течение 15 минут оповестило войска о приведении в боевую готовность, а в 15.04–21.45 10 июня отдало приказы о сосредоточении. Для руководства и контроля выполнения переданных приказов были командированы заместитель командующего войсками КОВО генерал–лейтенант Ф.С. Иванов, начальник Отдела боевой подготовки генерал–майор В.В. Панюхов, начальник артиллерии КОВО генерал–лейтенант Н.Д. Яковлев, начальник группы для особых поручений при Военном совете КОВО генерал–майор Д.И. Аверкин. Командиры и политработники штабов округов были направлены для руководства выгрузкой войск на станции Жмеринка, Проскуров, Гречаны, Каменец–Подольск, Коломыя⁸⁷⁴.

11 июня войска КОВО и ОдВО под видом учебного похода начали сосредоточение, которое должно было

завершиться 24 июня. Однако этот процесс встретил ряд трудностей. Серьезной проблемой для войск стало приведение их в боевую готовность без призыва приписного состава, что потребовало перераспределения военнослужащих для формирования необходимых тыловых и вспомогательных частей. Для этого из строевых частей привлекалось почти 35 тыс. красноармейцев, слабо подготовленных к выполнению возложенных на них новых обязанностей. Нехватка начальствующего состава тыловых специальностей и медицинского персонала восполнялась их призывом из запаса. На основании постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19, 20 и 21 июня было сформировано по штатам военного времени 16 полевых госпиталей, 6 отделений полевых эвакуационных пунктов, 4 инфекционных госпиталя, 2 автосанроты, 5 автохирургических отрядов, 12 санитарных поездов, к приему раненых были подготовлены госпитали во Львове, Тарнополе, Проскурове, Одессе и Очакове. Из мобилизационных фондов КОВО и ОдВО была разбронирована противостолбнячная и противогангренозная сыворотки. Для обеспечения боевых операций войск было развернуто 34 различных склада, 5 хлебопекарен, 7 полевых подвижных госпиталей, 3 эвакуационных и 8 полевых ветеринарных лазаретов, 9 рабочих рот. Недостаток транспорта привел к тому, что выступившие в поход войска не имели возможности сразу взять необходимое вооружение и имущество, что приводило к задержке сосредоточения, ибо требовало нескольких рейсов имевшихся автомашин. Для пополнения на случай убыли имелось 17 маршевых батальонов, назначенных Генштабом, 10 маршевых батальонов, сформированных в КОВО и ОдВО, 5 запасных саперных рот и 225 танковых экипажей⁸⁷⁵.

13 июня Наркомату обороны было разрешено «зачислить на котловое довольствие начальствующий состав тех войсковых частей» КОВО и ОдВО, «которые имеют фронтовые задания, с удержанием за выдаваемый продовольственный паек его стоимости, как выполняющий работу в полевых условиях»⁸⁷⁶. В 16 часов того же дня Шапошников направил начальникам штабов КОВО и ОдВО шифротелеграмму № ОУ/789 с изложением мероприятий по организации тыла и материального обеспечения войск. В частности, требовалось обеспечить войска 4 суточными дачами продовольствия, 1,25 боекомплекта боеприпасов, 3 заправками горючего для боевых и 2 заправками для транспортных машин. «Строевому составу выдать на руки концентраты на одни сутки и иметь их в обозе две суточных дачи. Механизированным частям и коннице выдать на руки три суточных дачи концентратов». Кроме того, на станциях снабжения следовало иметь 2 боекомплекта боеприпасов, от 3 до 5 суточных дач продовольствия и 2 заправки горючего на все машины⁸⁷⁷. 19 июня Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило разбронировать из мобилизационных фондов КОВО, ОдВО и ХВО 13 650 тонн муки, 4 100 тонн крупы, 3 400 тонн мяса и мясных консервов, 1 500 тонн рыбы и рыбных консервов, 1 тыс. тонн жиров, 1 700 тонн макарон, 700 тонн сахара, 850 тонн соли, 30 тонн чая, 135 тонн сухих овощей, 13 тыс. ящиков махорки, 4 550 тыс. книжек курительной бумаги, 1 950 тыс. коробок спичек, 150 тонн мыла, 22 500 тонн овса, 30 тыс. тонн сена и 54 327 тонн ГСМ (из них 50 731 тонн бензина)⁸⁷⁸. Соответственно, в 23.40 20 июня начальник Генштаба своими директивами № 434 и № 446 потребовал от Военных советов КОВО и ОдВО принятия решительных мер по накоплению вышеуказанных запасов в войсках и на станциях снабжения⁸⁷⁹.

Почти 60% войск перебрасывалось по железной дороге, остальные – пешим порядком. В ходе сосредоточения выявилась плохая организация службы регулирования движения, что приводило к перекрещиванию колонн, пробкам на дорогах и блужданию отдельных подразделений и частей. Сказалась слабая дисциплина марша – колонны растягивались, военнослужащие покидали строй и двигались толпой, на биваках части располагались в беспорядке. В первые дни выявилось значительное число потертостей у людей и конского состава. Войска двигались практически без соблюдения элементарных мер маскировки, с музыкой и песнями, ночью автотранспорт незатемненным светом фар явно демаскировал движение. Определенные трудности возникли и при железнодорожных перевозках войск, поскольку отсутствовал план перевозок. Распоряжение Генштаба о перевозках было получено только в 18.30 12 июня, хотя перевозки должны были начаться с 18.00 этого дня. Реально же они начались с 13 июня, правда, эшелоны подавались с опозданием на 1–5 часов, вагоны зачастую были грязные. Беспорядок в организации перевозок был столь заметен, что 16 июня Политбюро утвердило Постановление СНК СССР «Об упорядочении работы выгрузочных районов», которое требовало от НКО и НКПС «не допускать сгущения выгрузки только на конечных станциях, а рассредотачивать ее на более широком фронте по ряду близлежащих станций» на территории КОВО и ОдВО, а также формировать полные воинские эшелоны и не допускать их переадресовки. Несогласованная работа Управления военных сообщений и НКПС привела к тому, что вместо необходимых 709 эшелонов войска получили примерно на треть меньше⁸⁸⁰.

Все эти трудности привели к тому, что войска не успевали сосредоточиться к 24 июня. Поэтому 23 июня командующий Южным фронтом доложил наркому обороны: «Выполняя Вашу директиву, войска КОВО и ОдВО приступили с 10.6.1940 г. к сосредоточению.

К данному моменту:

12 армия:

а) *Стрелковые войска:*

Из двенадцати стрелковых дивизий сосредоточились шесть, остальные сосредотачиваются. При этом к исходу 24.6 сосредоточатся только две. Остальные в течение: 25.6 – одна, 26.6 – две, 27.6 – одна.

б) *Кавалерия:* Конная группа сосредоточилась полностью.

в) *Танковые войска:* Из шести танковых бригад сосредоточились четыре. Две закончат сосредоточение к исходу 24.6.

г) *Артиллерия*: Из семи артиллерийских полков и двух дивизионов РГК сосредоточились четыре артполка. Остальные артиллерийские полки только грузятся. Быстрота их сосредоточения будет зависеть от своевременной подачи подвижного состава и от обеспечения тракторами.

Артиллерийские дивизионы выгрузились полностью и к 24.6 сосредоточатся.

До сих пор не сосредоточены КАПы 17 ск (269 и 274), 13 ск (468), 8 ск (236), 253 гап 141 сд из-за неподачи железнодорожных составов и из-за недостатка в тракторах.

Таким образом, к исходу 24.6 12-я армия будет иметь в своем составе:

Восемь сд из 12.

Четыре артполка РГК из 7.

Два артдивизиона РГК.

Кавгруппу в полном составе.

Полная готовность 12 армии – к исходу 27.6.40 г.

5 армия:

а) *Стрелковые войска*:

Из пяти стрелковых дивизий четыре сосредоточились, последняя должна закончить сосредоточение к 24.6.

б) *Танковые войска*:

Из двух танковых бригад одна сосредоточилась, вторая закончит сосредоточение 23.6.

в) *По артиллерии*:

Из трех артполков и одного артдивизиона РГК сосредоточился один артполк. Один артполк и артдивизион сосредоточатся 25.6. Третий артполк ожидает погрузки.

Таким образом, к исходу 24.6 все стрелковые дивизии, танковые бригады, один артполк сосредоточатся полностью. От второго артполка и артдивизиона могут к исходу 24.6 сосредоточиться отдельные дивизионы и батареи.

Полная готовность 5 армии – исход 26.6.40 г.

9 армия:

а) *Стрелковые войска*:

Не прибыли управления 37 ск и 55 ск.

Из тринадцати стрелковых дивизий сосредоточились восемь; закончили перевозки три; начала перевозку одна (150[-я]); о 116[-й] сведений нет.

б) *Кавалерия*: Управление 5 кк сосредоточилось. На 21.6 разгрузилось 15 эшелонов 9 кд и 19 – 32 кд. 5 кк закончит сосредоточение 24.6.

в) *Танковые войска*: Из трех танковых бригад сосредоточились 4[-я] тбр, 14[-я] тбр начала прибывать 21.6, выгрузилось 6 эшелонов. О 21 тбр сведений нет.

г) *Артиллерия*: Из шести артполков РГК сосредоточились четыре. 429 ап начал прибывать 21.6. 317 артдивизион из-за отсутствия тракторов не может перейти в район сосредоточения.

Надо считать, что к исходу 24.6 из тринадцати стрелковых дивизий – одиннадцать будет на месте.

Кавалерия сосредоточится.

Две танковые бригады будут на месте, 21 тбр может не подойти.

Из шести артиллерийских полков – четыре будут в полном составе, два могут полностью не сосредоточиться. Сосредоточение 317 артдива зависит от обеспечения тракторами. Меры приняты.

Полная готовность 9 армии будет не ранее 27.6.

Состояние войск.

Обеспеченность стрелково-артиллерийским вооружением неполная:

1. Часть артиллерийских полков не имеет полностью 152-мм гаубиц (375 гап РГК из 48 имеет 30, гапы: 62 сд имеет 9, 146 сд – 10, 135 сд – 5; 169 сд – 6).

2. В мобзапасе Округа нет мин для 50 и 120-мм минометов, нет ручных гранат; нет выстрелов для 122-мм пушек.

Ощущается недостаток в тракторном парке для артиллерии на мехтяге. Из отпущенных центром 250 тракторов прибыло только 110. Ввиду дополнительного подъема 330 гап РГК БМ даже при условии получения полностью 250 тракторов для артиллерии, не будет хватать 106. Запаздывание с прибытием уже отпущенных тракторов ставит артиллерию в тяжелое положение. Необеспеченность тракторами падает на корпусную артиллерию и артиллерию РГК, потребность в которой в первые 2–3 дня будет особенно ощутительна.

Из шести танковых бригад 12 армии четыре укомплектованы боевыми машинами на 80% (23, 24, 5, 10), остальные две укомплектованы слабо: 26 тбр выступила с 38 танками, в настоящее время количество танков доведено до 130, 38 тбр имеет 87 танков.

Из двух танковых бригад 5 армии 36 тбр имеет 100, 49 тбр – 81 танк.

Техническое состояние машин удовлетворительное.

Цистернами и бочкотарой бригады обеспечены всего на 39%. Поэтому танковые бригады могут поднять с собой лишь от одной до двух заправок горючего. Возможности получения бочкотары нет.

Подвижными и ремонтными средствами танковые части обеспечены на 35–50%.

Низок процент обеспеченности тракторами – в среднем на 58%. В армиях тракторов нет...

ВВС фронта.

На 22.6.40 г. ВВС фронта сосредоточено:

21 истребительных полков, 12 полков СБ, 5 авиаполков ДБ, 2 штурмовых авиаполка, 2 легкомобомбардировочных полков, 4 тяжелых авиаполков. Истребителей – 1 155, бомбардировщиков – 869, легких бомбардировщиков – 110, штурмовиков – 93, разведчиков – 61.

Всего экипажей 2 298, самолетов 2 242 (так в тексте, правильно – 2 288. – М.М.).

На оперативных аэродромах развернуто 12 авиабаз, не развернуто 11 авиабаз. К исходу 24.6.40 г. будет развернуто 18 авиабаз. 7 авиабаз, следующие по жел. дор. из других округов, придут 25–26.6.40 г.». Общий вывод генерала Жукова заключался в том, что «полная готовность Южного фронта к наступлению будет обеспечена к исходу 26 – утро 27.6. Опаздание в сосредоточении войск, устройстве тыла и общей готовности к решительному наступлению является следствием невыполнения железными дорогами плана перевозок. Войска фронта могут перейти к решительному наступлению с целью разгромить румынскую армию перед рассветом 27.7.40 г.»⁸⁸¹. В 00.55 25 июня из Гросулова в Москву поступило донесение заместителя наркома обороны генерал-полковника А.Д. Локтионова, который «ознакомился подробно на месте с участком основного направления наступления 9-й армии» и «пришел к выводу, что армия к наступлению будет готова только к исходу 26.6»⁸⁸².

25 июня в 13.40 начальник Генштаба приказал командованию Южного фронта переброшенные на самолетах в его распоряжение пистолеты–пулеметы Дегтярева «в самом срочном порядке выдать войскам из расчета не менее двух пистолетов–пулеметов на каждый стрелковый взвод и по одному пистолету–пулемету на отделение в разведывательных подразделениях», а также обеспечить «миноулавливателями все передовые части, с тем чтобы войска были бы вооружены этими средствами заблаговременно»⁸⁸³. Несколько позднее, в 15.05 того же дня, из Москвы был получен приказ наркома обороны «самым энергичным образом завозить в войска и на станции снабжения боеприпасы и создать положенные запасы, как в войсках, так и на станциях снабжения. Для завоза боеприпасов мобилизовать весь автотранспорт, в том числе и войсковой, с тем чтобы максимально усилить завоз»⁸⁸⁴. Неразвернутость тылов и нерегулярность подхода эшелонов с боеприпасами привела к тому, что снаряды без всякой маскировки складировались вблизи железнодорожного полотна, откуда постепенно вывозились имевшимся автотранспортом. В результате к 28 июня удалось довести подвижные запасы войск до 1,5 боекомплекта боеприпасов, 2 заправок горючего и 8 сутодач продовольствия. Правда, из-за отсутствия необходимого автотранспорта и большого некомплекта тракторов и прицепов в артчастях реально войска могли взять с собой на 1/3 меньше боеприпасов, остальные были сложены на земле в районах развертывания. На станциях снабжения в 12-й армии было накоплено 0,6 боекомплекта, 0,6 заправок и 9 сутодач, в 5-й армии – 1,75 боекомплекта, 2 заправки и 16 сутодач, а в 9-й армии – 1,5 боекомплекта, 1 заправка и 3 сутодач⁸⁸⁵.

Несмотря на все эти трудности, к вечеру 27 июня практически все войска Южного фронта (командующий – генерал армии Г.К. Жуков, член Военного совета – корпусной комиссар В.Н. Борисов, начальник штаба – генерал-лейтенант Н.Ф. Ватулин) были подтянуты и развернуты в соответствии с планом. Войска 12-й армии (командующий на время операции – генерал-лейтенант Я.Т. Черевиченко), находившиеся в Предкарпатье, были развернуты на юго-восток. Штаб армии передислоцировался из Станислава в Коломыю, где ему были подчинены 8-й, 13-й, 15-й, 17-й стрелковые корпуса и Армейская кавгруппа в составе 2-го и 4-го кавкорпусов. Часть войск 5-й армии, развернутой на Волыни, была переподчинена 6-й и 12-й армиям. Штаб 5-й армии (командующий на время операции – генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко) был 15–16 июня переброшен из Луцка в Дунаевцы, где ему были подчинены 36-й и 49-й стрелковые корпуса. Из войск ОдВО, пополненных за счет КОВО, ХВО и СКВО, была развернута 9-я армия (командующий – генерал-лейтенант И.В. Болдин) в составе 7-го, 35-го, 37-го, 55-го стрелковых и 5-го кавалерийского корпусов, штаб которой разместился в Гросулово (ныне – Великая Михайловка).

Таблица 5

Группировка войск Южного фронта на 28 июня 1940 г. РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 667. Л. 77; д. 720. Л. 61.

Армии	Корпуса	Дивизии и бригады	
		8-я, 17-я, 86-я, 100-я СД, 201-я, 204-я, 214-я адбр	
12-я	13-й СК	60-я, 62-я, 139-я СД, 23-я тбр	
	8-й СК	72-я, 124-я, 146-я СД, 10-я, 24-я, 26-я тбр	
	КМГ	2-й КК	3-я, 5-я КД
		4-й КК	16-я, 34-я КД
			81-я МСД
		17-й СК	58-я, 131-я СД, 5-я, 38-я тбр
	15-й СК	7-я, 141-я СД	
		192-я ГСД	
5-я	49-й СК	44-я, 80-я, 135-я СД, 36-я, 49-я тбр	
	36-й СК	130-я, 169-я СД	
9-я		140-я, 150-я СД	
	35-й СК	95-я, 173-я СД	
	37-й СК	30-я, 147-я, 176-я СД, 14-я тбр	
	5-й КК	9-я, 32-я КД, 15-я МСД, 4-я, 21-я тбр	
	7-й СК	51-я, 164-я СД	
	55-й СК	25-я, 74-я, 116-я СД	

В состав войск Южного фронта входили 32 стрелковые, 2 мотострелковые, 6 кавалерийских дивизий, 11 танковых и 3 авиадесантные бригады, 14 корпусных артполков, 16 артполков РГК и 4 артдивизиона большой мощности. Общая численность войск фронта, по неполным данным, составляла не менее 637 149 человек, 9 415 орудий и минометов, 2 461 танк, 359 бронемашин, 28 056 автомашин (см. таблицу 6)⁸⁸⁶.

Таблица 6

Численность и вооружение войск Южного фронта

Войска	Личный состав	Орудия и минометы	Танки	Броне-машины	Авто-машины
12-я армия*	233 673	3 392	1 546	190	11 062
5-я армия*	78 477	1 269	322	59	3 340
9-я армия	267 391	4 238	589	99	12 104
Итого**	637 149	9 415	2 461	359	28 056

* Сведения неполные.

** Общий итог выведен с учетом имеющихся данных о войсках фронтового подчинения, а также тыловых частях и наземных службах ВВС, подчиненность которых 12-й и 5-й армиям установить не удалось.

Группировка ВВС фронта объединяла 21 истребительный, 12 скоростных бомбардировочных, 5 дальнебомбардировочных, 2 легкособомбардировочных, 2 штурмовых, 4 тяжелособомбардировочных авиаполка и к 24 июня насчитывала 2 160 самолетов⁸⁸⁷. Нарращивание авиационной группировки продолжалось (см. табл. 7). Кроме того, из состава ВВС Черноморского флота к операции привлекались 40-й скоростной бомбардировочный, 8-й, 9-й, 32-й истребительные авиаполки, 1 тяжелособомбардировочная эскадрилья 2-го дальнебомбардировочного полка, 4 разведывательные эскадрильи и 2 авиаотряда, в которых насчитывалось 380 самолетов⁸⁸⁸.

Таблица 7

Группировка ВВС Южного фронта на 29 июня 1940 г.⁸⁸⁹

Фронт, армии	Авиабригады	Авиаполки	Эскадрильи	Самолеты
Южный фронт	7-я	8-й, 11-й, 51-й, 90-й дбап	—	160
	29-я	1-й, 3-й, 7-й, 14-й тбап	—	122
	22-я	2-й, 43-й иап	—	130
		46-й, 89-й, 20-й иап, 48-й сбап	24-я драз	146
Всего	3	14	1	558
12-я А	16-я	13-й, 16-й сбап	—	83
	35-я	7-й шап, 94-й сбап, 138-й лбап	—	129
	56-я	3-й шап, 33-й, 149-й иап	—	135
	69-я	23-й, 28-й, 91-й иап	—	130
		12-й, 17-й иап	5-я, 8-я драз, 36-я, 44-я раз, 20-й, 12-й као, 3-я аз	152
Всего	4	13	7	629
5-я А	10-я	33-й, 60-й, 86-й сбап	—	168
	38-я	87-й, 88-й, 92-й иап	—	159
			47-я раз, 7-й као	17
Всего	2	6	2	344
9-я А	1-я	4-й, 131-й иап, 132-й сбап	—	187
	13-я	21-й дбап, 44-й, 45-й сбап	—	144
	43-я	5-й сбап, 55-й, 67-й, 69-й иап	—	229
	55-я	11-й лбап, 58-й сбап, 146-й иап	—	149
			42-я, 48-я раз	22
Всего	4	13	2	731
Итого	13	46	8 раз, 3 као, 1 аз	2 262

21 июня 1940 г. начальник Политуправления Красной армии армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис направил Военным советам и начальникам Политуправлений КОВО и ОдВО директиву № 5285/сс о политработе в период Бессарабской кампании, в которой следующим образом объяснялись действия СССР: «В 1918 году, воспользовавшись гражданской войной в СССР и интервенцией англо-французских империалистов, Румыния воровски захватила у нас Бессарабию. Наши братья живут в Бессарабии в ужасающей нищете и влечат жалкое существование», что подтверждалось выдержками из румынской прессы.

«Правительство королевской диктатуры дополняет экономический гнет народных масс Бессарабии политическим и национальным. Этнографически Бессарабия не имеет никакого отношения к Румынии. Там проживает не более 9,1% румын. Все остальное население – это русские, украинцы и молдаване. Русским, украинцам и молдаванам под страхом суда запрещается разговаривать на родном языке. Их культурные учреждения и школы разгромлены.

Особенно жестоким издевательствам румынские капиталисты и помещики подвергают русское и украинское население в Бессарабии. Они бьют и уничтожают всех, кто в какой-то мере симпатизирует Советскому Союзу.

Стремление бессарабского населения освободиться от румынского гнета сказывается в массовых революционных выступлениях и восстаниях, которые на протяжении всех 22 лет оккупации Бессарабии жестоко подавлялись. Так, были потоплены в крови трудящихся Хотинское (1919 г.) и Татарбунарское (1924 г.) вооруженные восстания. Бессарабские тюрьмы переполнены политическими заключенными и крестьянами.

Советский Союз никогда не признавал захвата боярской Румынией Бессарабии. 5 марта 1918 г. Румыния по Ясскому мирному договору с Советской Россией обещала в 2-месячный срок очистить Бессарабию от своих войск и вернуть ее нашей Родине. Этот договор Румыния, при поддержке Англии и Франции, не выполнила.

Настал момент вырвать из воровских рук боярской Румынии нашу землю, выволить из румынского плена наших братьев и граждан. Уворованная Бессарабия должна быть и будет возвращена в лоно своей матери-Родины – Союзу Советских Социалистических Республик.

В целях подготовки войск к предстоящим военным операциям Политуправление Красной армии обязывало политорганы «разъяснить всему личному составу внешнюю политику СССР, разоблачить Румынию, захватившую воровским путем нашу советскую землю. Мы идем освобождать наших единокровных братьев украинцев, русских и молдаван из-под гнета боярской Румынии и спасти их от угрозы разорения и вымирания. Вызволяя советскую Бессарабию из-под ига румынских капиталистов и помещиков, мы защищаем и укрепляем наши южные и юго-западные границы. (Сделать это вечером накануне выступления)...»

Требовалось «всей партийно–политической работой создать в частях боевой подъем, наступательный порыв, обеспечивающий быстрый разгром врага (захват в плен его основных сил и очистку Бессарабии)... Задача Красной армии, как указано выше, – вернуть Бессарабию к нашей Родине и вызволить из боярского плена наших единокровных братьев и граждан. На своих знаменах Красная армия несет свободу трудовому народу от эксплуатации и национального гнета. Рабочие будут освобождены от капиталистического рабства, безработные получают работу, батраки, безземельные и малоземельные крестьяне получают земли румынских помещиков, налоги будут облегчены и временно совсем сняты. Будет положен конец дикой системе „румынизации“ русских, украинцев и молдаван. Население Бессарабии получит возможность строить свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. Бессарабия станет советским форпостом на нашей южной и юго–западной границе... Подготовка наступления должна проводиться в строжайшей тайне. Решительно бороться с болтливостью. Каждый должен знать лишь ему положенное и в установленный срок... Тексты листовок к солдатам и населению даст Политуправление Красной армии. Их надо будет разбросать по всей Бессарабии самолетами в первый день наступления...»

Чтобы не допустить возможного мародерства и «барахольства», требовалось «проинструктировать личный состав об отношении к мирному населению» и запретить «совершать какие бы то ни было личные покупки в магазинах всем военнослужащим, невзирая на лица».

Были предусмотрены меры по работе среди войск противника, основная цель которой «сводится к тому, чтобы быстро разложить его армию, деморализовать тыл и таким образом помочь командованию Красной армии в кратчайший срок и с наименьшими жертвами добиться полной победы». Требовалось «на конкретных фактах показывать тяжелое положение трудящихся масс, особенно батраков и малоземельных, в Бессарабии, террор и насилие в тылу со стороны полицейско–жандармского аппарата... Разъяснять румынским солдатам несправедливость и безнадежность войны против СССР и задачи Красной армии. Разоблачить произвол офицеров на фронте, капиталистов, помещиков, чиновников и полицейских в тылу... Пропагандировать переход солдат на нашу сторону и антивоенные настроения в армии противника. Широко пропагандировать каждый факт поражения румынских войск. Показывать счастливую и радостную жизнь рабочих и крестьян в СССР. Разъяснять, как рабочие и крестьяне СССР управляют государством без капиталистов и помещиков. Противопоставлять этому бесправное положение рабочих и крестьян в Румынии. Показать принципиальную разницу между царской Россией – тюрьмой народов и Советским Союзом – братским союзом освобожденных народов... Политработники держат серьезный экзамен. Они должны оправдать огромное доверие, которое оказала им партия, правительство, товарищ СТАЛИН»⁸⁹⁰.

Сосредоточение войск к границе и политработа согласно этой директиве, полученной в войсках 25 июня, порождали довольно боевые настроения. Как заявил воентехник 1–го ранга 5–го кавкорпуса Лаврентьев, «с нетерпением жду того дня, когда можно будет показать силу советского оружия в руках трудящихся, а главное – выполнить ответственное задание партии и Великого Сталина». По мнению отделенного командира 86–го кавполка 32–й кавдивизии Черняева, «скорее бы дали разрешение ехать ближе к границе и вступить в бой с врагами Советского Союза». Отделенный командир 14–й танковой бригады Рычков заявил: «Давали бы скорее боевой приказ, мы бы показали всему миру силу и славу наших танков»⁸⁹¹. К началу операции «политико–моральное состояние войск находилось на высоком уровне. Красноармейцы, командиры и политработники понимали историческую роль Красной армии по освобождению Бессарабского народа и полны были решимости с честью выполнить задание Партии и Правительства СССР»⁸⁹².

Однако политорганы фиксировали не только «правильное» понимание событий личным составом, но и негативные настроения. Так, например, красноармеец 36–й танковой бригады Соколовский заявил: «Опять война, опять протягиваем братскую руку помощи. А сами говорим, что у нас нет империалистической захватнической политики». По мнению красноармейца 335–го гаубичного артполка РГК Федотова, «у нас только говорят против войны, а сами воюют, в результате чего уже погибло до 200 тыс. человек, и еще готовим войну, чтобы убивать людей, это преступно»⁸⁹³. Естественно, что с такими настроениями политорганы боролись особенно активно. В период сосредоточения войск имели место факты дезертирства красноармейцев. Так, только в войсках 12–й армии с 11 по 28 июня было задержано 138 дезертиров, 71 из которых был осужден (в том числе 5 к расстрелу). К 26 июня политорганы разработали план действий на первые дни операции⁸⁹⁴. Для воздействия на войска противника было отпечатано 6 млн листовок, которые 27 июня были загружены в самолеты и подготовлены к применению⁸⁹⁵.

В преддверии операции советское командование активизировало разведку противника. По данным разведотдела штаба КОВО, с 1 по 10 июня 1940 г. «Румыния усилила переброску войск в район Буковины и северной части Бессарабии»⁸⁹⁶. Советская разведка оценивала численность румынской армии к концу июня 1940 г. в 1,6–1,8 млн человек. Она состояла из 12–13 армейских корпусов, 40–42 пехотных дивизий, 1 горнопехотного корпуса, 5 горнопехотных бригад, 1 крепостной бригады, 3 кавалерийских дивизий, 1 конно–моторизованной дивизии, 2 танковых бригад. В ВВС насчитывалось 1 550–1 600 самолетов, из которых 30% приходилось на устаревшие и небоевые⁸⁹⁷. К 20–м числам июня 1940 г. разведка Южного фронта установила наличие следующей группировки румынских войск. В районе Черновиц и на севере Бессарабии находилось 8–9 пехотных дивизий, 2 горнопехотные бригады и 1 кавбригада. В Прутской группировке (видимо, 3–я армия) насчитывалось 7–8 пехотных, 2 кавалерийские, 1 конно–моторизованная дивизии и 1–2 мотомеханизированных полка. Серетская

группировка (4-я армия) включала 9 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии. Таким образом, в составе румынского Восточного фронта имелось 25 пехотных, 3 кавалерийские, 1 конно-моторизованная дивизии, 2 горнопехотные и 1 мотомеханизированная бригады⁸⁹⁸.

В действительности на советско-румынской границе было развернуто 20 пехотных, 3 кавалерийские дивизии и 2 горнопехотные бригады. В полосе от Валя-Вишеуляй до Секирян располагались войска 3-й армии (штаб – Роман) в составе горнопехотного корпуса (1-я, 4-я горнопехотные бригады), 8-го и 10-го армейских корпусов (5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 29-я, 34-я, 35-я пехотные и 2-я кавалерийская дивизии). Вдоль р. Прут от Секирян до Черного моря были развернуты войска 4-й армии (штаб – Текуч) в составе 1-го, 3-го, 4-го и 11-го армейских корпусов (2-я, 11-я, 12-я, 13-я, 14-я, 15-я, 21-я, 25-я, 27-я, 31-я, 32-я, 33-я, 37-я пехотные, 3-я, 4-я кавалерийские дивизии). Обе армии, входившие в состав 1-й группы армий, объединяли 60% сухопутных войск Румынии и насчитывали около 450 тыс. человек⁸⁹⁹.

Оборонительные рубежи румынских войск в Северной Буковине проходили по рубежам рек Черемош, Прут и Сирет. Инженерное оборудование этих рубежей состояло из окопов и ходов сообщения, пулеметных площадок и гнезд, наблюдательных и командных пунктов, минометных и артиллерийских позиций, противотанковых и противопехотных препятствий и небольшого количества долговременных огневых точек (ДОТ). На севере Бессарабии никакой системы обороны создано не было, имелись лишь отдельные окопы и траншеи. На юге Бессарабии около Бендер с весны 1940 г. началось сооружение 207 железобетонных ДОТ, из которых 133 было уже забетонировано. Однако оборудования и вооружения они еще не имели. Кроме того, у Петрешт было подготовлено 6 огневых точек. «В целом система обороны румынской армии в Северной Буковине и Бессарабии не была законченной и, за исключением естественных водных преград р. Днестра, р. Черемош и р. Прут, серьезной преграды для наступающей армии не представляла»⁹⁰⁰.

Со своей стороны, румынское командование с помощью авиаразведки пыталось уточнить сведения о сосредоточении советских войск, группировка которых оценивалась в 42 стрелковые, 2 мотострелковые, 11 кавалерийских дивизий, 10 танковых и 4 авиационные бригады. 21–27 июня румынские самолеты 11 раз вторгались в советское воздушное пространство, в том числе 9 раз 26–27 июня⁹⁰¹. Так, например, в 20.55 21 июня в районе Снятын границу нарушил румынский самолет. Пролетев на высоте 2500 м вдоль границы до г. Стецова, он был обстрелян 22 винтовочными выстрелами частей Красной армии, развернулся и ушел в Румынию. 26 июня 2-моторный румынский самолет перелетел границу где-то в Карпатах и в 8.45 был замечен в районе Коломыи, где снизился до 50–100 метров и пролетел над боевыми порядками войск 12-й армии в сторону Черновиц. Поднятый для преследования советский истребитель самолета не обнаружил⁹⁰². Естественно, румынское командование не имело точных данных о сосредоточивающейся группировке Красной армии, но прекрасно понимало серьезность положения.

Германия–Румыния–СССР

Военная подготовка решения бессарабского вопроса сопровождалась соответствующей дипломатической деятельностью Москвы. Вступление Италии 10 июня 1940 г. в войну усилило ее заинтересованность в демонстрации сотрудничества с СССР, который тоже был заинтересован в определении позиции Германии и Италии в отношении Балкан и возможности решения бессарабского вопроса. 20 июня итальянский посол в Москве А. Росо заявил Молотову о стремлении итальянского правительства развивать отношения с СССР в духе договора о дружбе, ненападении и нейтралитете 1933 г. и помочь урегулированию спорных вопросов на Балканах мирным путем. В ответ Молотов заявил, что СССР стоит за урегулирование бессарабского вопроса «мирным путем, если, конечно, он не будет затягиваться без конца»⁹⁰³. Эта беседа стала первым намеком для германского посольства в Москве на возможные действия СССР в отношении Румынии⁹⁰⁴. 21 июня советский полпред в Бухаресте в беседе с румынским министром иностранных дел в ответ на реплику последнего о путях улучшения советско-румынских отношений заметил, что в первую очередь следует урегулировать нерешенные политические вопросы, в частности вопрос о Бессарабии. Однако румынская сторона не стала развивать эту тему⁹⁰⁵.

В беседе с Молотовым 23 июня Шуленбург подтвердил, что, по мнению Германии, «соглашение о консультации» согласно пакту о ненападении «распространяется и на Балканы». Выяснив, что Германия подтверждает прошлогоднее соглашение о Бессарабии, Молотов сообщил Шуленбургу решение советского правительства по бессарабскому вопросу. «Советский Союз хотел бы разрешить вопрос мирным путем, но Румыния не ответила» на советское заявление от 29 марта 1940 г. Теперь советское правительство «хочет поставить этот вопрос вновь перед Румынией в ближайшее время. Буковина, как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем. Она пользовалась ею 21 год, зная, что те не принадлежат ей, даже ее союзники не ратифицировали договор, по которому Бессарабия признавалась за Румынией. Ввиду того, что Япония не ратифицировала этот документ, он не действителен. Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя»⁹⁰⁶. Шуленбург указал на важность для Германии экономических поставок из Румынии и просил советское правительство не предпринимать никаких решительных шагов, пока не будет обозначена позиция Германии. Молотов еще раз подчеркнул срочность

вопроса и заявил, что советское правительство ожидает поддержки со стороны Германии. Со своей стороны, СССР обеспечит охрану экономических интересов Германии в Румынии⁹⁰⁷.

Вечером того же дня Молотов уведомил Шуленбурга, что «советское правительство будет ожидать ответа германского правительства до 25 июня включительно»⁹⁰⁸. 24 июня Риббентроп составил для Гитлера меморандум, в котором указал, что в секретном протоколе от 23 августа 1939 г. Германия декларировала свою политическую незаинтересованность в «этих территориях» Юго-Восточной Европы, но подчеркнула свою экономическую заинтересованность в регионе⁹⁰⁹. Таким образом, у германского руководства не было формального повода отклонить или ограничить советские притязания. В тот же день Риббентропу были переданы соображения статс-секретаря германского МИДа Э. фон Вайцзеккера, который предложил приложить усилия для мирного урегулирования вопроса в смысле удовлетворения претензий СССР, но взамен Москва должна была удовлетворить следующие пожелания: «1. Не переходить в Бессарабии участок р. Прут и нижнего течения Дуная, чтобы не подвергать опасности наши интересы в районах нефтедобычи; 2. Обещать соблюдать права и интересы граждан рейха; 3. Обещать охрану интересов фольксдойче способом, который будет установлен позднее; 4. В случае военного столкновения не бомбить районы нефтедобычи». Румынии же необходимо указать, что Германия поддержит советские требования⁹¹⁰.

25 июня советская сторона предприняла более конкретный дипломатический зондаж в отношении Италии. В ответ на предыдущий запрос итальянского посла Молотов заявил ему, что СССР «не имеет никаких претензий к Венгрии» и «считает претензии Венгрии к Румынии имеющими под собой основания. С Болгарией у СССР хорошие, добрососедские отношения. Они имеют основание стать более близкими. Претензии Болгарии к Румынии, как и к Греции, имеют под собой основания. Основные претензии СССР к Румынии известны. СССР хотел бы получить от Румынии то, что по праву принадлежит ему, без применения силы, но последнее станет неизбежным, если Румыния окажется несговорчивой. Что касается других районов Румынии, то СССР учитывает интересы Италии и Германии и готов договориться с ними по этому вопросу»⁹¹¹. 26 июня в беседе с советским полпредом в Риме министр иностранных дел Италии Г. Чиано, сославшись на сведения о намерениях СССР «разрешить военным путем вопрос о Бессарабии», информировал Москву, что Италия «целиком признает права СССР на Бессарабию», но заинтересована в мирном решении этого вопроса. При этом итальянская сторона выразила готовность вместе с Германией «посоветовать Румынии принять советские предложения»⁹¹². 27 июня Москва дала согласие на это итальянское предложение⁹¹³.

Тем временем в 21.00 25 июня Шуленбург сообщил Молотову следующий ответ Берлина: «1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией. 2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать Советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию. 3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии. 4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен Советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Волыни». Германия высказала заинтересованность в недопущении «превращения Румынии в театр военных действий»⁹¹⁴. Молотов выразил признательность германскому правительству за его понимание и поддержку советских требований и заявил, что СССР также желает мирного решения вопроса «о Бессарабии и Буковине, но немедленно», поскольку «советское правительство считает, что больше затягивать этот вопрос нельзя». Пожелания Германии относительно проживающих там немцев будут учтены, так же как и экономические интересы рейха. По вопросу о Буковине Молотов заявил, что она «является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине советское правительство придает важность решению этого вопроса одновременно с бессарабским», но, как отметил Шуленбург в телеграмме в Берлин, вполне возможно некоторое изменение советских требований⁹¹⁵.

26 июня Молотов вновь беседовал с Шуленбургом и заявил, что советские требования «ограничиваются северной частью Буковины с городом Черновицы», и добавил, что советское правительство ожидает поддержки Германией этих требований. Когда Шуленбург заметил, что вопрос решился бы легче, если бы СССР возвратил Румынии золотой запас румынского Национального банка, вывезенный в Москву в 1915 г., Молотов ответил, что об этом не может быть и речи, так как Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию. Относительно дальнейших действий Молотов сообщил, что он передаст требования СССР румынскому посланнику в Москве в ближайшее дни и ожидает от Германии поддержки в удовлетворении этих требований, если Румыния не хочет войны⁹¹⁶. В Румынии еще не знали, что судьба Бессарабии уже практически решена. 25 июня румынский премьер-министр интересовался у германского посланника в Бухаресте, нет ли ответа на румынское заявление от 20 июня. На вопрос собеседника, не приступила ли Румыния к переговорам с СССР о Бессарабии, Татареску заявил, что «румынское правительство и король полны решимости скорее воевать, чем просто уступить», если Москва потребует эту территорию. Столь же воинственные заявления выслушивали 24–26 июня от румынских коллег американские дипломаты⁹¹⁷. Правда, в Бухаресте росли опасения в связи с тем, что неоднократные тревожные обращения в Берлин натыкались на стену молчания.

26 июня в 22.00 Молотов вручил румынскому посланнику Г. Давидеску ноту советского правительства. В ней было заявлено, что «в 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от

Советского Союза (России) часть его территории – Бессарабию... Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а сложившаяся международная обстановка требует быстрого разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами», советское правительство предложило Румынии: «1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу. 2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах, согласно приложенной карте». Одновременно Москва выразила надежду, что Румыния «примет настоящие предложения СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт». Ответ румынского правительства ожидался в течение 27 июня⁹¹⁸. Попытка румынского посланника оспорить приведенную в ноте аргументацию ссылками на румынскую версию истории Бессарабии и событий 1918 г., естественно, не нашла отклика у Молотова, который заметил, что они «не соответствуют ни историческому развитию, ни реальной ситуации». Также не удалась попытка продлить срок для ответа из Бухареста, поскольку советское правительство уже «ждало 22 года» и поэтому «надеется, что ответ будет дан без опозданий, и если он будет положительным, то вопрос будет решен мирным путем». Давидеску отказался взять карту с нанесенной линией новой границы в Буковине, сославшись на невозможность передать ее в Бухарест, но записал наименования важнейших пунктов этой линии⁹¹⁹.

О предпринятых действиях в отношении Румынии Молотов поздно вечером 26 июня известил Шуленбурга⁹²⁰, который утром 27 июня пытался уточнить, «как понимать требование советского правительства, что румынский ответ должен поступить еще сегодня». На это ему разъяснили, что «советские войска завтра утром перейдут румынскую границу, если румынское правительство еще сегодня не даст положительный ответ на советские требования»⁹²¹. Получив советскую ноту, румынское правительство обратилось за поддержкой к Италии, Германии и союзникам по Балканской Антанте. Кроме того, от Рима и Берлина требовалось оказать сдерживающее влияние на Венгрию и Болгарию⁹²². 27 июня в 10.30 Риббентроп передал в Бухарест инструкцию своему посланнику, в которой предлагал заявить министру иностранных дел Румынии: «Советское правительство информировало нас о том, что оно требует от румынского правительства передачи СССР Бессарабии и северной части Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства»⁹²³. Схожие ответы были получены от Италии и стран Балканской Антанты.

В ходе заседания Коронного совета, открывшегося в 12.30, выяснилось, что с военной точки зрения ситуация была бесперспективной. Румынское командование полагало, что армия сможет оказать сопротивление, отступая на р. Сирет, при условии, что впоследствии она будет опираться «на поддержку большой армии какого-то союзника». Однако именно это условие и не могло быть выполнено, поскольку, как было сообщено Румынии, для Германии «военная акция на Востоке в настоящее время невозможна, так как немецкая армия должна закончить войну против Англии». Повторять же недавний опыт Финляндии в Бухаресте явно не спешили. Состоявшееся голосование показало, что 11 членов совета высказались против принятия советского ультиматума, 10 – за его принятие, 4 – поддержали идею вступить в переговоры с Москвой, а премьер-министр воздержался. Правда, состоявшаяся после обеда беседа с Каролом II показала, что Татареску является сторонником принятия советских требований. Обсуждая варианты действий в данной ситуации, в Бухаресте решили попытаться затянуть время, вступив в переговоры с СССР. Поэтому, как отмечалось в опубликованном коммюнике, «исходя из желания сохранения мирных отношений с СССР, Совет утвердил решение румынского правительства потребовать у советского правительства фиксации числа и места, где могла бы состояться встреча делегатов обоих правительств с целью обсуждения советской ноты. Ответ правительства СССР на предложение румынского правительства ожидается». Одновременно королем был подписан декрет о мобилизации румынских вооруженных сил с 24.00 28 июня⁹²⁴.

В 23.00 27 июня в Москве был получен ответ Бухареста, в котором румынское правительство заявляло, «что оно готово приступить немедленно, в самом широком смысле, к дружественному обсуждению, с общего согласия, всех предложений, исходящих от Советского правительства». Румыния просила «указать место и дату» будущих переговоров, делегаты на которые с румынской стороны будут назначены после ответа из Москвы. В ноте выражалась надежда, что «переговоры... будут иметь результатом создание прочных отношений доброго согласия и дружбы между СССР и Румынией». Выслушав столь обтекаемый ответ, Молотов заявил, что «не видит в сделанном заявлении согласия на советские предложения и что он полагает, что завтра же советские войска должны вступить на территорию Бессарабии и Северной Буковины». Давидеску заверил его, что румынское правительство согласно с советскими предложениями, но следует договориться о «процедуре и юридических формах осуществления данных мероприятий». Однако все попытки румынского дипломата договориться о будущих переговорах были безуспешны, поскольку, как заявил Молотов, «сейчас речь идет о вопросах политических, а не технических». Советская сторона предложила немедленно подписать соглашение о том, что 28 июня «советские войска должны занять определенные пункты» и за 3–4 дня занять всю остальную территорию. Соответственно, Румыния должна гарантировать сохранность предприятий, железных дорог, аэродромов, телеграфа и телефона, государственного и частного имущества, а позднее «советско-румынская комиссия сможет договориться о деталях реализации намеченных мероприятий»⁹²⁵.

Давидеску отказался подписывать соглашение, сославшись на отсутствие у него необходимых полномочий.

Тогда в 1.25 28 июня ему была передана новая советская нота, в которой отмечалась неопределенность ответа румынского правительства, «ибо в нем не сказано прямо, что оно принимает предложения Советского правительства о немедленной передаче Советскому Союзу Бессарабии и северной части Буковины». Однако, принимая во внимание разъяснения румынского посланника в Москве, советское правительство предложило: «1. В течение 4-х дней, начиная с 2 часов дня по московскому времени 28 июня, очистить румынским войскам территорию Бессарабии и северной части Буковины. 2. Советским войскам за этот же период занять территорию Бессарабии и северной части Буковины. 3. В течение 28 июня советским войскам занять пункты: Черновицы, Кишинев, Аккерман. 4. Королевскому правительству Румынии взять на себя ответственность за сохранность и недопущение порчи железных дорог, паровозного и вагонного парка, мостов, складов, аэродромов, промышленных предприятий, электростанций, телеграфа. 5. Назначить комиссию из представителей» сторон «для урегулирования спорных вопросов по эвакуации румынских войск и учреждений». Ответ Румынии должен был поступить в Москву не позже 12.00 28 июня⁹²⁶.

Тем временем в Бухаресте продолжалось обсуждение сложившейся обстановки, не исключая и возможности военного сопротивления СССР. Однако в ходе второго заседания Коронного совета, состоявшегося в 21.00–24.00 27 июня, реально оценив военные возможности Румынии и опасаясь социальных потрясений в случае войны с СССР, присутствующие 19 голосами против 6 (при 1 воздержавшемся) решили согласиться на уступку требуемых СССР территорий. Согласно дневнику Кароля II, он «закрыв заседание Совета короткой речью, в которой сказал, что это – самый тяжелый день в моей жизни, я даже не мог радоваться тому, что мой сын сдал экзамен на степень бакалавра. Считаю, что, уступая без сопротивления почти четверть (в действительности 17,1%. – М.М.) территории страны, мы совершаем крупнейшую ошибку. Не пожав никому руки, я вышел в глубоком горе и в убеждении, что последствия данных решений будут весьма плачевными для страны, даже если, как утверждает Арджетоану, мы в скором будущем, может быть, добьемся того, что потеряли». Как позднее заявил в парламенте Татареску, «мы решили отступить из Бессарабии и Верхней Буковины, чтобы спасти сегодня румынское государство и уберечь от опасности будущее румынской нации»⁹²⁷.

Побудительные мотивы решения румынского руководства не были тайной для Москвы. Уже 2 июля советская разведка докладывала о том, что, «по сведениям резидента в Румынии, румынский король согласился на ультиматум Советского Союза якобы только после того, как им были получены заверения от германского и итальянского послов о том, что возвращение СССР Бессарабии и северной части Буковины является временным решением, т.к. Германия и Италия, занятые на Западе, не могут оказать вооруженной помощи Румынии. Впоследствии же Румыния в качестве компенсации за правильное понимание момента сможет получить не только Бессарабию, но и Молдавскую республику. Рядовой состав и младшие офицеры румынской армии довольны мирным разрешением конфликта, а генералитет расценивает это как грубую ошибку правительства»⁹²⁸.

Тем временем, получив в 2.30 28 июня новую советскую ноту, румынское правительство обратилось к Германии с просьбой повлиять на СССР, чтобы добиться сохранения Черновиц в составе Румынии и продлить срок эвакуации. Хотя Берлин обещал поддержку, никаких указаний Шуленбург не получил⁹²⁹. В 11.00 Бухарест заявил Москве, что, стремясь «избежать серьезных последствий, которые повлекло бы применение силы и открытие военных действий в этой части Европы, видит себя обязанным принять условия эвакуации, предусмотренные в советском ответе». При этом Румыния просила продлить срок эвакуации, «принимая во внимание, что эвакуацию территории было бы крайне трудно осуществить в течение четырех дней вследствие дождей и наводнений, которые испортили пути сообщения». Решением этого вопроса могла бы заняться смешанная советско-румынская комиссия⁹³⁰. Вместе с тем, как справедливо отметила М.Д. Ерещенко, Румыния формально согласилась не на возвращение территории Советскому Союзу, а всего лишь на «эвакуацию румынских войск» из Бессарабии и Северной Буковины, что в дальнейшем использовалось Бухарестом для обоснования своих притязаний на эти территории⁹³¹. Приняв текст румынского ответа, Молотов заявил, что «Правительство СССР дать отсрочки не может. Если будет необходимость по техническим причинам отсрочить на несколько часов реализацию той или иной части намеченных мероприятий, то вопрос об этом может быть рассмотрен смешанной советско-румынской комиссией. Советским войскам будут даны указания начать переход границы сегодня после 2 часов дня. Румынские войска должны принять меры к тому, чтобы организованность продвижения советских войск не была ничем нарушена»⁹³².

Бессарабский поход

Пока велись все эти дипломатические переговоры, войска Южного фронта завершали последние приготовления к операции. Не зная, каким будет ответ из Бухареста, Шапошников в 16.00 27 июня позвонил по ВЧ Жукову и передал ему следующее указание: «С утра 28.6.40 быть готовым к действиям. Действия могут быть с выстрелом или без выстрела. Приказание о действиях и характере их дополнительно.

Жуков: Отдаю приказ о занятии исходного положения. Как быть относительно разъяснения красноармейцам?

Шапошников: С разъяснением подождать. Решение, очевидно, последует до 24 часов.

Жуков: Разрешите привести средства ПВО в боевую готовность.

Шапошников: Привести средства ПВО в боевую готовность можно»⁹³³.

Соответственно командование Южного фронта отдало своим войскам директиву № А00148, которая устанавливала срок готовности к наступлению на 3.00 28 июня, но при этом предусматривала вариант действий

«без боя» на случай возможного добровольного отвода румынских войск. В любом случае следовало ожидать «особое приказание»⁹³⁴.

В 17.30 информация «о возможном начале с утра 28.6.40 с выстрелом или без выстрела» была передана из Генштаба по телефону адмиралу Галлеру. В 21.10–21.20 27 июня Шапошников заходил в кабинет Сталина, но, поскольку румынского ответа еще не поступило, ему было приказано ждать дальнейших указаний. Соответственно, в 22.00 начальник Генштаба еще раз позвонил в Проскуров и вновь предупредил Жукова, чтобы «без особого приказа не было бы ни одного выстрела. Ждите особых указаний». В 22.30 в Главный морской штаб было сообщено, что «можно сегодня быть спокойным, а Галлер сообщил, что если что будет, то его нужно предупредить заранее, так как ему нужно время». В 23.00, когда Молотов беседовал с Давидеску, в Генштаб позвонил из Гросулово генерал–полковник Д.А. Локтионов и сообщил, что «все готово и все ждем. Не будет ли указаний?» На это Шапошников довольно сухо ответил: «Ничего не знаю. Ожидать приказа и предупредить всех, чтобы без приказа не было сделано ни одного шага»⁹³⁵.

В 6.30 28 июня в Москву поступила сводка штаба 9-й армии, согласно которой «в течение ночи 27–28 июня войска 9 А заняли исходное положение. Ведется подготовка к переправам и оборудованию О[гневых] П[озиций] и К[омандных] П[унктов].

а) 71 ОУБ 4 тбр, перейдя в подчинение 37 ск, занял исходное положение в районе Ташлык.

б) в 176 сд десантные группы 404 и 389 сп выдвинулись к излучине реки Днестр.

в) стрелково–пулеметный полк 55 ск сосредоточен в Ясски»⁹³⁶.

В 9.05 в Генштаб поступило донесение штаба Южного фронта:

«1. Войска Южного фронта развернулись, заняли исходное положение согласно директивы фронта № 00145 и находятся в готовности выполнить приказ Народного Комиссара.

2. Фронтовые резервы – 8, 86 и 100 сд заканчивают сосредоточение, 17 сд продолжает сосредоточение – в районах согласно сводке № 34.

3. Сильные дожди, прошедшие 27 июня в районах 12 и 5 армий, испортили грунтовые дороги, которые местами труднопроходимы.

4. На рассвете 28.6 два взвода 497 сп 135 сд в районе Каниловка на 3 км юго–западнее Старая Ушица переправились на южный берег реки Днестр. После перестрелки с обеих сторон взводы возвратились на северный берег реки Днестр, имея 2 раненых красноармейцев. Производится срочное расследование. Подробности особым донесением»⁹³⁷.

В результате выяснилось, что «на участке 5-й армии командир батальона 497-го сп капитан Балашев в 3.50 под прикрытием до 11 станковых пулеметов из района дер. Каниловка выбросил на румынскую территорию десант на 3-х лодках в составе 57 человек. Десант переправился на румынскую территорию и захватил высоту у дер. Молодова, до 1 км углубившись на румынскую территорию. Румыны разбежались, оставив 2 винтовки, маузер и до 1000 патронов. Командующий полком полковник Шуков, как только узнал об этом, послал командира роты и вернул десант обратно. В 6 часов последняя лодка вернулась на нашу территорию. В результате перестрелки с нашей стороны имеется два легкораненых. Расследование показало, что командир батальона капитан Балашев знал, что без приказа он не может дать ни одного выстрела. В то же время ему было известно, что срок готовности установлен в 3 часа. Как раз к этому времени он потерял связь с полком и, боясь опоздать, по своей инициативе начал переправу через Днестр»⁹³⁸.

Поскольку ответ Румынии ожидался к 12.00 28 июня, войска Южного фронта продолжали находиться в районах сосредоточения, ожидая приказа. Первыми об изменении политической ситуации узнали пограничники. В 10.00 заместитель начальника пограничных войск НКВД УССР генерал–майор В.А. Хоменко доложил в Москву о том, что «румыны получили приказ немедленно без выстрела организованным порядком отойти из Буковины и Бессарабии». Поскольку румынская охрана стала сниматься, Хоменко предлагал срочно взять под охрану мосты и другие сооружения на Днестре»⁹³⁹. Однако было решено не торопить события.

Лишь после получения в 11 часов ответа румынского правительства советские войска получили новую задачу – без боя занять Бессарабию и Северную Буковину. Соответственно командование Южного фронта отдало войскам директиву № А00149:

«1. Правительство Румынии согласилось добровольно оставить Буковину и Бессарабию и отвести румынские войска за р. Прут.

2. Задача войск Южного фронта – быстрым выдвижением к р. Прут закрепить за СССР территорию Буковины и Бессарабии.

3. Командующему 12 армией выбросить в первом эшелоне подвижные части с задачей: а) 4 кк с 24 тбр БТ занять район Серет [Сирет], Герца, Черновицы и закрепиться на линии Серет, Герца. Вслед за 4 кк 60 и 131 стр. дивизиям выйти: 131 сд – в Черновицы и 60 сд на рубеж Серет, Герца и сменить части 4 кк, сменя основные силы, штадив 60 в районе Терешени [Тарашаны]. 4 кк по смене его 60 сд сосредоточиться в районе Сторожинец.

Граница слева – р. Прут (вкл.), Герца.

б) 2 кк с 5 тбр БТ занять район Герца (иск.), Липканы, Залещики и закрепиться на рубеже р. Прут от Герца (иск.) до Липканы, одной кд немедленно занять Хотин, за 2 кк направить 58 сд, которой выйти в район – Динауцы [Диновцы] и сменить части 2 кк, имея штадив и основные силы дивизии – Динауцы. 2 кк по смене полностью сосредоточиться в районе Хотин. Штакор 2 кк – Хотин.

Граница слева – р. Збруч, Хотин, Липканы (все вкл. для 2 кк).

в) 192 гсд, оставаясь в районе Усьцерыки, [передовые части] выдвинуть в район Рижина и Селетин [Селятин] с задачей прочно удерживать горные проходы в районе Камерале, Фрасин, Стража.

Граница между 192 гсд и 4 кк – Ростоки, Стража.

4. Командующему 5 армией переправить 49 и 36 танковые бригады через р. Днестр. Танковым бригадам выйти к р. Прут и удерживать рубеж Липканы (иск.), Загайканы одновременным выдвижением 80 сд из района Студеница и 169 сд из района Ямполь сменить части 49 и 36 танковых бригад, имея основные силы 80 сд в районе Коржеуци и 169 сд в районе Дануль Веке; по смене 36 и 49 танковых бригад последним сосредоточиться: 49 танковой бригаде в районе Ларга, 36 танковой бригаде – Блештени. От 130 сд выдвинуть один сп – Сороки, в последующем действия 80, 169 и 140 сд 9 армии объединить командованием 36 ск, штаб которого выдвинуть в Бельцы.

Граница слева – Сороки, Бельцы, Калинешти (все для 5 А).

5. Командующему 9 армией выбросить в первом эшелоне подвижные части с задачей: а) 140 сд одним стр. полком на машинах достичь р. Прут и закрепиться на рубеже Калинешти, Скулени [Скуляны], остальными силами дивизии выйти в район Бокша. С выходом дивизии в район Бокша передать ее в распоряжение командира 36 ск 5 армии.

б) 35 ск подвижным эшелоном в составе 15 мсд, 21 тбр и одного сп 95 сд на машинах достичь р. Прут с задачей: прочно удерживать рубеж: 15 сд на участке Унгены, Кастулени, сп 95 сд Немцени, Радюканы и 21 тбр Леово, Цыганка, остальными силами 35 ск занять – 173 сд с 4 тбр г. Кишинев; главными силами 95 сд – район Карпинени. Штадив 95 – Карпинени. Штакор 35 – Кишинев.

Граница слева – Тирасполь, Селемет, Цыганка.

в) гор. Бендеры занять полком 51 сд и г. Оргей [Оргеев] – усиленным стрелково–пулеметным батальоном УРа.

г) 5 кк выйти в район Измаил, Кагул, Болград и, имея 9 кд – Измаил, прочно удерживать рубеж р. Прут и р. Дунай на участках: Кагул, Измаил.

Граница слева – верховье Днестровского лимана, Кюрдо, Кислица.

д) 55 ск – 25 сд занять Аккерман и Сарата. Штадив Сарата. 74 сд выйти в район Рени, Измаил, Болград и сменить части конницы. КК по смене сосредоточиться в районе Кагул.

6. Остальным частям Южного фронта оставаться в занимаемых ими районах, кроме 141 сд, которую выдвинуть в район Залещики.

7. Темп движения войск, вводимых в Бессарабию и Буковину, будет указан дополнительно.

8. При движении войск на территории Буковины и Бессарабии принять меры разминирования районов, для чего усилить первые эшелоны войск саперами и договориться с командованием румынской армии: а) о проводниках, б) о картах и схемах и в) о заминированных районах.

9. В целях организованности быстрого продвижения войск громоздких тылов с собой не брать, все излишнее имущество частей оставить на месте. Материальную часть артиллерии, свыше 122–мм калибров не брать. Войсковые запасы ограничить – 1/2 бк, двумя заправками горючего и трехсуточной дачей. У бойцов иметь облегченную выкладку, утвержденную приказом НКО.

10. В движении соблюдать строгий порядок, установить образцовую строевую сколоченность и четкость – из строя на походе при прохождении населенных пунктов не выходить, привалов вблизи населенных пунктов не делать, командирам всех степеней во все время движения быть на своих местах.

11. Каждому полку иметь с собой оркестр и населенные пункты проходить с музыкой и песнями.

12. Особое внимание обратить на внешний вид бойцов и их подтянутость – всем быть побритыми, почищенными, в опрятной чистой летней одежде и касках, плохо одетых оставить в тылах дивизии и в Буковину и Бессарабию не выводить, весь личный состав и части предварительно осмотреть командирам корпусов и Военным советам армий.

13. Ввиду применения второго варианта действий и движения войск на основе договоренности приказ мой № 00126 о начальниках гарнизонов и их функциях отменить. Начальниками гарнизонов населенных пунктов назначаю старших командиров частей и соединений, которые действуют в данном районе, функции их – согласно положению о начальниках гарнизонов.

Для ориентировки и облегчения издания приказов по гарнизону выдать на каждую дивизию запас экземпляров проекта приказа по гарнизону.

14. Все необходимые мероприятия провести немедленно и быть в готовности для выполнения настоящего приказа к 12.00 28.6.40. Приказ ввести в жизнь по особому распоряжению⁹⁴⁰, которое было передано по телефону в штабы армий Южного фронта в 12.10–12.18 28 июня⁹⁴¹.

Соответственно в 13.00 пограничники получили приказ командующего Южным фронтом «немедленно все пограничные мосты на реках Черемош, Прут, Днестр взять под охрану погранчастями. Выявить укладку мин и разминировать мосты. Приняв охрану, выставить усиленные наряды на обоих берегах»⁹⁴².

На основании директивы командующего Южным фронтом командующие армиями издали собственные приказы войскам. Например, в 9–й армии в 13.15 был издан боевой приказ № 2, уточнявший задачи войск:

«1. Правительство Румынии добровольно согласилось оставить Буковину и Бессарабию, отвести свои войска за р. Прут.

2. Справа 5 армия занимает северную часть Бессарабии. Граница с ней – Сороки, Цыплешты, Бельцы, Калинешти.

3. Задача 9 армии – быстрым выдвижением к р. Прут на фронте Яссы, Галац закрепить за СССР среднюю и южную часть Бессарабии.

4. 140 сд передовыми подвижными частями в течение суток через Стефанешты и [Ки]шкарены достичь р. Прут и закрепиться на рубеже Калинешти, Скулени, остальными частями в три перехода выйти в район Скумпия. С выходом в указанный район дивизия переходит в подчинение командира 36 ск, штаб которого Бельцы.

5. 35 ск, 173 сд и 95 сд, 15 мсд и 4 тбр к исходу 29.6 подвижными частями достигают рубежа р. Прут:

а) 15 мсд на участке Вульпешти, Коштулени, штадив – Кетирени. Ночлег [с] 28 на 29.6 – Кишинев;

б) Подвижной отряд 95 сд – РБ, ТБ, мотоартиллерия, пехота и саперы на машинах выходят к переправе у Леушени. Ночлег с 28 на 29.6 – Кишинев;

в) 4 тбр к вечеру 28.6 полностью сосредоточиться Кишинев;

г) 173 сд переправляться через Днестр у Григориополя и к исходу 28.6 сосредоточиться в районе Коржево, Балабанешты, 29.6 переходит Кишинев;

д) 95 сд главными силами переправляется 28.6 [у] Ташлык и к исходу дня сосредоточивается в районе хут. Нахарова, Нов. Романовка, Спея. В дальнейшем, двигаясь по маршруту Чимишены, Бачой, Ловены, Ганчешты, Карпияны, выйти на р. Прут к утру 1.7 на участке Немцавы, Леушени, Томай, имея главные силы район Карпияны, штадив Карпияны.

6. 51 сд переправить стрелковый полк с одним дивизионом артиллерии и бронепоездом к исходу 28.6 занять район Бендеры, где расположиться гарнизоном, остальные части 51 сд остаются в Тирасполь, Парканы.

7. 14 тбр к исходу 28.6 перейти по Бендерскому мосту и сосредоточиться на ночлег в районе Танатары, Урсоа. К утру 30.6, двигаясь по маршруту Ново–Каушаны, Троицкое, Чимишлия, Кочалия, выйти передовыми частями [на] р. Прут на фронте м. Леово–Цыганка, главными силами – Тигеч, Кочалия. Штабриг – Кочалия.

8. 5 кк к вечеру 28.6 начать движение передовыми частями по переправам 7 ск и Бендерскому мосту, сосредоточиться в районе: 9 кд – Кагул, Рени, главные силы – Кагул, 32 кд – Измаил. Штакор – Болград. Полоса движения – справа: Бендеры, Кошкалия, Романово, Конгаз, Кагул, слева: Меринешты, Манзырь, Березина, Кубей, Измаил.

Передовыми частями выйти в указанные районы к исходу 30.6, главными силами – к утру 2.7. По выходе в район Рени, Измаил частей 74 сд корпусу сосредоточиться Кагул. 7 ск немедленно навести все переправы для прохождения частей 5 кк, оставаясь своими частями на месте.

9. 55 ск к исходу 28.6 25 сд занять Аккерман и Кол[ония] Стар[ая] Сарата. Штадив – Кол[ония] Стар[ая] Сарата.

74 сд переправляется за 25 сд и, следуя по маршруту – Аккерман, Кол[ония] Стар[ая] Сарата, Кубей, к исходу 4.7 выйти [в] район Рени, Измаил, Болград, сменив части 5 кк. Штадив – Болград.

10. Остальные части 9 армии, не перечисленные в настоящем приказе, остаются на месте...»⁹⁴³

28 июня войска получили указание Политуправления Красной армии, которое требовало разъяснить всему личному составу, что, «благодаря мудрой сталинской внешней политике партии и Правительства, мы избавили от кровопролитной войны трудящихся Бессарабии и Северной Буковины и решили вопрос о возвращении Бессарабии в могучую семью Советского Союза мирным путем». Войскам приказывалось сохранять бдительность и вести активную политработу среди местного населения, для чего были созданы специальные группы политработников⁹⁴⁴. «С величайшей радостью и одобрением бойцы, командиры и политработники встретили сообщение нашего Правительства о мирном урегулировании советско–румынского конфликта». Во всех частях и подразделениях по этому случаю были проведены митинги и беседы.

Красноармеец 187–го стрелкового полка 72–й стрелковой дивизии Пакланов считал, что «только мощные силы Рабоче–Крестьянской Красной Армии, подошедшие к самой границе, заставили румынские власти образумиться и принять наши законные требования». По мнению красноармейца 150–го гаубичного артполка Кушнерева, «достигнутое соглашение еще раз подтвердило мудрую внешнюю политику мира, неуклонно проводимую в жизнь под руководством товарища Сталина нашим Правительством». Как заявил красноармеец 264–го корпусного тяжелого артполка Ширшов, «за мудрую политику Сталина, за партию, которая обеспечила мирную жизнь нашему народу и освобождение наших братьев от угнетения буржуазии все как один готовы драться с любым врагом до полного его уничтожения». Лейтенант 26–го отдельного разведбатальона Рывкин полагал, что «освобождение Бессарабии от гнета румынских бояр еще раз показало нашу мощь и мудрую сталинскую внешнюю политику».

Схожие мнения были отмечены и в частях 95–й стрелковой дивизии. Как считал красноармеец 161–го стрелкового полка Решетников, «хорошо, что мирно разрешили этот вопрос, это в интересах трудящихся СССР и трудящихся Румынии, ведь капиталисты не воевали бы, а жертвы несли бы одни трудящиеся Румынии». Красноармеец 90–го стрелкового полка Караев заявил: «Я так и знал, что вопрос о Бессарабии будет решен мирным путем, потому что наше правительство всегда проводит политику мира, и румыны не могли бы устоять против нашей армии, они это чувствовали». Красноармеец 13–го отдельного разведбатальона Бондаренко полагал, что «действительно Сталинская политика мира очень мудрая. Сейчас вопрос о Бессарабии разрешен мирным путем, без всяких жертв. Товарищ Сталин позаботился об освобождении трудящихся Бессарабии от

гнета румынских бояр». По мнению красноармейца 404-го стрелкового полка 176-й стрелковой дивизии Кузьменко, «теперь с силой Советского Союза стали считаться все. Этого наш народ добился потому, что нами руководит большевистская партия во главе с вождем товарищем Сталиным». Вместе с тем раздавались и голоса: «А все же жалко, готовились, готовились, а воевать не пришлось»⁹⁴⁵.

В 14 часов 28 июня советские войска начали операцию по занятию территории Северной Буковины и Бессарабии. Уже в 14.30 штаб Южного фронта доложил в Москву о том, что из 12-й армии в Северную Буковину вступили 5-я танковая бригада и 58-я стрелковая дивизия в районе Снятын, 24-я танковая бригада в районе Княже, 141-я стрелковая дивизия двинулась в район Залещиков, а из 5-й армии в Бессарабию – 80-я стрелковая дивизия в районе Устье, Сокол, Большая Мукша и 169-я стрелковая дивизия – в районе Ямполь, Сороки. Однако с переправой войск 9-й армии возникли проблемы⁹⁴⁶.

В 17.30 по прямому проводу из Гросулова старший генерал-адъютант наркома обороны генерал-лейтенант В.М. Злобин передал в штаб Южного фронта приказ Тимошенко: «1. Переправа 9 А запаздывает. Переправа плохо организована и грозит срывом. 2. Командарму приказано выслать разведку истребителей на аэродромы Кишинев и Аккерман, после чего посадить там истребительные части. 3. Нарком приказал немедленно разведать со своей стороны аэродром Кишинев и сегодня же посадить там авиадесантную бригаду». Принявший сообщение начальник Оперативного отдела штаба фронта генерал-лейтенант Г.К. Маландин доложил об этом Жукову, который сам подошел к аппарату и передал для доклада наркому обороны: «1. Передовые части Черевиченко на подходе к Черновицам. Задержка произошла из-за очень плохих и размытых дорог. 2. Хотин занят. 3. Бельцы будут заняты частями Герасименко и авиацией в 20.00. 4. Сегодня авиадесант посадить в Кишинев невозможно, т.к. от аэродрома десантной бригады 4 часа лёту. Ночью в Кишиневе посадить невозможно. Прошу Кондратенко проинформировать, как выправляет дело Болдин.

Злобин: Болдин пока еще ничего не предпринял для того, чтобы ускорить переправу. Сейчас размышляет. Примет решение, сообщу. Все»⁹⁴⁷.

В соответствии с полученными приказами войска 12-й армии во второй половине дня 28 июня продвигались в глубь Северной Буковины. В 17.30 бронепоезд железнодорожного полка НКВД с батальоном 58-й стрелковой дивизии прибыл в Черновицы, куда несколько позднее вступила 5-я танковая бригада, которая, пройдя город, вместе с отдельным разведбатальоном 58-й стрелковой дивизии двинулась дальше и к вечеру, пройдя Магалу, достигла района Топоровцы, Редковцы. Главные силы 58-й стрелковой дивизии перешли границу севернее Снятын и, продвигаясь на юго-восток, достигли района Кицмань, Вителювка. К 21 часу на аэродром у Черновиц перебазировалось 23 самолета И-16 12-го истребительного авиаполка, а еще в 19.30 туда же была направлена передовая команда 255-й авиабазы. 24-я танковая бригада не смогла в полном составе форсировать р. Черемош, и вместо нее из Куты была направлена 23-я танковая бригада с десантным батальоном, которая вместе с передовыми частями 4-го кавкорпуса заняла Сторожинец. Главные силы 34-й кавдивизии находились на подходе к Сторожинцу, а 16-й кавдивизии – южнее Вашковцев. Бронепоезд в 24.00 прибыл в Новоселицу. 141-я стрелковая дивизия заняла мост у Залещиков и продвинулась на юго-восток до Кадобестэ. 2-й кавкорпус форсированным маршем двинулся к границе, и к исходу дня передовой отряд 3-й кавдивизии вступил в Берхомитку, главные силы дивизии находились в районе Снятын, а 5-я кавдивизия подходила от Городенки к Ясенев-Польному. 60-я стрелковая дивизия находилась на переправах через р. Черемош в Вижнице и Испасе.

На фронте 5-й армии в Хотин в 15.45 переправились пограничники, а в 17.30 стали прибывать подразделения Каменец-Подольского УРа. На переправе у Хотина понтонная лодка с 30 бойцами и боеприпасами была течением снесена на трос парома и перевернулась. В результате утонуло 16 военнослужащих 39-го пулеметного батальона Каменец-Подольского УРа, было потеряно 5 ручных пулеметов, 16 винтовок и 2 000 винтовочных патронов. 80-я стрелковая дивизия переправилась через Днестр в районе Устье, Сокол, Большая Мукша и, пройдя Ленковцы и Кельменцы, достигла своими 77-м и 153-м стрелковыми полками района Новоселица, Волченец, Лукачаны. Остальные части дивизии около Устья до 21 часа наводили понтонную переправу для 49-й танковой бригады. Восточнее у Марьяновки в 16 часов через Днестр переправился 305-й стрелковый полк 44-й стрелковой дивизии, который к 1.00 29 июня завершил наведение понтонного моста для 36-й танковой бригады. Задержка с наводкой переправ была связана как со слабой подготовкой понтонеров, так и с сильным течением вздувшейся после дождей реки. 169-я стрелковая дивизия в 17 часов начала переправу через Днестр в районе Косовцы, Сороки и к вечеру достигла Флексера, Скиняны, где расположилась на ночлег. При переправе 556-го стрелкового полка дивизии утонуло 3 красноармейца. 434-й стрелковый полк дивизии был переброшен от Могилева-Подольского в Яругу, где и форсировал реку. 371-й стрелковый полк 130-й стрелковой дивизии занял Сороки и приступил к наводке понтонного моста через Днестр.

Тем временем передовые части 147-й, 176-й и 30-й стрелковых дивизий 37-го стрелкового корпуса 9-й армии в 14–15 часов переправились через Днестр около Ташлыка и обеспечивали наведение переправ, которое затянулось из-за слабой обученности понтонеров. В результате переправа войск по понтонным мостам началась лишь после 17 часов. 435-й и 798-й стрелковые полки 140-й стрелковой дивизии к 22 часам форсировали реку соответственно у Солончен и Резины и к 4 часам утра 29 июня продвинулись в район Шолданешты, Сыркова. У Григориополя в 18.20–20.00 переправилась 95-я стрелковая дивизия, которая вышла в район Будешты, Колоница, Сагайдак. При переправе через Днестр 13-го отдельного разведбатальона дивизии на середине реки заглох мотор у плавающего танка, который затонул. Другой плавающий танк затонул в 10–15 метрах от бессарабского берега.

Экипажи были спасены, второй танк вытащили на берег и ввели в строй. У Григориополя к 20.30 завершили переправу главные силы 173-й стрелковой дивизии. 15-я мотострелковая дивизия и 4-я танковая бригада с 20 часов начали переправу южнее Ташлыка, и их передовые части в 22 часа вступили в Кишинев. На подходе к городу в перевернувшейся бронемашине разведбатальона дивизии погиб 1 красноармеец. В течение ночи в город подтянулись главные силы 15-й моторизованной дивизии, 4-й танковой бригады, передовой отряд 95-й и подвижной отряд 51-й стрелковых дивизий.

287-й стрелковый полк 51-й стрелковой дивизии занял в 17.40 Бендеры, где в штаб полка явилось 16 румынских солдат, которые сдали оружие и заявили о своем нежелании уходить в Румынию. Процедура передачи города советским частям проходила при большом скоплении населения, которое, увидев подъехавшего румынского генерала, стало кричать: «Расстреляйте его!» В этих условиях румынский представитель счел за лучшее покинуть площадь, не дожидаясь завершения церемонии. По железнодорожному мосту в Бендерах с 20 часов переправлялись 18-й и 30-й танковые полки дивизий 5-го кавкорпуса, сосредоточившиеся в Фарладенах, и 14-я танковая бригада, которая достигла района Урсоа. В 21.47 в Аккерман переправился батальон 35-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии. С 17.20 началось наведение понтонного моста через Цареградское гирло Днестровского лимана. Собранные части моста поочередно подтягивались к гирлу, но при сильном шторме тросы несколько раз обрывались, и сооружение моста завершилось только к 4 часам утра 29 июня.

Тем временем, выполняя приказ наркома обороны, в 18.35 на аэродроме Кишинева село 9 самолетов И-16, а к 20.15 туда перебазировалось еще 18 самолетов из состава 146-го истребительного авиаполка. Получив сведения о перелете самолетов в Кишинев, через Днестр переправился и двинулся к городу передовой отряд 130-й авиабазы. В 19.10–19.40 27 самолетов И-16 67-го истребительного авиаполка перебазировалось на аэродром около Аккермана.

28 июня Галлер доложил Шапошникову о том, что в связи с мирным решением бессарабского вопроса Черноморский флот с 15.00 переведен с готовности № 1 на готовность № 2. Корабли, предназначавшиеся для содействия флангу Красной армии и блокирования побережья Румынии, сосредоточены в Одессе и на Тендеровском рейде. 2 подводные лодки были развернуты на позиции у Констанцы и 2 – на подходе к Босфору. По данным разведки флота, 2 миноносца, подводная лодка и канонерская лодка румынского ВМФ замечены в районе между Сулиной и о. Змеиный, 1 канонерка – в Констанце. Турецкий флот находится в Босфоре и в море не выходил⁹⁴⁸.

В 23.00 28 июня командование Южного фронта отдало своим войскам директиву № 00150, в которой указывалось:

«1. Румынские войска продолжают отход за р. Прут.

2. Армии Южного фронта, перейдя госграницу в 14.00 28.6, заняли к исходу дня Черновицы, Хотин, Сороки, Кишинев, Аккерман и районы Сторожинец и Бельцы.

3. Армиям фронта, действуя в составе, установленном директивой моей № 00149, с утра 29.6 продолжать движение и занять северную Буковину и Бессарабию и к исходу 30.6 выйти к новой государственной границе.

4. 12 армии 29.6 выйти на рубеж Селети[н], Терблешти [Порубное], ст. Каменка, ст. Строешки, ст. Липканы и прочно удерживать его. С выходом на этот рубеж иметь основные группировки: 4 кк с 23 тбр в районе Сторожинец, 60 сд – Терешени [Тарашаны], 131 сд – Черновицы, 58 сд с 5 тбр – Динауцы [Диновцы] и 2 кк – Хотин. Штаб 17 ск вывести 29.6 – Черновицы и подчинить командованию 17 ск – 131, 60 и 58 сд.

Граница слева – р. Збруч, Хотин, р. Прут (все для 12 армии).

5. 5 армии – 36 ск в составе 80, 169, 140 сд с 49 и 36 тбр достичь 29.6 рубежа ст. Липканы (иск.), ст. Реуцела. Основные силы и штабы иметь: 80 сд – Коржеуци, 169 сд – Глодени и Бельцы и 140 сд – Кишкарены.

49 и 36 танковым бригадам с выходом стрелковых частей к р. Прут сосредоточиться в районы – 49 тбр – Ларга, 36 тбр – Блештени.

Граница слева – Ботушаны, Скулени.

6. 9 армии – выйти 29.6 на рубеж Пырлица, Ганчешты, Дезгинже. Основные силы действующих войск иметь: 15 мсд в районе Пырлица, 95 сд – Ганчешты, 21 тбр – Дезгинже и 173 сд – Кишинев. Все эти соединения объединить в составе 35 ск.

5 кк 29.6 выйти на рубеж Конгаз, Болград, Фурманка.

55 ск, занимая 25 сд Аккерман и Сарата, вывести 74 сд в район Акмангит.

7. Распоряжением нач. ВВС к 10.00 29.6 выбросить парашютный десант 201 адбр в районе Болград с задачей – занять район Болград.

8. Частям при занятии Буковины и Бессарабии движение вести на хвостах отходящих румынских войск.

9. Во всех гарнизонах занятой Бессарабии и Буковины установить образцовый порядок, наладить караульную службу и взять под охрану все имущество, оставленное румынскими войсками, госучреждениями и помещиками.

10. Немедленно принять меры к исправлению дорог и мостов в занимаемых войсками районах. Распоряжением нач. ВОСО немедленно приступить к перешивке на широкую колею жел. дорожных участков: а) Тирасполь–Кишинев; б) Залещики–Черновицы, Липканы–Бельцы; в) Могилев–Подольск–Бельцы; г) Бельцы–Кишинев; д) Бельцы–Рыбница; е) Бендеры–Болград; ж) Аккерман–Романешти [Романово], Фельчиу [Фэлчиу].

11. ВВС по утвержденной мною схеме с 29.6 приступить к постройке полевых аэродромов из расчета 15-ти ИАП и 5-ти ШАП.

12. С 29.6 снять угрожаемое с воздуха положение.

13. Организовать с 29.6 разминирование дорог и районов, ликвидировать заграждения и завалы и восстановить разрушенную связь»⁹⁴⁹.

Получив новую директиву, штаб 9-й армии в 5.10 29 июня издал боевой приказ № 3, уточнявший указания штаба фронта:

«1. Румынские войска продолжают поспешный отход за р. Прут.

2. Справа продолжает выдвижение к р. Прут 5 армия, граница с ней прежняя.

3. 9 армия 29.6 подвижными частями выходит на рубеж Пырлица, Ганчешты, Дезгинже.

4. 35 ск в составе 15 мсд, 95 и 173 сд, 4 тбр к исходу 29.6 сосредоточиться:

а) 15 мсд в районе Пырлица, выбросив передовые части к р. Прут на участке Петрешти, Дануцени;

б) 95 сд – Ганчешты;

в) 173 сд и 4 тбр – Кишинев.

5. 5 кк подвижными танковыми частями к исходу 29.6 выйти на рубеж Кагул, Болград; главными силами 9 кд – Лейпциг, 32 кд – Тарутино, Березина.

6. 55 ск:

а) силами 74 сд занять район Аккерман, Кол[ония] Стар[ая] Сарата;

б) 25 сд к исходу 29.6 вывести в район Акмангит.

7. Распоряжением нач. ВВС фронта к 10.00 29.6 будет выброшен парашютный десант 201 адбр в районе Болград с задачей – занять район Болград...»⁹⁵⁰

Выполняя директиву, войска Южного фронта с утра 29 июня возобновили продвижение. На фронте 12-й армии 5-я танковая бригада в 7 часов утра выступила в направлении Новоселицы и, двигаясь далее вдоль р. Прут, к 10 часам вошла в Липканы. К исходу дня бригада сосредоточилась в районе Мамалыга, Липканы, Стальновцы. 23-я танковая бригада в 7 часов утра выступила из Сторожинца в направлении Сирета и в 10 часов вошла в Каменку. По дороге бригада натолкнулась на хвост колонны румынских частей и задержала 500 солдат и офицеров. Танковый батальон 24-й танковой бригады при подходе к западной окраине Герца в 15.30 был обстрелян румынами. В ходе завязавшейся перестрелки было убито 5 румынских военнослужащих. Отходившие перед фронтом 12-й армии 7-я и 8-я румынские пехотные дивизии столкнулись с проблемой поддержания воинской дисциплины. В одной из колонн 7-й пехотной дивизии до 3 тыс. солдат разбежалось, забрав с собой конский состав, а ушло в Румынию не более 200 человек. Советскими войсками было подобрано до 200 винтовок, 3 пулемета, около 50 тыс. винтовочных патронов и несколько сот ручных гранат. Два румынских взвода добровольно сдали оружие и отказались уходить в Румынию. В районе села Сергиены румынский капитан попробовал спровоцировать вооруженное столкновение, отдав команду занять оборону. Советский командир распорядился выдвинуть на позиции пулеметы, увидев которые румыны бежали. Местное население обратилось к советскому командованию с жалобами на мародерство отходящих румынских частей, которые в районе Тарашан расстреляли 3 жителей, сопротивлявшихся изъятию лошадей.

Кавэскадрон и стрелковая рота 192-й горнострелковой дивизии в 13 часов достигли Селятина и начали выдвигать заставы на линию Камераль–Фрасин ам Фалкеу–Стража. Главные силы дивизии сосредоточились в Усцерыках. 60-я стрелковая дивизия завершила переправу через р. Черемош и двинулась двумя колоннами от Куты на Сторожинец и от Вашковцев на Черновицы. 58-я стрелковая дивизия продвигалась к Черновицам. В районе села Рогозна на подходе к Садгоре 138-й противотанковый дивизион дивизии встретил вооруженное сопротивление румынского конного разезда. В перестрелке 2 румынских солдата было убито, 1 ранен, а 19 солдат и 1 прапорщик были задержаны, убито 3 лошади, захвачены 1 пулемет, 13 карабинов и 19 лошадей. К исходу дня дивизия достигла района Маморницы. Главные силы 34-й кавдивизии 4-го кавкорпуса в 9.00 сосредоточились в Сторожинце, на линии Красноильск–Порубное–Герца к 14 часам были высланы подвижные отряды (по кавполку с танковой ротой). После ночного марша 16-я кавдивизия около 9 часов утра подходила к Черновицам, а к 14 часам сосредоточилась в районе Волока. Передовые части 2-го кавкорпуса в 16 часов вышли на р. Прут у Тарасовцев. 3-я кавдивизия, совершив ночной марш, к 9.30 находилась в районе Магалы, а к исходу дня сосредоточилась в Новоселице, выдвинув передовые отряды на линию Тарасовцы–Костычены–Шандряны. 5-я кавдивизия к 10 часам утра достигла района Юрковцев, а к вечеру вошла в Хотин. Штаб 2-го кавкорпуса расположился в Чернавке. 131-я стрелковая дивизия продолжала сосредоточение в Черновицах. Туда же передислоцировалось управление 17-го стрелкового корпуса, а в 16.30 прибыла и опергруппа штаба 12-й армии.

На фронте 5-й армии к 6 часам утра 49-я танковая бригада вышла в район Ларги, а в 13 часов главные силы бригады сосредоточились в Коржеуцах. К исходу дня передовые отряды были развернуты на Пруте от Широцев до Нового Бедража. 36-я танковая бригада к 6.05 достигла Бричан, в 9.15 сосредоточилась в Онештах, а передовые отряды с приданным в качестве десанта 25-м стрелковым полком 44-й стрелковой дивизии к 14 часам развернулись вдоль р. Прут от Старого Бедража до Костешт. В этот день в перевернувшейся танке погибли 2 красноармейца, а также легчик потерпевшего аварию самолета связи У-2. 80-я стрелковая дивизия достигла района Баласинешты, Коржеуцы.

Продвижение сводного отряда бронемашин 169-й стрелковой дивизии, высланного для занятия г. Бельцы, было задержано медленно отходящей к Фалештам колонной 4-й румынской кавдивизии, обогнав которую передовой отряд в 4.30 вступил в город. Как оказалось, там еще в 17 часов 28 июня был взорван единственный

мост, соединяющий северную и южную Бессарабию через реку Реут, а город с железнодорожной станцией. Как выяснила комиссия по обследованию взорванного моста, подготовка к взрыву, которым было разрушено 3 пролета (46 м), началась еще 18 июня. К исходу дня главные силы 680-го и 556-го полков 169-й стрелковой дивизии сосредоточились в районе Рышкан. В тот же день в Бельцы прибыло управление 36-го стрелкового корпуса, а 4 самолета И-15 3-го штурмового авиаполка перебазировались на аэродром Стрыба северо-западнее города.

На фронте 9-й армии 140-я стрелковая дивизия продолжала движение к Кишкаренам. На переправе у Рыбницы подъем воды в Днестре привел к разрыву понтонного моста, который пришлось наводить заново. 15-я мотострелковая дивизия в 6 часов утра выступила из Кишинева и к 19 часам передовыми танковым и 321-м моторизованным полками достигла района Корнешты, Пырлица. Около Корнешт части дивизии были обстреляны румынским отрядом. Советские части открыли ответный пулеметный огонь. В перестрелке погибло 2 красноармейца, было убито 12 и ранено 16 румынских солдат. Конфликт был разрешен на месте представителями сторон. Самолет связи дивизии был обстрелян румынским бронепоездом на ст. Перивал между Корнештами и Пырлицей. Управление 35-го стрелкового корпуса, 173-я стрелковая дивизия и 4-я танковая бригада полностью сосредоточились в Кишиневе. Из состава танковой бригады через Ганчешты к переправе у Фэлчиу был направлен 46-й танковый батальон, который к исходу дня сосредоточился в Кании, где контролировал отход румынских войск.

95-я стрелковая дивизия к исходу дня достигла района Милешты, Костешты. Войска 5-го кавкорпуса утром завершили переправу через Днестр. 9-я кавдивизия переправлялась с 2.30 севернее Бендер, а 32-я кавдивизия – с 5.30 у Красногорки. К исходу дня корпус своими главными силами достиг района Петровка, Стурдзяны. В районе Манзырь части 32-й кавдивизии задержали группу румынских военнослужащих на 40 подводах, у которых было изъято 14 200 леев, 86 винтовок, 4 пистолета, 117 штыков, 5 тыс. патронов и различные продукты, а также сейф с секретными документами. Танковые полки 9-й и 32-й кавдивизий достигли Чимишлии и Романова. В связи с высадкой 204-й авиадесантной бригады в районе Болграда корпусу было приказано не продвигаться далее линии Чимишлия–Комрат–Романово, а 14-я танковая бригада вернулась на восточный берег Днестра и сосредоточилась в Парканах.

Южнее на фронте 55-го стрелкового корпуса 74-я стрелковая дивизия завершила переправу через Днестровский лиман и заняла район Паленка, Карловка, Аккерман. Севернее лимана в 3.00 подразделения 360-го стрелкового полка дивизии форсировали Днестр и заняли район Хан–Кишло. На их правом фланге к 6.00 через реку переправились части сводного стрелково-пулеметного полка Тираспольского УРа и сводного артполка Одесского артиллерийского училища, занявшие район Коркмазы. После 4 часов утра по понтонному мосту через Цареградское гирло началась переправа частей 25-й стрелковой дивизии, которая к исходу дня достигла главными силами района Бенкендорф, Посталя, Черкесы. В течение дня штаб 9-й армии передислоцировался в Тирасполь.

Тем временем командующий ВВС Южного фронта генерал-лейтенант Ф.А. Астахов еще в 20 часов 28 июня отдал предварительное распоряжение командиру 29-й авиабригады о высадке десанта в районе Болграда. Правда, вместо 201-й было приказано использовать 204-ю авиадесантную бригаду. Как сообщал в своем донесении от 19 июля 1940 г. Военному совету КОВО и Управлению боевой подготовки РККА командир 204-й бригады полковник И.И. Губаревич, с 4 часов утра 29 июня личный состав бригады был выведен к самолетам и находился там до отлета, имея на себе один боекомплект патронов и две сутодачи мясоовощных консервов, концентратов и сухарей. 1 436 десантников разместились в 99 самолетах ТБ-3 1-го, 3-го, 7-го и 14-го тяжелобомбардировочных авиаполков и в 8.00–9.30 несколькими эшелонами самолеты стартовали в сторону южной Бессарабии. До цели дошло 97 самолетов, так как 2 были вынуждены приземлиться в Виннице и Кишиневе. Выброска десанта велась с 12.30 до 14.30 29 июня в 10 км севернее Болграда. Всего было высажено 1 372 десантника, на вооружении которых находилось 1 065 винтовок, 72 ручных пулемета, 246 пистолетов, 187 пистолетов-пулеметов Детярева, 18 радиостанций, 28 телефонов, 213 тыс. винтовочных патронов и 110 700 пистолетных патронов. В ходе выброски 1 боец рано открыл парашют и, попав на стабилизатор самолета, погиб. 5 десантников получили переломы ног, 15 – вывихи и растяжения и 1 – сотрясение мозга. После выброски десанта на аэродром вернулось 95 самолетов, а 2 совершили вынужденную посадку в Кишиневе и Виннице.

К 16.30 бригада сосредоточилась у Болгарийска, но еще до этого 3-й батальон был направлен в Болград, а 1-й батальон – на станцию Троянов Вал, которые были заняты в 18.30. Высадка десанта была восторженно встречена населением и стала наглядной демонстрацией силы Красной армии. В Болграде, который радостно встречал советских десантников, добровольно разоружился и разошелся по домам местный румынский охранный батальон. Вслед за этим подошедший к городу кавэскадрон 3-й румынской кавдивизии был спешен и лошади возвращены населению. В 18.35 204-я бригада получила приказ Южного фронта о занятии городов Рени и Кагул, находящихся в 40–50 км от места выброски десанта. В 20 часов 2-й батальон двинулся в Рени походным порядком. В 21 час румынское командование заявило протест на высадку десанта у них в тылу⁹⁵¹.

В 0.15 30 июня Шапошников сообщил находящемуся в Тирасполе Тимошенко и Жукову о продлении срока эвакуации румынских войск до 14.00 3 июля⁹⁵². Соответственно командование Южного фронта отдало приказ № 00151, который требовал:

«1. Армии фронта, продолжая выдвижение к новой границе, к исходу 29.6 заняли северную Буковину и

заканчивают занятие Бессарабии.

Приказываю:

1) 12 А выдвинуть к исходу 30.6 60 сд в район Терешени [Тарашаны] и передовыми частями 60 и 58 сд закрепиться по госгранице на участке Фонтана Алба, ст. Терешлешти [Порубное], Херца, Липканы. С выходом передовых стрелковых частей на госграницу танковым бригадам сосредоточиться: 23 тбр – Сторожинец, 5 тбр – Ставчаны. Батальону 24 тбр присоединиться к своей бригаде. Конным корпусам оставаться в занимаемых ими районах.

Граница слева – прежняя.

2) 5 А продолжать выполнение ранее поставленной задачи (приказ 00150) и выдвижением к р. Прут передовых стрелковых частей прочно закрепиться по госгранице на участке (иск.) Липканы, Скулени [Скуляны].

Граница слева – Ботушани, Скулени.

3) 9 А передовыми частями 35 ск к исходу 30.6 занять и закрепиться по р. Прут на участке (иск.) Скулени, Цыганка, имея основные силы 15 мсд в Пырлица, 95 сд в Ганчешты, 5 кк 30.6 сосредоточиться в районе Чимишлия, Комрат, Романово.

204 адбр, имея основные силы в Болград, занять и удерживать Кагул и Рени, сильными отрядами до 300 чел. каждый. 55 ск, занимая 25 сд район Кол[ония] Стар[ая] Сарата, Аккерман, один сп 74 сд на машинах выбросить к исходу 30.6 в район Измаил, обеспечивая госграницу по линии р. Дунай, остальными силами дивизии форсированным маршем выйти в район, указанный в приказе 00150.

Штакор 55 ск 30.6 перейти в Кол[ония] Стар[ая] Сарата.

4) Штабу 12 А, оставив опергруппу в Черновицах, перейти в Коломыя.

5) Разъяснить всему личному составу, что наше Правительство разрешило румынской армии производить эвакуацию до 14.00 3.7.40 г., поэтому все вопросы решать только мирным путем, допуская где нужно возможность нормального отхода. При отходе румынских частей не допускать производства румынскими солдатами грабежей, увода скота, подвижного состава и подвод, взятых у местного населения Бессарабии и Буковины, для чего выделить на переправы через р. Прут: от 5 армии у Бранешты танковый батальон с десантом пехоты от 36 тбр; от 9 армии в Леушени танковый батальон с десантом; в Кагул один танковый полк от кд, в Рени танковый батальон с десантом пехоты; на переправу через р. Дунай в Измаил – один танковый полк от кд.

Танковым полкам и батальонам выступить на указанные переправы в 5.00 30.6.40 г., задачи – контролировать отход румынских войск через границу и никоим образом не допускать вывоза имущества, увода скота, подвод, взятых от местного населения и подвижного состава»⁹⁵³.

30 июня на фронте 12-й армии войска 4-го и 2-го кавкорпусов, батальон 24-й, 23-я и 5-я танковые бригады находились в прежних районах и готовились к переходу в Сторожинец и Ставчаны после смены их стрелковыми частями. 60-я стрелковая дивизия в 16 часов достигла главными силами Сторожинца, а передовые отряды 358-го и 194-го стрелковых полков выходили на рубеж Порубное-Герца для смены кавалерии. Одно подразделение Красной армии случайно вступило на станцию Сирет, но в тот же день отошло за установленную линию государственной границы. 58-я стрелковая дивизия заняла район Диновцы, Котелево и готовилась к смене частей 5-й танковой бригады. 131-я стрелковая дивизия полностью сосредоточилась в Черновицах.

На фронте 5-й армии 49-я танковая бригада была сменена подошедшими полками 80-й стрелковой дивизии, которые развернулись по линии Широцы-Коржеуцы-Куконешты, и сосредоточилась в Коржеуцах. Один танковый батальон бригады был выдвинут к переправе у Бранешт, где находился до подхода частей 169-й стрелковой дивизии. 169-я стрелковая дивизия сменила 36-ю танковую бригаду, отошедшую в район Онешт, и занимала район Проскуряны, Бранешты, Болотино, Каменка, Бельцы, Рышканы. Через Бранешты отходили части 8-го и 11-го кавполков 4-й румынской кавдивизии, которые грабили население. Командир 1-го батальона 556-го стрелкового полка 169-й стрелковой дивизии предложил сдать награбленных у населения лошадей и повозки. Румыны отказались, сделав несколько ружейных и пулеметных выстрелов по расположению батальона. Батальон развернулся и, в свою очередь, сделал несколько выстрелов в сторону румын, которые разбежались, побросав коней, часть оружия и повозки. Кавалеристы-бессарабцы остались на восточном берегу Прута. У остатков конницы были изъяты награбленные у местных жителей лошади и повозки. Отходивший в полосе дивизии артиллерийский дивизион 4-й румынской кавдивизии саморазоружился и отказался уходить в Румынию. 140-я стрелковая дивизия достигла района Фалешты, Скумпия, а передовой отряд выдвинулся к Пруту между Токсобенами и Скулянами. В течение дня 3-й штурмовой и 92-й истребительный авиаполки перебазировались в район г. Бельцы.

На фронте 9-й армии главные силы 15-й мотострелковой дивизии с 15 часов находились в районе Пырлицы. Батальон 321-го мотополка и танковый батальон 14-го танкового полка с 20 часов контролировали переправу в Унгенах. Передовая танковая рота в 20.00 заняла переправу у Петрешт. 47-й стрелковый полк в 14 часов вошел в соприкосновение с румынским отрядом силою до 1 800 человек с 20 орудиями и 200 подводами, загруженными артиллерийскими снарядами. Им было предложено перегрузить снаряды на воинские подводы, а подводы местных жителей вернуть. Танковый батальон и 9-я стрелковая рота 15-й мотострелковой дивизии вступили в Скуляны. Во время переговоров с румынским генералом, которые происходили на улице при большом скоплении местных жителей, неизвестно кем в сторону советских танков была брошена ручная граната, вслед за взрывом которой по танку со стороны румынских частей была дана пулеметная очередь. Один из танков ответил

пулеметной очередью и выстрелом осколочным снарядом. Жертв с обеих сторон не было. В ночь на 1 июля в результате беспорядочной стрельбы с румынского берега Прута был ранен красноармеец 9-й стрелковой роты 15-й мотострелковой дивизии. В ответ на советский протест румынская сторона заявила, что это солдаты чистят оружие и от неосторожности производят выстрелы. Советские бойцы стали свидетелями того, как на западном берегу Прута, где румынские войска готовили оборонительные позиции, был штыками заколот солдат-бессарабец.

В 12.50 в расположение 95-й стрелковой дивизии прибыл румынский генерал с двумя офицерами и переводчиком и заявил протест на быстрое продвижение советских войск, которое вносит беспорядок в румынскую армию. Генерал пригрозил, что отдал своим частям приказ открывать огонь, если советские части станут продвигаться за ними на линию Балчан-Карликень. Впрочем, это не помешало 95-й стрелковой дивизии к исходу дня основными силами вступить в Ганчешты, а передовой отряд на автомашинах достиг берега Прута и занял в 17 часов Леово, а в 20 часов Леушени. Главные силы 5-го кавкорпуса к 15 часам заняли район Романово-Чимишлия. Перед фронтом корпуса отходила 12-я румынская пехотная дивизия, укомплектованная бессарабцами, которые отказались уходить в Румынию. «Солдаты 22-го и 3-го артполков в районе Петровка бросили материальную часть, личное оружие и разошлись по домам». Около 3 тыс. военнослужащих-бессарабцев 10-го и 20-го пехотных полков дивизии добровольно сложили оружие и были распущены по домам, а 80 офицеров и 200 унтер-офицеров задержаны.

Южнее 74-я стрелковая дивизия своим 78-м стрелковым полком занимала Аккерман, а остальными силами в 3.00 вступила в Старую Сарату. В штаб дивизии явилось 22 румынских солдата и 1 офицер, которые добровольно сдали оружие. 25-я стрелковая дивизия достигла района Татарбунары, Акмангит. При подходе к Акмангиту взрывом заложенной румынами мины был убит 1 и ранено 3 военнослужащих 263-го стрелкового полка. В 13 часов 80-й отдельный разведбатальон и передовой отряд дивизии в составе 2 стрелковых рот на автомашинах выступили в направлении Рени и Измаила. В течение дня 4-й истребительный авиапункт перебазировался в Кишинев, а 2 эскадрильи 67-го истребительного авиапункта – в Аккерман.

На юге Бессарабии продолжались десантные операции. В ночь на 30 июня 4-я рота 204-й авиадесантной бригады на автомашинах заняла Рени, где была встречена «беспорядочным огнем убежавших в темноте румын». После ответного огня «перестрелка прекратилась, с нашей стороны жертв не было». Утром 30 июня 5-я рота 2-го батальона бригады на подходе к Рени была обстреляна румынским самолетом, в результате чего был ранен 1 боец. Тем временем в 2.00 30 июня 1-й батальон 204-й авиадесантной бригады выступил в поход для занятия Кагула. В районе Болграда, Болгарийска и станции Троянов Вал был оставлен 3-й батальон бригады, занимавшийся также сбором парашютов. В течение дня в районе Болграда на 50–70% саморазоружились и разошлись по домам отходившие в Румынию части 28-го пехотного полка 12-й пехотной дивизии, 4-го кавполка 3-й кавдивизии и 6-го жандармского полка.

Тем временем в 4.55 утра 30 июня был отдан приказ командующего ВВС Южного фронта о переброске в Измаил 201-й авиадесантной бригады, и в 9.35–12.15 44 самолета ТБ-3 с 809 десантниками на борту взяли курс на цель. В 14.31 с аэродрома в Скоморохах вылетели последние 5 самолетов. Первоначально предполагалось, что самолеты приземлятся на измаильском аэродроме, но оказалось, что аэродром слишком мал для столь крупных самолетов. Посадка началась около 12.20, и из первых 9 приземлившихся самолетов 3 получили поломки, в том числе один из них столкнулся со стоявшим на земле самолетом И-16, который сгорел. После приземления еще 4 ТБ-3 было решено прекратить посадку и выбросить в 1 км севернее города парашютный десант. Поскольку связь между землей и самолетами отсутствовала, 6 машин улетели и сели в Болграде. Всего было высажено 240 и десантировано с парашютами 509 человек, а из трех самолетов десантирование не было произведено, так как в одном находилось радиоимущество, не подготовленное к десантированию, в другом – оркестр бригады, состоявший из не подготовленных к прыжкам бойцов, отказавшихся прыгать, и третий самолет отстал в пути. В итоге все три самолета вернулись в Борисполь. В ходе высадки 10 десантников получили травмы и 1 сломал ногу.

К 18 часам Измаил был занят, а к 21 часу десантники организовали охрану границы по берегу Дуная от Сату-Ноу до Старой Некрасовки. Румынских войск и их имущества в городе уже не было. К 22 часам к городу подошли передовой отряд 25-й стрелковой дивизии и эскадрон 18-го танкового полка 32-й кавдивизии 5-го кавкорпуса, которые были использованы для усиления охраны города и границы. «Наличие этих танков в районе аэродрома, очевидно, и явилось результатом толкований о переброске танков на самолетах», – объяснял в своей докладной командир 201-й бригады генерал-майор И.С. Безуглый. Поздно вечером в город прибыли представители Одесского обкома ВКП(б), которые занялись организацией местного городского управления. Тем временем выяснилось, что в Измаиле при отходе румынских войск было убито 6 граждан, пытавшихся оказать сопротивление разграблению города. Их похороны вылились в многолюдную манифестацию⁹⁵⁴.

По мнению командования Южного фронта, десанты «полностью себя оправдали и заставили румынские части считаться с соглашением»⁹⁵⁵. Несмотря на столь высокую оценку действий десантников, командиры авиадесантных бригад были настроены в отношении проведенной операции достаточно критично. По их мнению, подготовка операции командованием ВВС фактически не производилась: не была осуществлена разведка места выброски, отсутствовала организация связи, а подготовка авиапунктов для десантирования оказалась низкой, что привело к рассеянию десанта 204-й бригады на большой территории (8 км по боевому курсу и до 3–4 км в стороны). Кроме того, отсутствовало единое управление десантом, и «в настоящей боевой обстановке это

привело бы к большим ненужным потерям»⁹⁵⁶.

Начальник Управления боевой подготовки Красной армии генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов, докладывая 24 июля 1940 г. наркому обороны о ходе авиадесантной операции в Бессарабии, отметил, что она была «выполнена исключительно плохо», поскольку «отсутствовала всякая подготовка к операции... Выброска 204-й бригады 29 июня была совершена с запозданием на 1 час 30 минут вследствие несвоевременной отдачи распоряжения о вылете. Вылет 201-й бригады вместо 9.00 был произведен в 14.00 30 июня по той же причине, а также из-за небезопасности бензозаправщиками аэродрома Скоморохи. Воздушная переброска десанта проводилась по-мирному – без прикрытия боевой авиации и предварительной разведки района выброски (высадки). Строи и высота полета не соблюдались. Выброска проводилась неорганизованно, на различных высотах и очень растянуто. В результате этого бригады разбрасывались на площади 10 x 10 км, а сбор после приземления производился в течение двух часов, что для боевой обстановки недопустимо. Полет десанта проходил днем, в условиях наибольшей болтанки в воздухе, отсюда лишь в одной 204-й бригаде было возвращено на аэродромы вылета 50 человек, оказавшихся не в состоянии прыгать (укачало). Воздушные бригады выбрасывались и высаживались, не имея никаких задач и указаний о характере действий. Пункты выброски командованию десантных бригад стали известны лишь от командиров летных частей. Со стороны штабфронта никакого руководства бригадами не было, и лишь спустя 5 часов после выброски в 204-ю бригаду прибыл представитель фронта с весьма общим распоряжением о занятии новых пунктов, но опять-таки без упоминания о характере действий бригад.

При использовании бригад не учитывалась степень их состояния и подготовленность». Так, 204-я бригада, имевшая 42,2% «состава из людей, прибывших в бригаду в июне месяце и наспех совершивших 1–3 прыжка, была сброшена на парашютах в сложных условиях при ветре 8–9 м/с. В то же время наиболее подготовленная для парашютной выброски 214-я бригада не была использована совсем. Время на подготовку к операции от момента получения распоряжения и до вылета исчислялось 4-мя часами, и то за счет лишения необходимого отдыха личного состава бригады. Пополнение выброшенных бригад огнеприпасами и продовольствием по воздуху, а также эвакуация раненых и больных предусмотрена не была. После многих запросов лишь 5 июля (спустя пять дней) в расположение 204-й бригады прибыл санитарный самолет. Перечисленные недочеты в боевой обстановке неизбежно привели бы к провалу авиадесантной операции и к напрасной гибели людей и самолетов»⁹⁵⁷.

Тем временем 1 июля на фронте 12-й армии 192-я горнострелковая дивизия своими главными силами сосредоточилась в районе Стебнэ, Усть-Путила. К 6 часам утра заставами были заняты перевалы севернее Фрасина и Стражи. Перед фронтом дивизии отходили 56-й румынский пехотный полк и два эскадрона кавалерии, которыми в районе Дихтинец были брошены 15 орудий. 60-я стрелковая дивизия в течение дня сменяла кавалерию на участке Порубное-Герца. На участке Новоселица-Липканы 58-я стрелковая дивизия сменила 3-ю кавдивизию и 5-ю танковую бригаду, отошедшую в Ставчаны. 34-я кавдивизия и 23-я танковая бригада сосредоточились в Сторожинце, а 2-й кавкорпус – в Хотине.

На фронте 5-й армии советские войска занимали прежнее положение. Лишь 3-й батальон 680-го стрелкового полка 169-й стрелковой дивизии занял Кухнешты, а 140-я стрелковая дивизия продолжала выдвижение к Пруту. Передовой батальон 798-го стрелкового полка дивизии вступил в Скуляны, где командир батальона майор Чернов, не зная о разрешении отсрочки отвода румынских войск до 3 июля, вел переговоры с румынским командованием об очищении берега от румынских солдат. На выполнение своих требований Чернов дал 1 час времени – до 24.00. Представитель румынской стороны дивизионный генерал Павничеану ответил отказом, пригрозив применить силу в случае провокации. Тем временем Чернову сообщили о продлении срока эвакуации, и он снял свои требования. 49-я танковая бригада сосредоточилась в Ларге, а 36-я танковая бригада – в Онештах, направив один батальон в Бранешты.

На фронте 9-й армии 15-я мотострелковая дивизия занимала район Петрешты, Унгены, Пырлица. В ночь на 1 июля в районе Страшен была обстреляна группа красноармейцев на автомашинах. Тогда же на юго-западной окраине Пырлицы подверглась нападению неизвестных команда телефонистов 53-го отдельного батальона связи в составе 1 младшего командира и 4 красноармейцев. 1 красноармеец был убит, а остальные в течение 3 часов вели перестрелку. С подходом советских танков нападавшие скрылись в темноте. 95-я стрелковая дивизия к вечеру подходила к Карпиненам. К исходу дня главные силы 25-й стрелковой дивизии вошли в Каменское, а ее передовые части еще в 8 часов утра вступили в Рени и Измаил.

Тем временем в 20 часов 30 июня в штаб 204-й авиадесантной бригады поступило донесение командира 1-го батальона, который находился в 20 км юго-восточнее Кагула, о том, что, по полученным от местного населения сведениям, румынские части организовали оборону в 2 км восточнее города. Комбриг Губаревич с 8-й ротой 3-го батальона на 3 автомашинах в 1.00 1 июля выехал в Кагул. Прибыв в расположение 1-го батальона, комбриг узнал, что комбат ведет переговоры со старшим в этом районе румынским офицером, который затягивал переговоры, ожидая подхода кавалерийского полка. «За провокационную организацию обороны, – докладывал позднее Губаревич, – я дал на отход обороняющихся частей срок 20 минут, каковой был ими перевыполнен, не ожидая приказаний своего офицера. Вступив в город, я вызвал начальника гарнизона в чине майора и предложил ему переговорить со своим командованием на предмет очищения Кагул в связи с провокационной организацией обороны на подступах к Кагул. По моему возвращению с пограничной дамбы через реку Прут румын в городе не было, а майор доложил, что требование выполнено». Появление десантников приостановило грабеж населения

румынскими солдатами. К 2.00 в город вошел 30-й танковый полк 9-й кавдивизии.

В Рени отходящие румынские части осматривались бойцами 2-го батальона 204-й авиадесантной бригады и стекавшимися отовсюду местными жителями. Имущество бессарабского населения и скот тут же изымались и возвращались владельцам. Точно так же проверялся и железнодорожный транспорт. Понятно, что эти меры советских войск вызвали недовольство румынских частей, которые, перейдя на западный берег Прута, нередко открывали беспорядочный огонь в сторону расположения десантников. В течение дня в стихийных перестрелках был ранен 1 красноармеец и убит 1 румынский солдат. В ночь на 2 июля у Джурджулешт с румынского берега в течение 30 минут обстреливали позиции 2-го батальона 204-й бригады, который ответного огня не открывал. Советские парламентарии предложили румынскому командованию прекратить огонь⁹⁵⁸.

Тем временем из Очакова в Одессу вышли речные мониторы «Ударный» и «Ростовцев», которые должны были далее двигаться в Измаил через Очаковское гирло Дуная. Для подготовки фарватера в гирло были направлены 2 гидрографических судна, катера и тральщик «Хенкин». В бухте Жебрияны стали на якорь канонерская лодка «Красная Грузия» и тральщик «Взрыв». Как сообщала морская разведка, в течение дня на подходе к Сулине румынский флот выставил минное заграждение, а миноносец «Мэрэшти» с 1 канонеркой находятся в дозоре между Сулиной и о. Змеиный⁹⁵⁹.

2 июля на фронте 12-й и 5-й армий войска оставались в достигнутых накануне районах. В районе Каменки через р. Сирет на советскую территорию перешло до 400 солдат из состава уже отошедших за линию границы 7-й и 8-й румынских пехотных дивизий. 140-я стрелковая дивизия, сосредоточившая главные силы в районе Фалешты, Скумпия, развернула заставы вдоль Прута от Калинешт до Скулян, где в казарме было обнаружено до 100 оставшихся румынских солдат и 6 танкеток «Карден-Ллойд».

На фронте 9-й армии 15-я мотострелковая дивизия продолжала оставаться в районе Пырлица, Корнешты. Передовой отряд дивизии контролировал переправу в Унгенах, где румынские части заминировали мост. Получив приказ не допустить взрыва моста, командир дивизии предъявил румынскому командованию ультиматум: «В случае взрыва моста нами будут предприняты решительные действия с применением авиации против Яссы». В итоге румынская сторона согласилась с советскими требованиями, и мост не был взорван. Кроме эвакуированных румынских войск на переправе скопилось до 6 тыс. беженцев в Румынию. Главные силы 95-й стрелковой дивизии к 5 часам сосредоточились в районе Карпинен, а передовой отряд контролировал берег Прута от Леушени до Леово. 136-й кавполк 9-й кавдивизии в 9 часов выступил из Чимишлии к переправе у Фэлчиу. В ночь на 2 июля в районе пикета № 4 у Днестровского лимана неизвестными была обстреляна колонна 360-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии. После ответного огня стрельба, в результате которой было ранено 2 лошади, прекратилась. Главные силы 25-й стрелковой дивизии достигли района Бановка, Ново-Покровка.

1 и 2 июля отдельные румынские самолеты обстреливали площадь и железнодорожную станцию в Рени, однако обошлось без жертв. В 1,5 км восточнее Джурджулешт румынская рота заняла оборону и открыла беспорядочный ружейно-пулеметный огонь по бойцам 204-й авиадесантной бригады. По предложению командира бригады румынские части были отведены за Прут. В 18.30–19.00 2 июля 5–6 румынских речных мониторов, курсируя между Галацем и Джурджулештами, вели неприцельный огонь из своих 37-мм орудий, а последние румынские части отходили по мостам на западный берег р. Прут. Советские войска, находившиеся в 250 метрах от мостов, огня не открывали. После отхода последних румынских частей в 19.45 в разговоре на мосту с советскими представителями румынский парламентар полковник Степанов предупредил их, чтобы они немедленно покинули мост. Через 2–3 минуты после их ухода были взорваны две фермы западной части железнодорожного моста и два пролета автомобильного моста. В ответ на протест советской стороны румынские представители заявили, что мосты были взорваны, так как советские танки их атаковали.

Тем временем в гирлах Дуная советские суда вели промеры глубин. Речные мониторы Дунайской военной флотилии «Ростовцев», «Ударный», «Мартынов», «Железняков» и «Жемчужин» находились в Одессе, ожидая улучшения погоды для перехода в Измаил. Румынское командование объявило опасными для плавания минированные зоны у Сулины и Констанцы. Правда, в действительности у Констанцы минирование не производилось⁹⁶⁰.

В тот же день своим приказом № 017/сс штаб Южного фронта потребовал от штабов 12-й, 5-й и 9-й армий организовать оборону границы и «разработать план использования войск на случай перехода Румынии к активным действиям. В этом плане предусмотреть использование частей не только уже выдвинутых к границе, но и тех, что остались за р.р. Днестр и Черемош. Этот план представить на утверждение к 20.00 4.7.40 г. Вскрыть путем наблюдения, не переходя р. Прут, положение румынской армии (намерения, перешла ли по западному берегу р. Прут к обороне, отходит ли дальше, ее основные группировки, продолжается ли укрепление западного берега р. Прут). Установить, какие группы румынской армии еще болтаются в тылах армии, их поведение и меры к их выводу за р. Прут»⁹⁶¹.

3 июля на фронте 12-й армии в 15 часов 77-й румынский пехотный полк боевым порядком продвигался в направлении Волчинца, нарушив передовыми частями госграницу в районе Вашкоуца. Население в панике, со скотом, бежало в Волчинец. Застава 148-го кавполка в составе младшего лейтенанта и 6 бойцов вынуждена была отойти. С прибытием танковой роты 23-й танковой бригады румынская часть отошла за линию границы в направлении Сирет. Хотя стороны огня не открывали, танковая рота на всякий случай была оставлена в

Вашкоуце.

На фронте 9-й армии передовой отряд 15-й мотострелковой дивизии был отведен из Скулян, поскольку туда подошли главные силы 798-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии. 25-я стрелковая дивизия вышла в район Кубей (ныне – Червоноармейское) и продолжала движение к Болграду. 32-я кавдивизия заняла Абаклию, а 18-й танковый полк дивизии был позскадронно расположен в Болграде, Рени и Измаиле. К 16 часам 136-й кавполк с батареей полевой артиллерии 108-го кавполка 9-й кавдивизии прибыл в Канию, где ему был переподчинен находившийся там 46-й танковый батальон 4-й танковой бригады. После отвода за Прут последних румынских частей румыны привели в непроезжее состояние железнодорожный мост и заминировали мост для колесного транспорта у Фэлчиу. К исходу дня эскадроны 136-го кавполка были развернуты по Пруту от Леово до Кании, южнее от Гатешт до Кагула вдоль реки развернулись эскадроны 86-го кавполка 32-й кавдивизии.

Улучшение погоды и завершение первоочередных гидрографических работ в гирлах Дуная позволило 5 речным мониторам Дунайской военной флотилии в сопровождении миноносца «Бодрый» начать переход из Одессы в Измаил⁹⁶².

С 14.00 3 июля 1940 г. советско-румынская граница была закрыта. Тем самым «войска Южного фронта выполнили поставленную перед ними задачу и обеспечили нашему Правительству возможность мирным путем освободить БЕССАРАБИЮ и БУКОВИНУ и своими действиями быстро закрепили их за СССР. ...Граница надежно обеспечена. Главные силы приступили к нормальной боевой учебе в занимаемых ими районах»⁹⁶³. Вслед за войсками Красной армии на территорию Бессарабии и Северной Буковины были введены 3 оперативно-чекистские группы НКВД, которые производили аресты бывших работников румынских карательных органов, агентов румынских спецслужб и изъятие оружия у населения. К 3 июля было арестовано 490 человек, а в прилегающих районах УССР – 270 агентов румынской разведки⁹⁶⁴. В тот же день нарком обороны СССР направил наркому внутренних дел письмо с предложением «о срочном выдвигании пограничных войск НКВД на линию новой Государственной границы Союза ССР с Румынией и о смене полевых частей Красной армии»⁹⁶⁵.

Таблица 8

Группировка войск Южного фронта на 3 июля 1940 г.⁹⁶⁶

Армии	Корпуса	Дивизии, бригады
		8-я, 17-я, 86-я СД, 214-я адбр
12-я	13-й СК	62-я, 139-я СД
	8-й СК	72-я, 124-я, 146-я СД, 10-я, 24-я, 26-я тбр
	15-й СК	7-я, 141-я** СД, 81-я МСД, 38-я тбр
	2-й* КК	3-я*, 5-я* КД
	17-й* СК	58-я*, 60-я*, 131-я* СД, 5-я* тбр
	4-й* КК	16-я*, 34-я* КД, 23-я* тбр
		192-я* ГСД
5-я	49-й СК	44-я, 135-я** СД
	36-й* СК	80-я*, 169-я*, 140-я* СД, 36-я*, 49-я* тбр
		130-я** СД
9-я	37-й СК	30-я, 147-я, 176-я СД, 21-я тбр
	7-й СК	51-я**, 150-я, 164-я СД, 14-я тбр
	35-й* СК	15-я* МСД, 95-я*, 173-я* СД, 4-я* тбр
	5-й* КК	9-я*, 32-я* КД
	55-й* СК	25-я*, 74-я* СД
		201-я*, 204-я* адбр, 100-я, 116-я СД

* Войска, введенные на территорию Северной Буковины и Бессарабии.

** Войска, из состава которых на территорию Северной Буковины и Бессарабии были введены отдельные подразделения.

В 22.30 3 июля начальник штаба Южного фронта издал приказание № 024/сс:

«В связи с окончанием срока эвакуации румынской армии командующий войсками фронта приказал:

1. Прочно закрепиться на новой госгранице, немедленно закрыть ее и не допускать перехода госграницы.
2. Оставшиеся мелкие части и группы румынских войск разоружить и собирать в лагеря под охрану до особого распоряжения.

Место сбора определить командирам соединений и отдельных частей.

3. Каждой армии немедленно выделить подразделения и части, общей численностью не менее стрелковой дивизии с транспортными средствами, для сбора брошенного румынского оружия, боевой техники и другого имущества, для прочесывания местности и поимки еще скрывающихся мелких групп румынских солдат и, возможно, бандитских групп.

В гарнизонах и в районах гарнизонов эту задачу возложить на начальников гарнизонов, а у госграницы на войска, занимающие ее.

Привлечь к этой работе местное население.

Собранное оружие и имущество немедленно учитывать и сдавать под надежную охрану в пункты, устанавливаемые командирами соединений.

4. В пятидневный срок произвести регистрацию оставшихся на территории Бессарабии и Буковины офицеров и унтер-офицеров румынской армии с указанием фамилии, имени и отчества, звания и должности, местожительства, какой части и в каком гарнизоне служил, национальности, какой местности уроженец, года рождения, местожительства и рода занятий семьи.

5. Установить тщательное наблюдение за всеми переправами через р. Прут и не допустить взрыва их, предъявляя в этом отношении жесткие требования к румынскому командованию.

Учсть, что румынские войска уже взорвали железнодорожный и грунтовый мосты через р. Прут у Рени; были подготовлены к взрыву мосты у Унгени–Тырг, но в результате предъявленного нами жесткого ультиматума – мосты у Унгени–Тырг не взорваны.

6. Исполнение и о принятых мерах, с указанием какие части выделены для сбора оружия, какие мосты взяты под наблюдение и других мероприятиях, донести к 18.00 4.7.40.

7. На новой госгранице установить тщательное наблюдение за противоположным берегом, поведением и действиями румынских войск»⁹⁶⁷.

В 2.10 4 июля Шапошников сообщил командованию Южного фронта приказ наркома обороны:

«1. Границу с Румынией в северной Буковине и Бессарабии до устья Дуная включительно прочно закрыть и никого не пропускать.

2. Все оставшиеся части и подразделения румынской армии срочно и немедленно разоружить.

3. Донести особой телеграммой, сколько с начала операции до 3.07 включительно разоружено румынских солдат, офицеров и унтер-офицеров»⁹⁶⁸. Как было доложено в Москву, на советской территории остались и были разоружены 7 446 военнослужащих румынской армии (106 офицеров, 243 унтер-офицера и 7 097 солдат)⁹⁶⁹.

Около 2 часов ночи 4 июля на участке 5-й армии в районе Валя Русулуй командир 6-й роты 445-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии послал командира отделения Векшина с 3 бойцами за ротой. Подойдя к реке, Векшин принял свою роту за румын и открыл огонь. В результате было ранено 3 красноармейца, 1 из которых умер от ран. На фронте 9-й армии в 14 часов того же дня главные силы 25-й стрелковой дивизии вступили в Болград, Рени и Измаил и с 6 июля сменили танковые и авиадесантные части на охране границы. В 16 часов 4 июля речные мониторы Дунайской военной флотилии вошли в Очаковское гирло Дуная и двинулись вверх по реке вслед за катерами, тралящими фарватер. В Вилково прибыли 3 пограничных катера, еще 3 катера поднимались по реке к Килии⁹⁷⁰. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило предложение наркома обороны о перешивке на широкую колею до конца июля около 1 300 км железных дорог в Бессарабии и Северной Буковине и восстановлении мостов через Днестр⁹⁷¹.

В 5.45 5 июля в 14-м стрелковом полку 72-й стрелковой дивизии 12-й армии часовой, охранявший импровизированный склад под навесом, взял из незапечатанного ящика запал и стал вертеть в руках. Запал воспламенился, и часовой, испугавшись, бросил его обратно в ящик, где лежали остальные запалы, что привело к взрыву, в результате которого было ранено 8 человек. Той же ночью у Бранешт неизвестные совершили нападение на пост связи 556-го стрелкового полка 169-й стрелковой дивизии. В перестрелке был убит 1 красноармеец, а нападавшие скрылись в темноте. В этот день 5 мониторов Дунайской военной флотилии в 14.20 прибыли в Килию, а в 20.30 – в Измаил. Траление фарватера показало, что подходы к измаильскому порту были заграждены затопленными бонами. Для контроля над Дунаем в 20 часов 5 июля в Измаил прибыл 265-й корпусной артполк 7-го стрелкового корпуса, а в Килию – 441-й корпусной артполк 37-го стрелкового корпуса⁹⁷².

В связи с окончанием Бессарабского похода 5 июля войска Южного фронта, а 6 июля и Черноморский флот были приведены в состояние обычной готовности мирного времени⁹⁷³. В мелких стычках с румынскими войсками и от несчастных случаев части Красной армии и пограничных войск с 11 июня по 6 июля 1940 г. потеряли, по неполным данным, 148 человек (убито – 6, погребло – 26, самоубийств – 10, утонуло – 23, ранено – 79, членовредительство – 4)⁹⁷⁴. По некоторым данным, потери румынских войск составили 89 человек (убито – 42, ранено – 47)⁹⁷⁵. Утром 5 июля через Днестр переправились погранотряды и на автомашинах двинулись к Пруту. С 21.00 8 июля граница была передана под охрану пограничным войскам НКВД. На новой границе и по рекам Прут и Дунай были развернуты с севера на юг 97-й (Черновицкий), 23-й (Липканский), 24-й (Бельцкий), 2-й (Каларашский), 25-й (Кагульский) и 79-й (Измаильский) погранотряды Украинского и Молдавского округов пограничных войск НКВД⁹⁷⁶.

Тем временем согласно постановлению СНК СССР № 1193 – 464сс от 6 июля территория Северной Буковины была включена в состав КОВО, а Бессарабии – в состав ОдВО и предусматривалось проведение ряда организационных мероприятий в Красной армии⁹⁷⁷. В тот же день нарком обороны своими директивами довел до сведения Военных советов КОВО и ОдВО состав и дислокацию войск округов. Требовалось начать новые формирования, утвержденные правительством, перевести войска в места постоянной дислокации, расформировать части и учреждения, созданные для проведения Бессарабской кампании, и начать увольнение задержанного приписного состава⁹⁷⁸. На основании директивы наркома обороны № 0/1/104584 командующий Южным фронтом издал 7 июля директивы №№ 050–052, согласно которым требовалось временно оставить в Северной Буковине и на севере Бессарабии 192-ю горнострелковую, 58-ю, 60-ю и 169-ю стрелковые дивизии, а «остальные соединения, части и учреждения направить в пункты постоянной дислокации»⁹⁷⁹. Для постоянной дислокации в Бессарабии оставались 176-я стрелковая дивизия в районе Сороки, Флорешты, Бельцы, 15-я

мотострелковая дивизия в районе Бендеры, Тирасполь, 9-я кавалерийская дивизия в районе Леово, Комрат, 25-я стрелковая дивизия в районе Кагул, Болград, 51-я стрелковая дивизия в районе Килия, Старая Сарата, Аккерман и управления 14-го и 35-го стрелковых корпусов соответственно в Болграде и Кишиневе⁹⁸⁰. С 8-9 июля войска Южного фронта выступили в поход к местам постоянной дислокации.

Одновременно началось рассредоточение и авиационных частей. 8 июля начальник Генштаба приказал командующему КОВО передислоцировать в БОВО 33-й истребительный и 3-й тяжелобомбардировочный авиаполки, в ОрВО управление 16-й авиабригады, 13-й скоростной бомбардировочный и 51-й дальнебомбардировочный авиаполки, в ХВО 60-й скоростной бомбардировочный авиаполк, в КалВО 16-й скоростной бомбардировочный авиаполк, в ЛВО управление 29-й авиабригады и 7-й тяжелобомбардировочный авиаполк, в СКВО 1-й дальнебомбардировочный авиаполк и вернуть в места постоянной дислокации в ОдВО управление 7-й авиабригады, 8-й и 11-й тяжелобомбардировочные авиаполки. Одновременно командующему ОдВО было приказано отправить в ЛВО управление 55-й авиабригады, 44-й и 58-й скоростные бомбардировочные авиаполки, а также перевести в места постоянной дислокации 21-й дальнебомбардировочный, 146-й и 131-й истребительные авиаполки⁹⁸¹. Уже 9 июля к местам постоянной дислокации были переброшены 13 авиаполков (33-й иап и 3-й тбап в БОВО, 13-й сбап и 51-й дбап в ОрВО, 60-й сбап в ХВО, 21-й дбап, 8-й и 11-й тбап в ОдВО, 7-й тбап, 44-й и 58-й сбап в ЛВО, 16-й сбап в КалВО, 1-й тбап в СКВО) в составе 540 самолетов⁹⁸². 9 июля было расформировано управление Южного фронта, а 10 июля – управление 9-й армии⁹⁸³.

Советско-румынские комиссии

В соответствии с советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 г. главой советской делегации в Смешанной советско-румынской комиссии для урегулирования спорных вопросов по эвакуации румынских войск и учреждений из Бессарабии и северной части Буковины был назначен заместитель командующего войсками ОдВО генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, которому начальник Генерального штаба Красной армии в 23.17 приказал организовать 29 июня встречу плывущих из Констанцы на пароходе «Трансильвания» представителей Румынии во главе с дивизионным генералом А. Алдя⁹⁸⁴.

В 17.30 29 июня Давидеску прибыл к Молотову и передал ему разработанный румынским Генштабом план эвакуации отдельных зон передаваемых территорий, а также просьбу румынского правительства, чтобы темп занятия советскими войсками территории Бессарабии и Северной Буковины не превосходил темпа эвакуации румынских войск. Молотов ответил, что «темп эвакуации должна установить Смешанная комиссия, которая теперь же может приступить к работе. Однако неизвестно, по каким причинам румынские делегаты в Одессу еще не прибыли. Что касается мнения правительства СССР о сроке эвакуации, то оно согласно продлить срок до 2 часов дня (по московскому времени) 3 июля, с тем чтобы в распоряжении румынского правительства имелось 5 дней». Соответственно этому будут рассчитаны и темпы продвижения советских войск. Давидеску ответил, что «ему неизвестно, по каким причинам румынские делегаты не прибыли до сих пор в Одессу. Они выехали вчера из Констанцы на пароходе „Трансильвания“, и возможно, что пароход задержался из-за бури в Черном море».

Одновременно румынская сторона попыталась добиться пересмотра линии границы в Северной Буковине. Давидеску заявил Молотову, что, поскольку новая разграничительная линия в районе г. Герца не была точно фиксирована, он «о ней не вполне ясно сообщил своему правительству. Когда он смотрел карту, показанную ему т. Молотовым, то тогда ему было неясно, идет эта линия к северу от Хертца или в другом направлении. В настоящее время советские части достигли Хертца и продвинулись на 11 км к югу от этого города. Румынское правительство просит оставить этот район за Румынией, так как он является старой румынской территорией, принадлежавшей Румынии еще до войны 1914 г.». Поэтому румынская сторона предлагала провести границу по линии бывшей границы между Австро-Венгрией и Румынией. Молотов напомнил «посланнику, что он предложил ему во время беседы 26 июня взять карту, на которую нанесена предлагаемая граница, однако посланник от карты отказался и ограничился записью важнейших пограничных пунктов. Карта опубликована сегодня в газетах. Посланник может получить эту карту и сейчас». Что касается просьбы Бухареста об изменении линии границы, то нарком иностранных дел СССР сказал, что «он предвидит трудности в решении этого вопроса в желательном для румынского правительства направлении»⁹⁸⁵.

Тем не менее советское руководство решило проконсультироваться с военными, и 30 июня Генштаб просил начальника штаба Южного фронта Ватутина до 14.00 сообщить «оценку значения района Херца как в военном, так и в экономическом отношении»⁹⁸⁶. В ответ Ватутин сообщил, что «в экономическом отношении Херца особого значения не имеет. В военном отношении район Херца своим расположением на южном берегу р. Прут занимает командное положение над районом Новоселица (жел. дор. станция), является узлом дорог и укрепленным пунктом. Поэтому необходимо район Херца иметь в наших руках». Этот ответ начальник Генштаба 1 июля передал в НКВД⁹⁸⁷. В тот же день Давидеску передал Молотову записку, в которой указывал, что в своей ноте СССР требовал северную часть Буковины, «однако линия, нанесенная красным карандашом, отрезает в районе Херца угол территории, который никогда не составлял части ни Буковины, ни Бессарабии, но был частью старого королевства – уездом Дорохой».

Старая граница между Румынией и Австро-Венгрией была в Маморнице. Не было и нет ни одного украинца в этом районе. Следовательно, занимая линию, указанную на карте, Правительство СССР выставило бы

практически новое требование, так как речь идет о территории, всегда принадлежавшей Румынии и никогда не составлявшей части ни Бессарабии, ни Буковины». На этой записке имеется резолюция Молотова: «Т. Соболеву. Надо ответить, что это не имеет под собой основания, т.к. Румынское правительство приняло предложения СССР, к которым была приложена карта, согласно которой район Херца входит в СССР»⁹⁸⁸. В 21 час 4 июля румынской стороне было заявлено, что «требование румынских властей в отношении границы в районе города Герца, будучи в полном противоречии с границей, обозначенной [в соответствии с картой, приложенной к предложениям Советского правительства от 26 июня с.г.], не принято компетентными советскими органами»⁹⁸⁹.

Тем временем в 21.10 29 июня Жуков доложил по телефону ВЧ Шапошникову, что, по сведениям Тимошенко, румынские войска занимаются грабежом населения и угоняют скот. По мнению наркома обороны, «необходимо поставить вопрос перед правительством Румынии – немедленно возвратить скот, подводы и мужское население – уроженцев Бессарабии, которое к сегодняшнему дню служит во всей румынской армии»⁹⁹⁰. В 22.10 29 июня в Одессу прибыла румынская делегация, и в 24.00 открылось первое заседание Смешанной комиссии. На нем румынские представители предложили внести плановость в отвод румынских и продвижение советских войск и добиться того, чтобы между обеими армиями был промежуток в один суточный переход. Кроме того, они просили отозвать советские части из Герца и разрешить румынским подданным, желающим эвакуироваться, выехать за Прут. Советские представители указали, что опоздание с приездом румынских делегатов привело к тому, что плановость в продвижение войск внести сразу не удастся, и потребовали прекратить безобразия, чинимые отходящими румынскими войсками.

В 14 часов 30 июня находившийся в Бессарабии Тимошенко сообщил в Генштаб о ряде фактов, свидетельствующих, что румынская сторона нарушает условия советско-румынского соглашения от 28 июня. Так, оказались взорваны мосты в Бельцах, Крошкауцах и Недобоуцах, у деревни Старые Бедрасы румынские части угрожали открыть огонь, если советские войска будут препятствовать им брать подводы у населения. При вступлении советских частей в Бельцы румынские кавалеристы открыли по ним огонь. При переправе советских подразделений через Днестр у Коссова румынские части выпустили в их сторону две очереди из пулемета. На дороге Кишинев–Пырлица была обстреляна из пулемета и танков колонна Красной армии, в результате чего убито 2 красноармейцев. На дороге Снятын–Черновицы румынский конный разъезд открыл огонь по советским частям⁹⁹¹. В тот же день Шапошников в докладной на имя Сталина и Молотова сообщил о том, что, по сведениям наркома обороны и командования Южного фронта, «румынские войска при отходе грабят население, забирают лошадей, повозки и увозят их с собой, угоняют скот, уводят мужчин, способных носить оружие. В г. Бельцы отходящими частями румынской армии взорван мост (через г. Бельцы отходила 4-я румынская кавалерийская дивизия). Южнее Залещики румыны подожгли здание пограничной заставы. В Аккермане при входе наших частей горел ангар. Нарком обороны просит поставить перед правительством Румынии вопрос о возвращении военнообязанных, уроженцев Бессарабии из всей румынской армии»⁹⁹².

30 июня румынский посланник в Москве передал в НКВД СССР протест против того, что в некоторых местах «советские механизированные части достигли конечной цели уже в течение» 29 июня. Советская сторона, в свою очередь, просила принять «все меры, чтобы население не было вынуждено покидать территорию вместе с выводимыми войсками», и пресечь «случаи, когда выводимые войска забирают силой оружия повозки, скот и разные предметы быта». Кроме того, Москва потребовала «принять меры, чтобы сделать возможным возвращение в Бессарабию всех солдат, уроженцев Бессарабии, которые желают этого»⁹⁹³. Тем временем в ходе второго заседания советско-румынской комиссии в Одессе в 18.00–22.00 30 июня был выработан проект плана отвода румынских войск, который должен был завершиться к 14 часам 3 июля. Подписанный представителями сторон в 21.45 документ был направлен в Проскуров и Москву. В нем предлагался следующий порядок эвакуации:

«1.7 в 14.00 румынские части отойдут с линии: Селетин, Чиудей, Глыбока, Боян, Динауци, Бричени Сат, Единцы–Тырг, Реча, Кишкадени, Калараш, Чучулени, р. Когильник до Романешти [Романово], озеро Китай.

Советские войска должны подойти на эту линию в 17.00 1.7.40.

2 июля румынские войска выступят с линии: Селетин, Красна Ильски, Глыбока, северная окраина Ново Сулица, Коржеуцы, Гординешти, Зайкани, Фалешти, Корнешти, Варзарешти, Лапушна, Сарата–Галбена, Комрат, Болград.

На эту линию Советские войска могут вступить, начиная с 12.00 2.7.40.

Последний рубеж – линия демаркации в Буковине, а потом по р. Прут будет пройдена румынскими войсками в 14.00 3.7.40, когда наши и румынские представители будут находиться на местах, на мостах, на главных пунктах перехода румынских войск через новую границу.

Представителей выделить на следующие направления:

- 1) Сторожинец, Виковульдесус.
- 2) Сторожинец, Глыбока.
- 3) Черновицы, Глыбока.
- 4) Черновицы, Серет [Сирет].
- 5) Черновицы, Герца.
- 6) Хотин, Сулица.
- 7) Хотин, Липканы.

- 8) Секурени, Бричени Сат–Липканы.
- 9) Единцы–Тырг, Брынзени.
- 10) Никорени, Рашкани–Тырг–Браништа.
- 11) Бельцы, Скулени.
- 12) Орхей [Оргеев], Унгени.
- 13) Кишинев, Калараш, Корнешти, Унгени.
- 14) Кишинев, Ганчешты, Лапушна.
- 15) Кишинев, Чимишлия, по направлению к Леово и Фэльчиу.
- 16) Чимишлия, Комрат, Болград с разветвлением по направлению к Кагул.
- 17) Татарбунар, Болград, Рени.

Пункты первой встречи между представителями будут те, которые находятся на пересечении направлений с рубежом, с которого 1 июля в 14.00 отойдут румынские войска.

Последующие встречи организуют сами представители»⁹⁹⁴.

Получив этот документ, Жуков в развитие своей директивы № 00151 в 21.55 30 июня приказал Военному совету 9-й армии: «Немедленно вышлите своих ответственных представителей на р. Прут в передовые части, вошедшие в соприкосновение с отходящими румынскими частями. Тщательно проинструктировать передовые части о порядке продвижения войск Красной армии и взаимоотношениях с отходящими частями румынской армии, приняв к исполнению следующее: для организации плановости и порядка в отходе румынских частей и продвижении частей Красной армии, для контроля и урегулирования спорных вопросов по вопросам эвакуации различного военного имущества создать смешанные комиссии в составе двух командиров Красной армии и двух румынских офицеров. Созданным комиссиям находиться перед переправами, где наблюдать и тут же определять, что подлежит эвакуации и что должно остаться на территории Бессарабии и Северной Буковины. Эвакуации подлежит только имущество, принадлежащее румынским войскам. Все остальное имущество эвакуации не подлежит, как имущество, принадлежащее Бессарабии и Северной Буковине. Этим же комиссиям решить вопрос о дистанциях между отходящими румынскими частями и продвигающимися вперед частями Красной армии. Части Красной армии, продвинувшиеся впереди румынских частей, отводу назад ни в коем случае не подлежат, а должны оставаться на месте и в стороне от движения румынских войск, не мешая их движению. Ни в коем случае не допускать вооруженных конфликтов»⁹⁹⁵.

В 1.15 1 июля в Генштаб РККА из Кишинева поступила телефонограмма начальника Политуправления армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса:

«1. Румыны угнали за р. Прут с территории Бессарабии почти весь подвижной железнодорожный состав (паровозы, вагоны), что является нарушением пункта „4“ требований Правительства СССР от 27 июня 1940 года.

Прошу Правительство СССР поставить перед правительством Румынии [вопрос] о возвращении паровозного и вагонного парка, приписанного к железным дорогам Бессарабии.

2. Много бессарабцев призвано в румынскую армию и находятся на территории Румынии. Семьи ставят вопрос о возвращении бессарабцев из румынской армии в Советскую Бессарабию.

Прошу Правительство СССР поставить вопрос перед румынским правительством о возвращении бессарабцев в Советскую Бессарабию»⁹⁹⁶.

Во время нового заседания Смешанной комиссии в Одессе, открывшегося в 12 часов 1 июля, советская сторона заявила, что в тех местах, где Красная армия уже вышла на линию государственной границы, она не будет препятствовать эвакуации румынских войск. Там, где румынские войска еще не отошли за границу, план от 30 июня будет реализован⁹⁹⁷. Тем временем, учитывая жалобы румынских дипломатов на то, что советские войска задерживают и разоружают румынские части, захватили мосты на Пруте, а советские десантники останавливают для осмотра поезда и колонны румынских войск⁹⁹⁸, Шапошников получил приказ разобраться в ситуации и направил соответствующий запрос в Проскуров. В ответ Жуков в 13 часов 1 июля доложил в Москву:

«1) Армии Южного фронта, выполняя поставленную им Правительством задачу, к исходу 30 июня вышли передовыми частями на новую госграницу на всем протяжении р. Прут и р. Дунай. Смешанная комиссия до 30.6.40 г. не работала из-за позднего прибытия представителей румынского командования. Поэтому до 30.6.40 никакого регулирования движения со стороны смешанной комиссии не было, и войска Южного фронта руководствовались только поставленными им задачами.

2) Начавшиеся грабежи и мародерство со стороны отходящих румынских войск, увозящих с собой вопреки соглашению скот, подвижной железнодорожный состав, повозки и т.д., потребовали немедленной выброски отрядов Красной армии на новую госграницу на пути отхода румынских войск для недопущения вывоза из Бессарабии и Буковины всего, что не подлежит эвакуации. При этих отрядах образованы смешанные комиссии из представителей Красной армии и румынских войск, на котор[ые] возложена задача определить, что не подлежит эвакуации, и все это задерживать. Выброска передовых отрядов к р. Прут ни в коей мере не препятствует отходу румынских войск и в то же время является гарантией выполнения соглашения румынской стороной.

3) Занятие мостов через р. Прут частями Красной армии также вызвано указанными выше обстоятельствами. Однако нигде ни на одном мосту части Красной армии не задерживали, не задерживают и не будут задерживать отход румынских войск, за исключением случаев, когда потребуется изъять от отходящих румынских войск имущество, не подлежащее эвакуации.

4) Занятие мостов через р. Прут и выброска парашютистов санкционирована Народным Комиссаром Обороны. Парашютно–десантные части Красной армии получили указания не препятствовать отходу румынских войск, а лишь следить за точным выполнением соглашения в отношении эвакуации имущества румынскими войсками.

5) Дано строжайшее указание все вопросы разрешать только мирным путем.

6) Что касается возвращения румынским войскам брошенного ими вооружения и материальной части, то докладываю – ни одного случая захвата этого вооружения частями Красной армии не было, и тем более не было случаев разоружения румынских войск. Боеспособность отходящих румынских войск сильно падает, части разлагаются и в массовом масштабе солдаты сами бросают оружие вплоть до орудий и расходятся по домам. Были случаи, когда это оружие разбиралось уголовным элементом. Во избежание этого принимаются меры к сбору брошенного румынскими войсками оружия, его учету и хранению»⁹⁹⁹.

В тот же день в 18 часов Шапошников сообщил Жукову об утверждении проекта об условиях порядка эвакуации Бессарабии румынскими войсками с добавлением о том, что советские части, уже вышедшие на линию государственной границы, должны пропускать румынские войска и совместно с представителями румынского командования контролировать и не допускать насильственного увода населения, не принадлежащего румынской армии имущества и скота¹⁰⁰⁰. Тем самым Москва фактически одобрила действия командования Южного фронта.

В 11.15 2 июля Козлов по телефону ВЧ доложил Шапошникову о том, что румынская делегация хочет добиться разрешения на эвакуацию складов, госучреждений, чиновников и других лиц, желающих уехать в Румынию, и утверждает, что эвакуация румынской армии была затруднена быстрым продвижением советских войск. Поэтому румынская делегация настаивает на включении в текст соглашения всех этих пунктов, в противном случае она не будет подписывать соглашение и все эти вопросы будут решаться по дипломатическим каналам. Шапошников ответил, что, видимо, стоит договориться об обмене беженцев в Бессарабию на беженцев в Румынию. Относительно сложностей с эвакуацией начальник Генштаба заметил, что никто не мешал румынской армии, это результат ее собственной неорганизованности. По его мнению, отказ румынской делегации от подписания соглашения вообще – то никого не волнует, поскольку румынских войск в Бессарабии практически нет. Вопрос о складах будет решаться в Москве, поэтому никаких самовольных заявлений советской делегации делать не следовало¹⁰⁰¹.

На очередном заседании советско–румынской комиссии в Одессе 3 июля была достигнута договоренность о встрече в 11 часов 5 июля в Сирете, Унгенах, Рени и Измаиле представителей сторон для передачи планов и схем минирования, связи и инженерных сооружений переданных Советскому Союзу территорий. Однако передача этих материалов румынской стороной затянулась. Так, во время встречи советских и румынских офицеров 5 июля в Рени подполковник Круческу заявил, что карту он покажет, но не отдаст, хотя ее можно скопировать. Что именно минировано, он не знает. Советские представители составили акт, в котором изложили ситуацию, но румынский представитель его не подписал, требуя освободить задержанных румынских офицеров, которые проводили работы по минированию. Новая встреча была назначена на 15 часов 6 июля. На встречах в Сирете и Унгенах румынская сторона передала только схемы минирования, а схемы заграждения, оборонительных сооружений и связи передать отказалась. Новая встреча представителей сторон была назначена на 12.30 6 июля.

Получив указание из Москвы, Козлов 6 июля на очередном заседании Смешанной комиссии вновь потребовал, чтобы румынская сторона передала схемы связи, минирования и топографические карты. Румынские представители ссылались на то, что поскольку связь в Бессарабии принадлежала американской фирме, то в Генштабе нет соответствующих схем. Передача остальных материалов уже согласована, и ее задержка не имеет отношения к работе комиссии. Румынская сторона поинтересовалась позицией советской стороны по вопросу об эвакуации чиновников, семей офицеров и других лиц, желающих вернуться в Румынию, и о складах. В конце концов документы по минированию территории Северной Буковины и Бессарабии были получены советской стороной в 12 часов 10 июля¹⁰⁰².

Узнав о разрешении бессарабского вопроса, уроженцы края из других районов Румынии устремились домой, но румынские власти постарались затруднить их возвращение. 30 июня в Галаце румынские полицейские устроили расправу с желающими вернуться в Бессарабию, затем в городе, а также в Дорохое, Сирете и Яссах произошли еврейские погромы. В ходе этих эксцессов погибло до 600 человек¹⁰⁰³. В конце концов, желая добиться возвращения офицеров и чиновников, оставшихся на отошедших к СССР территориях, румынская сторона 3 июля согласилась на возвращение всех желающих в Бессарабию. Со своей стороны, Политбюро ЦК ВКП(б) в тот же день приняло решение: «Для приема населения, эвакуированного Румынским правительством из Бессарабии и Северной Буковины, изъявившего желание вернуться на родину, – провести следующие мероприятия:

1. Организовать следующие контрольно–пропускные пункты:

а) на станции Василелупу (против гор. Яссы), в составе 15–ти оперативных работников во главе с капитаном Лебедевым В.П.;

б) на станции Рени (против Галацы), в составе 15–ти оперативных работников во главе с майором Решетовым Н.А.;

в) в гор. Измаиле, в составе 15–ти оперативных работников во главе с капитаном Некрасовым Ф.П.;

г) на станции Вахойнешти (в районе Черновицы) в составе 15–ти оперативных работников во главе с капитаном Тарасенко В.А.

2. Пропуск в Бессарабию и Северную Буковину производить на основании документов правительственных органов Румынии, удостоверяющих личность их предъявителей, с указанием места постоянного жительства до эвакуации.

3. Всех возвращающихся из Румынии в Бессарабию и Северную Буковину граждан брать на учет НКВД, сомнительных обязать еженедельной явкой в органы НКВД – по территориальности, а подозрительных и антисоветских элементов арестовывать.

4. Возвращающихся в Бессарабию и Северную Буковину граждан направлять для расселения в места постоянного жительства.

Работу контрольно–пропускных пунктов проводить на основании разработанной НКВД СССР инструкции.

5. Обязать НКПС предоставлять необходимое количество подвижного состава для перевозки возвращающегося населения по требованиям нач. Управления Пограничных Войск Украинской ССР тов. Осокина»¹⁰⁰⁴. Соответственно, в 19.15 5 июля войска Южного фронта получили указание Сталина и Тимошенко о немедленной организации приема беженцев из Румынии. Войска должны были обеспечить беженцев питанием и транспортом, на основании их опроса составлять списки возвращавшихся в Бессарабию и направлять их по месту жительства или в те районы, где необходимы переселенцы. Возвращаемый румынами скот следовало сортировать и после ветеринарного осмотра раздавать беженцам¹⁰⁰⁵. Выполняя приказ наркома обороны, войска организовали прием беженцев из Румынии и их транспортировку до места жительства на подводах или по железной дороге. Больным оказывали медицинскую помощь в госпиталях, детям выдавали молоко.

Беженцы сообщали о грабежах, гонениях и притеснениях со стороны румынских властей, что подтверждалось при их врачебном осмотре¹⁰⁰⁶. Советское правительство 13 и 15 июля заявляло протесты против фактов препятствий и издевательств, чинимых румынскими властями желающим вернуться в родной край. Советская сторона настаивала на том, чтобы «румынское правительство приняло все необходимые меры к неповторению указанных случаев издевательств и обеспечило нормальные условия выезда на родину бессарабцев»¹⁰⁰⁷. Уже к вечеру 10 июля советской стороной было принято 45 749 человек, к вечеру 15 июля – 71 789 человек, к вечеру 19 июля – 99 700 человек, к вечеру 25 июля – 149 974 человека (из них арестован 121 (0,08%) человек), а к вечеру 31 июля – 165 402 человека. Прием беженцев продолжался до 16 декабря 1940 г., когда общее количество вернувшихся из Румынии на родину уроженцев Бессарабии и Северной Буковины достигло 221 110 человек, а около 200 тыс. человек покинули эти территории вместе с румынскими войсками¹⁰⁰⁸. Со своей стороны, советское правительство 20 июля согласилось разрешить эвакуацию румынских чиновников, военнослужащих и гражданского населения, желающего выехать в Румынию, куда репатриировалось 13 750 человек¹⁰⁰⁹. Кроме того, 5 сентября 1940 г. после непродолжительных переговоров было заключено советско–германское соглашение об эвакуации в Германию из Бессарабии и Северной Буковины проживавших там немцев. В ходе начавшейся репатриации с 23 сентября по 13 ноября 1940 г. в Германию выехало 133 138 человек¹⁰¹⁰.

Тем временем 3 июля на очередном заседании Смешанной комиссии в Одессе румынская делегация согласилась обсудить предложенный советской стороной вопрос о возвращении железнодорожного подвижного состава в обмен на государственные склады и учреждения, чиновников и других лиц, желающих уехать в Румынию. В связи с дождями румынская делегация просила продлить эвакуацию в средней и южной Бессарабии. Однако эта просьба была отклонена советской стороной. 4 июля была достигнута договоренность о создании двух смешанных комиссий из специалистов–железнодорожников для обсуждения вопроса о подвижном составе, уведенном с территории Северной Буковины и Бессарабии. Комиссии должны были начать свою работу с 10 часов утра 6 июля в Унгенах и Багриновке. 5 июля было получено согласие румынского правительства на организацию трех железнодорожных комиссий в Багриновке, Унгенах и Рени¹⁰¹¹.

7 июля в Кишиневе начались переговоры о возвращении подвижного состава железных дорог Бессарабии и Северной Буковины. Румынские представители предлагали вернуть 74 паровоза, 125 классных и 1 345 товарных вагонов, 10 автотрис и 8 прицепов к ним. Советская сторона требовала передачи 419 паровозов, 726 классных и 2 334 товарных вагонов, 3 531 платформы, 1 897 цистерн, 1 481 почтово–багажного вагона и 35 автотрис¹⁰¹². После возвращения в Одессу ездивших в Бухарест за инструкциями румынских представителей Смешанная комиссия 13 июля продолжила обсуждение вопроса о подвижном железнодорожном составе. Румыния выразила готовность вернуть 137 паровозов, 238 классных и 2 371 товарный вагон, 19 автотрис и 25 прицепов. СССР настаивал на возвращении 274 паровозов, 551 классного и 6 976 товарных вагонов, 35 автотрис и 23 прицепов. По территориям предложения сторон распределялись, как показано в таблице 9.

Таблица 9

Предложения сторон на переговорах 13 июля 1940 г.¹⁰¹³

	Паровозы	Классные вагоны	Товарные вагоны	Цистерны	Автотрисы	Прицепы
Бессарабия						
СССР	157	256	4 109	312	10	8
Румыния	74	131	1 313	34	8	10
Северная Буковина						
СССР	117	295	2 435	120	25	15
Румыния	63	107	1 000	24	11	15

В конце концов, после ряда согласований и проверок на местах сведений о состоянии железнодорожного транспорта переданных СССР территорий, стороны пришли к следующему варианту соглашения. Поскольку на 27 июня в Бессарабии имелось 154 паровоза, 256 классных и 4 421 товарный вагон, а после эвакуации осталось 89 паровозов, 112 классных и 2 121 товарный вагон, то подлежат возвращению 65 паровозов, 144 классных и 2 300 товарных вагонов. В Северной Буковине имелось 119 паровозов, 89 классных и 1 227 товарных вагонов, осталось 25 паровозов, 14 классных и 645 товарных вагонов, следовательно, подлежат возвращению 94 паровоза, 75 классных и 582 товарных вагонов. Итого советской стороне будет передано 159 паровозов, 219 классных и 2 882 товарных вагонов. 28 июля Председатель СНК СССР Молотов одобрил этот вариант договоренности, послуживший основой подписанного 31 июля советско–румынского соглашения. Передача имущества должна была происходить с 5 по 25 августа, а 30 паровозов должны были быть переданы до 25 сентября 1940 г.¹⁰¹⁴

Тем временем Смешанная комиссия в Одессе продолжала обсуждение вопроса о возвращении в Румынию оставшегося в Бессарабии и Северной Буковине военного имущества. Еще в 1.55 30 июня нарком обороны приказал командованию Южного фронта «организовать учет и хранение военных трофеев, захваченных на территории Бессарабии», а также взять под охрану «казармы, конюшни, склады и др. помещения румынской армии», чтобы «сохранить их от порчи и расхищения»¹⁰¹⁵. К 26 сентября 1940 г. советскими войсками были учтены следующие трофеи: 64 971 винтовка и карабин, 7 697 револьверов и пистолетов, 1 автомат, 1 071 ручной пулемет, 326 станковых пулеметов, 149 малокалиберных винтовок, 1 080 охотничьих ружей, 6 зенитных пулеметов, 40 минометов, 258 орудий, 16 976 773 патрона, 70 189 гранат, 1 512 противотанковых мин, 23 643 минометные мины, 108 149 снарядов, 15 грузовых автомашин, 38 легковых, 2 автобуса, 3 трактора, 4 мотоцикла с коляской, 17 велосипедов, 125 телефонных аппаратов, 1 радиоустановка, 21 064 противогАЗа, 545,2 тонны ГСМ, 117,5 км телефонного кабеля, 268 925 кг колючей проволоки, 15 751 кг взрывчатых веществ, санитарное, инженерно–строительное, обочно–вещевое имущество, 10 137,8 тонн продфуража, 36 бочек масла, 98 600 банок и 40 ящиков консервов, 3,5 вагона вина, 178 тонн и 9 вагонов сена, соломы и отрубей, 1176 лошадей, 60 голов крупного рогатого скота, 220 овец, 70 поросят¹⁰¹⁶.

Поначалу советская сторона отказалась рассматривать контрпретензии Румынии по военному имуществу, оставленному в Бессарабии, на основании заявления румынской делегации, что имущество расхитили дезертиры. Затем 20 июля было решено задержать все оставленное в Бессарабии военное имущество румынской армии до решения вопроса о возврате Румынией подвижного состава железных дорог¹⁰¹⁷. Кроме того, 3 августа советская сторона потребовала возвращения уведенных из речных портов Бессарабии 11 пассажирских судов, 4 буксиров, 2 самоходных и 13 несамоходных барж, 4 портовых моторных катеров и железного двухпontonного дебаркадера¹⁰¹⁸. Однако уступки румынской стороны в вопросах о подвижном составе железных дорог и плавучих средствах бессарабских портов позволили найти компромисс.

17 октября румынская делегация согласилась вернуть СССР 2 грузопассажирских парохода, 1 буксирный пароход, 3 грузовые баржи, 2 портовых катера, 4 металлические плавучие пристани и все инвентарное оборудование портов (столы, стулья, шкафы, весы и т.п.). В 16 часов 27 октября было подписано соглашение о возврате судов в СССР, а военного имущества в Румынию. Соответственно 29 октября – 15 ноября 1940 г. большая часть военных трофеев Красной армии была возвращена Румынии, которая получила 51 644 винтовки, 1 080 ручных и 130 станковых пулеметов, 4 648 пистолетов, 36 минометов, 157 орудий, 16 270 453 патрона, 20 878 гранат, 115 138 снарядов и мин, а 13–17 ноября Советскому Союзу было переданы суда и прочее имущество портов¹⁰¹⁹.

Тем временем 2 сентября начала работу советско–румынская техническая комиссия по определению убытков и разрушений, нанесенных румынской армией при отходе из Бессарабии и Северной Буковины (с советской стороны председатель полковник В.В. Болонев, с румынской – генерал Д. Карлаонц), которая занималась проверкой предъявленных документов через свидетелей или с выездом на место. Члены комиссии побывали в Кишиневе, Рени, Бельцах, Черновицах и Липканах. В ходе переговоров советская сторона требовала от Румынии, чтобы та оплатила реквизиционные боны, расписки, квитанции и счета, выданные армией за имущество и скот населению; займовые облигации, сберегательные и пенсионные книжки населения; квитанции государственных займов; ведомости по зарплате за май–июнь 1940 г.; не полученные в Бессарабии денежные переводы; акты советских государственных учреждений, подтвержденные свидетельскими показаниями, об убытках в период эвакуации. Общая сумма советских претензий составляла 2 683 млн леев. Проверки на местах показали, что претензии советской стороны были, как правило, завышены и во многих случаях не подтверждались.

Румынская сторона указывала на завышенность или необоснованность советских претензий и выдвинула собственные контрпретензии на общую сумму в 2 130 млн леев. В частности, от Советского Союза требовалось оплатить стоимость государственного и военного имущества и вооружения, оставшегося на переданных ему территориях, и движимого имущества офицеров из гарнизонов Северной Буковины и Бессарабии, а также вернуть средства, изъятые у репатриантов в Румынию. Взаимная неуступчивость сторон и изменение международной ситуации на Балканах осенью 1940 г. привели к тому, что 22 ноября техническая комиссия прекратила свою работу. 30 октября румынская делегация из Одессы уехала в Бухарест, но обратно уже не вернулась, поэтому, когда 23 ноября стало известно о присоединении Румынии к Тройственному пакту, советская делегация в Смешанной советско–румынской комиссии была распущена. 24 ноября об этом было сообщено Румынии, которая с удовлетворением восприняла отказ СССР от рассмотрения целого ряда вопросов¹⁰²⁰.

Имущество, вывезенное из Бессарабии, было продано в Румынии на торгах, а доход от его реализации пошел в государственный бюджет¹⁰²¹.

Праздник освобождения

Вечером 27 июня Бессарабская областная организация Румынской коммунистической партии (РКП) и все находившиеся под ее руководством и влиянием нелегальные политические и общественные организации вышли из подполья. В ночь на 28 июня состоялось чрезвычайное совместное заседание Бессарабского областного и Кишиневского городского комитетов РКП, на котором был образован Бессарабский Временный Революционный Комитет (ВРК). Его председателем был избран все еще находившийся в кишиневской тюрьме С.Д. Бурлаченко, а членами – Ю. Коротков, Г. Добынэ, М. Брашан, П. Петров (Гузун), А. Рубинштейн, Д. Островский и др. Бессарабский ВРК возложил на себя всю полноту власти в крае до подхода частей Красной армии и восстановления органов советской власти. Для реализации этой задачи были созданы местные ВРК в уездах, городах, волостях и селах, а также вооруженные народные дружины и отряды народной милиции, комитеты содействия Красной армии, временные рабочие комитеты на промышленных предприятиях и на транспорте. На заседании также был утвержден текст воззвания к населению Бессарабии, который той же ночью был отпечатан в одной из кишиневских типографий: «Граждане освобожденной Бессарабии! 22 года население Бессарабии, кровью своей завоевавшее наряду с другими народами бывшей царской России свободу, стонало под игом белорумынских захватчиков. Разоренное, обездоленное население с завистью глядело на тот берег, где в дружной борьбе за мир и счастье работали наши братья. 22 года люди жили светлой надеждой на будущее и боролись за него в застенках и тюрьмах. Сегодня будущее, о котором мечтали, становится настоящим... В день долгожданного праздника окажем достойный прием героям–освободителям – армии трудящихся всего мира»¹⁰²².

В соответствии с достигнутым советско–румынским соглашением о мирном разрешении бессарабского вопроса в 14 часов 28 июня войска Южного фронта вступили на территорию Бессарабии и Северной Буковины. «Братья молдаване, русские и украинцы! – говорилось в обращении командования фронта к местному населению. – Пришел великий час вашего освобождения из–под ига румынских бояр, помещиков, капиталистов и сигуранцы. Украденная советская земля – Бессарабия – возвращается к своей матери–Отчизне. В великом Союзе Советских Социалистических Республик, в братском сотрудничестве с русским, украинским, молдавским и другими народами, вы возвращаете себе действительную Родину...»¹⁰²³

Как только части Красной армии перешли демаркационную линию с Румынией, они с большим энтузиазмом и радостью были встречены населением. «По донесениям всех погранотрядов, население Бессарабии и Буковины встречает наши части и пограничников радушно и с большим подъемом»¹⁰²⁴. В 20.15 28 июня Жуков доложил в Москву: «Отношение населения во всех буквально населенных пунктах чрезвычайно хорошее. Население организовано и радостно встречает части Красной армии с цветами и лозунгами „Да здравствует Советская Бессарабия!“¹⁰²⁵. Все деревни и города Северной Буковины были разукрашены красными знаменами и лозунгами, приветствовавшими Сталина и членов советского правительства. «Повсеместно ликование, торжество и неописуемый восторг и радость», – указывалось в донесении Политуправления 12–й армии. Местные жители встречали красноармейцев хлебом и солью, цветами и музыкой, помогали в пути, расчищали дороги, были рады возможности говорить по–русски и по–украински¹⁰²⁶. В Черновицах «на домах – красные флаги. Слышны приветственные возгласы в честь товарища Сталина, в честь доблестной Красной Армии. Для передачи города в Черновицах остались две роты румынских солдат и один генерал. [...] На улицах масса людей. Громко звучит украинская речь, народ спешит на первые свободные собрания и митинги. Выпущены на волю политзаключенные... На улицах гуляют и румынские солдаты – украинцы и молдаване, не пожелавшие уйти с румынской армией»¹⁰²⁷.

В Бессарабии первыми приветствовали советских воинов–освободителей жители приднестровских населенных пунктов. «С неописуемой радостью встречали сегодня крестьяне пограничного бессарабского села Атаки, жители г. Хотин родную Красную Армию. Долгожданный день, радостная минута освобождения настали. У реки Днестра – большое оживление. Вот пошли вплавь одна за другой понтонные лодки. Через каждые несколько минут на бессарабской земле высаживаются все новые и новые группы бойцов. Их окружают большие толпы крестьян. Гремит мощное „ура“ в честь доблестной Красной Армии. Собравшиеся от всего сердца провозглашают лозунги: „Да здравствует великий Сталин!“, „Да здравствует товарищ Молотов!“ [...] Недалеко от села Атаки раскинулся город Хотин. Когда части Красной Армии вошли в город, навстречу им за 2–3 километра вышли сотни жителей, горячо приветствуя долгожданных гостей. На домах появились красные флаги»¹⁰²⁸.

Повсюду, как только показывались колонны частей Красной армии, собирались многочисленные митинги, которые выливались в волнуемую демонстрацию горячей любви и благодарности трудящихся освобожденной Бессарабии ВКП(б), советскому правительству, братским народам СССР, его могучей армии. «Только что в село вошли части Красной Армии. Вползли танки, подъехала механизированная пехота. И сразу же над селом зазвучали ликующие приветственные возгласы, – сообщил корреспондент „Правды“ из с. Вороновица Хотинского уезда. – Народ восторженно приветствовал своих освободителей. Бойцов буквально засыпали цветами. Тут же стихийно возник митинг. На площади, в центре села, собрались все – от мала до велика. Жадно, боясь проронить слово, слушали собравшиеся выступления представителей Красной Армии. [...] Слово взяла старуха–крестьянка Дарья Цыганюк. От самого сердца лилась ее пламенная речь: „В темной тюрьме прожили мы

22 года. Только от вас, сыны и братья наши, ждали мы освобождения. Большое материнское спасибо вам, красные бойцы! Спасибо от нас, от детей и внуков наших! Спасибо тому человеку, который послал вас, – спасибо родному Сталину!¹⁰²⁹

С восторгом встречали советских воинов в городе Сороки, в Атаках, Резине, Олонештах и других приднестровских селах. «Как только части Красной армии спустили понтонные лодки в воды Днестра, – писала газета „Красная звезда“, – крестьяне села Косоуцы [Косовцы], выбежавшие из хат и огородов, бросились к берегу... За несколько минут, пока красноармейцы переправились на лодках на бессарабский берег, там уже собрались сотни крестьян... Как родных любимых братьев обнимали бессарабские крестьяне красноармейцев, целовали их. Многие из крестьян бросались в воду, чтобы поддержать понтонные лодки, относимые быстрым течением реки. Все старались помочь красноармейцам переправиться через Днестр, указывали лучшие места для переправы, помогали вытаскивать на берег оружие и боеприпасы». Жители сел Шерпены и Спея встретили Красную армию возгласами: «Мы вас ждали 22 года». «Мы с офицерами не то что разговаривать, но и боялись близко подойти, а вы так просто и хорошо с нами беседуете», – делился впечатлениями от встречи с советскими командирами крестьянин села Пугачень Хабой¹⁰³⁰.

В Бендерах тысячи горожан вышли навстречу передовым подразделениям советских войск к железнодорожному мосту через Днестр. «Население Бендер радостно встречает части Красной Армии. Крыши и балконы домов усеяны людьми. Везде реют красные знамена. Из толпы часто раздаются возгласы: „Да здравствует красная Бессарабия, да здравствует великая могучая советская страна!“ Пограничников и бойцов, раздающих центральные газеты, осыпают цветами. Командиры и комиссары, окруженные взволнованными людьми, охотно отвечают на многочисленные вопросы. Все стремятся обнять и крепко пожать руки бойцам и командирам»¹⁰³¹. Организовано, с красными знаменами и лозунгами навстречу воинам–освободителям вышли железнодорожники станции Бульбоки. Во время радостной встречи, оказанной советским бойцам и командирам, они сообщили, что на станции румынскими войсками брошены огромные склады с боеприпасами, и добровольно, по согласованию с советским командованием, организовали вооруженную охрану этих складов. Крестьяне села Елизаветовка Сорокского уезда, отвечая на призыв созданного коммунистами комитета содействия Красной армии, при подготовке к встрече советских войск всем селом отремонтировали большой участок дороги.

По мере продвижения частей Южного фронта вперед происходили все новые манифестации торжества освобожденного народа. «Население Бессарабии, – указывалось в одном из донесений политуправления 9-й армии, – с неослабевающим подъемом продолжает встречать проходящие части Красной армии, забрасывая их цветами. На всем протяжении пути трудящиеся оказывают большую помощь в расчистке дорог от проволочных заграждений и других препятствий, помогают выявлять минные поля и вытаскивать на берег орудия и другие виды вооружения». Как отмечалось в другом документе, крестьяне отдаленных сел в одиночку и группами выходили к дорогам за 10–15 и больше километров, чтобы приветствовать части Красной армии. Так, крестьянин села Камчик (ныне село Заря Саратовского района Одесской обл.) Ф.А. Ангуер, пройдя вместе с женой и тремя детьми более 5 километров, увидев на станции Сарата первую колонну советских войск, заявил: «Не могу выразить словами ту великую радость, которую я переживаю сейчас, в связи с нашим освобождением от румынского ига»¹⁰³².

Крупные праздничные митинги и демонстрации под лозунгами «Да здравствует Красная армия!», «Да здравствует Советская страна!» в эти дни прошли в Кишиневе, Бендерах, Бельцах, Сороках, Оргееве, Измаиле, Кагуле, Аккермане, Единцах, Бричанах и многих других местах. Выступавшие ораторы горячо благодарили Советский Союз за помощь населению Бессарабии в борьбе против румынских захватчиков, за воссоединение с Советской Родиной. «Город Бельцы еще не видел такого торжества, такого ликования, – писала „Правда“. – Одетые по-праздничному, гордо неся на груди красные банты, стекались вчера [1 июля] жители на центральную площадь. К 6 часам вечера она была заполнена до отказа. Десять тысяч трудящихся, впервые свободно вздохнувших после двадцатидвухлетней кабалы, собрались на митинг, посвященный освобождению Бессарабии. У всех счастливые, сияющие лица. Матери пришли с детьми на руках. Над площадью ни на минуту не стихает гул радостных голосов. Народ приветствует бойцов и командиров Красной Армии. Здравицы в честь большевистской партии, советского правительства, в честь великого Сталина сопровождаются громким „ура“. Выступившая на митинге М. Субботина говорила: „Мы ждали вас, посланцы великого советского народа. Дни, которые мы сейчас переживаем, – счастливейшие в нашей жизни. Спасибо тебе, партия большевиков, спасибо тебе, советский народ, спасибо тебе, родной Сталин!“¹⁰³³ На митинге жителей с. Ганчешты выступила С.И. Горская – сестра легендарного героя Гражданской войны Г.И. Котовского: «Я, как и все жители Бессарабии, счастлива, что дожила до радостной минуты, когда могу называться гражданкой Союза ССР. Недаром была пролита кровь народа... От всей души благодарю Советскую власть за свободу, за справедливость, за счастье, принесенное не только мне, но и всем трудящимся Бессарабии»¹⁰³⁴.

Такую же картину радостной встречи советских войск рисуют и румынские документы. Например, согласно донесениям румынской полиции, население «города Хотина встретило советские войска – 28 июня 1940 г. – в грандиозных и полных подъема формах... демонстрировало симпатии к оккупантам и враждебность к нашим войскам». Как отмечается в другом документе, «правдой является то, что абсолютное большинство населения было охвачено настоящим радостным возбуждением, да еще так было охвачено, что встреча с цветами в руках, со знаменами, оркестрами и угощением не является беглой выдуманной информацией, а представляет собой

грандиозную и стихийную манифестацию радости по случаю прихода освободителей, которых они желали и которых ожидали в течение многих лет. В этом отношении мы не должны делать себе никакой иллюзии и никакого упрека, ибо так именно случилось и не могло быть иначе»¹⁰³⁵.

Румынский полковник в отставке Н. Черкез так описывал ситуацию в Кишиневе вечером 28 июня: «Сразу же после отправки последнего поезда из Кишинева на перроне появилась толпа детей и взрослых с красными флагами, скандирующая имя Сталина. Зажегся свет у въезда на станцию со стороны Тигины [Бендер]. Толпа подумала, что едет советская делегация, и бросилась с криками „ура!“ навстречу. 16–17-летние подростки, евреи были в восторге. Советская делегация прибыла много позже, после того как совсем стемнело»¹⁰³⁶. Это описание полностью соответствует донесениям советского командования. Когда на аэродроме Кишинева приземлились советские истребители, «население радостно и торжественно, с цветами встречало наших летчиков». Во время вступления передовых частей 9-й армии в город «население восторженно встречало войска, несмотря на поздний час входа войск в Кишинев»¹⁰³⁷.

29 июня на 20-тысячном митинге в Кишиневе выступили член Политбюро ЦК ВКП(б), 1-й секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрушев, нарком обороны СССР маршал С.К. Тимошенко, начальник Политического управления Красной армии армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис¹⁰³⁸. Выступавшие на митинге местные жители благодарили своих освободителей и говорили о наболевшем. Как заявил крестьянин с. Чимишень Кишиневского уезда Г. Алтабук, «22 года мы ждали вас. Слава богу, дождались. Жили мы в нужде и голоде, но мы знали, что скоро придет Красная армия. От ваших машин гудит земля и небо. Если бы румыны видели бы всю вашу технику, то они умерли бы от разрыва сердца»¹⁰³⁹. «Я учился в Бухаресте в университете, – рассказывал выступивший на митинге студент. – Как только стало известно, что ведутся переговоры о Бессарабии, то я и другие товарищи немедленно бросили учебу и приехали домой. Сейчас мы, как видите, состоим в рабочей милиции и поддерживаем здесь порядок. В Румынии уничтожены все бывшие в библиотеках книги русских классиков. В Кишиневе стоял памятник Пушкину с подписью „А.С. Пушкин“ на русском языке. Градоначальник приказал эту надпись вырубить и сделать такую же на румынском языке». Как считал крестьянин Шапрон, владелец 1 га земли, «до вашего прихода жизнь у нас существовала только для богатых, а вот теперь мы заживем по-новому». В своем выступлении Борис Дворецкий сказал: «Два года я служил в румынской армии, и все это время терпел унижение, оскорбление и недовольство со стороны румынских офицеров. Когда я узнал, что Красная армия перешла Днестр, я бросил оружие и бежал, чтобы больше не служить ненавистной мне королевской Румынии. Сейчас я свободный гражданин и за это благодарю Красную армию и Великого Сталина, который нас освободил от капиталистического рабства»¹⁰⁴⁰.

Затем Тимошенко посетил родное село Фурманка Аккерманского уезда, где встретился с братом Ефимом и многочисленной родней. В 9.20 2 июля нарком обороны и сопровождающие его лица вылетели из Кишинева в Москву, где после 17 часов Хрушев и Тимошенко лично доложили Сталину о ситуации в Бессарабии¹⁰⁴¹.

О восприятии происходивших событий их участниками красноречиво свидетельствуют следующие документы. Сообщая о событиях в Бессарабии, пограничник С. Сидоров писал в Москву брату: «Павлуша, 28 июня, наверное, является самым знаменательным днем в моей жизни. Я никогда не забуду сияния солнца, которое окунало свой лик в прекрасный Днестр, и сияющие от счастья лица... А улыбки! [...] Люди поднимали нас на руки, обнимали и целовали. Павел, Павел, если бы только видел, как изливается восторг освобожденного народа. [...] Мы шагали по улицам Бендер, будто нас несла какая-то невидимая волна. Было невозможно освободиться из этого потока людей. На каждом шагу возникали стихийные митинги, советские солдаты утопали в цветах, все жали им руки, многие дарили им красные ленточки»¹⁰⁴².

1 июля 1940 г. газета «Бессарабия Советикэ» опубликовала письмо рабочих кишиневской электростанции, адресованное воинам Красной армии: «Могучая рука нашей Родины – Великого Советского Союза вырвала нас из капиталистического рабства. Ожидали мы этого дня давно. Но освобождение наступило с такой скоростью, счастье пришло так молниеносно, что каждый из нас спрашивает себя, не сон ли это? Нет! Не сон! Как вспугнутые шакалы бежали румынские бояре из нашей дорогой Бессарабии. Не существует больше сигуранцы, нет больше камер пыток, душивших нас в течение 22 лет. Нет больше жандармов и полиции. Ярмо, надетое на трудящихся Бессарабии, разбито навсегда. Улицы нашего города никогда не были такими, как сейчас. Повсюду встречаешь счастливые, радостные лица. Красный цвет свободы развеивается над всеми домами, приколот к груди каждого жителя. Нет, наша свобода не сон! По улицам Кишинева, как грозное предупреждение всем врагам Великого Советского Союза, проходят мощные танки доблестной и непобедимой Красной Армии... 28 июня 1940 года... навсегда останется в нашей памяти как самый красивый, самый светлый день нашей жизни. [...] Пришел конец тяжелому кошмару. Началась новая эра, для каждого из нас началась новая жизнь. И за эту жизнь мы должны благодарить Советское правительство, воинов-освободителей Красной Армии. [...] Солнце свободы возшло над Бессарабией, над нашим молдавским народом»¹⁰⁴³.

В письме жителей с. Сынжерей Бельцкого уезда Т. Рабей, К. Унгуряну, Г. Ончану, А. Крихана и других в газету говорилось: «Не нарадуемся дням, до которых мы дожили, когда безбоязненно и во весь голос можно говорить о пережитых обидах и болях. Еще месяц тому назад никто не вспоминал о нас. Больше того, когда горечь переполняла чашу наших страданий и мы бунтовали, то перцептор (сборщик налогов. – М.М.), жандарм, поп и нотариус – верные псы румынского капиталистического режима – со всех сторон вонзали в нас зубы и делали нашу жизнь невыносимой... Наконец избавились. Радость, которая охватила нас в час освобождения, мы

не в состоянии описать. Красная армия, наша армия крестьян и рабочих, навсегда освободила нас из-под ига капиталистических разбойников. Отныне мы не будем голодать, ибо хлеб нам будет гарантирован. Крестьяне впредь будут располагать правами, а не только обязанностями. Школы будут просвещать умы всем тем, кто тянется к свету знаний. Для наших детей взошла заря новой счастливой жизни»¹⁰⁴⁴.

Такой горячей встрече населением Северной Буковины и Бессарабии советских войск способствовало и поведение отходящей румынской армии, которая старалась «эвакуировать» все, что попало под руку. У населения под угрозой расправы забирались деньги, лошади, свиньи, птица, волы и повозки¹⁰⁴⁵. С передаваемых Советскому Союзу территорий угонялся подвижной состав железных дорог, вывозилось противопожарное имущество, столы и стулья. Народная милиция пыталась препятствовать грабежу оккупантов, нередко попадая под обстрел румынских солдат. В отдельных случаях население вооружалось за счет оставленного румынскими солдатами оружия, преследовало колонны отходящих румынских войск, нападало на них и отбирало награбленное имущество и лошадей¹⁰⁴⁶. Понятно, что действия советских войск по осмотру отходящих румынских частей и изъятию у них захваченного имущества поддерживали энтузиазм местного населения в связи с приходом Красной армии.

Этому же способствовала и активная агитация групп пропагандистов, которые разъезжали по населенным пунктам. В ходе Бессарабской операции для издания газет и листовок на русском, украинском и румынском языках использовался поезд-типография, общий объем продукции которого составил 2 120 тыс. экземпляров. Было создано 8 редакций газет (3 на русском, 1 на украинском, 4 на румынском и молдавском языках), которые были направлены в уездные центры Бессарабии и Северной Буковины, где выпускали ежедневные газеты. Позднее эти редакции перешли в ведение местных органов власти. Газеты, изданные в уездах, позволили широко охватить прессой местное население, для развлечения которого привлекались киноустановки и театры УССР и КОВО. Общий объем отпечатанных книг, брошюр, листовок, карт и тому подобных изданий составил 2 539 тыс. экземпляров¹⁰⁴⁷.

К сожалению, продвижение Красной армии не обошлось и без трагических случайностей. Так, когда через деревню Грушевка проезжала машина с бойцами 378-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии, за ней бежали мальчишки, которым красноармейцы бросали мелкие советские монеты. Из толпы на дорогу метнулось еще несколько мальчишек, и они случайно толкнули стоявшего на обочине 11-летнего мальчика, который упал и попал головой под заднее колесо грузовика. В 6 км от Кишинева автомашиной 352-го артполка был задавлен 16-летний подросток, который попытался на ходу вскочить на подножку машины¹⁰⁴⁸. В ходе освобождения Бессарабии советскими войсками имели место факты «барахольства» – покупок советскими военнослужащими различных промтоваров (часов, обуви и мануфактуры), что активно пресекалось командованием и политорганами¹⁰⁴⁹.

3 июля на Соборной площади Кишинева (в советское время – площадь Победы) в 14.00–16.00 состоялся парад советских войск, в котором участвовали части 35-го стрелкового корпуса, 173-й стрелковой дивизии и 4-й танковой бригады (людей – 8 364, орудий – 279, танков – 102, бронемашин – 16, тракторов – 108, автомашин – 79, самолетов – 336). Парадом командовал генерал-лейтенант В.И. Болдин, а принимал его командующий Южным фронтом генерал армии Г.К. Жуков. В параде участвовал танк лейтенанта Балясникова, первым вступивший 28 июня в город. «Александровская улица Кишинева приняла праздничный, нарядный вид, – писала „Правда“. – Портреты членов Политбюро ЦК ВКП(б), народного комиссара обороны СССР тов. Тимошенко, плакаты, лозунги, красные флаги украшают центральную улицу... Десятки тысяч рабочих, служащих, интеллигенции с детьми пришли посмотреть вооруженные силы социалистической родины. Они тесными рядами окаймили место парада, выстроившись вдоль всей улицы. Радостные лица, сияющие улыбки, восторженные возгласы, крики приветствия...» После парада состоялась грандиозная почти 100-тысячная демонстрация местного населения. «Весь город от мала до велика был на улицах. На Александровской бесконечной вереницей шли колонны со знаменами и портретами вождей, с флагами и цветами. На тротуарах шпалерами стоял народ, встречая криками „ура“ каждую проходящую колонну. На каждом балконе толпились люди. Мальчишки гроздьями висели на деревьях. Песни, крики „ура“, возгласы ликования перекатывались из края в край кипучего южного города»¹⁰⁵⁰.

В тот же день «в ознаменование освобождения трудящихся Бессарабии и северной Буковины от ига румынских бояр, помещиков и капиталистов и возвращения Бессарабии и северной Буковины в состав великого СССР» войска Южного фронта провели парады в Черновицах (участвовали 131-я стрелковая, 16-я кавалерийская дивизии и 5-я танковая бригада: людей – 8 892, лошадей – 4 561, танков – 190, самолетов – 205), Чимишлии (участвовала 9-я кавдивизия: людей – 2 739, лошадей – 2 795, орудий – 46, пулеметных тачанок – 48), Романово (участвовала 32-я кавдивизия: людей – 3 520, лошадей – 3 567, орудий – 46, бронемашин – 9, пулеметных тачанок – 52, автомашин – 18, самолетов – 3), Бендерах (участвовала 51-я стрелковая дивизия: людей – 3 139, лошадей – 530, орудий – 120, танков – 12, тракторов – 66, автомашин – 32) и Аккермане (участвовала 74-я стрелковая дивизия: людей – 1 203, лошадей – 130, орудий – 16, самолетов – 53). На крайнем юге Бессарабии в окрестностях Измаила 3 июля по указанию уездного комитета ВКП(б) в 17 населенных пунктов для организации советской власти были высажены на парашютах десантники 201-й авиадесантной бригады. Это событие произвело большое впечатление на местное население.

4 июля парады были проведены в Сторожинце (участвовали 34-я кавдивизия и 23-я танковая бригада: людей – 4 340, лошадей – 4 530, танков – 180), Хотине (участвовала 5-я кавдивизия: людей – 4 320, лошадей – 4 400,

танков – 46), Новоселице (участвовали 3–я кавалерийская и 58–я стрелковая дивизии: людей – 8 300, лошадей – 4 520, танков – 50) и Бельцах (участвовала 169–я стрелковая дивизия: людей – 4 150, танков – 12, бронемашин – 18). «Парады прошли благополучно. Население радостно встречало проходящие части Красной армии и ее боевую технику»¹⁰⁵¹. Во всех городах парады сопровождалась многотысячными демонстрациями населения.

В результате решения бессарабского вопроса Советский Союз получил территорию площадью 50 762 кв. км с населением 3 776 тыс. человек. 10 июля 1940 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) вошли в Верховный Совет СССР с предложением о создании Молдавской ССР. VII сессия Верховного Совета, обсуждавшая этот вопрос на вечернем заседании 2 августа, заслушала делегацию трудящихся Бессарабии и Северной Буковины, передавшую благодарность «всем трудящимся великой советской родины за освобождение от цепей капиталистического рабства». Выступившая от имени бессарабского народа учительница из Оргеева З.А. Кречунеску сообщила, что «мы все как один желаем только одного: скорейшего братского воссоединения с молдавским народом». Делегат от Северной Буковины Н.С. Михальчук заявил, что трудящиеся его родного края «горят пламенным желанием навсегда воссоединиться с украинским народом в едином украинском социалистическом государстве»¹⁰⁵². После недолгого обсуждения Верховный Совет принял закон «Об образовании Союзной Молдавской Советской Социалистической Республики», согласно которому центральные уезды Бессарабии и 6 районов Молдавской АССР объединялись в новую союзную республику СССР, а 8 районов Молдавской АССР были включены в состав Одесской области. На том же заседании был принят закон «О включении Северной части Буковины и Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии в состав Украинской Советской Социалистической Республики», территория которой расширилась за счет образования Черновицкой и Аккерманской (с 7 декабря 1940 г. переименована в Измаильскую) областей¹⁰⁵³.

В 20 часов 10 августа в Кремле состоялся прием в честь делегации трудящихся Бессарабии и Северной Буковины, полномочных комиссий Народных сеймов Литвы, Латвии и Государственной думы Эстонии, который стал демонстрацией дружбы многонационального советского народа. «Я сегодня бесконечно счастлива, как счастлив весь наш молдавский народ, – сказала в своем выступлении З.А. Кречунеску. – Тяжелое, кошмарное прошлое ушло навсегда. Прием, который мы встретили здесь, в Москве, высокое доверие, оказанное нам, будут для нас немеркнувшей путеводной звездой. Мы обещаем работать под руководством Советского Правительства, под руководством товарища Сталина, так, чтобы ярче расцветала наша Молдавия. Спасибо Красной Армии и ее руководителям – товарищам Ворошилову и Тимошенко! Спасибо главе Советского Правительства – товарищу Молотову, спасибо великому вождю народов – товарищу Сталину!» Черновицкий рабочий Н.С. Михальчук заявил: «От всего сердца мы благодарим коммунистическую партию, нашего родного отца – товарища Сталина. Долго мы страдали под игом румынских бояр. Но сейчас все это позади. Наши слезы высохли, мы в своей, родной семье. Да здравствует наш отец и освободитель товарищ Сталин!»¹⁰⁵⁴

В приветствии Сталину и Молотову, переданном 14 августа делегацией трудящихся Бессарабии и Северной Буковины на VII сессии Верховного Совета СССР, в частности, говорилось: «Никогда не забудут народы Бессарабии и Северной Буковины всего того, что сделали Вы, товарищ Сталин, и Советское Правительство во главе с товарищем Молотовым для воссоединения молдавского и украинского народов. Советский Союз, его героическая Красная Армия дали возможность нам, как детям, прильнуть к матери – любимой родине.

Забор из румынских штыков отделял нас долгие годы от единокровных братьев по ту сторону Днестра, где молдавский и украинский народы жили в счастливой семье советских народов.

В тягчайшие годы бесправия, нужды и нечеловеческих страданий согревала нас, угнетенных, одна мысль, одно чувство:

– Есть на свете Москва! Есть Сталин – вождь и отец трудящихся всего мира. Ваше имя, товарищ Сталин, вдохновляло нас на борьбу против своих поработителей.

И вот свершилось желанное. Мы свободны. Народы Бессарабии и Северной Буковины влились в братскую семью родного социалистического отечества»¹⁰⁵⁵.

Начавшиеся социально–экономические преобразования, и прежде всего аграрная реформа, в ходе которой только в новых районах Молдавской ССР путем перераспределения 258 540 га (11,6%) сельскохозяйственных земель в пользу 184 715 (39,9%) крестьянских дворов удалось полностью ликвидировать безземелье и малоземелье крестьян¹⁰⁵⁶, поддерживали энтузиазм населения в отношении новой власти. Это наглядно проявилось в ходе выборов депутатов Верховного Совета СССР от новых районов Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей УССР, которые состоялись 12 января 1941 г. Из 2 306 702 избирателей на этих территориях в выборах приняли участие 2 293 473 (99,6%), из которых за предложенных кандидатов проголосовали 2 275 836 (99,2%) человек. Одновременно прошли выборы депутатов Верховного Совета Молдавской ССР, в которых из 1 561 872 избирателей приняли участие 1 555 914 (99,6%) и за предложенных кандидатов проголосовали 1 543 880 (99,2%) человек¹⁰⁵⁷.

Подводя итог событиям, связанным с разрешением бессарабского вопроса, Молотов в своем докладе на вечернем заседании VII сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. отметил, что, «как известно, правительство Румынии приняло наше предложение, и затянувшийся на 22 года конфликт между Советским Союзом и Румынией был разрешен мирным путем. Проживавшие на территории Бессарабии и Северной Буковины, главным образом, украинцы и молдаване получили возможность войти в дружную семью советских народов и зажить новой жизнью – жизнью народа, освобожденного от власти румынских бояр–помещиков и

капиталистов. Мы знаем теперь, с какой великой радостью население Бессарабии и Северной Буковины вступило в ряды советских граждан. [...] Границы Советского Союза передвинулись в связи с этим на запад и дошли до реки Дуная, являющейся после Волги самой мощной рекой в Европе и одним из важнейших путей товарообмена для ряда европейских стран. Вы знаете, товарищи, что весь советский народ с большой радостью и удовлетворением встретил успешное разрешение долгожданного вопроса о Бессарабии. С другой стороны, наши отношения с Румынией теперь должны войти во вполне нормальное русло»¹⁰⁵⁸.

Заключение

Совместное участие в Первой мировой войне, как ни странно, не улучшило русско–румынских отношений. Румынское руководство было недоволено, что по настоянию России ему пришлось согласиться на ограничение своих территориальных притязаний в Буковине только ее южной частью. Это лишь подстегивало опасения Бухареста относительно того, что после достижения победы Россия сможет ограничить и другие устремления Румынии, особенно в Банате, обещанном еще и Сербии. На фоне этой скрытой подозрительности не выглядит странным уверенность румынского руководства, что русская военная помощь была предоставлена в недостаточном количестве и оказалась недостаточно эффективной. Понятно, что при этом факт практически полного разгрома румынской армии, брошенной в одиночку в бессмысленное наступление, как бы отходил на задний план, скрываясь за патриотической риторикой создания «Великой Румынии». Собственно, и на фронте в Румынии взаимоотношения русских и румынских войск складывались ничуть не лучше. По свидетельству корреспондента Петроградского телеграфного агентства В. Янчевецкого (более известного позднее под писательским псевдонимом В. Ян), «отношение румынских солдат к русским, а также и офицеров, недружелюбное. Они не могут понять наших солдат, которые негоду[ют] на румын за то, что, отдавая за них жизнь, стрелки не встречают со стороны румын помощи, преданности и благодарности»¹⁰⁵⁹.

Понятно, что разразившаяся в России в феврале 1917 г. революция и нарастание хаоса на фронте в последующие месяцы прежде всего сильно перепугали румынскую элиту, опасавшуюся распространения мятежных настроений в собственной стране. Однако постепенно выяснилось, что румынская армия, лишь год назад вступившая в войну, в отличие от русской армии еще не прониклась ощущением бесцельности войны и сохраняла относительно высокий патриотический порыв, оформленный в лозунге освобождения румынских братьев из–под гнета Австро–Венгрии. Уже августовские бои 1917 г. показали большую устойчивость румынских войск по сравнению с русскими, утратившими единые целеустановки и постепенно раскалывавшимися по национальному и политическому признакам.

После ноября 1917 г., когда новое российское советское правительство заявило о готовности к выходу из войны, Румыния оказалась перед выбором. Следовало либо достичь соглашения со странами Четверного союза, что требовало, в свою очередь, определенной договоренности с союзниками по Антанте, либо повторить подвиг сербской армии – отказаться от обороны национальной румынской территории и отступить на просторы юга России. Понятно, что румынское руководство, привыкшее пользоваться плодами чужих побед и, следовательно, более склонное к дипломатическим ухищрениям, выбрало именно первый вариант.

Соответственно Румыния стала доказывать странам Антанты, что она не в состоянии продолжать войну в одиночку, а потому союзники должны согласиться с тем, что она достигнет сепаратного соглашения со странами Четверного союза. Поначалу англо–французское руководство было не склонно поощрять подобные настроения Бухареста, но по мере развития обстановки в России и общей ситуации на бывшем Восточном фронте оно молчаливо согласилось с этой румынской позицией, рассчитывая на то, что румынские войска удастся использовать для подавления советского движения в приграничных с Румынией районах России. Со своей стороны, страны Четверного союза, заинтересованные в устранении фронта на Востоке, постарались с помощью шантажа получить от Румынии максимальные уступки, прежде всего в отношении сырьевых и сельскохозяйственных поставок. В качестве компенсации за уступленные территории Румынии была предложена Бессарабия. Причем оказалось, что англо–французские союзники тоже поддерживают эту идею.

Тем временем в Бессарабии в условиях нарастания аграрного движения, укрепления позиций Советов и усиления большевистского влияния в них, а также неспособности Временного правительства контролировать ситуацию молдавское национальное движение активизировало свою деятельность среди военных–молдаван, что позволило создать краевой орган «Сфатул Цэрий». Понятно, что никакого единства среди местных политических сил по вопросу о будущем Бессарабии не было: одни видели ее в качестве автономии в составе России, другие хотели создать независимое государство. Лишь молдавские националисты, действовавшие на румынские деньги, выступали за объединение с Румынией, но их позиция не пользовалась популярностью. Однако, используя недовольство других политических сил укреплением большевиков в Советах и ссылаясь на пример Украины, им удалось добиться 2 (15) декабря 1917 г. провозглашения Молдавской народной республики (МНР) в составе Российской Федерации. В этих условиях лишь прямая оккупация Бессарабии румынской армией могла способствовать реализации территориальных притязаний Румынии.

Воспользовавшись согласием своих союзников и противников и просьбами антисоветски настроенной части офицерства русского Румынского фронта, румынское руководство смогло разгромить солдатские комитеты и разоружить русские части, склонные к поддержке советской власти. Фактически с этих декабрьских событий 1917 г. начинается открытое вмешательство Румынии в события русской революции. Понятно, что уже эти

действия румынских властей вызвали негативное отношение РСФСР, которая, впрочем, была вынуждена ограничиться лишь дипломатическими протестами. Распад бывшей Российской империи и политический хаос на юге страны рассматривался румынским руководством в качестве необходимого условия захвата Бессарабии. Поэтому в январе 1918 г. румынские войска перешли р. Прут и вступили на территорию РСФСР, что, естественно, привело к разрыву дипломатических отношений с Румынией со стороны Петрограда.

В условиях политического размежевания в Бессарабии национальные организации более спокойно отнеслись к румынскому вторжению, видя в нем гарантию от социальных движений, которые в целом основывались на идеях интернациональной солидарности трудящихся. Имущие социальные слои увидели в румынах гарантов против уравнилельных тенденций революции, а бессарабские крестьяне, наоборот, – угрозу утраты полученной помещичьей земли. Лишь верхушка молдавского национального движения восторженно приняла этот факт, но была вынуждена до поры скрывать эту свою позицию в силу в целом настороженного отношения местного, в том числе и молдавского, населения к румынам. Тем более приходилось скрывать долгосрочную цель – присоединение Бессарабии к Румынии. Пока же им удалось добиться провозглашения независимости МНР. Со своей стороны румынские войска всячески пропагандировали версию о том, что их приход в Бессарабию связан лишь с необходимостью наведения порядка на железных дорогах и охраны складов с продовольствием, закупленным для снабжения Румынии.

Вместе с тем румынское вторжение ускорило консолидацию сторонников советской власти, готовых с оружием в руках отстаивать завоевания революции. Тем более что в данном случае речь шла о внешнем вторжении, а не о внутрirosсийском конфликте. Если поначалу румыны встречали лишь разрозненное сопротивление небольших отрядов, то к середине февраля 1918 г. советскому командованию уже удалось организовать более значительное сопротивление на линии р. Днестр и на юге Бессарабии. Более того, к концу февраля советские отряды стали переходить в наступление, и румынские части оказались перед перспективой отражения советского наступления при очень беспокойном тыле, поскольку оккупированная Бессарабия, уже вкусившая горьких плодов румынского господства, вовсе не собиралась оставаться сторонним зрителем. В этих условиях, опасаясь разгрома войск в Бессарабии, что могло усилить социальные движения в самой Румынии, румынское руководство решило пойти на урегулирование отношений с РСФСР и УССР. Кроме всего прочего, это позволяло в тот момент выиграть время и оценить последствия германо–австро–венгерского наступления на Украине.

В результате было заключено советско–румынское соглашение, согласно которому румынская сторона брала на себя обязательство вывести свои войска из Бессарабии в двухмесячный срок. Хотя в условиях германо–австро–венгерской оккупации Украины румынское правительство не собиралось выполнять это соглашение, сам факт его подписания румынской стороной имел большое значение с точки зрения международных отношений, поскольку свидетельствовал о признании Румынией факта оккупации территории соседнего государства. Пока же румынское руководство, уверенное в том, что Россия более не возродится, под прикрытием германо–австро–венгерских штыков весной 1918 г. решило добиться оформления аннексии Бессарабии. Для этого использовалось существующее на румынские деньги молдавское национальное движение, которому с помощью подкупа и угроз со стороны румынских войск удалось продавить через «Сфатул Цэрий» решение об объединении МНР с Румынией на условиях автономии. Несколько позднее этот факт был признан в договоре о мире между Румынией и странами Четверного союза.

Однако приближение конца Первой мировой войны и разгром Четверного союза поставили перед Румынией задачу по удержанию захваченной Бессарабии и получению ряда территорий бывшей Австро–Венгрии. Первым шагом на этом пути было возвращение Румынии в состав Антанты, для чего пришлось вновь объявить войну Германии за сутки до вступления в силу соглашения о перемирии на Западном фронте. Теперь территориальные вопросы должны были решаться на мирной конференции в Париже, но до ее открытия румынскими властями в «Сфатул Цэрий» «была разыграна пародия на голосование за полный союз Бессарабии с Румынией без всякой автономии»¹⁰⁶⁰. Тем не менее поначалу румынские территориальные притязания не вызвали заметной положительной реакции в Париже. Однако румынское руководство очень быстро обнаружило, что участие Румынии в борьбе с большевизмом в России и особенно в Венгрии существенно повышает ее шансы на реализацию своих территориальных устремлений.

Вместе с тем Англия и Франция не спешили признавать Бессарабию румынской территорией, поскольку, оказывая определенную поддержку Белому движению в России, были вынуждены считаться с его негативным отношением к отторжению окраинных территорий страны. Однако по мере роста успехов красных в Париже стала усиливаться тенденция к согласию на прямую передачу Бессарабии в состав Румынии. Немалую роль в принятии этого решения играло и желание не допустить советского влияния в устье Дуная, являвшегося важной экономической артерией Центральной и Юго–Восточной Европы. Все это, а также завершение передела сфер влияния западных стран в румынской нефтяной промышленности привело к подписанию Парижского протокола о Бессарабии, которая была признана частью Румынии. При этом следует помнить, что подписавшие этот протокол страны не имели никакого права передавать российскую территорию оккупировавшей и аннексировавшей ее Румынии.

Все это время советские правительства России и Украины постоянно протестовали против румынской оккупации и заявляли о непризнании любых решений об отторжении Бессарабии без их согласия. Более того,

весной 1919 г., когда советские войска вновь вышли к Днестру, создалась возможность военного решения бессарабского вопроса. К сожалению, внутренние проблемы, связанные с мятежом Григорьева и особенно с началом наступления армии Деникина в Донбассе, не позволили реализовать эту возможность. Следующий раз Красная армия оказалась на Днестре в феврале 1920 г., но общее состояние разоренных Гражданской войной советских республик не способствовало продолжению военных действий, и советские правительства попытались достичь политического соглашения со своими западными соседями, в том числе и с Румынией, которая со своей стороны продемонстрировала невмешательство во внутрисоветские дела. Этот молчаливый компромисс и стал основой сохранения мира между двумя странами, не имевшими даже дипломатических отношений.

Угроза войны с Румынией усилилась в период широкомасштабных боев на советско–польском фронте и активизации армии Врангеля в Крыму и Северной Таврии летом 1920 г. Антанта подталкивала Румынию к вмешательству в события на стороне Польши, а советское руководство пыталось удержать ее от этого шага, намекая на возможность выгодного для Румынии соглашения по Бессарабии. В итоге внутренняя ситуация в Румынии способствовала сохранению ею нейтралитета, но попытки Москвы завязать с ней политические переговоры остались безуспешными, поскольку румынская сторона ставила непременным условием начала этих переговоров советское признание Бессарабии частью Румынии. Понятно, что РСФСР и УССР, рассматривавшие вопрос о Бессарабии как важный козырь в диалоге с Румынией, не собирались просто так упускать его. В этих условиях какое–либо соглашение о советско–румынской границе было невозможным, а сближение Румынии и Польши и их ориентация в своей восточной политике на Францию не способствовали нормализации отношений Бухареста с советскими республиками.

Следует также помнить, что разделенные Днестром государства находились на мировой арене в неравных условиях. Румыния являлась международно признанным государством, имевшим влиятельных союзников в лице Польши, стран Малой Антанты и Франции, тогда как РСФСР и УССР все еще оставались непризнанными республиками, пытавшимися разрешить целый ряд внутренних проблем, связанных с последствиями Гражданской войны. Все это подталкивало румынское руководство к неуступчивости в бессарабском вопросе и культивированию образа «защитника европейской цивилизации» на Днестре. В условиях постоянных инцидентов на советско–польской границе и на демаркационной линии по Днестру советское военно–политическое руководство опасалось возникновения в 1921 г. новой войны, а набеги различных антисоветских формирований с территории Польши и Румынии вызывали ответные действия советских спецслужб. Не случайно советско–румынская дипломатическая переписка в это время была наполнена взаимными претензиями относительно инцидентов на демаркационной линии.

Вместе с тем сторонам удалось договориться о начале прямых предварительных переговоров, состоявшихся 22 сентября – 25 октября 1921 г. в Варшаве. В ходе этих переговоров Румыния попыталась добиться признания советской стороной аннексии Бессарабии, а советские представители добивались установления дипломатических отношений с Бухарестом. В итоге никакого соглашения достигнуто не было, поскольку стороны не собирались идти на уступки. Подобный исход Варшавской конференции и вторжение в район Тирасполя петлюровского отряда с оккупированной Румынией территории Бессарабии при явной поддержке румынской погранохраны, конечно же, не улучшали советско–румынских отношений.

Помимо территориального вопроса важной проблемой советско–румынских отношений был вопрос о румынских ценностях, эвакуированных в Россию в годы Первой мировой войны, об оплате русских поставок военного времени Румынии, а также захваченного русского государственного имущества в Бессарабии и Румынии¹⁰⁶¹. Понятно, что каждая из сторон считала, что именно она понесла наибольший ущерб. Правда, в течение 1922 г. советская сторона зондировала Румынию на предмет ее отказа от финансовых претензий в обмен на советский отказ от претензий на Бессарабию. Однако румынское руководство не поддержало эту идею, хотя, видимо, это был момент, когда Бухарест скорее всего смог бы получить согласие Москвы на присоединение Бессарабии. Образование СССР и общая нормализация обстановки в Восточной Европе позволили сторонам договориться о мерах по недопущению инцидентов на демаркационной линии по Днестру. Вместе с тем Румыния отказалась от заключения торгового договора, не желая допускать советских представителей в Бухарест, где они, по ее мнению, могли бы заниматься коммунистической агитацией.

Пока же стороны достигли соглашения о проведении новых переговоров в Вене. Для советской стороны это был еще один повод заявить о своих правах на Бессарабию, а румынское руководство старалось закрыть бессарабский вопрос. Советское предложение о проведении в Бессарабии плебисцита, естественно, не было принято Румынией, которая лучше кого бы то ни было понимала, чем именно окончится голосование бессарабского населения. Наряду с пропагандой идеи плебисцита советское руководство попыталось нейтрализовать поддержку Румынии в бессарабском вопросе со стороны стран, подписавших Парижский протокол 1920 г. Правда, влияние Советского Союза на мировой арене было столь невелико, что его позиция по этому вопросу не повлияла на Францию и Италию, которые ратифицировали этот протокол. Вместе с тем советской дипломатии удалось добиться того, что Япония, и так не спешившая с ратификацией этого документа, практически отложила этот вопрос на неопределенный срок. Другой задачей советской внешней политики стало стремление расколоть польско–румынский военный союз, но каких–то заметных успехов на этом пути достигнуто не было. СССР попытался использовать протокол о досрочном вводе в действие пакта Бриана–Келлога для достижения с Польшей соглашения о ненападении, но Варшава добилась участия Румынии в этом

соглашении.

Помимо двусторонних советско–румынских отношений бессарабский вопрос затрагивал также проблемы международного режима Дуная и, следовательно, отношения СССР с великими европейскими державами. В «Плане работы Комиссии о международном политическом положении и об опасности войны» аналитики Коминтерна отмечали, что бессарабский вопрос имеет для Москвы принципиальное значение в отношении влияния в регионе, поскольку «вхождение Бессарабии в СССР имело бы своим непосредственным результатом превращение Советской Республики в дунайскую державу. Имея устье реки в своих руках, Советский Союз мог бы с гораздо большим успехом регулировать свои взаимоотношения с расположенными вдоль Дуная странами и [...] смог бы вновь открыть удобнейший путь для торговли советского юга с Балканами и Центральной Европой. Это обстоятельство, несомненно, тоже играет немаловажную роль в бессарабской политике империалистических держав... Переход устья Дуная в руки Советского Союза положил бы конец французским мегаломанским планам господства над великим дунайским водным путем»¹⁰⁶².

Тем временем в оккупированной Бессарабии с весны 1918 г. начала осуществляться политика румынизации с целью ее инкорпорации в состав Румынии. Бухарест фактически отказался выполнять свои обещания о сохранении автономии края. Специфика унификационной политики Румынии в Бессарабии была связана с тем, что местное население (молдаване, русские, украинцы, немцы, евреи, гагаузы и прочие) не считало себя румынами и надеялось на скорое изгнание оккупантов. В результате в крае росла активная и пассивная оппозиция румынскому господству. Соответственно румынские власти считали всех бессарабцев смутьянами и пособниками большевиков, а репрессии в крае стали нормой. Избирательная система Румынии исключала для бессарабского населения возможность повлиять на государственную политику. Экономический отрыв края от восточных рынков привел к заметному экономическому упадку, архаизации социальной структуры населения и росту хронических социально–демографических проблем. Международные обязательства Румынии относительно соблюдения прав национальных меньшинств не соответствовали целям румынской элиты и, как правило, в Бессарабии не выполнялись.

Несмотря на ускоренное насаждение румынского языка, население края продолжало широко пользоваться русским языком и оказалось в Румынии фактически на положении людей «второго сорта». Как признавала 5 апреля 1934 г. румынская газета «Universul», «положение румынизма спустя 15 лет после объединения Бессарабии крайне плохое. Румынизация Бессарабии, особенно городов и местечек, задерживается... Бессарабская душа, все еще живущая в мираже старой России, не может быть достаточно близкой национальным стремлениям объединенной Румынии»¹⁰⁶³. Два года спустя руководитель политического ведомства по румынизации Бессарабии О. Гибу признавал, что «по своему характеру Бессарабия сейчас более русская, чем в 1918 году. То, что почти все знают румынский язык, не меняет положения, так как господствующим всюду остается русский язык. В городе разговаривают по–русски, читают русскую прессу, а это очень мешает утверждению румынизма»¹⁰⁶⁴. Идеология национализма, являвшаяся основой румынской внутренней политики, использовалась властями для ранжирования национальных меньшинств. В результате русские в Бессарабии оказались наиболее угнетенным населением. В культурном плане Бессарабия так и не была интегрирована в Румынию и на протяжении всего межвоенного периода оставалась отсталой в экономическом отношении аграрной окраиной страны¹⁰⁶⁵.

Наращение противоречий в Европе на рубеже 1920– 1930–х гг. привело к изменению международного положения СССР. Начавшаяся с весны 1931 г. нормализация советско–французских отношений потребовала от французских союзников в Восточной Европе согласованных шагов в отношении Москвы. В итоге под давлением Франции и Польши Румыния согласилась на переговоры с Советским Союзом о договоре о ненападении. В ходе этих переговоров, которые для обеих сторон были уступкой Франции и Польше, Москва и Бухарест добивались разных целей. Румыния в очередной раз пыталась добиться советского согласия на признание Бессарабии румынской территорией, а СССР надеялся установить с Бухарестом дипломатические отношения. Новым в этих переговорах было то, что стороны решили не касаться бессарабского вопроса, хотя, конечно, он незримо присутствовал за кулисами любых их предложений. Не добившись своих целей, стороны прекратили переговоры, причем советская дипломатия сумела переиграть румынскую и все–таки заключить договоры о ненападении с Францией и Польшей, несколько нейтрализовав антисоветскую направленность франко–румынского и польско–румынского договоров. Если же учесть, что в течение 1932 г. СССР заключил аналогичные договоры со всеми своими северо–западными соседями, то Румыния сохранила свое положение единственного западного соседа, отношения с которым оставались неурегулированными.

Тем временем в декабре 1932 г. Германии удалось добиться признания равных прав в вопросе вооружения со стороны западных держав, что явно свидетельствовало о новом шаге по пути ревизии Версальской системы. Это и особенно переговоры о «Пакте четырех» вызвали озабоченность малых восточноевропейских стран, опасавшихся утратить французскую поддержку. В итоге страны Малой Антанты решили, с одной стороны, укрепить свой союз, а с другой – постараться учесть в своей внешней политике факт усиления позиций Германии. Не осталось в стороне от этой проблемы и румынское руководство, которое все еще продолжало ориентироваться на Францию и Англию, но с начала 1930–х годов стало учитывать необходимость налаживания отношений с Германией, становившейся все более значительным внешнеторговым партнером. Правда, контакты Румынии с германским руководством показали, что требования Берлина простираются значительно дальше тех

шагов, на которые был готов Бухарест. Одновременно на Балканах возникло еще одно объединение, направленное на сохранение территориального статус-кво, – Балканская Антанта, членом которого стала Румыния.

В этих условиях Румыния при поддержке Польши согласилась подписать предложенную советской стороной конвенцию об определении агрессора. Этот документ рассматривался в Бухаресте как молчаливое согласие Москвы на присоединение Бессарабии к Румынии, но советская сторона вновь публично заявила о сохранении своей позиции в бессарабском вопросе. Тем временем Франция инициировала переговоры о проблемах общеевропейской безопасности. Со своей стороны, Москва поддержала эту французскую идею, и с конца 1933 г. внешнеполитической стратегией СССР стала политика «коллективной безопасности». Начавшиеся переговоры о Восточном пакте показали заинтересованность ряда восточноевропейских стран, в том числе и Румынии, в получении дополнительных гарантий своей безопасности. Франко–советское сближение и переговоры о Восточном пакте подтолкнули Румынию к установлению дипломатических отношений с Советским Союзом. Румынское руководство вновь попыталось использовать этот факт для пропаганды версии о признании советской стороной границы по Днестру, но, естественно, никакого изменения советской позиции по этому вопросу не последовало.

Во второй половине 1930–х гг. стало очевидно, что Англия и Франция, взявшие курс на умиротворение Германии, фактически отказались от защиты своих интересов в Восточной Европе. Естественно, что в политике Румынии усилилась тенденция к лавированию на международной арене. Считая своей главной задачей сохранение существующих границ, Румыния надеялась, что ей удастся прибавить к союзническим обязательствам по Малой и Балканской Антантам, которые гарантировали сдерживание Венгрии и Болгарии, еще и соглашения о гарантии границ с СССР, а затем и с Германией. В Бухаресте полагали, что создание франко–чехословацко–советского союза представляет удобную возможность для соглашения с СССР, но и раздражать Германию там не собирались. Соответственно летом 1935 г. румынская сторона попыталась заинтересовать СССР договором о взаимопомощи в обмен на советское признание аннексии Бессарабии. Однако Москва не испытывала доверия к румынской внешней политике и не собиралась идти на подобную уступку. В итоге переговоры завершились безрезультатно. С осени 1936 г. румынская политика все более стала ориентироваться на Польшу и Германию.

Таблица 10

Доля стран во внешней торговле Румынии (%)¹⁰⁶⁶

Страна		1929	1936	1937	1938	1939
Германия	Экспорт	27,6	17,8	19,2	26,5	32,3
	Импорт	24,1	36,1	28,9	36,8	39,3
	Оборот	25,8	24,5	23	31,3	35,5
Англия	Экспорт	6,3	14,4	8,8	11,1	14,1
	Импорт	7,3	7,4	9,4	8,1	5,9
	Оборот	6,9	11,8	9	9,7	10,3
Франция	Экспорт	4,5	8,1	5,7	4,7	3,4
	Импорт	5,5	5,9	6,1	7,7	8,2
	Оборот	5	7,3	5,9	6,1	5,6
Италия	Экспорт	7,7	6,1	6,6	6,2	12,1
	Импорт	6,9	1,6	4,3	5	8,8
	Оборот	7,3	4,4	5,7	5,6	10,6
Чехословакия	Экспорт	6,2	7	8,2	9,6	10,9
	Импорт	13,6	11,5	16,1	13,1	16,8
	Оборот	9,9	8,7	11,3	11,2	13,6

События Чехословацкого кризиса 1938 г. показали, что Бухарест, связанный союзом с Прагой, не собирается поддерживать своего союзника против Германии. Румынское руководство тщательно отслеживало изменения на международной арене и старалось не раздражать ни Англию с Францией, ни Германию с Италией. Прекрасно зная о нежелании западных стран и тем более Германии допустить советское вмешательство в решение Судетского вопроса, Румыния заняла в отношении вопроса о пропуске советских войск на помощь Чехословакии в целом отрицательную позицию. Правда, формального заявления о румынской позиции так и не было сделано, но противоречивые заявления румынских дипломатов в европейских столицах в общем сводились к отказу от пропуска Красной армии. В итоге отторжения Судетской области от Чехословакии практически прекратила свое существование Малая Антанта.

Продолжая идти на экономические уступки Германии, Румыния в своей внешней политике старалась сохранять возможность маневра. Отказываясь от сближения с СССР, Румыния в конце 1938 – начале 1939 г. решила поискать поддержки у Англии и Франции, но очень быстро выяснилось, что эти страны не намерены реально поддерживать Бухарест. В этих условиях следовало не обострять отношений с Германией, которая постепенно усиливала свое влияние на Балканах. В марте 1939 г. румынское руководство попыталось в очередной раз прозондировать позиции Лондона и Парижа относительно возможных экономических уступок Берлину. Так как эти зондажи совпали с германской оккупацией Чехии, то Румыния неожиданно оказалась втянутой в европейский предвоенный кризис. Предложения Англии о привлечении к защите Румынии СССР

вызвали в Бухаресте как минимум недовольство. Как верно отметил В.К. Волков, к весне 1939 г. малые страны Юго-Восточной Европы выработали свой вариант стратегии «умиротворения» агрессора, который заключался в решительном отказе «от контактов с Советским Союзом в их внешней политике» и «от участия в каких-либо вариантах международного сотрудничества, хотя бы отдаленно напоминавших систему коллективной безопасности»¹⁰⁶⁷. 23 марта было подписано румыно-германское экономическое соглашение, расширившее германское экономическое присутствие в Румынии. Стараясь удержать Румынию от сближения с Германией, Англия и Франция 13 апреля дали ей гарантии независимости. Правда, Бухарест не замедлил сообщить в Берлин о своей готовности к сотрудничеству с Германией.

Таблица 11

Доля некоторых европейских держав в нефтяном экспорте Румынии (тыс. т)¹⁰⁶⁸

	1938 г.		1939 г.	
	тыс. т	доля	тыс. т	доля
Англия	540,4	12%	625,2	15%
Франция	189,3	4,2%	238,1	5,7%
Германия	704,2	15,7%	848,6	20,3%
Италия	556,5	12,4%	634,9	15,2%
Чехословакия	249,9	5,6%	436,6	10,4%

В ходе политического кризиса 1939 г. в Европе ситуация для Советского Союза складывалась не слишком благоприятно. С одной стороны, стремление к соглашению с ним демонстрировали и Англия с Францией, и Германия, однако, с другой стороны, опасность нового англо-франко-германского соглашения по примеру 1938 г. отнюдь не исключалась. Это подтверждала и позиция Румынии, которая, будучи союзником Англии и Франции, не желала сближения с Москвой, подтвердив свой внешнеполитический императив – любая договоренность с СССР должна была прежде всего привести к советскому согласию с границей по Днестру. В целом позиция Румынии сводилась к формуле: «Никаких союзов против Германии и никаких дел с СССР». Вместе с тем Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях ей договариваться, и максимально ее использовала, балансируя между англо-французским и германо-итальянским военно-политическими блоками.

Международные отношения весны-лета 1939 г. в Европе представляли собой запутанный клубок дипломатической деятельности великих держав, каждая из которых стремилась к достижению собственных целей. События параллельно развивались по нескольким направлениям: шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры, происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. Москва в своих расчетах исходила из того, что возникновение войны в Европе – как при участии СССР в англо-французском блоке, так и при сохранении им нейтралитета – открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с Англией и Францией делал бы Москву равноправным партнером со всеми вытекающими из этого последствиями, а сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны. Исходя из подобных расчетов, был определен советский внешнеполитический курс.

Англо-франко-советские переговоры показали, что Англия и Франция не готовы к равноправному партнерству с СССР. В этих условиях предложения Германии оказались более привлекательными, и 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, ставший значительным успехом советской дипломатии. Согласно секретному дополнительному протоколу к этому договору, советская сторона подчеркнула свой интерес к Бессарабии, а германская заявила «о ее политической незаинтересованности в этих областях»¹⁰⁶⁹. Тем самым СССР смог добиться признания своей позиции по бессарабскому вопросу со стороны Германии. В результате этого соглашения СССР удалось остаться вне европейской войны, получив при этом определенную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах. В 1939 г. Европа оказалась расколотой на три военно-политических лагеря: англо-французский, германо-итальянский и советский, каждый из которых стремился к достижению собственных целей, что не могло не привести к войне.

Ныне официальная позиция румынской историографии по вопросу о советско-германском договоре о ненападении 1939 г. сводится к следующему:

«Подписанием секретного Протокола СССР нарушил в отношении Румынии:

статью 1 Пакта Бриана-Келлога, осуждающую применение войны при урегулировании международных конфликтов и предусматривающую отказ от войны в качестве инструмента национальной политики в отношениях между государствами-участниками;

статью 2 того же Пакта, предусматривающую, что урегулирование или решение всех споров и конфликтов любого происхождения, могущих возникнуть между государствами-участниками, следует проводить исключительно мирным путем;

Московский протокол от 9 февраля 1929 г., по которому подписавшие его государства: СССР, Эстония, Польша, Латвия и Румыния, – ускорили действие Пакта Бриана-Келлога;

решение лондонской Конвенции об определении агрессора, подписанной в 1933 г. Румынией, Эстонией, Польшей, Турцией и СССР»¹⁰⁷⁰.

Однако все эти громогласные обвинения Советского Союза совершенно безосновательны, поскольку ни в договоре о ненападении, ни в секретном протоколе к нему не упоминается о возможности каких-либо силовых действий Москвы с целью реализации достигнутых советско-германских договоренностей. К тому же следует помнить, что именно это соглашение между Берлином и Москвой позволило мирно решить бессарабский вопрос летом 1940 г. Кроме того, появляются и новые версии. Так, румынский исследователь В. Вэратик полагает, что по советско-германскому соглашению «Советский Союз обязался выдвигать свои претензии на Бессарабию лишь тогда, когда правительство Румынии приступило бы к удовлетворению возможных венгерских или болгарских территориальных требований». Однако приводимые им цитаты из документов показывают, что, хотя германская сторона действительно старалась связать Москву дополнительными условиями, советское руководство умело уклонилось от их принятия (Вэратик В. Указ. соч. С. 532–533, 539).

Добившись обеспечения своих интересов в Восточной Европе благодаря договору о ненападении, Советский Союз внимательно следил за развитием событий, готовясь использовать их к своей выгоде. Начало войны в Европе и пассивная позиция Англии и Франции, имевших возможность разгромить Германию уже в сентябре 1939 г., позволила СССР активизировать свою политику в отношении восточноевропейских стран и приступить к ревизии своих западных границ, навязанных ему в 1920–1921 гг. Тем самым советское руководство получило возможность вернуть контроль над территориями, большая часть которых ранее входила в состав Российской империи. Уже в сентябре–октябре 1939 г. Москве удалось вернуть утраченные в 1921 г. территории Западной Украины и Западной Белоруссии и создать военные базы в странах Прибалтики. Военно-дипломатические успехи СССР по установлению контроля над советской сферой интересов в Восточной Европе оказались прерванными Финляндией, и всю зиму 1939–1940 гг. Москва была занята войной на северо-западе, которая значительно усилила угрозу столкновения с Англией и Францией. Лишь поражение Франции в июне 1940 г. позволило советскому руководству активизировать свою политику в Прибалтике и в отношении Румынии.

Не будучи уверенным в победе той или иной европейской группировки, румынское руководство решило выждать, и буквально накануне начала германо-польской войны Румыния заверила Германию, что она останется нейтральной в случае войны в Европе и продолжит снабжать Третий рейх нефтью и продовольствием. Бухарест не собирался бросаться на защиту своего польского союзника и хотел убедиться в готовности Лондона и Парижа к войне. Пассивность Англии и Франции в войне с Германией стала уже с конца 1939 г. подталкивать Румынию в сторону более внимательного учета пожеланий Берлина. Полагая, что именно Третий рейх может стать новым защитником от возможных советских притязаний, румынское руководство, внимательно следившее за ходом европейской войны, решило с апреля 1940 г. активизировать сближение с Германией. Положение Румынии осложнялось еще и тем, что определенные территориальные претензии к ней имели Венгрия, уже давно взявшая курс на сближение с Германией, и Болгария. В этих условиях новые экономические уступки Германии рассматривались в Бухаресте как возможность заручиться ее поддержкой не только против Москвы, но и против Будапешта и Софии¹⁰⁷¹.

В условиях разгрома Франции и поддержки советской позиции в бессарабском вопросе Германией и Италией Москва смогла решить этот затянувшийся спор с позиции силы. Сосредоточив на Днестре значительную военную группировку, СССР потребовал от Румынии наконец-то выполнить взятые на себя еще в 1918 г. обязательства и вывести из оккупированной Бессарабии румынские войска. Одновременно требовалось передать Советскому Союзу и Северную Буковину, населенную по преимуществу украинцами и имеющую важное стратегическое значение (через нее шла железная дорога, соединяющая Бессарабию и Западную Украину). Лишенная какой-либо внешней поддержки Румыния была вынуждена согласиться с советскими требованиями. Как писал в 1943 г. бывший румынский премьер-министр Татареску: «Мы отказались от войны с Советами, ибо это означало не только исчезновение румынского государства и разгром нашей армии, но и ликвидацию всего румынского господствующего класса со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁰⁷². В результате советскому руководству удалось добиться прекращения затянувшейся на 22 года румынской интервенции, и бессарабский вопрос был наконец-то решен мирным путем.

В историографии неоднократно поднимался вопрос о том, были ли советские ноты Румынии от 26 и 27 июня 1940 г. ультиматумами. Как правило, советские историки старались обходить этот вопрос стороной, а зарубежные, наоборот, именно на нем акцентировали свое внимание. Для решения этого вопроса следует вспомнить, что ультиматумом называется «требование одного государства к другому, сопровождающееся угрозой применения силы в случае его невыполнения в указанный срок». Обратившись к текстам советских нот, можно увидеть, что хотя в них прямо и не говорилось об угрозе применения силы, но содержались намеки на возможность такого развития событий. Все это позволяет оценить советские требования именно как ультиматум, что, кстати, в то время вовсе не скрывалось¹⁰⁷³. Но прежде чем вслед за некоторыми авторами¹⁰⁷⁴ осуждать эти методы Москвы, следует вспомнить, что ультиматум – это один из самых распространенных методов внешней политики вообще. Особенно если речь идет о взаимоотношениях крупной державы и малого государства. К тому же, говоря откровенно, никакого другого способа разрешения бессарабского вопроса в реальных условиях лета 1940 г. просто не существовало.

Понятно, что Румыния считала эти советские действия «захватом», этот же тезис был широко распространен и в антисоветской литературе послевоенного времени. Как ни странно, теперь он озвучен и в российской историографии. Так, например, Е.Л. Валева пишет, что территория Бессарабии и Северной Буковины «была

оккупирована союзником Германии – СССР»¹⁰⁷⁵. Мало того, что автор полностью исказила сложившуюся ситуацию, она еще умудрилась объявить Советский Союз союзником Третьего рейха. Интересно было бы услышать ее аргументы в пользу этого абсолютно бездоказательного заявления, но теперь приводить аргументы по некоторым вопросам не принято. Однако в данном случае следует отметить, что ни о каком советско–германском союзе не было и речи. Ни в одном соглашении сторон об этом не сказано ни слова, ни Москва, ни Берлин никогда не рассматривали свои отношения в этом ключе, хотя и допускали такие пропагандистские заявления, которые могли быть истолкованы как определенная тенденция дальнейшего сближения между ними. Однако дальше этого дело не пошло.

Что касается советской «оккупации» этих территорий, то, как писал по горячим следам событий американский журналист В. Максвелл, «несмотря на то, что в прессе были попытки охарактеризовать это событие как территориальный „захват“, необходимо принять во внимание три основных фактора. Во–первых, оккупация Бессарабии Румынией была захватом, и Советское правительство никогда не признавало права Румынии на эту территорию, во–вторых, при румынском господстве население Бессарабии находилось в тяжелом положении, и в–третьих, эти события были восторженно встречены жителями Бессарабии». [...] «В отношении первого из этих трех факторов следует заметить, что захват Бессарабии Румынией в 1918 году был настолько вопиющим, что правительство США никогда официально не признавало его и до 1931 года не включало в своих картах Бессарабию как румынскую территорию». [...] «Из событий в восточной Польше, Балтийских странах и ныне в Бессарабии и Буковине ясно видно, с чем связывают свои надежды на свободу и благосостояние простые люди малых тиранизируемых стран Европы, имея возможность сделать свой выбор». Поэтому «неудивительно, что гостеприимство, оказанное Красной армией, было очень горячим. Когда на Днестре Красной армией были наведены первые понтоны, бессарабские крестьяне плыли и перебирались вброд к лодкам, чтобы направить их в безопасное место. В селах и вдоль дорог Красную армию встречали возгласами: „Мы вас ждали 22 года!“¹⁰⁷⁶

Были ли эти действия СССР агрессией? Согласно конвенции об определении агрессии 1933 года, предложенной именно советской стороной, агрессором признавался тот, кто совершит «объявление войны другому государству; вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства; нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, суда или воздушные суда другого государства; морскую блокаду берегов или портов другого государства; поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергнувшегося вторжению, принять, на своей собственной территории, все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства». Причем в конвенции специально оговаривалось, что «никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить оправданием агрессии» (в том числе внутренний строй и его недостатки; беспорядки, вызванные забастовками, революциями, контрреволюциями или гражданской войной; нарушение интересов другого государства; разрыв дипломатических и экономических отношений; экономическая или финансовая блокада; споры, в том числе и территориальные, и пограничные инциденты)¹⁰⁷⁷.

Прежде всего следует отметить, что применение термина «советская агрессия» к оккупированной Румынией территории Бессарабии просто невозможно. Даже если бы советская сторона и совершила указанные в конвенции действия, их следовало бы квалифицировать как меры пресечения румынской агрессии и освобождения советской территории. Что же касается Северной Буковины, то, поскольку вступлению советских войск на ее территорию предшествовали дипломатические переговоры, завершившиеся согласием румынской стороны с советским вариантом решения бессарабского вопроса, с юридической точки зрения действия Москвы не являются агрессией.

В результате действий Советского Союза в июне 1940 г. была **восстановлена** советско–румынская граница по рекам Прут и Дунай, установленная еще решением Берлинского конгресса 1878 г. Бессарабия была **освобождена** от румынской оккупации и **воссоединилась** с СССР. Что касается Северной Буковины, то в данном случае имело место **присоединение** этой территории к СССР и **установление новой границы** между Прутом и Карпатами. В международно–правовом плане установленная соглашением от 28 июня 1940 г. советско–румынская граница была закреплена мирным договором с Румынией, подписанным 10 февраля 1947 г.¹⁰⁷⁸ Тем самым советскому руководству удалось не только фактически, но и юридически урегулировать бессарабский вопрос.

Поражение Франции в июне 1940 г. привело к нарушению сложившейся системы влияния великих держав и обострило борьбу за Балканы. Первым новую ситуацию использовал СССР, добившийся разрешения бессарабского вопроса. Венгрия и Болгария решили, что настало время осуществить их собственные территориальные претензии к Румынии. Опасаясь своих соседей, румынское руководство приняло решение ускорить сближение с Германией, что должно было помочь избежать новых территориальных уступок. Уже 29 июня румынское руководство решило, что сближение с СССР невозможно, так как «оно бы повело нас быстрыми шагами к коммунизму». Следовательно, оставался лишь курс на сближение с Германией, причем не исключалось и участие Румынии в возможном нападении Третьего рейха на Советский Союз. В тот же день германскому посланнику в Бухаресте сообщили о готовности румынского правительства «избавиться от ошибочной политики прошлого»¹⁰⁷⁹.

Сославшись на то, что Англия не оказала ей даже косвенной поддержки в бессарабском вопросе, Румыния 1

июля отказалась от англо–французских гарантий 1939 г. Действительно, занятое обеспечением собственной безопасности после капитуляции Франции, английское правительство нейтрально отнеслось к действиям СССР в отношении Румынии¹⁰⁸⁰. По мнению же английской прессы, «оккупация» Бессарабии стала началом войны на Балканах, а выход Красной армии к Дунаю свидетельствует о начале развала советско–германской дружбы, поскольку Германия может потерять румынскую нефть. Газеты публиковали слухи о том, что русские выдвигают претензии на румынские порты и намереваются захватить Дарданеллы¹⁰⁸¹. 5 июля ТАСС опровергло сообщение ряда английских газет о том, что якобы 2 июля московская радиостанция передала в эфир обращение румынского населения к Красной армии за помощью против «великой державы, к которой повернулось румынское правительство»¹⁰⁸². Этими мерами английское руководство стремилось ухудшить советско–германские отношения, чтобы отвлечь внимание Берлина на восток.

2 июля в личном послании Гитлеру Кароль II заявил о желании «тесного сотрудничества с Германией во всех областях, заключении политических договоров, благоприятных для обеих стран», и просил направить в Бухарест военную миссию¹⁰⁸³. Однако в Берлине не спешили отвечать на румынские предложения, поскольку перед Германией стояла задача подчинить своему влиянию все Балканы, а для этого следовало использовать противоречия стран региона. Уже 4 июля германские дипломаты сообщили румынскому руководству о необходимости территориальных уступок Венгрии и Болгарии. 6 июля румынский король сообщил в Берлин о готовности к переговорам с соседями и выразил надежду, что «это искреннее заявление, которое требует от Румынии колоссальных жертв, будет рассматриваться как доказательство духа сотрудничества и его личной высокой оценки фюрера». 12 июля Румыния заявила о выходе из Лиги Наций и просила Германию направить в страну войска для «обучения» румынской армии¹⁰⁸⁴. В течение июля 1940 г. из Румынии были высланы английские и французские специалисты, работавшие на нефтяных промыслах, крупнейшая английская нефтяная компания «Астра ромына» перешла под контроль румынского правительства.

Понятно, что все эти прогерманские жесты Бухареста вызвали озабоченность в Венгрии, опасавшейся, что, сблизившись с Германией, Румыния сможет заручиться ее поддержкой в трансильванском вопросе. Однако германское руководство не стремилось занимать прорумынскую или провенгерскую позицию, поскольку было заинтересовано в подчинении обоих государств. Поэтому с точки зрения Берлина лучшей политикой было бы создание ситуации, при которой и Венгрия, и Румыния вынуждены были бы постоянно обращаться за поддержкой к Третьему рейху. 15 июля в Бухарест было передано личное послание Гитлера, в котором условием германо–румынского сближения ставилось удовлетворение территориальных требований Венгрии и Болгарии. «Если Румыния, Венгрия и Болгария, – писал фюрер, – считают невозможным достичь соглашения, то подобная позиция, по моему твердому убеждению, не принесет выгоды ни одному из этих государств, а, напротив, накажет их всех»¹⁰⁸⁵. Фактически эта была угроза прежде всего в адрес Румынии.

Демонстративная холодность Берлина подталкивала румынское руководство к новым уступкам. В ходе переговоров с Германией и Италией 26–27 июля румынская делегация, напоминая о своих прогерманских действиях в прошлые годы, попыталась добиться смягчения германо–итальянской позиции. Вместе с тем она выражала готовность к урегулированию отношений с Венгрией и Болгарией путем изменения границы и обмена населением. Взамен Румыния просила Германию и Италию предоставить территориальные гарантии и выдать кредит на закупку германского вооружения в течение 10 лет. «Румыния готова на уступки, ибо она ясно понимает свое положение и знает о желаниях фюрера установить новый порядок в Европе, частью которого она хочет стать». Однако Германия и Италия отказались от румынского предложения о гарантии границ Румынии и от роли арбитра в урегулировании территориальных вопросов, потребовав от нее договориться с соседями, учтя их требования. 8 августа было подписано новое торговое румыно–германское соглашение на поставку сельскохозяйственной продукции. В этих условиях в августе 1940 г. Румыния была вынуждена пойти на прямые переговоры с Венгрией и Болгарией¹⁰⁸⁶.

В июле 1940 г. Германия, Италия и СССР, стремившиеся усилить, и Англия, пытавшаяся сохранить свое влияние в регионе, поддержали территориальные претензии Болгарии к Румынии. 19–21 августа состоялись румыно–болгарские переговоры в городе Крайове, в результате которых 7 сентября было подписано соглашение о передаче Болгарии территории Южной Добруджи площадью в 5 672 кв. км и населением 386 231 человек. 21 сентября соглашение было ратифицировано, и болгарские войска вступили в Южную Добруджу, а к 2 октября вся процедура была завершена¹⁰⁸⁷. Со своей стороны Венгрия еще 28 июня уведомила Берлин, что в создавшейся ситуации она не исключает возможности решения вопроса о Трансильвании военной силой. В то же время она готова увеличить свои сельскохозяйственные поставки в Германию и предоставить ей право пользования венгерскими железными дорогами. 29 июня венгерские войска начали сосредоточение у румынской границы¹⁰⁸⁸. Одновременно Венгрия пыталась выяснить позицию других великих держав.

В июле–августе 1940 г. Москва неоднократно заявляла, что считает свои отношения с Венгрией нормальными и не имеет к ней никаких претензий. В то же время «советское правительство считает, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания», и СССР будет придерживаться этой позиции «в случае созыва международной конференции, на которой эвентуально будет стоять вопрос о притязаниях Венгрии к Румынии». Попытки Венгрии получить обещания более конкретной помощи не увенчались успехом¹⁰⁸⁹. Англия и США также поддержали венгерские претензии. За этой позицией Москвы, Лондона и Вашингтона без труда угадывалось стремление использовать венгеро–румынский конфликт для того, чтобы поссорить возможных

союзников Германии и причинить ей экономические трудности. Со своей стороны, Германия и Италия, отметив справедливость венгерских претензий, в начале июля 1940 г. посоветовали Венгрии воздержаться от применения силы и попытаться решить вопрос дипломатическим путем.

Начавшиеся по инициативе Румынии 7 августа контакты с Венгрией переросли 16 августа в прямые переговоры в городе Турну–Северине. Однако кардинальное расхождение позиций сторон и отсутствие даже намека на взаимные уступки привело к тому, что 24 августа переговоры окончательно провалились, и в Будапеште решили с утра 29 августа начать войну с Румынией. 23 августа в Венгрии началась мобилизация, 27 августа на венгеро–румынской границе произошел воздушный бой между самолетами сторон. В тот же день Венгрия уведомила Германию, что срыв переговоров и сосредоточение румынской армии в Трансильвании заставляет ее рассмотреть возможность военного решения вопроса. На следующий день венгерские ВВС бомбили румынский аэродром, а развернутые на границе 1–я, 2–я и 3–я венгерские армии (общей численностью в 360 тыс. человек) были готовы к наступлению¹⁰⁹⁰.

Естественно, в Берлине не собирались допускать венгеро–румынского конфликта. 27 августа Германия предложила Венгрии и Румынии прислать своих представителей на конференцию в Вену. 28 августа 4–я танковая и 2–я моторизованная дивизии вермахта были приведены в готовность «в целях быстрого вмешательства для защиты румынских нефтяных районов». Предполагалось, что эта операция будет проведена 31 августа – 1 сентября 1940 г.¹⁰⁹¹ Однако в тот же день в Берлине стало известно о согласии Румынии на международный арбитраж. 29 августа в Вене делегации Венгрии и Румынии были уведомлены о необходимости сохранения мира и готовности Германии и Италии решить спорный вопрос. На следующий день было оформлено решение Второго Венского арбитража, согласно которому Венгрии передавалась территория Северной Трансильвании площадью в 43 492 кв. км с населением в 2 667 тыс. человек, а Румыния получила гарантию своих новых границ. Такое решение трансильванского вопроса в наибольшей степени устраивало Германию, которая, пообещав сторонам возможность его пересмотра, получила дополнительный рычаг воздействия на обе стороны¹⁰⁹².

Население Румынии с возмущением восприняло сообщения о венском диктате, в ряде городов состоялись митинги и демонстрации протеста. Для успокоения общественного мнения румынское руководство использовало факты инцидентов на советско–румынской границе, раздувая версию о советской угрозе, которая заставила пойти на принятие решения Венского арбитража. Обстановка на советско–румынской границе со второй половины июля 1940 г. стала ухудшаться, что было связано с увеличением количества ее нарушений с румынской стороны. С 16 по 31 июля румынские самолеты 13 раз нарушали советское воздушное пространство, а сухопутная граница с 8 по 30 июля 13 раз нарушалась румынскими солдатами, из которых 17 были задержаны советскими пограничниками, а 1 был убит при оказании сопротивления. Румынские солдаты портили или переставляли вехи, обозначавшие линию границы, обстреливали советских пограничников. В августе обстановка еще более ухудшилась, а количество нарушений границы возросло. В это время румынские самолеты 17 раз вторгались в воздушное пространство СССР, а 26 августа 9 румынских самолетов, нарушивших границу, были атакованы 2 советскими истребителями. В произошедшем воздушном бою 1 румынский самолет был сбит, а остальные улетели за р. Прут¹⁰⁹³.

В этих условиях 17 августа Москва заявила Бухаресту протест против этих инцидентов и предложила создать смешанную советско–румынскую комиссию для демаркации границы. 19 августа Советский Союз передал Румынии новую ноту протеста против действий румынских войск на границе. В ответной румынской ноте от 26 августа сообщалось о том, что румынские пограничники получили строгий приказ избегать всяких инцидентов, и выдвигались контрпретензии на действия советской погранохраны. 29 августа и 12 сентября Москва вновь заявляла протесты против новых инцидентов, спровоцированных румынской стороной¹⁰⁹⁴. Лишь к концу сентября 1940 г. обстановка на границе несколько нормализовалась, но продолжала оставаться сложной¹⁰⁹⁵. Для обоснования версии о советской угрозе Румынии использовался и факт подписания 3 сентября советско–венгерского договора о торговле и мореплавании, рассматривавшийся в Бухаресте как основа возможного антирумынского советско–венгерского союза. Правда, следует отметить, что никаких военных мер против Румынии советской стороной в это время не намечалось.

Раскрывая смысл этих пограничных провокаций, «Правда» 9 сентября справедливо писала, что «окружение Кароля несколько времени назад вело переговоры, в которых подготавливалась передача Венгрии значительной части Трансильвании, а также получение от Германии и Италии гарантий государственной территории Румынии. Королю нужны были какие–нибудь внешние поводы для того, чтобы как–то оправдать перед общественным мнением Румынии эти подготавливавшиеся решения. В этих целях окружение короля пошло на создание провокационных инцидентов на советско–румынской границе. Кароль, конечно, правильно рассчитал, что нападения румынских частей на советскую пограничную охрану не может остаться без ответа. Все это было использовано для того, чтобы распространять заведомо ложные слухи о том, что якобы Советский Союз готовит нападение на Румынию, что Румынии угрожает военный разгром, а посему единственный способ спасения Румынии – отдать Венгрии часть Трансильвании и получить от Германии и Италии гарантии территории Румынии»¹⁰⁹⁶.

Изменившаяся обстановка на Балканах потребовала уточнения тактики местных компартий. Уже 20 августа 1940 г. ИККИ утвердил резолюцию о положении в Венгрии и задачах КПВ, согласно которой основной угрозой являлось сближение Венгрии с Германией на основе ревизии венгерских границ. Перед венгерской компартией

ставилась задача бороться за независимую внешнюю политику страны и сохранение мира, что было возможно только на «основе добрососедских, честных и безусловно дружественных отношений с великой соседней социалистической державой, Советским Союзом»¹⁰⁹⁷. 5 сентября 1940 г. в ИККИ была выработана директива румынской и венгерской компартиям по трансильванскому вопросу, в которой Венский арбитраж прямо назывался империалистическим диктатом. Перед компартиями ставилась задача активизировать борьбу с реакционными правящими режимами, за пролетарскую солидарность трудящихся обеих стран и за сближение с СССР¹⁰⁹⁸.

Прибывшая 9 сентября 1940 г. в Москву румынская делегация для переговоров о демаркации пограничной линии попыталась вновь поднять вопрос об изменении границы в районе города Герца, но советская сторона отклонила это предложение¹⁰⁹⁹. В дальнейшем работа демаркационной комиссии всячески тормозилась румынской стороной, которая не хотела признавать эту линию в качестве границы. Для этого использовались разногласия по вопросу о линии границы в районе Герца и особенно в дельте Дуная, где не было установлено, по какой из нескольких проток Килийского гирла должна проходить граница¹¹⁰⁰. Это позволяло утверждать, что «захват Бессарабии и Северной Буковины» является силовым актом, который Румыния «не имеет никакого интереса легализовать» и давать «Советам юридическое основание для удержания этих провинций»¹¹⁰¹. В итоге до 22 июня 1941 г. советско-румынская граница так и не была демаркирована, что способствовало возникновению новых инцидентов. В дальнейшем советские ноты протеста о фактах обстрела советских пограничников и нарушении границы румынскими самолетами направлялись румынской стороне 18, 21 января, 22 февраля, 21, 31 марта, 12, 26 апреля, 5, 9, 19 мая 1941 г. Только с 10 по 21 июня 1941 г. иностранные самолеты 17 раз нарушали границу СССР со стороны Румынии¹¹⁰².

Тем временем 5 сентября 1940 г. румынская конституция 1938 г. была отменена, 6 сентября король Кароль II отрекся от престола в пользу сына Михая I, а ставший еще 4 сентября главой румынского правительства генерал И. Антонеску получил фактически диктаторские полномочия. Новое румынское руководство решило форсировать сближение с Германией, и 5 сентября новый глава правительства уведомил Берлин о «желании тесного сотрудничества с Германией», согласии на присылку военной миссии, готовности выполнить решения Венского арбитража и увеличить поставки Третьему рейху необходимых товаров. 13 сентября в Берлин со ссылкой в том числе и на «советскую угрозу» была передана просьба о направлении в Румынию военной миссии¹¹⁰³. 20 сентября Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) издало приказ о вводе войск в Румынию для охраны нефтепромыслов и обучения румынской армии. 8 октября в Румынию прибыли германские войска общей численностью в 22 430 человек *Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 69–71; *Шевяков А.А.* Указ. соч. С. 101–104; *Колкер Б.М., Левит И.Э.* Указ. соч. С. 138–147; *Левит И.Э.* Указ. соч. С. 106–113; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Пер. с нем. Т. 2. М., 1958. С. 149, 152; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным.* С. 359–361. Численность германских войск в Румынии постоянно росла: в январе 1941 г. в них насчитывалось уже 60 404 человека, в феврале – 367 744, а в апреле 1941 г. – 750 тыс. чел. (*Eliberarea Basarabiei si a Nordului Bucovinei.* P. 39).. 16 октября СССР заявил, что не был информирован о целях и количестве германских войск в Румынии, которая в тот же день согласилась примкнуть к Тройственному пакту. Экономическое сотрудничество с Румынией Советскому Союзу наладить не удалось из-за нежелания Бухареста и преобладающего экономического влияния Германии. Однако, чтобы не ухудшать и без того холодные советско-румынские отношения, румынское руководство в декабре 1940 г. согласилось начать экономические переговоры, которые завершились 26 февраля 1941 г. подписанием договора о торговле и мореплавании и соглашения о товарообороте и платежах, но это не повлияло на антисоветскую позицию Румынии¹¹⁰⁴.

Решения Венского арбитража вызвали недовольство в Москве, и в ходе оживленных дипломатических контактов с Германией по этому поводу советская сторона указала на нарушение Берлином статьи 3 договора о ненападении о консультациях. В ответ германское правительство заявило, что его действия «в отношении Румынии и Венгрии были направлены на сохранение мира в Дунайском регионе, чему серьезно угрожала имевшаяся напряженность между обеими странами, что было возможно лишь при быстром дипломатическом вмешательстве», поэтому времени для извещения Москвы не осталось. Вступление же германских войск в Румынию объяснялось необходимостью помочь обучению румынской армии и охранять нефтяные источники от возможных действий Англии¹¹⁰⁵. Дипломатические дискуссии по этим вопросам привели к тому, что 19 сентября 1940 г. Гитлер «решил не предоставлять России больше ни одной европейской области»¹¹⁰⁶.

Усиление германского и ослабление английского влияния на Балканах привело к тому, что по инициативе Германии было создано совещание экспертов по определению режима судоходства на Дунае в обход существовавших Дунайских комиссий. Не будучи приглашенным на это совещание, СССР 9 сентября обратился к Германии с уведомлением о своей заинтересованности в его работе. Германия попыталась отклонить советские претензии, ссылаясь на то, что предстоящее совещание намерено сосредоточиться на рассмотрении вопроса судоходства в районе Железных Ворот. В этом духе был выдержан и официальный ответ из Берлина от 12 сентября, в котором отмечалось, что Германия признает «вступление СССР в Европейскую Дунайскую Комиссию... само собой разумеющимся». Этот ответ не удовлетворил Москву, и 13 сентября в прессе было опубликовано сообщение, что СССР «надеется получить от германского правительства соответствующую информацию о совещании экспертов в Вене по международным дунайским вопросам»¹¹⁰⁷. 14 сентября советская сторона заявила, что одобряет ликвидацию Международной и Европейской Дунайских комиссий и выступает за

создание новой Дунайской комиссии и заинтересована в разрешении вопросов судоходства на Дунае от Братиславы до его устья¹¹⁰⁸.

13 октября Германия обещала учесть советские пожелания в вопросах о режиме Дуная, а 17 октября уведомила СССР о согласии с его предложением «об образовании единой Дунайской Комиссии, но считает необходимым участие Италии в этой комиссии». Советская сторона указала на необходимость обсуждения этого вопроса, а 19 октября выразила готовность «впредь до образования указанной Дунайской Комиссии присоединиться к „Временному соглашению“ от 12 сентября 1940 г.» и «принять участие в совместных переговорах между уполномоченными экспертами СССР, Германии, Румынии и Италии в г. Бухаресте для рассмотрения, в порядке временного решения, тех задач, которые до сих пор выполняла Европейская Дунайская Комиссия»¹¹⁰⁹. Соответственно 24 октября советская делегация получила задачу добиться, чтобы вместо Автономной Румынской Дирекции Морского Дуная была создана Советско–Румынская Администрация Морского Дуная в г. Сулине, на которую следовало возложить установление правил судоходства от Брэилы до Черного моря. Румынская сторона могла бы заниматься организацией лоцманской службы в Сулинском и Георгиевском рукавах, а в Килийском рукаве СССР и Румыния действовали бы совместно. Предполагалось добиться запрета на плавание в морском Дунае всех военных судов, кроме Румынии и СССР, а транзит вооружения был бы возможен лишь по совместному разрешению Москвы и Бухареста¹¹¹⁰. Однако начавшиеся 28 октября переговоры показали, что Румыния с молчаливого согласия Германии и Италии заняла непримиримую позицию в отношении предложений СССР. В итоге 21 декабря 1940 г. бесплодные переговоры были отложены на неопределенный срок¹¹¹¹.

Со своей стороны, советское руководство, недовольное сближением Венгрии и Румынии с Германией, что создавало барьер советскому проникновению на Балканы, решило обсудить балканские проблемы на предстоящих переговорах с Германией в Берлине. Так, в директивах советской делегации от 9 ноября 1940 г. предусматривалось добиваться в ходе переговоров, чтобы на Балканах «к сфере интересов СССР были отнесены» район устья Дуная и Болгария. Следовало «сказать также о нашем недовольстве тем, что Германия и Италия не консультировались с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию» и заявить о своей заинтересованности в дальнейшей судьбе Венгрии, Румынии и Турции и необходимости советского участия в решении этих вопросов¹¹¹². В ходе переговоров в Берлине 12–13 ноября Молотов заявил Гитлеру, что «Советское правительство выразило свое неудовольствие тем, что без консультации с ним Германия и Италия гарантировали неприкосновенность румынской территории. Он считает, что эти гарантии были направлены против интересов Советского Союза». Гитлер ответил, что «Германия на определенное время не считает возможным отказаться от этих гарантий», которые «были единственным, что склонило Румынию уступить России Бессарабию без борьбы», обратил внимание собеседника на экономическую важность румынских запасов нефти для Германии и Италии и отметил, что «само румынское правительство просило Германию взять на себя» защиту нефтеносных районов от Англии на время войны¹¹¹³. В итоге стало очевидно, что Германия получила в Румынии важный военно–экономический плацдарм и не намерена идти на какие–либо уступки.

Тем временем активизация Англии в Восточном Средиземноморье потребовала от Германии создания гарантий безопасности нефтеносных районов Плоешти и военной безопасности в регионе. В этих условиях возросло значение мирной экспансии Германии на Балканах, которая стремилась консолидировать балканские страны в интересах борьбы против Англии, а в будущем и против СССР. Инструментом подчинения балканских государств должны были стать не только двусторонние соглашения, но и Тройственный пакт – военно–политический договор Германии, Италии и Японии, заключенный 27 сентября 1940 г., к которому уже 20 ноября присоединилась Венгрия. В ходе визита в Берлин 22–23 ноября Антонеску заявил Гитлеру о готовности в случае войны с СССР принять в ней участие в союзе с Германией. 23 ноября Румыния присоединилась к Тройственному пакту, окончательно став сателлитом Третьего рейха¹¹¹⁴. 4 декабря был подписан «Протокол о германо–румынском сотрудничестве для осуществления десятилетнего плана по развитию румынской экономики», которая теперь полностью подчинялась нуждам Германии, ее военным приготовлениям. Если в 1940 г. доля держав «Оси» в румынском экспорте достигла 63,6%, то в 1941 г. она возросла до 95,2%¹¹¹⁵. С помощью системы клиринга Берлин получил возможность выкачивать из Румынии сырье и продовольствие. Уже к 31 декабря 1940 г. германская задолженность перед Румынией в торговле достигла 1050 млн лей, а к концу 1941 г. возросла до 17 148 млн леев¹¹¹⁶.

Таблица 12

Добыча нефти и экспорт нефтепродуктов Румынией (тыс. т)¹¹¹⁷

Год	Добыча нефти	Экспорт нефтепродуктов	в том числе в Германию	
			всего	в %
1933	7 377	5 886	200	3,4
1934	8 466	6 547	444	6,8
1935	8 376	6 613	863	13,1
1936	8 704	6 885	1 072	15,6
1937	7 150	5 668	435	7,7
1938	6 594	4 495	704,2	15,7
1939	6 226	4 178	848,6	20,3
1940	5 738	3 493	1 147,8	32,8
1941	5 520	4 072	2 714,8	66,7
1942	5 624	3 374	2 163,6	64,1
1943	5 323	3 159	2 511,3	79,5

Уведомленное в конце декабря 1940 г. командованием германских войск в Румынии о подготовке Германии к войне с СССР, румынское руководство 14 января 1941 г. предложило Берлину помощь своих вооруженных сил в случае войны на востоке. В переданном германской стороне меморандуме указывалось, что «Румыния является сегодня для Германии стратегическим центром и базой политического господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. При развитии дипломатических и военных событий весной Румыния может стать в центре военных действий. Сознывая свою роль и географическое положение, а также необходимость поддержания социального европейского порядка, Румыния готова на самое близкое сотрудничество с Германией. С этой целью Румыния вступила в Тройственный пакт. Она позволила германским войскам вступить на ее территорию. Румыния готова, в случае необходимости, присоединиться к военным действиям на стороне Германии. [...] Решительно присоединяясь к любым действиям германской стороны, Румыния убеждена, что во время предстоящей реконструкции Европы она найдет полное понимание со стороны Германии и великого фюрера – гениального творца. [...] Будучи связанной с Германией Дунаем, Румыния желает также иметь с ней прямую сухопутную связь на севере и северо-западе». В документе также выражалась надежда на то, что «в новой Европе Германия будет признавать естественную роль Румынии как регионального гегемона»¹¹¹⁸. Эта прогерманская политика позволила правительству Антонеску получить поддержку Берлина во время мятежа «Железной гвардии» 21–23 января 1941 г.¹¹¹⁹

10 апреля румынская компартия получила от ИККИ задачу усилить борьбу против вовлечения Румынии в войну и за дружбу с СССР, что должно было затруднить деятельность правительства и действия Германии¹¹²⁰. Со своей стороны, румынское руководство 10 мая сформулировало свои территориальные притязания. По его мнению, расширение Румынии «может быть осуществлено за счет Словакии... а также за счет Галиции, по линии Черновицы–Львов–Краков, так как она является легким, прямым и коротким путем для связей между устьем Дуная и Германией. Исходя из этого, нам необходима не только Бессарабия и Буковина... но и Покутье, которое расширило бы общую границу между Румынией, Словакией и Германией через оккупированную Польшу». Южнее Дуная выдвигались требования на югославский Банат и район Тимока. Естественно, что Германия и Италия не спешили с определением своей позиции в отношении этих проектов¹¹²¹. В конце мая 1941 г. Москва довела до сведения румынского правительства, что «готова решить все территориальные вопросы с Румынией и принять во внимание определенные пожелания относительно ревизии [границ], если Румыния присоединится к советской политике мира», т.е. выйдет из Тройственного пакта¹¹²². Однако подобные предложения уже не интересовали Бухарест.

1 июня в Румынии началась скрытая мобилизация, а 11–12 июня во время визита в Мюнхен Антонеску был официально поставлен в известность о предстоящей войне с Советским Союзом и заявил Гитлеру о готовности действовать вместе с Германией. При этом румынское руководство надеялось получить не только Бессарабию и Северную Буковину, но и территорию между Днестром и Южным Бугом (так называемую Транснистрию). В целом эта идея была поддержана германской стороной. 18 июня до сведения Антонеску был доведен план конкретных операций дислоцированной в Румынии 11-й германской армии¹¹²³. 22 июня 1941 г. без объявления войны Румыния вместе с Германией напала на Советский Союз¹¹²⁴. Румынская пресса писала 19 августа 1942 г., что «наша нынешняя борьба – это борьба не только против большевиков. До тех пор, пока не будет уничтожена Россия, останется русская опасность. Разрушение России и продвижение Европы до Урала – вот главное условие развития румынского народа»¹¹²⁵. Как признавал в 1943 г. Г.И. Брэтиану, «в войне против СССР Румыния нашла одновременно свои восточные провинции, которые были у нее отобраны в 1940 году, а также и смысл своей исторической оборонительной миссии на границах Европы»¹¹²⁶. Поскольку идея «оборонительной миссии» Румынии восходит ко второй половине XIX века, совершенно очевидно, что именно эти агрессивные устремления толкнули ее на союз с Германией, а вовсе не решение бессарабского вопроса летом 1940 г.

¹ История Молдавской ССР. В 2–х тт. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев. 1965; История Молдавской ССР. В 6–ти тт. Т. 1: Первобытнообщинный строй. Переход к классовому обществу. Формирование феодальных отношений. Образование Молдавского государства. Кишинев. 1987; Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 5–220; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и

- материалы. М., 1996. С. 5–167; Гросул В.Я. Возвращение на Дунай//Военно–исторический журнал. 2003. № 4. С. 62–67.
- ² Агаки А.С. Присоединение Румынии к Тройственному союзу//Проблемы внутри– и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени. Кишинев. 1988. С. 152–178.
- ³ Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 31–190; Нарцов В.Н. Дипломатическая борьба вокруг вступления Румынии в первую мировую войну//Барнаульский государственный педагогический институт. Ученые записки. Т. 19. Вопросы новой и новейшей истории. Барнаул. 1972. С. 63–86; Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 2: Первая мировая война: Документы и материалы. М., 2002. С. 404–409.
- ⁴ См., например: Березняков Н.В. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинев. 1957; История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6 т. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М., 1960. С. 278–282; История Молдавской ССР. Т. 2: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Кишинев. 1968; Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с советской Родиной (1918–1940 гг.). Кишинев. 1970; Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско–румынские отношения 1929–1934 гг. М., 1971; Колкер Б.М., Левит И.Э. Внешняя политика Румынии и румыно–советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). М., 1971; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев. 1974; История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 3: Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974. С. 369–371; Шевяков А.А. Советско–румынские отношения и проблема европейской безопасности 1932–1939. М., 1977; Репида А.В. Образование Молдавской ССР. Кишинев. 1983; Лазарев А.М. Год 1940 – продолжение социалистической революции в Бессарабии. Кишинев. 1985 и др.
- ⁵ Московские новости. 2003. № 24. С. 14.
- ⁶ Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 216–217.
- ⁷ Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 2: Кампания 1916–1918 гг. С. 135–136.
- ⁸ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 170; Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 279.
- ⁹ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев. 1974. С. 127; Дембо В. Бессарабский вопрос. М., 1924. С. 56.
- ¹⁰ Дембо В. Указ. соч. С. 62.
- ¹¹ Дыков И.Г. Хроника событий в Бессарабии (март 1917 – январь 1918). Кишинев. 1957. С. 24–25; Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 – март 1918 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев. 1957. С. 38–39.
- ¹² Есауленко А.С. Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма (1917–1918 гг.). Кишинев. 1977. С. 47.
- ¹³ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁴ Там же. С. 44.
- ¹⁵ Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 – январь 1918 г.). Документы и материалы. Кишинев. 1967. С. 52–78.
- ¹⁶ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 60–62.
- ¹⁷ Есауленко А.С. Указ. соч. С. 90–91.
- ¹⁸ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 63–64.
- ¹⁹ Там же. С. 77–78; Борьба за власть Советов в Молдавии. С. 183–184.
- ²⁰ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 75, 77.
- ²¹ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т. 1. М., 1957. С. 14–15.
- ²² Документы и материалы по истории советско–польских отношений (далее – ДМИСПО). Т. 1. М., 1963. С. 162–163.
- ²³ ДВП. Т. 1. С. 16–17.
- ²⁴ Там же. С. 19–20.
- ²⁵ Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. С. 240–245.
- ²⁶ ДВП. Т. 1. С. 47–52.
- ²⁷ Зайончковский А. Указ. соч. Приложение.
- ²⁸ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. (далее – Борьба трудящихся Молдавии...). Сборник документов и материалов. Кишинев. 1970. С. 19.
- ²⁹ ДВП. Т. 1. С. 711.
- ³⁰ Борьба трудящихся Молдавии... С. 20–21.
- ³¹ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 84.
- ³² Там же. С. 79–82, 87–88; Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. С. 239–265, 284–285.
- ³³ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 241–243; Голуб П.А. Контрреволюционный заговор на юге России в конце 1917 – начале 1918 годов//Вопросы истории. 1968. № 3. С. 33–34; Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. С. 384–394.
- ³⁴ Есауленко А.С. Указ. соч. С. 135.
- ³⁵ Александри Л.Н. Бессарабия и бессарабский вопрос. М., 1924. С. 77–79; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 201–202; Советско–румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы: В 2–х т. М., 2000. Т. 1: 1917–1934. С. 8–10. В документах того времени встречаются разные варианты написания названия новой республики – Молдаванская и Молдавская, поэтому в цитатах это разночтение сохраняется.
- ³⁶ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 103.
- ³⁷ Манусевич А. История захвата Бессарабии Румынией//Исторический журнал. 1940. № 8. С. 87; Борьба за власть Советов в Молдавии. С. 270–271; Лунгу В.Н. Политика террора и грабежа в Бессарабии 1918–1920 гг. Кишинев. 1979. С. 46; Есауленко А.С. Указ. соч. С. 136; Голуб П.А. Указ. соч. С. 45; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 208.
- ³⁸ Голуб П.А. Указ. соч. С. 45.
- ³⁹ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 95–98; Борьба за власть Советов в Молдавии. С. 205–229.
- ⁴⁰ За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.).

Сборник документов и материалов. Кишинев. 1970. С. 13–14.

⁴¹ Борьба трудящихся Молдавии... С. 19–20.

⁴² Дыков И.Г. Указ. соч. С. 100–101; Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. С. 338–339; Борьба за власть Советов в Молдавии. С. 234–235.

⁴³ ДВП. Т. 1. С. 66–67; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 11.

⁴⁴ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 243; Борьба за власть Советов в Молдавии. С. 281–282.

⁴⁵ Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 12–13.

⁴⁶ ДВП. Т. 1. С. 79; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 13–14.

⁴⁷ ДВП. Т. 1. С. 82–84; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 196–197; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 14–17.

⁴⁸ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 93.

⁴⁹ Брысякин С.К., Сытник М.К. Торжество исторической справедливости. 1918 и 1940 годы в судьбах молдавского народа. Кишинев. 1969. С. 18–19.

⁵⁰ Голуб П.А. Указ. соч. С. 41.

⁵¹ Борьба трудящихся Молдавии... С. 21–22.

⁵² Дембо В. Указ. соч. С. 67.

⁵³ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 110; Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. С. 366–367; Борьба за власть Советов в Молдавии. С. 244–245.

⁵⁴ За власть Советскую. С. 17.

⁵⁵ Березняков Н.В. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинев. 1957. С. 81–82; Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. С. 376–377.

⁵⁶ Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. С. 378–381; Борьба за власть Советов в Молдавии. С. 266–268.

⁵⁷ Борьба трудящихся Молдавии... С. 29–31; За власть Советскую. С. 23.

⁵⁸ За власть Советскую. С. 23–24

⁵⁹ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 126.

⁶⁰ Борьба трудящихся Молдавии... С. 33–36; Березняков Н.В. Указ. соч. С. 109–112; Мельник С.К. Борьба за власть Советов в Придунайском крае и воссоединение с СССР (1917–1940 гг.). Киев. Одесса. 1978. С. 88–89; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 203–205.

⁶¹ Борьба трудящихся Молдавии... С. 35–36.

⁶² Там же. С. 30–33; Голуб П.А. Указ. соч. С. 44.

⁶³ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 121–123.

⁶⁴ Там же. С. 124.

⁶⁵ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 262.

⁶⁶ Там же. С. 262.

⁶⁷ Stanescu M.C. Armata Romana si unirea Basarabiei si Bucovinei cu Romania. 1917–1919. Constanta. 1999. P. 109.

⁶⁸ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 132–133.

⁶⁹ Борьба трудящихся Молдавии... С. 38–40.

⁷⁰ Борьба трудящихся украинских Придунайских земель за социальное и национальное освобождение, 1918–1940 гг. (Сборник документов и материалов) (далее – Борьба трудящихся украинских Придунайских земель...). Одесса. 1967. С. 13–14.

⁷¹ Дыков И.Г. Указ. соч. С. 128–129; Борьба за власть Советов в Молдавии. С. 282–283; Борьба трудящихся Молдавии... С. 59–60.

⁷² Дыков И.Г. Указ. соч. С. 129–132; Борьба трудящихся Молдавии... С. 60–62.

⁷³ Советские Россия – Украина и Румыния. Сборник дипломатических документов. Харьков. 1921. С. 81–82; Березняков Н.В. Указ. соч. С. 119.

⁷⁴ Брысякин С.К., Сытник М.К. Указ. соч. С. 8–9.

⁷⁵ Александри Л.Н. Указ. соч. С. 80–81; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 206–207.

⁷⁶ Лунгу В.Н. Указ. соч. С. 46–47.

⁷⁷ ДВП. Т. 1. С. 89–90; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 19–20.

⁷⁸ Сурилов А.В., Стратулат Н.П. О национально–государственном самоопределении молдавского народа. Против фальсификации современной буржуазной историографией советского научно–государственного строительства. Кишинев. 1967. С. 51.

⁷⁹ За власть Советскую. С. 53–54.

⁸⁰ Дектерев Л. «Румчерод» и организация Красной Армии//Гражданская война. Материалы по истории Красной Армии. Т. 2. М., 1923. С. 15–16, 28–29; За власть Советскую. С. 58–59.

⁸¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Изд. 2–е. В 2–х тт. М., 1990. Т. 1: 1917–1918. С. 173.

⁸² Березняков Н.В. Указ. соч. С. 126.

⁸³ Дектерев Л. Указ. соч. С. 43.

⁸⁴ Stanescu M.C. Op. cit. P. 106.

⁸⁵ Борьба трудящихся Молдавии... С. 76–83.

⁸⁶ Там же. С. 109; Борьба трудящихся украинских Придунайских земель... С. 17–19.

⁸⁷ Мельник С.К. Указ. соч. С. 90–91.

⁸⁸ Березняков Н.В. Указ. соч. С. 125–130; Боевая летопись Военно–Морского Флота, 1917–1941. М., 1992. С. 179–181.

⁸⁹ Борьба трудящихся Молдавии... С. 42–51; Иткис М.Б., Ройтман Н.Д. Борьба за власть Советов на севере Бессарабии (конец января – февраль 1918 г.)//Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии. Кишинев.

1960. С. 27–60.

⁹⁰ Борьба трудящихся Молдавии... С. 102–103.

⁹¹ Румынская точка зрения на военные действия в Бессарабии изложена в: Stanescu M.C. Op. cit. P. 98–128.

⁹² Александри Л.Н. Указ. соч. С. 79–80; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 208–209; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 20–22.

⁹³ Stanescu M.C. Op. cit. P. 124.

⁹⁴ За власть Советскую. С. 63–65; Лунгу В.Н. Указ. соч. С. 55.

⁹⁵ ДМИСПО. Т. 1. С. 192–194; ДВП. Т. 1. С. 59–61.

⁹⁶ Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 225–257.

⁹⁷ ДВП. Т. 1. С. 119–204, 437–453; Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. (Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание). М., 1995. С. 95–102.

⁹⁸ Нотович Ф.И. Бухарестский мир 1918 г. М., 1959. С. 136–137.

⁹⁹ Там же. С. 149.

¹⁰⁰ Там же. С. 135–161.

¹⁰¹ Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 25.

¹⁰² Советские Россия – Украина и Румыния. С. 19.

¹⁰³ Борьба трудящихся украинских Придунайских земель... С. 21–23.

¹⁰⁴ Там же. С. 21; Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 365.

¹⁰⁵ Борьба трудящихся Молдавии... С. 136.

¹⁰⁶ Дектерев Л. Указ. соч. С. 65; Мельник С.К. Указ. соч. С. 98; Березняков Н.В. Указ. соч. С. 137.

¹⁰⁷ Дектерев Л. Указ. соч. С. 42–43; За власть Советскую. С. 85–86; Борьба трудящихся украинских Придунайских земель... С. 23–24, 26.

¹⁰⁸ Stanescu M.C. Op. cit. P. 125.

¹⁰⁹ Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 29–30.

¹¹⁰ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 20; Александри Л.Н. Указ. соч. С. 87–88.

¹¹¹ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 21–22; ДВП. Т. 1. С. 114; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 22–24.

¹¹² Советские Россия – Украина и Румыния. С. 22–23; ДВП. Т. 1. С. 115; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 24–25.

¹¹³ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 23; ДВП. Т. 1. С. 206–207; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 26.

¹¹⁴ Манусевич А. Указ. соч. С. 86.

¹¹⁵ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 24; ДВП. Т. 1. С. 209; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 26–27.

¹¹⁶ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 23–24; ДВП. Т. 1. С. 210–211; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 27–28.

¹¹⁷ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 23; ДВП. Т. 1. С. 207; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 26.

¹¹⁸ Дектерев Л. Указ. соч. С. 71.

¹¹⁹ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 272–272.

¹²⁰ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 24–25.

¹²¹ Ройтман Н.Д. Из истории борьбы с австро-германскими интервентами на Одесском направлении (март 1918 г.)//Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии. Кишинев. 1963. С. 80–94; Петров В.И. Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 173–176.

¹²² Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 274.

¹²³ Березняков Н.В. Указ. соч. С. 152–153.

¹²⁴ Там же. С. 153.

¹²⁵ Там же. С. 149.

¹²⁶ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 131.

¹²⁷ Дембо В. Указ. соч. С. 92.

¹²⁸ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 136; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 222–223.

¹²⁹ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 221.

¹³⁰ Сурилов А.В., Стратулат Н.П. Указ. соч. С. 57.

¹³¹ Березняков Н.В. Указ. соч. С. 150–151; Лазарев А.М. Указ. соч. С. 134–135.

¹³² Александри Л.Н. Указ. соч. С. 57–59; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 220–221; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 33–34.

¹³³ Александри Л.Н. Указ. соч. С. 60–62; Есауленко А.С. Указ. соч. С. 185; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 223–224.

¹³⁴ История Бессарабии. (От истоков до 1998 г.). Пер. с рум. Кишинев. 2001. С. 86.

¹³⁵ ДВП. Т. 1. С. 241–242; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 35–36.

¹³⁶ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 26; ДВП. Т. 1. С. 248–249; Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 36–37.

¹³⁷ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 122.

¹³⁸ Там же. С. 122–123.

¹³⁹ Нотович Ф.И. Указ. соч. С. 212.

¹⁴⁰ Березняков Н.В. Указ. соч. С. 155.

¹⁴¹ Нотович Ф.И. Указ. соч. С. 87–88; Савин Т. Иностраннный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.). Пер. с рум. М., 1950. С. 84–86; Березняков Н.В. Указ. соч. С. 153–155.

¹⁴² Лунгу В.Н. Указ. соч. С. 78.

¹⁴³ Там же. С. 97; За власть Советскую. С. 121–123.

¹⁴⁴ Александри Л.Н. Указ. соч. С. 70; Лунгу В.Н. Указ. соч. С. 88; Брысякин С.К., Сытник М.К. Указ. соч. С. 55–56.

¹⁴⁵ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 82–85; Борьба трудящихся Молдавии... С. 149–216; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 226–233; Лунгу В.Н. Указ. соч.; Брысякин С.К., Сытник М.К. Указ. соч. С. 37–62; Березняков

Н.В. Указ. соч. С. 155–168, 172–184.

¹⁴⁶ Майборода В. С французами//Архив русской революции. Вып. XVI. Берлин. 1925. С. 144–145.

¹⁴⁷ История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964. С. 155.

¹⁴⁸ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 302–306.

¹⁴⁹ История Венгрии. Т. 3. М., 1972. С. 72–74; История Румынии. Т. 2: 1918–1970. М., 1971. С. 31–34.

¹⁵⁰ Лапина И.М. Вопрос о Буковине в русско–румынских дипломатических отношениях (1914–1916 гг.)//Проблемы внутри– и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени. Кишинев. 1988. С. 178–195; История Бессарабии. С. 86; За балканскими фронтами Первой мировой войны. Москва. 2002. С. 386; История Румынии. Пер. с рум. М., 2005. С. 503–505.

¹⁵¹ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 210–211; Березняков Н.В. Указ. соч. С. 193–194; Stanescu М.С. *Op. cit.* P. 167–209.

¹⁵² Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 294; Лазарев А.М. Указ. соч. С. 155.

¹⁵³ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 233–234; Березняков Н.В. Указ. соч. С. 169–170.

¹⁵⁴ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 28–30; ДВП. Т. 1. С. 589–592; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 37–40; Березняков Н.В. Указ. соч. С. 170–171.

¹⁵⁵ История Бессарабии. С. 102.

¹⁵⁶ Александри Л.Н. Указ. соч. С. 63–64; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 234–235; История Бессарабии. С. 102.

¹⁵⁷ Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 37, 40.

¹⁵⁸ Гражданская война на Украине. 1918–1920. Сборник документов и материалов. В 3–х тт. Киев. 1967. Т. 1. Кн. 1: Освободительная война украинского народа против немецко–австрийских оккупантов. Разгром буржуазно–националистической директории. С. 459–462; ДВП. Т. 1. С. 582–589.

¹⁵⁹ Из истории гражданской войны в СССР. 1918–1922. Сборник документов и материалов. В 3–х тт. Т. 1: Май 1918 – март 1919. М., 1960. С. 75–76.

¹⁶⁰ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 152.

¹⁶¹ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 66, 72–73.

¹⁶² Карр Э. История Советской России: Кн. 1: Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. С. 244.

¹⁶³ Александри Л.Н. Указ. соч. С. 96–97; Борьба трудящихся Молдавии... С. 220–221; Лазарев А.М. Указ. соч. С. 153–154.

¹⁶⁴ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 84–85; Борьба трудящихся Молдавии... С. 227–228.

¹⁶⁵ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 153; Stanescu М.С. *Op. cit.* P. 223–239.

¹⁶⁶ Александри Л.Н. Указ. соч. С. 70; Борьба трудящихся Молдавии... С. 230–237; Лунгу В.Н. Указ. соч. С. 102–106; Березняков Н.В. Указ. соч. С. 197–204.

¹⁶⁷ Stanescu М.С. *Op. cit.* P. 234.

¹⁶⁸ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.) (далее – Директивы командования фронтов). Сборник документов. Т. 2: март 1919 г. – апрель 1920 г. М., 1972. С. 183.

¹⁶⁹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920) (далее – Директивы Главного командования). Сборник документов. М. 1969. С. 214–215.

¹⁷⁰ Директивы командования фронтов. Т. 4. С. 60.

¹⁷¹ РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 150. Л. 11; Д. 93. Л. 80–81.

¹⁷² Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2: Март 1919 – февраль 1920 г. М., 1961. С. 14, 34.

¹⁷³ Директивы Главного командования. С. 216–218.

¹⁷⁴ Там же. С. 219.

¹⁷⁵ Там же. С. 220–221.

¹⁷⁶ Директивы командования фронтов. Т. 2. С. 191–192.

¹⁷⁷ Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 702–703.

¹⁷⁸ Там же. Т. 1. Кн. 2: Борьба рабочих и крестьян за освобождение Украины от интервентов Антанты и денкинцев. Ноябрь 1918 – апрель 1919. С. 312–313.

¹⁷⁹ Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 734; Кн. 2. С. 342–343.

¹⁸⁰ РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 114. Л. 38.

¹⁸¹ Директивы командования фронтов. Т. 2. С. 193–194.

¹⁸² РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 114. Л. 59.

¹⁸³ РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 114. Л. 59.

¹⁸⁴ Какурин Н.Е. Указ. соч. Т. 2: 1919–1920. С. 74–91.

¹⁸⁵ Антонов–Овсенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 4. М.–Л., 1933. С. 30–33.

¹⁸⁶ Там же. С. 33.

¹⁸⁷ Там же. С. 33–34.

¹⁸⁸ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 382.

¹⁸⁹ Директивы Главного командования. С. 225.

¹⁹⁰ Там же. С. 226–227.

¹⁹¹ РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 115. Л. 8–8 об; Ф. 178. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

¹⁹² Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 115. Л. 9.

¹⁹³ Там же. Л. 10.

¹⁹⁴ Там же. Л. 16; Ф. 178. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.

¹⁹⁵ Борьба трудящихся Молдавии... С. 308; Березняков Н.В. Указ. соч. С. 206–216.

¹⁹⁶ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 44.

¹⁹⁷ Там же. С. 34–35.

- ¹⁹⁸ Там же. С. 36.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 39.
- ²⁰⁰ Там же. С. 40–42.
- ²⁰¹ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 32. Л. 52.
- ²⁰² Там же. Л. 53–55.
- ²⁰³ Борьба трудящихся украинских Придунайских земель... С. 39.
- ²⁰⁴ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 32. Л. 121–122.
- ²⁰⁵ Гражданская война на Украине. Т. 2: Борьба против деникинщины и петлюровщины на Украине. Май 1919 – февраль 1920 г. С. 5; Борьба трудящихся Молдавии... С. 357–360.
- ²⁰⁶ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 268.
- ²⁰⁷ Борьба трудящихся Молдавии... С. 291–295.
- ²⁰⁸ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 30–32; ДВП. Т. 2. М., 1958. С. 148–151; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 40–43.
- ²⁰⁹ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 32; ДВП. Т. 2. С. 152.
- ²¹⁰ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 47.
- ²¹¹ Борьба трудящихся украинских Придунайских земель... С. 44–45.
- ²¹² Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 2. С. 409–411.
- ²¹³ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 44. Л. 43–43 об.
- ²¹⁴ Там же. Д. 32. Л. 152–152 об.
- ²¹⁵ Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 113. Л. 128–128 об.
- ²¹⁶ Там же. Д. 115. Л. 24.
- ²¹⁷ Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 32. Л. 88, 90.
- ²¹⁸ Там же. Л. 94–95.
- ²¹⁹ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 45, 80–85, 193–196.
- ²²⁰ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 32. Л. 101.
- ²²¹ Директивы Главного командования. С. 230.
- ²²² Там же. С. 231.
- ²²³ Там же. С. 231–232.
- ²²⁴ Там же. С. 232–233.
- ²²⁵ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2. Л. 20; Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 45.
- ²²⁶ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 45.
- ²²⁷ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.
- ²²⁸ Там же. Д. 32. Л. 164–165; Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 43.
- ²²⁹ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 47.
- ²³⁰ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 32. Л. 153; Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 45.
- ²³¹ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 48.
- ²³² Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 16–17.
- ²³³ Там же. С. 20; За власть Советскую. С. 164.
- ²³⁴ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 46–47.
- ²³⁵ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 33–34; За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 395–396.
- ²³⁶ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4а. Л. 438–439.
- ²³⁷ Там же. Д. 32. Л. 175
- ²³⁸ Там же. Д. 2. Л. 303–303 об., 319.
- ²³⁹ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 213, 215.
- ²⁴⁰ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 32. Л. 425; Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 32–34.
- ²⁴¹ Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 44–45; Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 197–261.
- ²⁴² Какурин Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 99.
- ²⁴³ Директивы Главного командования. С. 234.
- ²⁴⁴ РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.
- ²⁴⁵ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 280.
- ²⁴⁶ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 20. Л. 7; Ф. 103. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.
- ²⁴⁷ Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
- ²⁴⁸ Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 115. Л. 62.
- ²⁴⁹ Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 19. Л. 56.
- ²⁵⁰ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 280. В книге первая фраза телеграммы начинается словами: «Не совсем приятны известия...», что, видимо, является опечаткой.
- ²⁵¹ Директивы командования фронтов. Т. 2. С. 204.
- ²⁵² РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 113. Л. 351.
- ²⁵³ Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 38. Л. 28.
- ²⁵⁴ Там же. Д. 20. Л. 26.
- ²⁵⁵ Директивы Главного командования. С. 236.
- ²⁵⁶ ДВП. Т. 2. С. 171–172; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 43–44.
- ²⁵⁷ Антонов–Овсенко В.А. Указ. соч. С. 281.
- ²⁵⁸ РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 115. Л. 82.
- ²⁵⁹ Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 38. Л. 49; Ф. 103. Оп. 1. Д. 115. Л. 84–84 об.
- ²⁶⁰ Борьба трудящихся Молдавии... С. 319–324; Лунгу В.Н. Указ. соч. С. 110–111.

- 261 Директивы командования фронтов. Т. 2. С. 206.
- 262 РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 20. Л. 37.
- 263 Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 115. Л. 90–91.
- 264 Там же. Л. 87–88.
- 265 Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 19. Л. 78.
- 266 Там же. Л. 78 об.
- 267 Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 122.
- 268 Там же. С. 140–141, 150–151.
- 269 РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 115. Л. 89.
- 270 Там же. Л. 103.
- 271 Там же. Л. 111.
- 272 Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 38. Л. 136–136 об.
- 273 Там же. Л. 137.
- 274 Там же. Л. 173.
- 275 Там же. Л. 178.
- 276 Там же. Л. 187.
- 277 Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 124. Л. 54.
- 278 Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 377.
- 279 РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 44. Л. 122–123
- 280 За власть Советскую. С. 172.
- 281 Директивы Главного командования. С. 334–335.
- 282 Лазарев А.М. Указ. соч. С. 151.
- 283 ДВП. Т. 2. С. 64–66.
- 284 Лазарев А.М. Указ. соч. С. 152.
- 285 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 241–243.
- 286 Лазарев А.М. Указ. соч. С. 152–153.
- 287 За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 395.
- 288 Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 49–51.
- 289 Россия и союзники. Обмен нотами между Союзными державами и Верховным правителем России адмиралом Колчаком. Киев. 1919. С. 5–9.
- 290 История Бессарабии. С. 87.
- 291 Лазарев А.М. Указ. соч. С. 156.
- 292 Там же. С. 51.
- 293 Тарасов О.Ю. Становление польско–румынских отношений и политика Франции в 1919 г.//Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго–Восточной Европы. М., 1985. С. 90–118; Stanescu M.C. Op. cit. P. 209–219.
- 294 За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 398; История Румынии. Т. 2. С. 53–55.
- 295 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 243–244.
- 296 История Бессарабии. С. 131.
- 297 Нарцов В.Н. Парижская мирная конференция и Румыния//Барнаульский государственный педагогический институт. Ученые записки. Т. 19. Вопросы новой и новейшей истории. Барнаул. 1972. С. 87–124.
- 298 Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 735–744.
- 299 Директивы Главного командования. С. 349–350.
- 300 Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 727–728, 734.
- 301 Директивы Главного командования. С. 498–499.
- 302 Директивы командования фронтов. Т. 2. С. 404–405.
- 303 Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 746–747.
- 304 Там же. С. 772–774.
- 305 Там же. С. 763–767.
- 306 Директивы командования фронтов. Т. 4. С. 140.
- 307 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 54–55.
- 308 Там же. С. 44–45.
- 309 Там же. С. 45.
- 310 Там же. С. 46.
- 311 Там же. С. 47–48.
- 312 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 35; ДВП. Т. 2. С. 390; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 47.
- 313 ДВП. Т. 2. С. 392–393.
- 314 Лазарев А.М. Указ. соч. С. 156; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 245.
- 315 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 188–189.
- 316 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 36; ДВП. Т. 2. С. 402–403; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 48–49.
- 317 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 49.
- 318 Там же. С. 50.
- 319 ДВП. Т. 2. С. 402; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 51.
- 320 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 36; ДВП. Т. 2. С. 410.
- 321 ДВП. Т. 2. С. 409–410; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 48–49.
- 322 История Бессарабии С. 88.
- 323 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 51.

- 324 Там же. С. 52.
- 325 Ленин В.И. Известные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 350–351.
- 326 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 53–54.
- 327 Там же. С. 54–55.
- 328 ДВП. Т. 3. М., 1959. С. 82; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 55–56.
- 329 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 38–39; ДВП. Т. 3. С. 82–83; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 56–57.
- 330 ДВП. Т. 3. С. 156; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 57.
- 331 ДВП. Т. 3. С. 164–165; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 58.
- 332 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 59.
- 333 ДВП. Т. 3. С. 156; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 60.
- 334 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 39; ДВП. Т. 3. С. 218–219; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 60–61.
- 335 ДВП. Т. 3. С. 261; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 61–62.
- 336 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 39–40; ДВП. Т. 3. С. 260–261; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 62–63.
- 337 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 40; ДВП. Т. 3. С. 300; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 64
- 338 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 41; ДВП. Т. 3. С. 299–300; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 64–65.
- 339 РГВА. Ф. 25880. Оп. 2. Д. 72. Л. 23 об.; Д. 73. Л. 98–98 об.
- 340 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 189, 246–247.
- 341 Савин Т. Указ. соч. С. 94.
- 342 Березняков Н.В. Указ. соч. С. 274, прим. 1.
- 343 Александри Л.Н. Указ. соч. С. 98–100.
- 344 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 41; ДВП. Т. 3. С. 312; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 65–66.
- 345 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 41; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 66–67.
- 346 ДВП. Т. 3. С. 340–341.
- 347 Там же. С. 341; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 67–68.
- 348 ДВП. Т. 3. С. 341; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 68.
- 349 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 69–72.
- 350 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 42–43; ДВП. Т. 3. С. 432; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 72–73.
- 351 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 43; ДВП. Т. 3. С. 383–384; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 73–74.
- 352 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 44; ДВП. Т. 3. С. 432; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 74–75.
- 353 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 44; ДВП. Т. 3. С. 431–432.
- 354 РГВА. Ф. 25880. Оп. 2. Д. 246. Л. 71–72 об.
- 355 Там же. Д. 73. Л. 67 об., 70–71 об.
- 356 Там же. Д. 72. Л. 48, 55–60 об., 71 об.
- 357 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 75–76.
- 358 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 35; ДВП. Т. 3. С. 474–475; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 76–77.
- 359 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 45–46; ДВП. Т. 3. С. 511–512; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 77–78.
- 360 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 78–79.
- 361 ДВП. Т. 3. С. 510–511; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 79–80.
- 362 ДВП. Т. 3. С. 512; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 80.
- 363 ДВП. Т. 3. С. 525–526; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 80–81.
- 364 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 81–82.
- 365 РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 448. Л. 91–96 об.
- 366 Там же. Л. 90.
- 367 Там же. Л. 191–195.
- 368 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 83.
- 369 РГВА. Ф. 25880. Оп. 2. Д. 72. Л. 509 об. – 510; История Бессарабии. (От истоков до 1998 г.). Пер. с рум. 2–е изд. Кишинев. 2001. С. 182.
- 370 ДВП. Т. 3. С. 591; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 84.
- 371 История Бессарабии. С. 182.
- 372 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 84.
- 373 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 46; ДВП. Т. 4. М., 1960. С. 16; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 85.
- 374 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 85.
- 375 Там же. С. 86.
- 376 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 46–47; ДВП. Т. 4. С. 57; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 87.
- 377 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 47–48; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 87–89.
- 378 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 49; ДВП. Т. 4. С. 89–90.
- 379 РГВА. Ф. 25880. Оп. 2. Д. 210. Л. 100.
- 380 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 48; ДВП. Т. 4. С. 75; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 89–90.
- 381 ДВП. Т. 4. С. 75–76, 124; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 91.
- 382 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 92.
- 383 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 50; ДВП. Т. 4. С. 155; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 93.
- 384 ДВП. Т. 4. С. 178–179; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 95.
- 385 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 96–123.
- 386 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 50.
- 387 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 92–93.
- 388 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 51; ДВП. Т. 4. С. 200.

- 389 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 51.
- 390 РГВА. Ф. 25880. Оп. 2. Д. 246. Л. 4; Д. 255. Л. 14, 27.
- 391 Там же. Д. 246. Л. 2–3.
- 392 Там же. Д. 255. Л. 12–13.
- 393 Там же. Л. 7–7 об.
- 394 ДВП. Т. 4. С. 199–200.
- 395 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 51–52; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 94.
- 396 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 52.
- 397 Там же. С. 52.
- 398 Там же. С. 53.
- 399 Там же. С. 53.
- 400 РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 441. Л. 185–201.
- 401 Там же. Ф. 25880. Оп. 2. Д. 72. Л. 398 об.
- 402 Там же. Д. 246. Л. 96–98.
- 403 Там же. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 448. Л. 129–135.
- 404 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 54–57; ДВП. Т. 4. С. 265–270; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 124–128.
- 405 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 58–60; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 129–132.
- 406 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 60.
- 407 РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 241. Л. 59.
- 408 Там же. Д. 141. Л. 1.
- 409 Там же. Д. 210. Л. 135 об.
- 410 ДВП. Т. 4. С. 334–335.
- 411 Почс К.Я. «Санитарный кордон». Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). Рига. 1985. С. 24–25.
- 412 ДВП. Т. 4. С. 312–320.
- 413 ДМИСПО. Т. 4. М., 1966. С. 67–69.
- 414 ДВП. Т. 4. С. 322–323, 357–362, 374–380.
- 415 ДМИСПО. Т. 4. С. 71–73; ДВП. Т. 4. С. 366–369.
- 416 Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг. Сборник документов. М., 2000. С. 233–236.
- 417 РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 448. Л. 84–88 об.
- 418 Там же. Л. 108–128, 136–137 об., 141.
- 419 ДМИСПО. Т. 4. С. 82–83.
- 420 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 60–61; ДВП. Т. 4. С. 364.
- 421 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 61; ДВП. Т. 4. С. 438.
- 422 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 65–67; ДВП. Т. 4. С. 435–438.
- 423 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 67–68.
- 424 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 277–276; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 132–135.
- 425 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 278; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 136–136.
- 426 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 137–140.
- 427 Там же. С. 141.
- 428 Там же. С. 142.
- 429 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 61–65; ДВП. Т. 4. С. 387–392.
- 430 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 143.
- 431 Там же. С. 143–144.
- 432 Там же. С. 145–146.
- 433 Там же. С. 146–147.
- 434 Там же. С. 147.
- 435 Там же. С. 148–149.
- 436 Там же. С. 151–155.
- 437 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 278–280.
- 438 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 156–167.
- 439 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 68–70; ДВП. Т. 4. С. 488–491; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 167–170.
- 440 Советские Россия – Украина и Румыния. С. 70–71; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 170–172.
- 441 РГВА. Ф. 25880. Оп. 2. Д. 306. Л. 300.
- 442 Там же. Ф. 25900. Оп. 3. Д. 311. Л. 169–169 об., 171–172.
- 443 Там же. Д. 192. Л. 25; Д. 249. Л. 120–121; Ф. 25899. Оп. 3. Д. 200. Л. 52 об.; донесение командира 28-й отдельной пограничной дивизии см.: Пограничные войска СССР. 1918–1928. Сборник документов и материалов. М., 1973. С. 478–479.
- 444 РГВА. Ф. 25900. Оп. 3. Д. 192. Л. 27; Д. 249. Л. 123; Ф. 25899. Оп. 3. Д. 200. Л. 59.
- 445 Там же. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 200. Л. 59.
- 446 Там же. Ф. 25900. Оп. 3. Д. 311. Л. 181–183.
- 447 Там же. Ф. 25880. Оп. 2. Д. 306. Л. 12.
- 448 Там же. Л. 50.
- 449 Там же. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 241. Л. 163 об.
- 450 Там же. Д. 200. Л. 64 об.

- ⁴⁵¹ Там же. Д. 164. Л. 149, 165, 166–167 об.; Пограничные войска СССР. 1918–1928. С. 186–188, 194–196.
- ⁴⁵² РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 66. Л. 227–230; Пограничные войска СССР. 1918–1928. С. 196–202.
- ⁴⁵³ РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 162. Л. 16.
- ⁴⁵⁴ Там же. Ф. 25900. Оп. 3. Д. 311. Л. 208–212.
- ⁴⁵⁵ Там же. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 309. Л. 102–104 об.; Пограничные войска СССР. 1918–1928. С. 484–486.
- ⁴⁵⁶ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 72–74; ДВП. Т. 4. С. 541–545.
- ⁴⁵⁷ Советские Россия – Украина и Румыния. С. 74.
- ⁴⁵⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 287–288; Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. 1917–1936 гг. Сборник документов. В 3-х тт. Т. 1: Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. (1917–1922 гг.). М., 1959. С. 203–207.
- ⁴⁵⁹ РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 376. Л. 28, 30–43, 55.
- ⁴⁶⁰ Реввоенсовет Республики. С. 287–288.
- ⁴⁶¹ Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 172–174
- ⁴⁶² Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 287.
- ⁴⁶³ Там же. С. 284.
- ⁴⁶⁴ Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 177–182.
- ⁴⁶⁵ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 302.
- ⁴⁶⁶ ДВП. Т. 5. М., 1961. С. 401.
- ⁴⁶⁷ История Бессарабии. С. 184.
- ⁴⁶⁸ ДВП. Т. 5. С. 483–485.
- ⁴⁶⁹ ДМИСПО. Т. 4. С. 159–161; ДВП. Т. 5. С. 448–450; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 182–183.
- ⁴⁷⁰ Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 184–186.
- ⁴⁷¹ ДВП. Т. 5. С. 597.
- ⁴⁷² Там же. С. 596–597; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 186–188.
- ⁴⁷³ ДВП. Т. 5. С. 641–643, 671–672; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 188–189, 190–193.
- ⁴⁷⁴ Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 194; История Бессарабии. С. 184.
- ⁴⁷⁵ Улуян А.А. Коминтерн и геополитика: балканский рубеж, 1919–1938 гг. М., 1997. С. 69; Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала–середины 1920–х годов. В 2-х ч. Ч. 1: Май 1922 г. – май 1924 г. М., 2000. С. 17–18.
- ⁴⁷⁶ РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 536. Л. 370–371.
- ⁴⁷⁷ Там же. Д. 515. Л. 202.
- ⁴⁷⁸ ДВП. Т. 6. М., 1962. С. 319–320; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 195–196.
- ⁴⁷⁹ ДВП. Т. 6. С. 320; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 196–197.
- ⁴⁸⁰ ДВП. Т. 6. С. 393; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 197.
- ⁴⁸¹ РГВА. Ф. 25899. Оп. 1. Д. 61. Л. 27–48, 53, 57, 58–74.
- ⁴⁸² ДВП. Т. 6. С. 512–516; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 198–199, 203–208.
- ⁴⁸³ Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 199–200.
- ⁴⁸⁴ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1. С. 118.
- ⁴⁸⁵ ДВП. Т. 6. С. 559–560; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 210–214.
- ⁴⁸⁶ ДВП. Т. 6. С. 531; Т. 7. М., 1963. С. 49–50, 702; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 214–215.
- ⁴⁸⁷ «Нам нечего торопиться вынимать из румынской ноги бессарабскую занозу». Переписка Х. Раковского с М. Литвиновым//Источник. 2001. № 1. С. 46–62.
- ⁴⁸⁸ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 198–201; Образование Молдавской ССР и создание Коммунистической партии Молдавии. Сборник документов и материалов. Кишинев. 1984. С. 46–50.
- ⁴⁸⁹ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 201–202.
- ⁴⁹⁰ ДВП. Т. 7. С. 155–156.
- ⁴⁹¹ Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 216–219
- ⁴⁹² История Бессарабии. С. 185.
- ⁴⁹³ Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 215.
- ⁴⁹⁴ ДВП. Т. 7. С. 164–169, 171–175; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 224–252.
- ⁴⁹⁵ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 212.
- ⁴⁹⁶ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1. С. 267.
- ⁴⁹⁷ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 207.
- ⁴⁹⁸ ДВП. Т. 7. С. 179–182; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 252–255.
- ⁴⁹⁹ Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. М., 1981. С. 130–131; Морарь А.Г. Неисследованная страница (К вопросу об образовании Молдавской АССР)//Страницы истории Советской Молдавии. Часть 1. Кишинев. 1990. С. 49–70; Бомешко Б.Г. Образование Молдавской АССР (Истоки приднестровской проблемы)//Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1998. № 2. С. 14–23.
- ⁵⁰⁰ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1. С. 235; Ч. 2: Июнь 1924 г. – декабрь 1926 г. М., 2003. С. 113.
- ⁵⁰¹ Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. С. 133.
- ⁵⁰² Лазарев А.М. Указ. соч. С. 565; Сурилов А.В. История государства и права Молдавской ССР (1917–1959 гг.). Кишинев. 1963. С. 41–57; История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев. 1968. С. 143–147; Образование Молдавской ССР и создание Коммунистической партии Молдавии. С. 77–86.
- ⁵⁰³ Борьба трудящихся украинских Придунайских земель... С. 82–98; История Молдавской ССР. Т. 2. С. 261–265; Советская историческая энциклопедия. Т. 14. С. 132.

- 504 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. С. 382–384, 386–387, 498–501, 512–513.
- 505 Там же. С. 413–442, 460–466.
- 506 Борьба трудящихся украинских Придунайских земель... С. 109–112.
- 507 ДВП. Т. 11. М., 1966. С. 559.
- 508 Там же. Т. 7. С. 221–226, 418–427.
- 509 Там же. Т. 8. М., 1963. С. 425, 556; Т. 10. М., 1965. С. 49.
- 510 Там же. Т. 8. С. 101.
- 511 Там же. С. 733.
- 512 Там же. Т. 9. М., 1964. С. 109.
- 513 Там же. С. 718–719.
- 514 История Бессарабии. С. 188–189; ДВП. Т. 9. С. 731, 400.
- 515 ДВП. Т. 9. С. 350, 401.
- 516 Там же. С. 401.
- 517 Там же. С. 433.
- 518 Там же. С. 472–473.
- 519 Там же. Т. 7. С. 312–315.
- 520 Там же. Т. 8. С. 388; Т. 9. С. 246–247, С. 399; Хормач И.А. СССР – Италия. 1924–1939 гг. (Дипломатические и экономические отношения). М., 1995. С. 25–30.
- 521 ДВП. Т. 10. С. 568
- 522 Там же. Т. 9. С. 570.
- 523 Там же. С. 480–482.
- 524 Там же. С. 536.
- 525 Там же. С. 570.
- 526 Там же. Т. 10. С. 109–110; Хормач И.А. Указ. соч. С. 55–65.
- 527 ДВП. Т. 8. С. 80, 579–581; Т. 10. С. 106–107, 164, 450.
- 528 Там же. Т. 11. С. 163.
- 529 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 268–269.
- 530 Там же. С. 269.
- 531 ДВП. Т. 12. М., 1967. С. 24.
- 532 ДМИСПО. Т. 5. М., 1967. С. 332–334, 335–342, 345–348, 352–361; ДВП. Т. 11. С. 640–645; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 273–277; Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско–румынские отношения 1929–1934 гг. (От подписания Московского протокола до установления дипломатических отношений). М., 1971. С. 12–46.
- 533 ДВП. Т. 12. С. 67.
- 534 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 309.
- 535 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 277–280, 281–286.
- 536 Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930–х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч.1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. СПб., 2000. С. 143–147.
- 537 Брысякин С.К., Сытник М.К. Указ. соч. С. 122.
- 538 Копанский Я.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 52–55.
- 539 ДВП. Т. 12. С. 631.
- 540 Там же. С. 702; Копанский Я.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 55–59.
- 541 Копанский Я.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 68–69.
- 542 Брысякин С.К., Сытник М.К. Указ. соч. С. 121.
- 543 ДВП. Т. 14. М., 1968. С. 830; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 312–317.
- 544 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 317–325.
- 545 ДВП. Т. 15. М., 1969. С. 14–15, 18–19, 21, 37, 43–45, 48–49; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 326–363.
- 546 ДВП. Т. 15. С. 57–59, 37.
- 547 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 363–366.
- 548 Шевяков А.А. Советско–румынские отношения и проблема европейской безопасности 1932–1939. М., 1977. С. 30.
- 549 ДВП. Т. 15. С. 462–463, 481.
- 550 Там же. С. 380–381, 392, 393, 396–399, 404–406, 440–441; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 35; Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 325–330.
- 551 ДВП. Т. 15. С. 499; Копанский Я.М., Левит И.Э. Позиция королевской Румынии по вопросу о заключении пакта о ненападении с СССР и подписании конвенции об определении агрессора (1932–1933 гг.) // Балканский исторический сборник. Вып. 1. Кишинев. 1968. С. 182.
- 552 ДВП. Т. 15. С. 513–514; Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 339–342.
- 553 ДВП. Т. 15. С. 526–531; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 388–390, 391–392.
- 554 Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 390–391.
- 555 ДВП. Т. 15. С. 533–534, 539–540, 545–546, 550, 554–557, 558; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 392–400.
- 556 ДВП. Т. 15. С. 570–571, 576–577; Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 348–355.
- 557 ДВП. Т. 15. С. 572–576; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 400–404.
- 558 ДВП. Т. 15. С. 595.
- 559 Там же. С. 600–601.
- 560 Там же. С. 601–602; Копанский Я.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 112.
- 561 Копанский Я.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 112; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 44.
- 562 ДВП. Т. 15. С. 637–643.

- ⁵⁶³ Копанский Я.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 75–115.
- ⁵⁶⁴ Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 6. М., 1934. С. 10–21.
- ⁵⁶⁵ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976. С. 123–139; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 83–87.
- ⁵⁶⁶ Язькова А.А. Румыния накануне второй мировой войны 1934–1939 гг. М., 1963. С. 72; Лебедев Н.И. «Железная гвардия», Гитлер и Кароль II. (Из истории румынского фашизма, монархии и ее внешнеполитической «игры на двух столах»). М., 1968. С. 112–113.
- ⁵⁶⁷ Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 6. С. 18.
- ⁵⁶⁸ Там же. С. 20–21.
- ⁵⁶⁹ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 113–115; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 53–58.
- ⁵⁷⁰ ДВП. Т. 16. М., 1970. С. 844–845.
- ⁵⁷¹ ДМИСПО. Т. 6. М., 1969. С. 58–62; ДВП. Т. 16. С. 373–374, 380, 388–392, 403–406; Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 100–102; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 409–413; Копанский Я.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 133–135; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 63–75.
- ⁵⁷² Копанский Я.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 137–138.
- ⁵⁷³ ДВП. Т. 16. С. 790.
- ⁵⁷⁴ История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 1. М., 1973. С. 283; ДВП. Т. 16. С. 876–877.
- ⁵⁷⁵ Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 10. М., 1936. С. 41–42.
- ⁵⁷⁶ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 98; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 415.
- ⁵⁷⁷ ДВП. Т. 17. М., 1971. С. 106–107.
- ⁵⁷⁸ Белоусова З.С. Указ. соч. С. 166–171.
- ⁵⁷⁹ ДВП. Т. 17. С. 270–274, 791–792, 795; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 99–100.
- ⁵⁸⁰ ДВП. Т. 17. С. 415–416; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 418–426, 428.
- ⁵⁸¹ ДВП. Т. 17. С. 379–381; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 426–427; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 108–115; Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 441–446.
- ⁵⁸² ДВП. Т. 17. С. 494.
- ⁵⁸³ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 117–119; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 430–431.
- ⁵⁸⁴ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 127–128.
- ⁵⁸⁵ ДВП. Т. 17. С. 501–502, 580–581; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 153–155, 159; Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 444–445.
- ⁵⁸⁶ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 138–150.
- ⁵⁸⁷ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 116–117.
- ⁵⁸⁸ Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 10. С. 250–278; ДВП. Т. 18. М., 1973. С. 194.
- ⁵⁸⁹ Белоусова З.С. Указ. соч. С. 202–216.
- ⁵⁹⁰ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 118.
- ⁵⁹¹ Язькова А.А. Указ. соч. С. 94.
- ⁵⁹² Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 117–118.
- ⁵⁹³ ДВП. Т. 18. С. 643–644.
- ⁵⁹⁴ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 160; История Бессарабии. С. 193; Советско–румынские отношения. Т. 2: 1935–1941. С. 16–18.
- ⁵⁹⁵ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 137.
- ⁵⁹⁶ ДВП. Т. 18. С. 406–407.
- ⁵⁹⁷ Там же. С. 422, 426; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 21–22.
- ⁵⁹⁸ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 24–25.
- ⁵⁹⁹ Авершин В.И. Борьба СССР за мир и коллективную безопасность против фашистской агрессии в Центральной и Юго–Восточной Европе (май 1935 г. – июль 1936 г.)//Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Сборник 4. Свердловск. 1975. С. 47.
- ⁶⁰⁰ ДВП. Т. 18. С. 558–559, 572–573, 584–585, 666, 668, 669; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 26–39, 44–59; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 332.
- ⁶⁰¹ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 59–61; Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Статистический обзор. М., 1960. С. 14, 26.
- ⁶⁰² Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 119.
- ⁶⁰³ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 61–62; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 123–124.
- ⁶⁰⁴ ДВП. Т. 19. М., 1974. С. 153–161.
- ⁶⁰⁵ Белоусова З.С. Указ. соч. С. 233–252.
- ⁶⁰⁶ Вопросы истории. 1967. № 8. С. 70; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 213.
- ⁶⁰⁷ Авершин В.И. Указ. соч. С. 55.
- ⁶⁰⁸ Белоусова З.С. Указ. соч. С. 301–303.
- ⁶⁰⁹ Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. Пер. с фр. М., 1960. С. 338.
- ⁶¹⁰ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 71–72; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 334.
- ⁶¹¹ История Бессарабии. С. 195.
- ⁶¹² Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 72–77.
- ⁶¹³ Там же. С. 82–83.
- ⁶¹⁴ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 126–129.
- ⁶¹⁵ ДВП. Т. 19. С. 432–433; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 86–90.
- ⁶¹⁶ ДВП. Т. 19. С. 455–456; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 96–97.
- ⁶¹⁷ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 99–109.
- ⁶¹⁸ ДВП. Т. 19. С. 565–566.

- ⁶¹⁹ Пограничные войска СССР. 1929–1938. Сборник документов и материалов. М., 1972. С. 80–82.
- ⁶²⁰ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 212.
- ⁶²¹ Залепеев В.Н. Внешняя торговля нацистской Германии в 1930–х годах//Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 11. Брянск. 2002. С. 176.
- ⁶²² Шевяков А.А. Указ. соч. С. 231–233; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 113–114.
- ⁶²³ Язькова А.А. Указ. соч. С. 131, 133–134; История Бессарабии. С. 197.
- ⁶²⁴ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 235.
- ⁶²⁵ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 142–143; История Бессарабии. С. 198.
- ⁶²⁶ Раваш Г. Из истории румынской нефти. Пер. с рум. М., 1958. С. 164.
- ⁶²⁷ Шевяков А.А. Экономическая и военно–политическая агрессия германского империализма в Румынии (1936–1941 гг.). Кишинев. 1963. С. 37.
- ⁶²⁸ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 140–144.
- ⁶²⁹ Шевяков А.А. Советско–румынские отношения и проблема европейской безопасности. С. 237; ДВП. Т. 20. М., 1976. С. 207–212; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 145–147; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 351.
- ⁶³⁰ ДВП. Т. 20. С. 269–270.
- ⁶³¹ Там же. С. 312–316.
- ⁶³² Там же. С. 333, 335, 731; Пограничные войска СССР. 1929–1938. С. 88, 97.
- ⁶³³ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 238–240.
- ⁶³⁴ ДВП. Т. 20. С. 431–432; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 241–243.
- ⁶³⁵ Язькова А.А. Указ. соч. С. 176; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 149.
- ⁶³⁶ Язькова А.А. Указ. соч. С. 175.
- ⁶³⁷ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 246.
- ⁶³⁸ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 151; Внешняя торговля капиталистических стран. Статистический справочник 1936–1939. М., 1941. С. 86.
- ⁶³⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. В 2–х т. М., 1981. Т. 1: Ноябрь 1937 – декабрь 1938 г. С. 35–50; Шевяков А.А. Экономическая и военно–политическая агрессия германского империализма в Румынии. С. 21.
- ⁶⁴⁰ Шевяков А.А. Советско–румынские отношения и проблема европейской безопасности. С. 263.
- ⁶⁴¹ Белоусова З.С. Указ. соч. С. 307–309; Шевяков А.А. Экономическая и военно–политическая агрессия германского империализма в Румынии. С. 41.
- ⁶⁴² Язькова А.А. Указ. соч. С. 211–212.
- ⁶⁴³ Там же. С. 221–234; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 154–184; Колкер Б.М. Румынское правительство и мюнхенский сговор//Балканский исторический сборник. Вып. 1. Кишинев. 1968. С. 223; Ерещенко М.Д. Королевская диктатура в Румынии 1938–1940 гг. М., 1979. С. 54–119.
- ⁶⁴⁴ Ерещенко М.Д. Указ. соч. С. 89.
- ⁶⁴⁵ Язькова А.А. Указ. соч. С. 247.
- ⁶⁴⁶ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 186.
- ⁶⁴⁷ Колкер Б.М. Указ. соч. С. 224; Шевяков А.А. Советско–румынские отношения и проблема европейской безопасности. С. 264; Волков В.К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978. С. 18.
- ⁶⁴⁸ ДВП. Т. 21. М., 1977. С. 284.
- ⁶⁴⁹ Колкер Б.М. Указ. соч. С. 228–229.
- ⁶⁵⁰ Там же. С. 230–231.
- ⁶⁵¹ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 188–201.
- ⁶⁵² Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 193.
- ⁶⁵³ Язькова А.А. Указ. соч. С. 248–249.
- ⁶⁵⁴ Колкер Б.М. Указ. соч. С. 232; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 126.
- ⁶⁵⁵ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 128
- ⁶⁵⁶ Язькова А.А. Указ. соч. С. 248–249; Волков В.К. Указ. соч. С. 91–101; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 2000. С. 34.
- ⁶⁵⁷ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 194.
- ⁶⁵⁸ Колкер Б.М. Указ. соч. С. 233.
- ⁶⁵⁹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 35–36.
- ⁶⁶⁰ ДВП. Т. 21. С. 470–471; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 144–146.
- ⁶⁶¹ Колкер Б.М. Указ. соч. С. 234–235.
- ⁶⁶² Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 195; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 274–275.
- ⁶⁶³ ДВП. Т. 21. С. 488.
- ⁶⁶⁴ Язькова А.А. Указ. соч. С. 252; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 197–198.
- ⁶⁶⁵ Волков В.К. Указ. соч. С. 32–38.
- ⁶⁶⁶ Колкер Б.М. Указ. соч. С. 239.
- ⁶⁶⁷ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 202–202; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 37.
- ⁶⁶⁸ Колкер Б.М. Указ. соч. С. 241.
- ⁶⁶⁹ Подробнее см.: Мельтюхов М.И. Советско–польские войны. 2–е изд., исправ. и доп. М., 2004. С. 269–282.
- ⁶⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 11.
- ⁶⁷¹ Там же. Л. 13.
- ⁶⁷² Там же. Л. 14.
- ⁶⁷³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 480. Л. 2, 5–8; Д. 486. Карта учений.

- ⁶⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 17.
- ⁶⁷⁵ Некрич А.М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 – сентябрь 1939). М., 1955. С. 250–271.
- ⁶⁷⁶ Цит. по: Мюнхен – преддверие войны. М., 1988. С. 258.
- ⁶⁷⁷ Волков В.К. Указ. соч. С. 42–43.
- ⁶⁷⁸ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 206–207.
- ⁶⁷⁹ Колкер Б.М. Указ. соч. С. 245; Волков В.К. Указ. соч. С. 44–51.
- ⁶⁸⁰ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 200–201.
- ⁶⁸¹ Волков В.К. Указ. соч. С. 59–62.
- ⁶⁸² Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 204–205.
- ⁶⁸³ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 283.
- ⁶⁸⁴ Язькова А.А. Указ. соч. С. 254; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 208–209.
- ⁶⁸⁵ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 210–213; Волков В.К. Указ. соч. С. 234–246; Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. В 2-х тт. М., 1990. Т. 2: 1 июня – 4 сентября 1939 г. С. 382.
- ⁶⁸⁶ Шевяков А.А. Внешняя политика Румынии после Мюнхена (октябрь 1938 г. – апрель 1939 г.)//Новая и новейшая история. 1968. № 5. С. 27–33; Год кризиса. Т. 2. С. 385–386.
- ⁶⁸⁷ Год кризиса. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. С. 130–137.
- ⁶⁸⁸ Чемпалов И.Н. К истории заключения германо–румынского экономического соглашения 1939 года//Новая и новейшая история. 1959. № 1. С. 135–141; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 213–218; Ерещенко М.Д. Указ. соч. С. 92.
- ⁶⁸⁹ Волков В.К. Указ. соч. С. 247–254; Год кризиса. Т. 1. С. 229–230, 238–242.
- ⁶⁹⁰ Чемпалов И.Н. Указ. соч. С. 142–144; Новая и новейшая история. 1968. № 5. С. 33–37; Волков В.К. Указ. соч. С. 284–286.
- ⁶⁹¹ Волков В.К. Указ. соч. С. 305–309; Год кризиса. Т. 1. С. 242.
- ⁶⁹² Год кризиса. Т. 1. С. 210.
- ⁶⁹³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2: Январь–август 1939 г. С. 351; Некрич А.М. Указ. соч. С. 263–264.
- ⁶⁹⁴ Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. М., 1959. С. 74–75, 285; Эдвардс К.Д. Международные картели в экономике и политике. Пер. с англ. М., 1947. С. 134–135; Аллен Дж. С. Международные монополии и мир. Пер. с англ. М., 1948. С. 20–22; Некрич А.М. Указ. соч. С. 271–275; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 19–20, 23–28, 32–34, 37–39; Год кризиса. Т. 1. С. 276–278; Т. 2. С. 383–384.
- ⁶⁹⁵ Чемпалов И.Н. Указ. соч. С. 144–147; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 288–298, 303.
- ⁶⁹⁶ Год кризиса. Т. 1. С. 292–294.
- ⁶⁹⁷ Там же. С. 294, 295, 305.
- ⁶⁹⁸ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 226–229; Ерещенко М.Д. Указ. соч. С. 101–103.
- ⁶⁹⁹ Год кризиса. Т. 1. С. 297; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 220–221.
- ⁷⁰⁰ Год кризиса. Т. 1. С. 307–308.
- ⁷⁰¹ Там же. С. 296–297, 308–310.
- ⁷⁰² Чемпалов И.Н. Указ. соч. С. 147–149; Язькова А.А. Указ. соч. С. 263.
- ⁷⁰³ Язькова А.А. Указ. соч. С. 264; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 305.
- ⁷⁰⁴ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 230–235.
- ⁷⁰⁵ Год кризиса. Т. 1. С. 314–315.
- ⁷⁰⁶ ДВП. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 226–228.
- ⁷⁰⁷ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 235.
- ⁷⁰⁸ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 216; Год кризиса. Т. 1. С. 345–347.
- ⁷⁰⁹ ДМИСПО. Т. 7. М., 1973. С. 57–64, 66, 68; Год кризиса. Т. 1. С. 314–315, 317–319, 324–327, 335–337, 339; Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 158–160.
- ⁷¹⁰ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 237–238; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 222–225.
- ⁷¹¹ Год кризиса. Т. 1. С. 350–351; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 266–267; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 305–306.
- ⁷¹² Год кризиса. Т. 1. С. 355.
- ⁷¹³ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 252–253.
- ⁷¹⁴ Год кризиса. Т. 1. С. 371.
- ⁷¹⁵ Там же. С. 370–372.
- ⁷¹⁶ Язькова А.А. Указ. соч. С. 264; Смирнова Н.Д. Захват Албании фашистской Италией в 1939 году//Вопросы истории. 1969. № 4. С. 99–113; Чемпалов И.Н. Предоставление англо–французских гарантий Польше, Румынии, Греции и Турции (март–июнь 1939 г.)//Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Сборник 4. Свердловск. 1975. С. 106; История Румынии. Т. 2. С. 250; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 236–240; Год кризиса. Т. 1. С. 378–379.
- ⁷¹⁷ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55.
- ⁷¹⁸ Язькова А.А. Указ. соч. С. 265; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 241–244; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55–56.
- ⁷¹⁹ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 244–246; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 310; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 80–81; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 56–57.
- ⁷²⁰ Савин Т. Иностраный капитал в Румынии. С. 182–188; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 244–246.
- ⁷²¹ Год кризиса. Т. 1. С. 374.
- ⁷²² Там же. С. 379–380, 381–382; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 271, 273–274.
- ⁷²³ Год кризиса. Т. 1. С. 384–386.
- ⁷²⁴ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 343–344; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 229–232.
- ⁷²⁵ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 246–247.
- ⁷²⁶ Год кризиса. Т. 1. С. 437–438.

- ⁷²⁷ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 246.
- ⁷²⁸ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 338–339, 348–349.
- ⁷²⁹ Шевяков А.А. Указ. соч. С. 321.
- ⁷³⁰ Вишлев О.В. «Большая политика»: март–май 1939 года (к предыстории советско–германского договора о ненападении)/Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 216–217, 225.
- ⁷³¹ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 250–251.
- ⁷³² Язькова А.А. Указ. соч. С. 266; История Румынии. Т. 2. С. 251; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 335.
- ⁷³³ Чемпалов И.Н. Политика великих держав на Балканах в период предвоенного политического кризиса в Европе (март–август 1939 г.)/Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1941). Свердловск. 1976. С. 117.
- ⁷³⁴ Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 405–406.
- ⁷³⁵ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 232–233.
- ⁷³⁶ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 551; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 316–320.
- ⁷³⁷ Некрич А.М. Указ. соч. С. 359–377.
- ⁷³⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 193–198.
- ⁷³⁹ Там же. С. 168.
- ⁷⁴⁰ Там же. С. 196, 172, 178, 181. Летом 1939 г. вооруженные силы Румынии насчитывали 167,6 тыс. человек, 2652 орудия, 90 танков и 600 боевых самолетов (Grzelak С.К. Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowieckiego na Polske w 1939 roku. Warszawa. 1998. S. 525–527.).
- ⁷⁴¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 169; Чельшев И.А. СССР – Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999. С. 131–133.
- ⁷⁴² Год кризиса. Т. 2. С. 192–193.
- ⁷⁴³ Карлей М.Д. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. Пер. с англ. М., 2005.
- ⁷⁴⁴ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 386.
- ⁷⁴⁵ История Румынии. Т. 2. С. 252; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 339–346.
- ⁷⁴⁶ История Бессарабии. С. 200.
- ⁷⁴⁷ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. Пер. с нем. М., 1990. С. 319–321.
- ⁷⁴⁸ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 254–255.
- ⁷⁴⁹ Там же. С. 256–257; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 347–348.
- ⁷⁵⁰ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 256–258.
- ⁷⁵¹ Колкер Б.М., Левит И.Э. Внешняя политика Румынии и румыно–советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). М., 1971. С. 20–22.
- ⁷⁵² Чемпалов И.Н. Английская экономическая блокада Германии в период «странной войны» (сентябрь 1939 – май 1940)/Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке. Свердловск. 1988. С. 106–107.
- ⁷⁵³ Мельтюхов М.И. Советско–польские войны. С. 425–616.
- ⁷⁵⁴ ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 96–97.
- ⁷⁵⁵ Севостьянов П.П. Перед великим испытанием. Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 – июнь 1941 г. М., 1981. С. 84–85; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 247–249.
- ⁷⁵⁶ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 246–247.
- ⁷⁵⁷ Парсаданова В.С. Трагедия Польши в 1939 г.//Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 23; Гришин Я.Я. Указ. соч. С. 279–280.
- ⁷⁵⁸ Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 31.
- ⁷⁵⁹ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 259–261; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 25–27, 28–29, 32–33.
- ⁷⁶⁰ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 335–338; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 254–258.
- ⁷⁶¹ Язькова А.А. Указ. соч. С. 268; Чемпалов И.Н. Указ. соч. С. 108; Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP). Serie D. Bd. 8. Baden–Baden. 1961. S. 134–135.
- ⁷⁶² ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 153–154; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 34–38; Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: Истоки, планы, реализация (1.09.1939–19.09.1942). Кишинев. 1981. С. 66–75; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 333–350.
- ⁷⁶³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–9.
- ⁷⁶⁴ Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 5. Л. 195.
- ⁷⁶⁵ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 216. Л. 69–74.
- ⁷⁶⁶ Там же. Д. 182. Л. 298–299.
- ⁷⁶⁷ Там же. Ф. 9. Оп. 39. Д. 74. Л. 149.
- ⁷⁶⁸ Там же. Ф. 40780. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.
- ⁷⁶⁹ Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941 г. Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 273.
- ⁷⁷⁰ Там же. С. 271.
- ⁷⁷¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 21. Л. 64–65; Д. 22. Л. 244; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1): Приказы народного комиссара обороны СССР. М., 1993. С. 119–120.
- ⁷⁷² Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 122–126.
- ⁷⁷³ ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 149.
- ⁷⁷⁴ Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 39–55; Валева Л.Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма. (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 136–139; Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). М., 1969. С. 149–155; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 376–377.
- ⁷⁷⁵ Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 60–62.
- ⁷⁷⁶ Чемпалов И.Н. Указ. соч. С. 112.

- ⁷⁷⁷ Чемпалов И.Н. Политика англо–французского блока на Балканах в период «странной войны» (сентябрь 1939 – март 1940 гг.)//Уральский государственный университет. Ученые записки. Серия историческая. Вып. 16. Свердловск. 1957. С. 121.
- ⁷⁷⁸ ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 363–364; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 339.
- ⁷⁷⁹ Коммунистический Интернационал. 1939. № 10. С. 36–42.
- ⁷⁸⁰ ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 384–385, 388–389; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 274–276.
- ⁷⁸¹ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 273–275.
- ⁷⁸² Ерещенко М.Д. Бессарабский вопрос в лабиринтах дипломатии 1940 г.//Международные отношения и страны Центральной и Юго–Восточной Европы в начале второй мировой войны (август 1939 – август 1940 г.). М., 1990. С. 188.
- ⁷⁸³ Уральский государственный университет. Ученые записки. Вып. 16. С. 121–122; ADAP. Bd. 8. S. 387–388, 391–392.
- ⁷⁸⁴ ADAP. Bd. 8. S. 416–417.
- ⁷⁸⁵ Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке. С. 115–118; ADAP. Bd. 8. S. 469–473.
- ⁷⁸⁶ Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке. С. 118–119; ADAP. Bd. 8. S. 683.
- ⁷⁸⁷ Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 267–268; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 62–81; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 261.
- ⁷⁸⁸ Левит И.Э. Указ. соч. С. 74.
- ⁷⁸⁹ Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 84.
- ⁷⁹⁰ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 181–223; Чельшев И.А. СССР – Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999. С. 245–274.
- ⁷⁹¹ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 214–219; Севостьянов П.П. Указ. соч. С. 146–149.
- ⁷⁹² Михалев С.Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 205–207.
- ⁷⁹³ РГВА. Ф. 29. Оп. 57. Д. 3. Л. 71.
- ⁷⁹⁴ Молотов В.М. Внешняя политика правительства//Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта – 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 39–40.
- ⁷⁹⁵ Подробнее см.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. (Документы, факты, суждения). 2–е изд., исправ. и доп. М., 2002. С. 215–216.
- ⁷⁹⁶ РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 578. Л. 2–7, 9–17 об.; Ф. 25885. Оп. 2. Д. 105. Л. 1–10.
- ⁷⁹⁷ Там же. Ф. 29. Оп. 34. Д. 578. Л. 1; Ф. 25873. Оп. 1. Д. 1479. Л. 6–8, 13–14.
- ⁷⁹⁸ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 220–223; Михалев С.Н. Указ. соч. С. 210–211.
- ⁷⁹⁹ Якушевский А. Агрессивные планы и действия западных держав против СССР в 1939–1941 гг.//Военно–исторический журнал. 1981. № 8. С. 47–57; Безыменский Л.А. Великая Отечественная в... 1940 году//Международная жизнь. 1990. № 8. С. 103–111.
- ⁸⁰⁰ Шестая сессия Верховного Совета СССР. С. 40.
- ⁸⁰¹ ADAP. Bd. 9. Baden–Baden. 1962. S. 39–42.
- ⁸⁰² ADAP. Bd. 9. S. 50.
- ⁸⁰³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 200. Л. 175; Д. 201. Л. 262; Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. С. 410–416.
- ⁸⁰⁴ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 215–216; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 291–293; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 87–89; Семиряга М.И. Указ. соч. С. 261.
- ⁸⁰⁵ Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. С. 421–422.
- ⁸⁰⁶ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 294–297.
- ⁸⁰⁷ Уральский государственный университет. Ученые записки. Вып. 16. С. 123.
- ⁸⁰⁸ ADAP. Bd. 9. S. 136–137.
- ⁸⁰⁹ Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 89–98; Ерещенко М.Д. Указ. соч. С. 187–191; Левит И.Э. Указ. соч. С. 75–78; Семиряга М.И. Указ. соч. С. 261.
- ⁸¹⁰ ADAP. Bd. 9. S. 285, 354–356.
- ⁸¹¹ ADAP. Bd. 9. S. 375–377; Шевяков А.А. Экономическая и военно–политическая агрессия германского империализма в Румынии (1936–1941). Кишинев. 1963. С. 82; Чемпалов И.Н. Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (июнь–сентябрь 1940)//Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943). Свердловск. 1979. С. 108.
- ⁸¹² ADAP. Bd. 9. S. 382–383; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 84; История Бессарабии. С. 206.
- ⁸¹³ ADAP. Bd. 9. S. 404; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 98–105; Семиряга М.И. Указ. соч. С. 262.
- ⁸¹⁴ РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 58. Л. 34–37
- ⁸¹⁵ Там же. Л. 17–19.
- ⁸¹⁶ Там же. Л. 234–235.
- ⁸¹⁷ Там же. Ф. 37661. Оп. 1. Д. 6. Л. 1. Впрочем, имелись и другие данные, согласно которым в ВВС Румынии насчитывалось 1 150 самолетов, из них в сухопутной авиации в строю – 520 (бомбардировщиков – 96, истребителей – 162, разведчиков – 144, войсковая авиация – 117), учебных – 335, резерв – 120, прочие – 226 (РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 548. Л. 35.)
- ⁸¹⁸ РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 58. Л. 216–217.
- ⁸¹⁹ Там же. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 425. Л. 153–240.
- ⁸²⁰ Там же. Ф. 7. Оп. 15. Д. 127. Л. 17–18.
- ⁸²¹ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 702. Л. 16–18, 20, 23–28, 30–33
- ⁸²² Там же. Ф. 29. Оп. 46. Д. 346. Л. 176, 288–315.
- ⁸²³ Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 547. Л. 140–157; Ф. 7. Оп. 15. Д. 145. Л. 160–179.
- ⁸²⁴ Там же. Ф. 40443. Оп. 3. Д. 299. Л. 59–68; Ф. 7. Оп. 15. Д. 151. Л. 230–232, 234–235, 257.
- ⁸²⁵ ADAP. Bd. 9. S. 323–324.
- ⁸²⁶ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Пер. с англ. М., 1991. Т. 2. С. 181.
- ⁸²⁷ ADAP. Bd. 9. S. 429.
- ⁸²⁸ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 299–300, 301–302.

- ⁸²⁹ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 300–301, 307; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 300–301.
- ⁸³⁰ ADAP. Bd. 9. S. 542–544; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 105–106; Ерещенко М.Д. Указ. соч. С. 191; Левит И.Э. Указ. соч. С. 78–80; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 277.
- ⁸³¹ РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 59. Л. 2–42.
- ⁸³² Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 668. Л. 1–15.
- ⁸³³ Маршал Советского Союза Г.К. Жуков (Исследование жизни и деятельности). Т. 1. М., 2004. С. 78. Предложение наркома обороны о назначении Жукова было 3 июня направлено в ЦК ВКП(б) и СНК СССР (РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 71. Л. 188). 6 июня Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило это предложение (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1024. Л. 32–33).
- ⁸³⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 658. Л. 17–25.
- ⁸³⁵ Там же. Л. 10–16.
- ⁸³⁶ Там же. Л. 1–8.
- ⁸³⁷ Исторический архив. 1996. № 2. С. 18.
- ⁸³⁸ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 658. Л. 9.
- ⁸³⁹ Там же. Д. 656. Л. 1–7.
- ⁸⁴⁰ Там же. Д. 659. Л. 17.
- ⁸⁴¹ Там же. Л. 21.
- ⁸⁴² Пакт Молотова–Риббентропа и его последствия для Бессарабии (далее – Пакт...). Сборник документов. Кишинев. 1991. С. 59–60.
- ⁸⁴³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 666. Л. 73–82.
- ⁸⁴⁴ Там же. Л. 83–84; Ф. 25885. Оп. 2. Д. 39. Л. 281–303.
- ⁸⁴⁵ Пакт... С. 60.
- ⁸⁴⁶ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 666. Л. 2–35.
- ⁸⁴⁷ Там же. Л. 52–54.
- ⁸⁴⁸ Там же. Л. 47–51.
- ⁸⁴⁹ Там же. Д. 697. Л. 2.
- ⁸⁵⁰ Там же. Л. 3.
- ⁸⁵¹ Там же. Л. 4–5.
- ⁸⁵² Там же. Д. 666. Л. 55–58.
- ⁸⁵³ Там же. Д. 667. Л. 136–137.
- ⁸⁵⁴ Там же. Д. 697. Л. 9.
- ⁸⁵⁵ Там же. Д. 667. Л. 184.
- ⁸⁵⁶ Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. С. 423.
- ⁸⁵⁷ Исторический архив. 1996. № 2. С. 18.
- ⁸⁵⁸ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 659. Л. 3–4, 8–9.
- ⁸⁵⁹ Там же. Л. 10, 11–12.
- ⁸⁶⁰ Там же. Л. 13.
- ⁸⁶¹ Там же. Л. 14.
- ⁸⁶² Там же. Ф. 25900. Оп. 6. Д. 383. Л. 1–45; Ф. 25896. Оп. 9. Д. 584. Л. 416, 418.
- ⁸⁶³ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 659. Л. 16.
- ⁸⁶⁴ Там же. Л. 15.
- ⁸⁶⁵ Там же. Д. 676. Л. 30–33; Д. 684. Л. 163–164; Д. 648. Л. 73.
- ⁸⁶⁶ Там же. Д. 675. Л. 63–65.
- ⁸⁶⁷ Там же. Д. 260. Л. 83.
- ⁸⁶⁸ Там же. Д. 692. Л. 1–10.
- ⁸⁶⁹ Там же. Д. 703. Л. 1–2.
- ⁸⁷⁰ Там же. Д. 675. Л. 21–22.
- ⁸⁷¹ Там же. Д. 703. Л. 4–5.
- ⁸⁷² Там же. Л. 10.
- ⁸⁷³ Там же. Д. 675. Л. 35.
- ⁸⁷⁴ Пакт... С. 65.
- ⁸⁷⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 645. Л. 90–95; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 160–163, 166; Пакт... С. 51–55, 70–71.
- ⁸⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 153–154.
- ⁸⁷⁷ РГВА. Ф. 37977. Оп. 6. Д. 74. Л. 125–127.
- ⁸⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 159–160, 163.
- ⁸⁷⁹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 6. Д. 74. Л. 129–130; Д. 76. Л. 1–2.
- ⁸⁸⁰ Там же. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–202; Д. 687. Л. 1–109; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 157; Пакт... С. 29–30, 55–59.
- ⁸⁸¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 666. Л. 37–46.
- ⁸⁸² Там же. Д. 697. Л. 10–12.
- ⁸⁸³ Там же. Д. 659. Л. 19.
- ⁸⁸⁴ Там же. Л. 20.
- ⁸⁸⁵ Пакт... С. 29, 67–68.
- ⁸⁸⁶ Там же. Д. 667. Л. 160–161; Д. 666. Л. 89–98; Д. 675. Л. 64; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 474. Л. 76. Не обнаружено сведений по численности 8–й, 17–й, 86–й стрелковых дивизий, 49–й танковой и 214–й авиадесантной бригад, а также полных данных по личному составу ВВС и тыловых частей. По 201–й и 204–й авиадесантным бригадам даны сведения только по личному составу, а по 49–й танковой бригаде – только по танкам.
- ⁸⁸⁷ Там же. Ф. 29. Оп. 34. Д. 548. Л. 9–11 об. В составе авиагруппы Южного фронта насчитывалось 472 самолета, в ВВС 12–й

армии – 597, 5-й армии – 374, 9-й армии – 717 самолетов.

⁸⁸⁸ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 697. Л. 37–38; Д. 708. Л. 147.

⁸⁸⁹ Там же. Д. 675. Л. 48–51.

⁸⁹⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 540. Л. 21–35; «Разъяснить румынским солдатам безнадежность войны против СССР»//Источник. 1995. № 3. С. 61–68.

⁸⁹¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 311–313.

⁸⁹² Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 667. Л. 185.

⁸⁹³ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4284. Л. 99.

⁸⁹⁴ Там же. Д. 4106. Л. 299–314

⁸⁹⁵ Там же. Д. 4284. Л. 111.

⁸⁹⁶ Там же. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 58. Л. 210–211 об

⁸⁹⁷ Там же. Д. 55. Л. 13 об. – 15

⁸⁹⁸ Пакт... С. 36–37

⁸⁹⁹ Eliberarea Basarabiei si a Nordului Bucovinei (22 iunie – 26 iulie 1941). Bucuresti. 1999. P. 53.

⁹⁰⁰ РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 53. Л. 1–10; Ф. 37977. Оп. 5. Д. 503. Л. 31–36.

⁹⁰¹ Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. С. 424–426; Органы Государственной Безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. М., 1995. Т. 1. Накануне. Кн. 1. Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. С. 194–195, 196.

⁹⁰² РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 675. Л. 31, 44.

⁹⁰³ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 355–358.

⁹⁰⁴ ADAP. Bd. 9. S. 547.

⁹⁰⁵ Севостьянов П.П. Указ. соч. С. 196.

⁹⁰⁶ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 364–366; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 302–304.

⁹⁰⁷ ADAP. Bd. 10. Baden–Baden. 1963. S. 3; Ерещенко М.Д. Указ. соч. С. 192–193.

⁹⁰⁸ ADAP. Bd. 10. S. 4.

⁹⁰⁹ СССР – Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы о советско–германских отношениях. В 2–х т. Вильнюс. 1989. Т. 2. Сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. С. 59

⁹¹⁰ ADAP. Bd. 10. S. 6–8.

⁹¹¹ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 372–373; Смирнова Н.Д. Неизвестные страницы советско–итальянских отношений 1939–1941 гг. По новым документам//Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 41.

⁹¹² ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 378.

⁹¹³ Там же. С. 384.

⁹¹⁴ Там же. С. 374–376; ADAP. Bd. 10. S. 11–12.

⁹¹⁵ ADAP. Bd. 10. S. 18–19; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 307–309.

⁹¹⁶ ADAP. Bd. 10. S. 22–23; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 353–356.

⁹¹⁷ ADAP. Bd. 10. S. 17–18; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 106–108; Левит И.Э. Указ. соч. С. 81.

⁹¹⁸ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 385–386.

⁹¹⁹ Пакт... С. 24–27; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 310–315, 315–318.

⁹²⁰ ADAP. Bd. 10. S. 24.

⁹²¹ ADAP. Bd. 10. S. 28.

⁹²² ADAP. Bd. 10. S. 24–25, 26–27, 28–29, 57–61.

⁹²³ СССР – Германия. 1939–1941 гг. Т. 2. С. 64; ADAP. Bd. 10. S. 24, 29; Левит И.Э. Указ. соч. С. 82–84; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 356–358; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 315.

⁹²⁴ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 357–359; История Бессарабии. С. 210.

⁹²⁵ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 380–384; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 318–319, 323–327.

⁹²⁶ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 389; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 327–330.

⁹²⁷ Пакт... С. 23–24; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 109–111; Левит И.Э. Указ. соч. С. 84–86; Виноградов В.Н. Бессарабия – камень преткновения в российско–румынских отношениях//Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 48–50; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 360–361; История Бессарабии. С. 211.

⁹²⁸ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 693. Л. 60–61.

⁹²⁹ ADAP. Bd. 10. S. 39–40, 41.

⁹³⁰ Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946. Т. 4: 1935 – июнь 1941 г. С. 517; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 358–359; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 369; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 330–331.

⁹³¹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 359.

⁹³² Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 370–371; Пакт... С. 22–23.

⁹³³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 697. Л. 16.

⁹³⁴ Там же. Д. 667. Л. 185.

⁹³⁵ Там же. Д. 697. Л. 16–17.

⁹³⁶ Там же. Д. 689. Л. 110.

⁹³⁷ Там же. Д. 684. Л. 203.

⁹³⁸ Там же. Д. 664. Л. 1а.

⁹³⁹ Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. С. 427.

⁹⁴⁰ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 664. Л. 19–22

⁹⁴¹ Там же. Д. 667. Л. 187.

⁹⁴² Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. С. 427; Органы Государственной Безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 199–200.

- ⁹⁴³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 664. Л. 35–37.
- ⁹⁴⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4106. Л. 306.
- ⁹⁴⁵ Там же. Л. 345, 305–307; Д. 4191. Л. 314.
- ⁹⁴⁶ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 685. Л. 7.
- ⁹⁴⁷ Там же. Д. 674. Л. 93–95.
- ⁹⁴⁸ Там же. Д. 664. Л. 4–5, 8–9, 10, 47; Д. 667. Л. 187–189; Д. 677. Л. 61; Д. 685. Л. 1–2, 9, 10–14; Д. 690. Л. 1–2, 5–6; Д. 689. Л. 1–1 об.; Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 57, 97, 102, 304.
- ⁹⁴⁹ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 664. Л. 31–32.
- ⁹⁵⁰ Там же. Л. 41–42.
- ⁹⁵¹ Там же. Д. 685. Л. 10–14, 19–20, 23–25; Д. 690. Л. 9–10, 13, 15–16; Д. 664. Л. 53; Д. 660. Л. 34; Д. 675. Л. 62; Д. 667. Л. 138–145; Д. 695. Л. 24–25; Д. 663. Л. 29–31; Д. 689. Л. 5–6; Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 58–59.
- ⁹⁵² Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 661. Л. 6.
- ⁹⁵³ Там же. Д. 664. Л. 49–50.
- ⁹⁵⁴ Там же. Д. 690. Л. 15–16, 19–21, 29–30; Д. 685. Л. 32–35, 40–43, 48–50; Д. 675. Л. 62–69, 71–79; Д. 669. Л. 146, 184–193; Д. 695. Л. 1, 16; Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 64, 281–282.
- ⁹⁵⁵ РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 552. Л. 3–7; Пакт... С. 72–73.
- ⁹⁵⁶ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 675. Л. 63–69.
- ⁹⁵⁷ Там же. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 474. Л. 62–64.
- ⁹⁵⁸ Там же. Л. 75–79.
- ⁹⁵⁹ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 674. Л. 46–47, 50–51; Д. 677. Л. 3; Д. 685. Л. 48–50, 54–57; Д. 690. Л. 29–30, 33–34; Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 60.
- ⁹⁶⁰ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 663. Л. 19–20; Д. 664. Л. 63, 75; Д. 677. Л. 7–8; Д. 685. Л. 63–67, 79–84; Д. 690. Л. 38–40, 42–43; Д. 695. Л. 30–34.
- ⁹⁶¹ Там же. Д. 664. Л. 59–60.
- ⁹⁶² Там же. Л. 73, 83; Д. 677. Л. 13–14, 16; Д. 685. Л. 85–89, 95–99; Д. 690. Л. 46, 48–49.
- ⁹⁶³ Пакт... С. 75.
- ⁹⁶⁴ Органы Государственной Безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 205–207, 227.
- ⁹⁶⁵ Там же. С. 210–211.
- ⁹⁶⁶ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 685. Л. 145–147, 151–155.
- ⁹⁶⁷ Там же. Д. 664. Л. 69–70.
- ⁹⁶⁸ Там же. Д. 660. Л. 44.
- ⁹⁶⁹ Там же. Д. 685. Л. 123–126.
- ⁹⁷⁰ Там же. Д. 664. Л. 89; Д. 677. Л. 17; Д. 685. Л. 105–107, 111–114; Д. 690. Л. 52, 54–55, 67.
- ⁹⁷¹ Там же. Ф. 4. Оп. 19. Д. 71. Л. 269–277.
- ⁹⁷² Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 664. Л. 104–105; Д. 685. Л. 137–140; 151–155; Д. 677. Л. 21–22.
- ⁹⁷³ Там же. Д. 677. Л. 26; Ф. 29. Оп. 56. Д. 120. Л. 2.
- ⁹⁷⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4106. Л. 300–312; Д. 4191. Л. 57, 59, 60, 80–92, 170–190, 329–330, 338, 354; Ф. 37977. Оп. 1. Д. 664. Л. 1а, 53, 89, 104–105; Д. 675. Л. 62, 71–79; Д. 685. Л. 40–43; 32–35; 54–57; 151–155; Д. 689. Л. 5–6; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 747. Л. 77; Книга памяти пограничников, погибших и пропавших без вести в войне с Финляндией и при выполнении воинского долга по защите Отечества. Т. 4 (1923–1951). М., 1997. С. 217, 225, 452, 578.
- ⁹⁷⁵ Аблизин В.А. Преддверие Великой Отечественной войны. Бессарабская кампания Красной Армии летом 1940 года//Доклады Академии военных наук. Саратов. 2005. № 3. С. 21.
- ⁹⁷⁶ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 684. Л. 212; Д. 685. Л. 131–133; Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. С. 434.
- ⁹⁷⁷ Красная Армия за год до фашистской агрессии//Военно–исторический журнал. 1996. № 4. С. 22–23.
- ⁹⁷⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 572. Л. 63–69, 98–103.
- ⁹⁷⁹ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 664. Л. 93–100.
- ⁹⁸⁰ Там же. Д. 687. Л. 168.
- ⁹⁸¹ Там же. Д. 703. Л. 13–22.
- ⁹⁸² Там же. Д. 708. Л. 121–122.
- ⁹⁸³ Там же. Д. 684. Л. 219, 232; Д. 687. Л. 125.
- ⁹⁸⁴ Там же. Д. 661. Л. 3. Следует отметить, что пароход назывался «Ардял», но в советских документах он везде упомянут как «Трансильвания».
- ⁹⁸⁵ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 391–392; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 371–373; Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 334–335.
- ⁹⁸⁶ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 661. Л. 10.
- ⁹⁸⁷ Там же. Л. 27.
- ⁹⁸⁸ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 373–374.
- ⁹⁸⁹ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 339.
- ⁹⁹⁰ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 664. Л. 17.
- ⁹⁹¹ Там же. Д. 662. Л. 130–132.
- ⁹⁹² Там же. Д. 661. Л. 4.
- ⁹⁹³ Советско–румынские отношения. Т. 2. С. 337–338.
- ⁹⁹⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 669. Л. 18–19.
- ⁹⁹⁵ Там же. Д. 674. Л. 103–104.
- ⁹⁹⁶ Там же. Д. 669. Л. 44.
- ⁹⁹⁷ Там же. Л. 24.

- ⁹⁹⁸ Там же. Л. 115–119.
- ⁹⁹⁹ Там же. Л. 26.
- ¹⁰⁰⁰ Там же. Д. 662. Л. 53–54.
- ¹⁰⁰¹ Там же. Д. 669. Л. 47–48.
- ¹⁰⁰² Там же. Л. 64–65, 123–124, 127, 129, 139–140, 216.
- ¹⁰⁰³ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 470–471; Сальков А.П. СССР и национально-территориальное переустройство в Юго-Восточной Европе (1938–1941 гг.)//Отечественная история. 2005. № 3. С. 77. Например, 29 июня проходящие через Дорохой румынские солдаты пустили слух, что за ними идет Красная армия. Часть населения города вышла встречать советские войска с красными флагами. По демонстрантам был открыт ружейно-пулеметный «огонь, в результате чего имеется много убитых и раненых», затем в городе произошел еврейский погром (Органы Государственной Безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 225–226; 1941 год. Документы. Кн. 1. М., 1998. С. 94–96.).
- ¹⁰⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 28. Л. 3–4.
- ¹⁰⁰⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 669. Л. 94–95.
- ¹⁰⁰⁶ Там же. Л. 176–177; Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. С. 432.
- ¹⁰⁰⁷ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 458–459.
- ¹⁰⁰⁸ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 669. Л. 240, 265, 291, 346, 376; Д. 671. Л. 378; Лазарев А.М. Указ. соч. С. 470–471.
- ¹⁰⁰⁹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 671. Л. 282; История Бессарабии. С. 221.
- ¹⁰¹⁰ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 437, 468, 520, 564–571; Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы, 1940–1950-е гг. М., 1994. С. 65–138; Пасат В.И. Эвакуация немецких колонистов с территории Бессарабии и Северной Буковины в 1940 году//Отечественная история. 1997. № 2. С. 87–106.
- ¹⁰¹¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 669. Л. 76–77, 84–86, 90.
- ¹⁰¹² Endnote Text
- ¹⁰¹³ Там же. Л. 249–250.
- ¹⁰¹⁴ Там же. Л. 347–351; История Бессарабии. С. 217–218.
- ¹⁰¹⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 674. Л. 92.
- ¹⁰¹⁶ Там же. Д. 671. Л. 143–157, 270; Пакт... С. 45–51.
- ¹⁰¹⁷ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 669. Л. 293.
- ¹⁰¹⁸ Там же. Л. 363; История Бессарабии. С. 219–220.
- ¹⁰¹⁹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 671. Л. 320–321, 329, 360, 362; История Бессарабии. С. 221.
- ¹⁰²⁰ ГАРФ. Ф. 7672. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–7; Д. 2. Л. 1–5, 12–16; Д. 3. Л. 1; Д. 4; Д. 5. Л. 21, 23–23 об, 128–130, 139–145; РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 671. Л. 339, 379; Советско-румынские отношения. Т. 2. С. 402–407; Лазарев А.М. Год 1940 – продолжение социалистической революции в Бессарабии. Кишинев. 1985. С. 73; История Бессарабии. С. 217–220.
- ¹⁰²¹ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 475–476.
- ¹⁰²² Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918–1940 гг.). Кишинев. 1970. С. 717; Лазарев А.М. Указ. соч. С. 453–454.
- ¹⁰²³ Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918–1940 гг.). С. 712.
- ¹⁰²⁴ Органы Государственной Безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 204.
- ¹⁰²⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 664. Л. 10
- ¹⁰²⁶ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 39–105.
- ¹⁰²⁷ Правда. 30 июня 1940 г.
- ¹⁰²⁸ Правда. 29 июня 1940 г.
- ¹⁰²⁹ Правда. 30 июня 1940 г.
- ¹⁰³⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 70–71.
- ¹⁰³¹ Правда. 29 июня 1940 г.
- ¹⁰³² Лазарев А.М. Год 1940 – продолжение социалистической революции в Бессарабии. С. 59.
- ¹⁰³³ Правда. 2 июля 1940 г.
- ¹⁰³⁴ Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918–1940 гг.). С. 719–721.
- ¹⁰³⁵ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 466.
- ¹⁰³⁶ История Бессарабии. С. 216.
- ¹⁰³⁷ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 664. Л. 4–5, 47.
- ¹⁰³⁸ Правда. 4 июля 1940 г.
- ¹⁰³⁹ Лазарев А.М. Год 1940 – продолжение социалистической революции в Бессарабии. С. 59.
- ¹⁰⁴⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 72–73, 74.
- ¹⁰⁴¹ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 701. Л. 143, 147.
- ¹⁰⁴² Лазарев А.М. Год 1940 – продолжение социалистической революции в Бессарабии. С. 57–58.
- ¹⁰⁴³ Образование Молдавской ССР и создание Коммунистической партии Молдавии. Кишинев. 1984. С. 174–175.
- ¹⁰⁴⁴ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 458–459; Лазарев А.М. Год 1940 – продолжение социалистической революции в Бессарабии. С. 60–61.
- ¹⁰⁴⁵ Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. С. 433.
- ¹⁰⁴⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 339.
- ¹⁰⁴⁷ Там же. Д. 4284. Л. 103–105, 106–111; Пакт... С. 64–65; История Бессарабии. С. 215–216.
- ¹⁰⁴⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4191. Л. 331.
- ¹⁰⁴⁹ Там же. Д. 4106. Л. 298–314.
- ¹⁰⁵⁰ Правда. 4 июля 1940 г.; Образование Молдавской ССР и создание Коммунистической партии Молдавии. С. 177–179.
- ¹⁰⁵¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1 Д. 664. Л. 81, 87, 91; Д. 675. Л. 52–53.

- ¹⁰⁵² Седьмая сессия Верховного Совета СССР. 1 августа – 7 августа 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 49–53.
- ¹⁰⁵³ Там же. С. 183–185; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 575; Репида А.В. Образование Молдавской ССР. Кишинев. 1983. С. 191–199; Лазарев А.М. Год 1940 – продолжение социалистической революции в Бессарабии. С. 97–134.
- ¹⁰⁵⁴ Правда. 11 августа 1940 г.
- ¹⁰⁵⁵ Воссоединение украинского народа в едином Украинском советском государстве (1939–1949 гг.). Сборник документов и материалов. Киев. 1949. С. 126–127.
- ¹⁰⁵⁶ Брысякин С.К., Сытник М.К. К вопросу о крестьянском землевладении в Правобережной Молдавии накануне освобождения и о советской земельной реформе 1940 года//Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии. Кишинев. 1960. С. 204–254.
- ¹⁰⁵⁷ Образование Молдавской ССР и создание Коммунистической партии Молдавии. С. 259–263.
- ¹⁰⁵⁸ Молотов В.М. Внешняя политика Советского Союза//Седьмая сессия Верховного Совета СССР. С. 25–26.
- ¹⁰⁵⁹ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 169.
- ¹⁰⁶⁰ Цит. по: Лазарев А.М. Указ. соч. С. 140.
- ¹⁰⁶¹ Виноградов В.Н. Бессарабия – камень преткновения в российско–румынских отношениях//Очаги тревоги в Восточной Европе. Сб. ст. М., 1994. С. 44–47.
- ¹⁰⁶² Улуния А.А. Коминтерн и геополитика: балканский рубеж. С. 95–97.
- ¹⁰⁶³ Скворцова А.Ю. Русское население Бессарабии в межвоенный период (1918–1940 гг.). Автореферат диссертации ... доктора исторических наук. М., 2002. С. 19.
- ¹⁰⁶⁴ Брысякин С.К., Сытник М.К. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁰⁶⁵ Дольник А. Бессарабия под властью румынских бояр (1918–1940 гг.). М., 1945; Скворцова А.Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918–1940 гг.). Кишинев. 2002.
- ¹⁰⁶⁶ Внешняя торговля капиталистических стран. 1936–1939. М., 1941. С. 86.
- ¹⁰⁶⁷ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 54.
- ¹⁰⁶⁸ Раваш Г. Из истории румынской нефти. Пер. с рум. М., 1958. С. 168–169.
- ¹⁰⁶⁹ Год кризиса. Т. 2. С. 321.
- ¹⁰⁷⁰ История Бессарабии. С. 204.
- ¹⁰⁷¹ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинев. 1981. С. 46–65; Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 30–47; Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Трансильвания – яблоко раздора между Венгрией и Румынией//Очаги тревоги в Восточной Европе. С. 65–74.
- ¹⁰⁷² Левит И.Э. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁰⁷³ Факт советского ультиматума признавался в 1–м издании Большой советской энциклопедии: БСЭ. Т. 49. М., 1941. Стб. 569.
- ¹⁰⁷⁴ 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 490; Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 49; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 327; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 263, 265; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 312–313, 356–357.
- ¹⁰⁷⁵ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 380.
- ¹⁰⁷⁶ Цит. по: Лазарев А.М. Указ. соч. С. 464–465.
- ¹⁰⁷⁷ ДВП. Т. 16. С. 388–392, 403–406, 408–411; Советско–румынские отношения. Т. 1. С. 409–411.
- ¹⁰⁷⁸ Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1947 год. Ч. 1: Январь–июнь 1947 года. М., 1952. С. 208–247.
- ¹⁰⁷⁹ ADAP. Bd. 10. S. 50.
- ¹⁰⁸⁰ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 408–409.
- ¹⁰⁸¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 693. Л. 64–65.
- ¹⁰⁸² Внешняя политика СССР. Т. 4. С. 517–518.
- ¹⁰⁸³ ADAP. Bd. 10. S. 75.
- ¹⁰⁸⁴ ADAP. Bd. 10. S. 96–97, 114–115, 165.
- ¹⁰⁸⁵ ADAP. Bd. 10. S. 179–181.
- ¹⁰⁸⁶ ADAP. Bd. 10. S. 248–259, 366–368; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 113–127; Шевяков А.А. Экономическая и военно–политическая агрессия германского империализма в Румынии (1936–1941 гг.). Кишинев. 1963. С. 85, 89–90; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 285–293; Валева Л.Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма. (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 148–154; Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М., 1959. С. 341–342; Левит И.Э. Указ. соч. С. 87–94.
- ¹⁰⁸⁷ Правда. 13 августа 1940 г.; *Romanie. A Historie perspective*. New York. 1988. P. 326–328; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 127; Валева Л.Б. Указ. соч. С. 154–157; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 376–382.
- ¹⁰⁸⁸ ADAP. Bd. 10. S. 47–48; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 111, прим. 123; Пушкаш А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 107; Желицки Б.Й. Втягивание Венгрии в орбиту германской политики и позиция венгерских политических сил (1939–1940 гг.)//Международные отношения и страны Центральной и Юго–Восточной Европы в начале Второй мировой войны. С. 87.
- ¹⁰⁸⁹ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 415–417; Пушкаш А.И. Венгрия и ее балканские соседи//Международные отношения и страны Центральной и Юго–Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941). М., 1992. С. 78–81.
- ¹⁰⁹⁰ ADAP. Bd. 10. S. 456–458; Пушкаш А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. С. 107–111; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 127–128; Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 75–86; Покивайлова Т.А. К истории второго Венского арбитража//Международные отношения и страны Центральной и Юго–Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. С. 64–65; Желицки Б.Й. Указ. соч. С. 87–89; Пушкаш А.И. Венгрия и ее

- балканские соседи. С. 72–78; Зефилов М.В. Асы Второй мировой войны: Союзники люфтваффе: Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия, Словакия, Испания. М., 2002. С. 32.
- ¹⁰⁹¹ ADAP. Bd. 10. S. 458; Шевяков А.А. Указ. соч. С. 93; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 295.
- ¹⁰⁹² ADAP. Bd. 10. S. 471–478, 479–484; Пушкаш А.И. Венгрия и ее балканские соседи. С. 81–83; Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 65–70; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 127–130; Пушкаш А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. С. 111–117; Лебедев Н.И. Указ. соч. С. 293–301; Желички Б.Й. Указ. соч. С. 90–92; *Romanie. A Historie perspective*. New York. 1988. P. 326–328; Левит И.Э. Указ. соч. С. 94–101; Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 86–87; Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Венгеро–румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 – июнь 1941 года//*Война и политика, 1939–1941*. М., 1999. С. 456–471; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным*. С. 297–332.
- ¹⁰⁹³ *Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941*. С. 438–464.
- ¹⁰⁹⁴ Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 135 прим. 76, 137; ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 541–542; *Советско–румынские отношения*. Т. 2. С. 369–371, 374–377.
- ¹⁰⁹⁵ *Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941*. С. 464–477.
- ¹⁰⁹⁶ *Правда*. 9 сентября 1940 г.; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 130–131; Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁰⁹⁷ *Коминтерн и Вторая мировая война*. Ч. 1. С. 411–419.
- ¹⁰⁹⁸ Там же. С. 426–427.
- ¹⁰⁹⁹ *Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии*. С. 375–376; ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 589–590; *Советско–румынские отношения*. Т. 2. С. 371, 373.
- ¹¹⁰⁰ *Советско–румынские отношения*. Т. 2. С. 358–359; Новиков Н.В. *Воспоминания дипломата: Записки, 1938–1947*. М., 1989. С. 43–44.
- ¹¹⁰¹ ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. С. 575–576, 638–639; *Советско–румынские отношения*. Т. 2. С. 360–363, 464, 467–469, 472–473, 474–475, 488–490, 492–493.
- ¹¹⁰² Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 180–181; *Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941*. С. 478–492, 755–756.
- ¹¹⁰³ ADAP. Baden–Baden. 1964. Bd. 11. S. 19–20, 21–22, 108–110, 116–117.
- ¹¹⁰⁴ *Внешняя политика СССР*. Т. 4. С. 544; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 147–148; Левит И.Э. Указ. соч. С. 113–122.
- ¹¹⁰⁵ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 546–547, 583–584, 618–621; СССР – Германия 1939–1941. Т. 2. С. 87; 1941 год. *Документы*. Кн. 2. М., 1998. С. 307–308; ADAP. Bd. 11. S. 8.
- ¹¹⁰⁶ *Дневники Йозефа Геббельса. 1940–1941 гг.*//*Новая и новейшая история*. 1995. № 3. С. 196.
- ¹¹⁰⁷ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 592; ADAP. Bd. 11. S. 56, 58–59; Колкер Б.М. Из истории румынско–советских отношений в конце 1940 года//*Русско–румынские и советско–румынские отношения*. Сб. ст. и сообщений. Кишинев. 1969. С. 111–113.
- ¹¹⁰⁸ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 606; ADAP. Bd. 11. S. 63–64.
- ¹¹⁰⁹ ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 680–681, 695–697; ADAP. Bd. 11. S. 244–246, 270, 285.
- ¹¹¹⁰ *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 162. Д. 29. Л. 141, 198–199.
- ¹¹¹¹ Чемпалов И.Н. Итало–германская агрессия на Балканах в конце 1940 г.//*Уральский государственный университет. Ученые записки*. Т. 63. Серия историческая. Вып. 6. *Международные отношения в новейшее время*. Свердловск. 1968. С. 158–163, 178–180; Чемпалов И.Н. Гитлеровская агрессия на Балканах осенью 1940 г. (сентябрь–октябрь)//*Уральский государственный университет. Ученые записки*. № 46. Серия историческая № 3. *Международные отношения в новейшее время*. Ч. 2. Свердловск. 1966. С. 101–105; Ожиганов Н.И. Установление германского контроля над дунайским судоходством (апрель–декабрь 1940 г.)//*Уральский государственный университет. Ученые записки*. № 46. Серия историческая № 3. *Международные отношения в новейшее время*. Ч. 2. С. 148–169; Колкер Б.М. Указ. соч. С. 117–122; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 151–154, 164–165; Новиков Н.В. Указ. соч. С. 49–68; *Советско–румынские отношения*. Т. 2. С. 397–399; ADAP. Bd. 11. S. 359–360, 388–389, 390–391, 396–397, 398, 430–431, 544, 658, 699–700, 734–736, 737.
- ¹¹¹² *Новая и новейшая история*. 1995. № 4. С. 77–78; ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 31.
- ¹¹¹³ *Новая и новейшая история*. 1993. № 5. С. 86; ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 69–70.
- ¹¹¹⁴ ADAP. Bd. 11. S. 548–560, 569–577.
- ¹¹¹⁵ Чемпалов И.Н. Указ. соч. С. 168–178; Лазарев А.М. Указ. соч. С. 827.
- ¹¹¹⁶ Лебедев Н.И. *Румыния в годы второй мировой войны. (Внешнеполитическая и внутривнутриполитическая история Румынии в 1938–1945 гг.)*. М., 1961. С. 110.
- ¹¹¹⁷ Раваш Г. Указ. соч. С. 158, 165, 168–169, 183, 184; Карягин И.Д. *Нефтяная промышленность Румынии и экономические проблемы ее развития в условиях народно–демократического строя*. М., 1958. С. 77, 110.
- ¹¹¹⁸ ADAP. Bd. 11. S. 905–911, 924–926; Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 178–179; Левит И.Э. Указ. соч. С. 122, прим. 171.
- ¹¹¹⁹ Чемпалов И.Н. *Завершение оккупации Румынии немецко–фашистскими войсками (январь–март 1941 г.)*//*Уральский государственный университет. Ученые записки*. Т. 63. Серия историческая. Вып. 6. *Международные отношения в новейшее время*. Свердловск. 1968. С. 235–237.
- ¹¹²⁰ *Коминтерн и Вторая мировая война*. Ч. 1. С. 520–521.
- ¹¹²¹ Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 184–185; Левит С.Э. *Захватнические планы буржуазно–помещичьей Румынии накануне второй мировой войны*//*Институт истории языка и литературы. Ученые записки*. Т. 6. Серия историческая. Кишинев. 1957. С. 205–234.
- ¹¹²² Вишнев О.В. *Почему медлил И.В. Сталин в 1941 году?*//*Новая и новейшая история*. 1992. № 1. С. 96; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным*. С. 471–472.
- ¹¹²³ Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. С. 189–192.
- ¹¹²⁴ *Советско–румынские отношения*. Т. 2. С. 503–517
- ¹¹²⁵ Дольник А. Указ. соч. С. 171.
- ¹¹²⁶ Цит. по: Лазарев А.М. Указ. соч. С. 823.